

Антон Викторович Посадский
Зеленое движение в Гражданской войне в России.
Крестьянский фронт между красными и белыми. 1918–1922
гг.

Новейшие исследования по истории России – 7

НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РОССИИ

А.В. ПОСАДСКИЙ

ЗЕЛЕНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В РОССИИ

Крестьянский фронт между красными
и белыми. 1918—1922 гг.

Выпуск 7

ЦЕНТРОЛИГРАФ®

«Зеленое движение в Гражданской войне в России. Крестьянский фронт между красными и белыми. 1918–1922 гг. / Посадский А.В.» : Центрполиграф; Москва; 2018

Аннотация

Книга доктора исторических наук, специалиста по истории Гражданской войны в России А.В. Посадского посвящена массовому крестьянскому вооруженному движению в 1918 – 1922 гг. Оно получило название «зеленого» и представляло собой самооборону крестьян против вторжений в их жизнь и быт различных участников Гражданской войны, форму вооруженной борьбы деревни за свои интересы. В изменчивых обстоятельствах Гражданской войны зеленое движение могло превращаться в красно-зеленое и бело-зеленое. Однако главная его сила заключалась в массовости. Грандиозная «зеленая» волна мая – августа 1919 г. в русских губерниях продемонстрировала отношение деревни к коммунистам, разверстке, мобилизациям. Слабоструктурированный крестьянский протест хотя и не имел шансов на военную победу, однако представлял собой форму самостоятельного крестьянского участия в Гражданской войне. Автор на большом архивном и мемуарном материале показывает отношение к зеленым белого и красного лагерей, сторонних наблюдателей, уделяет внимание образу зеленых в пропаганде и литературе. В работе проанализирована взаимосвязь зеленого движения с миллионным потоком дезертиров из РККА и белых армий.

Антон Посадский **Зеленое движение в Гражданской войне в России.** **Крестьянский фронт между красными и белыми. 1918–1922** **гг**

Новейшие исследования по истории России

Серия «Новейшие исследования по истории России» основана в 2016 г.
Оформление художника Е.Ю. Шурлаповой

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 16-41-93579)

Введение¹

Революция и междоусобная брань всегда очень цветисты, во всех смыслах слова. Яркая лексика, агрессивный жаргон, выразительные названия и самоназвания, настоящее пиршество лозунгов, знамен, речей и транспарантов. Достаточно вспомнить названия частей, например в американской гражданской войне. У южан были «убийцы Линкольна», всевозможные «бульдоги», «молотильщики», «желтые куртки» и проч., у северян – грандиозно-зловещий анаконда-план. Гражданская война в России никак не могла стать исключением, тем более что в стране, только подступавшей ко всеобщему школьному обучению, визуальное восприятие и маркирование значили много. Недаром романтики мировой революции так много ждали от кинематографа. Невероятно выразительный и всем понятный язык найден! Звук еще раз убил агрессивно-революционную мечту: фильмы заговорили на разных языках, диалог сменил неотразимую силу живого плаката.

Уже в революционные месяцы 1917 г. знамена ударных частей и частей смерти дали столь выразительный материал, что по ним успешно защищена интересная кандидатская

¹ Монография подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 16–41 –93579. Автор выражает признательность Ф.А. Гушину (Москва) за возможность ознакомиться с рядом мемуарных материалов.

диссертация¹. Случалось, что яркое знамя имела часть с самой скромной реальной боевой численностью.

Осень 1917 г. окончательно определила названия главных действующих лиц – красных и белых. Красной гвардии, а вскоре и армии противостояли белые – белогвардейцы. Само наименование «Белая гвардия», считается, принял один из отрядов в московских боях конца октября – начала ноября. Хотя логика развития революции подсказывала ответ и без этого почина. Красный издавна был цветом бунта, революции, баррикады. Белый – цвет порядка, законности, чистоты. Хотя история революций знает и иные сочетания. Во Франции сражались белые и синие, под таким названием вышел один из романов А. Дюма из его революционной серии. Синие полубригады стали символом победоносной молодой революционной французской армии.

В картину разворачивавшейся Гражданской войны в России наряду с «основными» цветами вплетались и иные. Черной гвардией именовали себя анархистские отряды. Тысячи черногвардейцев сражались на южном направлении в 1918 г., весьма настороженно относясь к своим красным сотоварищам. Вплоть до схваток начала 1930-х появлялось самоназвание повстанцев «черные партизаны». В Оренбуржье известна даже Голубая армия среди многих повстанческих антибольшевистских формирований. «Цветными», едва ли не официально, будут именоваться наиболее сплоченные и боеспособные белые части на Юге – знаменитые корниловцы, алексеевцы, марковцы и дроздовцы. Такое название они получили по цвету погон.

Цветовые маркировки активно использовали и в пропаганде. В листовке штаба воссозданного Северо-Кавказского военного округа весной 1920 г. выделялись «бандиты «желтые» – это сыны обиженных кулаков, эсеров и меньшевиков, батьки, махновцы, маслаки, антоновцы и прочие соратники и прихлебатели буржуазной контрреволюции», бандиты «черные», «белые», «коричневые»².

Однако наиболее известным третьим цветом в Гражданской войне остался зеленый. Зеленые стали весомой силой на некоторых этапах Гражданской войны. В зависимости от склонности конкретных зеленых формирований поддержать ту или иную «официальную» сторону появлялись бело-зеленые или красно-зеленые. Хотя эти обозначения могли фиксировать лишь временную, сиюминутную тактическую линию или же поведение, продиктованное обстоятельствами, а не четкую политическую позицию.

Гражданская война в большой стране неизменно создает неких главных субъектов противостояния и значительное количество промежуточных или периферийных сил. Например, Гражданская война в США втянула в свою орбиту индейское население, появились индейские формирования как на стороне северян, так и на стороне южан; были штаты, державшие нейтралитет. Много красок обозначилось и в гражданских войнах, например, в многонациональной Испании в XIX и XX вв. В Гражданской войне в России основные субъекты противостояния кристаллизовались довольно быстро. Однако внутри белого и красного лагерей нередко были весьма серьезные противоречия, даже не столько политического характера, сколько на уровне политических эмоций. Красные партизаны не терпели комиссаров, белые казаки не доверяли офицерству и т. п. Кроме того, на национальных окраинах с большим или меньшим успехом структурировались новые государственные образования, стремившиеся в первую очередь обзавестись собственной вооруженной силой. Все это делало общую картину борьбы чрезвычайно пестрой и динамично менявшейся. Наконец, воюют всегда активные меньшинства, они поднимают за собой более широкие массы сограждан. В крестьянской (и обвалено заново окрестьянившейся в 1917–1920 гг. за счет земельного передела и стремительной деиндустриализации) России главным действующим лицом в сколько-нибудь продолжительной борьбе оказывался мужик. Поэтому крестьянин в армиях противоборствующих сторон, в повстанцах, в дезертирах – в любых состояниях, созданных масштабной внутренней войной – уже одной своей массовостью являл величину весьма значительную. Зеленые и стали одной из форм крестьянского участия в событиях

Гражданской войны.

Зеленые имели очевидных предшественников. Крестьянин всегда страдает от войны, втягивается в нее зачастую по необходимости, – или неся повинность в пользу государства, или же защищая свой очаг. Если решиться на неблизкие аналогии, то можно вспомнить, как из необходимости самозащиты и оформившегося национального чувства выросли военные успехи французов во время Столетней войны в 1360 – 1370-х гг. и в эпоху Жанны д'Арк, успехи и новации в военном искусстве голландских гезов в конце XVI столетия с «передачей» их через шведов русским ополчениям Смутного времени во главе с М. Скопиным-Шуйским. Однако эпоха Нового времени уже слишком далеко развела боевые возможности регулярной армии и любых импровизированных повстанческих формирований. Наверное, наиболее ярко эту ситуацию продемонстрировала эпопея клобменов – «дубинщиков» – в годы гражданских войн в Англии в XVII столетии.

Роялисты-кавалеры сражались с парламентскими армиями. Борьба велась с переменным успехом. Однако любая внутренняя война прежде всего бьет по невоюющим низам. Невоздержанные армии обеих сторон тяжелым бременем легли на крестьянское население. В ответ и поднялись дубинщики. Движение не было повсеместным. Оно локализовалось в нескольких графствах. В отечественной литературе наиболее подробным изложением этой эпопеи остается давнее сочинение профессора С.И. Архангельского.

Активность клобменов является одним из этапов развития крестьянского движения в Англии в годы гражданских войн XVII в. Пик развития этого самооборонческого движения пришелся на весну – осень 1645 г., хотя свидетельства о местных вооруженных формированиях известны почти с начала военных действий, равно как и позднее, за пределами 1645 г.

Показательны взаимоотношения вооружившихся мужиков и главных действующих сил междоусобицы – кавалеров и сторонников парламента. Выделим некоторые сюжеты, интересные для нашей темы.

Клобмены – это главным образом сельские жители, организовавшиеся для противодействия грабежам и принуждения противоборствующих сторон к миру.

Клобмены имели свою территорию – это прежде всего графства Юго-Западной Англии и Уэльс. Данные территории в основном стояли за короля. При этом движение распространялось и за пределы базовой территории, охватывая, на пике развития, более четверти территории Англии. Клобмены как бы «не замечали» Гражданской войны, выражая готовность кормить любые гарнизоны, с тем чтобы те не бесчинствовали, выражая в петициях благоговение перед королевской властью и уважение к парламенту. При этом бесчинства войск вызывали отпор, и иногда достаточно эффективный. Рядовые клобмены были в основном сельскими жителями, хотя в их руководстве обнаруживаются и дворяне, и священники, и значительное число горожан. В разных графствах были разные настроения и мотивации к участию в клобменском движении. Это объясняется различием социально-экономического положения. От войны страдали все, но патриархальный Уэльс и экономически развитые, кормившиеся шерстяным промыслом английские графства дают разную картину.

В 1645 г. клобменов было порядка 50 тысяч человек. Эта численность превышала королевские вооруженные силы – около 40 тысяч, и немногим уступала парламентским (60–70 тысяч).

Интересно, что и король, и парламент пытались привлечь клобменов на свою сторону. Прежде всего звучали обещания обуздать грабительские наклонности войск. При этом обе стороны стремились разрушить клобменскую организацию. И кавалер лорд Горинг, и парламентский военачальник Ферфакс равно запрещали клобменские собрания. Видимо, понимание того, что клобмены, в дальнейшем развитии, способны вырасти в некую третью силу, существовало и на стороне короля, и на стороне парламента, и вызывало противодействие. И тем и другим нужен был ресурс, а не союзник со своими собственными интересами.

Считается, что к концу 1645 г. движение клобменов было в основном ликвидировано усилиями парламентских войск под командованием Ферфакса. В то же время многотысячные организации, даже сравнительно слабо структурированные, не могли исчезнуть в одночасье. Действительно, уже весной 1649 г., на новом этапе массового движения, зафиксирован случай прихода внушительного отряда клобменов из графства Сомерсет на помощь левеллерам³.

При всей рискованности аналогий через три столетия, отметим сами сюжеты, сходные в гражданских войнах в Англии и России. Во-первых, низовое массовое движение склонно к известной самостоятельности, хотя вполне готово прислушаться к обеим «главным» сторонам борьбы. Во-вторых, оно территориально локализовано, хотя имеет тенденцию к расширению на соседние территории. В-третьих, в мотивах превалируют местные интересы, прежде всего задачи самозащиты от разорения и бесчинств. В-четвертых, именно реальная или потенциальная самостоятельность повстанческого движения вызывает беспокойство главных действующих сил гражданской войны и стремление ликвидировать его или встроить в свои вооруженные структуры.

Наконец, русская Гражданская война разворачивалась тогда, когда догорала большая междоусобица с активным крестьянским участием на другом континенте – в Мексике. Сравнительное изучение гражданской войны в американской стране и в России имеет очевидные научные перспективы. В самом деле, деятельность крестьянских армий Сапаты и Вильи дает богатый и живописный материал к изучению восставшего крестьянства. Однако для нас важнее то, что данная аналогия была видна уже современникам. Известный публицист В. Ветлугин в 1919 г. писал про «мексиканскую Украину» в белой прессе, образ Мексики возникает и в его книге очерков «Авантюристы Гражданской войны», вышедшей в 1921 г. Степные удалцы, которые беспощадно грабили железные дороги на Юге, вполне закономерно вызывали подобные ассоциации. Правда, в «зеленых» местностях «Мексики» бывало сравнительно мало, это более принадлежность степной атаманщины.

Для обозначения повстанчества и антибольшевистской повстанческой борьбы в РСФСР уже с 1919 г. появился термин «политический бандитизм», прочно и надолго вошедший в историографию. При этом главным субъектом этого бандитизма являлось кулачество. Данный оценочный стандарт распространялся и на ситуации других гражданских войн, в результате которых к власти приходили коммунисты. Так, изданная в 1951 г. в СССР книга по истории Китая сообщала, что в КНР в 1949 г. еще оставался миллион «гоминьдановских бандитов». Но уже к первой годовщине республики численность «бандитов» сократилась до 200 тысяч⁴. В перестроечные годы этот сюжет вызвал полемику: «повстанцы» или «бандиты»? Склонность к тому или иному обозначению определяла исследовательскую и гражданскую позицию писавшего.

«Большая» гражданская война не вызывала столь пристального внимания у аналитиков русского зарубежья, как начальный добровольческий период. Это ясно видно на примере известных трудов Н.Н. Головина и А.А. Зайцова. Соответственно, и зеленое движение не оказывалось в фокусе внимания. Показательно, что позднесоветская книга о красных партизанах вообще никак не касается зеленого движения, даже красно-зеленого. При этом, например, в белорусских губерниях показано максимально большое количество, вряд ли соответствующее действительности, партизан коммунистической направленности⁵. В недавней фундаментальной попытке представить некоммунистический взгляд на российскую историю⁶ специально зеленое движение также не выделено.

Зеленое движение иногда трактуется максимально широко, как всякая вооруженная борьба в рамках Гражданской войны за пределами белых, красных и национальных формирований. Так, А.А. Штырбул пишет о «широком и многочисленном, хотя и разрозненном, всероссийском партизанско-повстанческом движении зеленых». Он обращает внимание на то, что в этом движении значительную роль играли анархисты, а также на то, что для большинства представителей этой среды белые были «более неприемлемы», чем красные. В пример приводится Н. Махно⁷. Р.В. Даниэле предпринял попытку дать

сравнительный анализ гражданских войн и их динамики. По его мнению, российское революционное крестьянство, отчужденное политикой продразверстки, «стало во многих частях страны свободной политической силой», выступая против белых и против красных, а наиболее драматично это положение проявилось в «движении «зеленых» Нестора Махно на Украине»⁸. М.А. Дробов рассматривает военные аспекты партизанства и малой войны. Он подробно разбирает красное повстанчество Гражданской войны. Зеленые для него – прежде всего сила антибелогвардейская. «Среди «зеленых» необходимо различать шайки бандитствующих, шкурников, разные типы уголовной шпаны, не имевшие никакого отношения к повстанчеству, и группы крестьянской бедноты и рабочих, рассеянных белыми и интервентами. Именно эти последние элементы... не имея никаких связей ни с Красной армией, ни с партийной организацией, самостоятельно организовывали отряды с целью нанесения вреда белым при каждом удобном случае»⁹. М. Френкин пишет об операциях зеленых в Сызранском и других уездах Симбирской губернии, в ряде уездов Нижегородской и Смоленской, в Казанской и Рязанской губерниях, скоплениях зеленых в Белоруссии с ее обширными лесными и болотистыми пространствами¹⁰. При этом название «зеленые» для, например, казанских или симбирских краев нехарактерно. Расширенное понимание зеленого движения присуще и исторической публицистике¹¹.

Большую роль в изучении крестьянского участия в Гражданской войне сыграла Т.В. Осипова. Она одной из первых подняла тему субъектности крестьянства в междоусобной войне¹². В последующих работах этого автора¹³ развернута картина крестьянского участия в революционных и военных событиях 1917–1920 гг. Т.В. Осипова акцентировала внимание на том, что в западной литературе не замечено протестное движение великорусского крестьянства, а оно было, и было массовым.

Известный очерк крестьянских восстаний М. Френкина касается, естественно, и темы зеленых. Он вполне правильно оценивает зеленое движение как появляющуюся в 1919 г. специфическую форму крестьянской борьбы, то есть как некую новацию в крестьянской схватке с властью. С этим движением он связывает активную деятельность крестьян по уничтожению советских хозяйств во время рейда Мамонтова¹⁴. М. Френкин прав с точки зрения общей логики крестьянской борьбы. В то же время следует осторожно принимать его оценочные суждения о неизменной многотысячнойTM зеленых. Иногда в этом вопросе сознательные искажения порождали целую традицию некорректного восприятия. Так, Е.Г. Ренев показал, что опубликованные в Зарубежье воспоминания полковника Федичкина об Ижевско-Боткинском восстании подверглись в редакции издания серьезной правке с намеренным искажением содержания. В результате вместо крестьянских отрядов по сто человек, которые поддержали в Вятской губернии рабочее восстание, в публикации появились десятитысячные отряды¹⁵. М. Бернштам же в своем труде исходил из опубликованной версии и подсчитывал активных бойцов на стороне восставших, доходя до четверти миллиона человек¹⁶. С другой стороны, небольшой активный отряд мог успешно действовать при тотальной поддержке и солидарности местного населения, иногда достаточно внушительной окружи. Поэтому при подсчетах повстанческих, слабовооруженных и слабоорганизованных (в военном смысле слова) сил может оказаться уместным оценивать не только число сражающихся, но и общую численность населения, вовлеченного в восстание или иное протестное движение.

В 2002 г. были защищены две диссертации по военнополитической активности крестьянства в Гражданской войне, специально затрагивавшие проблематику зеленого движения. Это работы В.Л. Телицына и П.А. Аптекаря¹⁷. Каждая из них содержит отдельный сюжет, посвященный «зеленовщине» 1919 г.¹⁸ Авторы эти сюжеты опубликовали¹⁹. П. Аптекарь дает общий очерк зеленых восстаний, В. Телицын активно использовал тверской материал.

Зеленое движение в последние два с половиной десятилетия активно изучается в регионах. Некоторые сюжеты хорошо разработаны с использованием местных фондов советских учреждений, архивно-следственных дел. С. Хламов исследует историю наиболее

организованных владимирских зеленых, действовавших в Юрьевском (Юрьев-Польском) уезде. С.В. Завьялова изучает костромскую зеленцовщину в Варнавинском и Ветлужском уездах, в том числе Уренском крае, как составную часть повстанчества в этих краях, начавшегося летом 1918 г.²⁰ А.Ю. Данилов предлагает подробную картину выступлений ярославских зеленых, прежде всего в Даниловском и Любимском, а также Пошехонском уездах²¹. В Ярославской области активно и успешно изучается деятельность правоохранительной и карательной системы, в том числе в раннесоветский период²². Ведомственная историография ставит важные вопросы, например о мотивах жестокости при подавлении зеленого движения. М. Лапшина детально прояснила ряд сюжетов костромской зеленцовщины²³. По тверским выступлениям как 1918, так и 1919 гг. в последние годы продуктивно работает К.И. Соколов²⁴. Крупнейшее зеленое восстание в Спас-Есеновичах вызвало подробный реконструктивный разбор вышневолоцкого краеведа Е.И. Ступкина²⁵. Рязанские авторы сформировали достаточно подробную картину так называемый огольцовщины – борьбы активной повстанческой группы в Рижском уезде. Во главе ее были последовательно разные люди, наиболее известной фигурой из них является Огольцов, собственно и поднявший довольно массовое зеленое движение в нескольких волостях, а наиболее интересной – С. Никушин. По этой теме активно работает Г.К. Гольцева²⁶. С.В. Яров предложил типологизацию восстаний 1918–1919 гг. на материалах Северо-Запада России²⁷. По Псковщине в 1919 г. активно работает молодой исследователь М.В. Васильев²⁸. Прихоперскую зеленцовщину изучает балашовский исследователь А.О. Булгаков, проводящий, в частности, полевые поисковые исследования²⁹, объемное исследование по этому региону выпустил автор настоящей книги³⁰. Северный материал в значительном числе трудов отработали В.А. Саблин, Т.И. Трошина, М.В. Таскаев и другие исследователи³¹. Калужский краевед К.М. Афанасьев выстроил документальную летопись губернской жизни за годы военного коммунизма, коснувшись, естественно, тематики дезертирства и сопутствующих ей³². Значительный массив материалов по повстанческому, в том числе зеленому, движению в годы Гражданской войны опубликован в серии сборников под нашей редакцией³³.

В то же время некоторые сюжеты остаются в тени из-за отсутствия профессиональных исследовательских «рук».

Так, мало исследована жигаловщина – крупное движение, поднятое в 1918 г. в Пореченском (по-советски Демидовском) уезде Смоленской губернии, имевшее длительную историю. У истоков повстанческого движения стояли три брата Жигаловых (Жегаловых). Остается в тени активное зеленое движение в Новгородской губернии.

Наиболее известно зеленое движение как более или менее отразившаяся позиция «третьей силы» в Черноморской губернии. По этому сюжету есть советские мемуары, много упоминаний в мемуаристике белой стороны. Эпопея, что редкость для повстанческих сюжетов, описана одним из инициаторов дела гвардейским офицером Вороновичем, издавшим книгу документов по теме³⁴. В современной историографии следует выделить комплексное исследование, проведенное сочинским исследователем А.А. Черкасовым³⁵, и работу Н.Д. Карпова³⁶.

Белорусские атаманы национальной направленности имеют свою долю внимания в белорусской историографии, прежде всего следует назвать имена Н. Стужинской и В. Ляховского.

Изучение зеленого движения никак не назвать в числе приоритетных тем западной историографии русской Гражданской войны. Однако есть интересная работа, напрямую посвященная данному сюжету. Это статья Э. Ландиса³⁷, автора англоязычной монографии «Бандиты и партизаны», посвященной Тамбовскому восстанию 1920–1921 гг. Ландис рассуждает, используя понятие «коллективной идентичности», и верно сопрягает зеленое движение с мобилизациями и дезертирством. Он правильно указывает, что зеленая армия – собирательное наименование.

Революция приходит из столицы. В русском рисунке революционного процесса это так.

Китай позднее продемонстрирует другой вариант – выход революции из сельских «освобожденных районов» в города. Но для русской провинции революция пришла «по телеграфу». Ее многие ждали, часто восторженно или с большими надеждами встречали. Сам факт ведомости провинции по отношению к столице и сельской местности по отношению к ближайшим городским центрам задавал на будущее алгоритм взаимного восприятия и взаимодействия. Владеющий городом, газетой, прессой, железной дорогой владел «большим миром». Мир сельский, местный, мог только обособливаться, закрываться, выстраивать некую обособленную жизнь по отношению к ставшему враждебным или непонятным «большому» миру.

1919 г. прошел под знаком «зеленого» повстанчества в центрально-промышленных, северных, отчасти черноземных, поволжских губерниях. Наименование «зеленые» прочно вошло в словарь тех лет. Слово «зеленые» стало и самоназванием, и названием. Оно активно используется в официальной переписке и белых, и красных, присутствует в мемуаристике. Метафорическое название «зеленые» рождало новые вариации: лесные, кустарные, житомирские (от слова «жито») «полки», «батальоны», «дивизии». В Зауралье, например, бытовало название «кустарники» для антиколчаковских партизан. На Юге использовалось наименование «камышанники» или «камышатники» для повстанцев, укрывавшихся в азовских или днепровских плавнях. Там же бытовало название «зеленчуки». В промышленных губерниях часто говорили о зеленых, зеленоармейцах, зеленой армии или гвардии. В 1919 г. в Саратовской губернии родился следующий документ – воззвание к противникам советской власти со стороны Ивановской лесной дивизии (!). Документ подписан председателем, секретарем и адъютантом дивизии. В нем объявляется о внушительной численности «дивизии» (два полка прежнего времени, батарея и т. д.), «прекрасных» и «великолепных» блиндажах и хозяйственной части. Авторы объявляли, что их делегаты отправились на Урал и Дон и в середине июня должны вернуться со сведениями от «братьев-казаков». «Товарищи дезертиры кустарных батальонов и полков» приглашались в состав «дивизии», авторы убеждали их «не даваться отрядам» (по борьбе с дезертирством). Лозунг предлагался обтекаемо-антимобилизационный – «долой Советы и войну, да здравствует Учредительное собрание!»³⁸. Дальнейших следов этой «дивизии» в собственно военных событиях на территории губернии не обнаруживается.

Дезертиры тоже дали целый букет наименований: «бегуны» или «бегупцы», «летчики» или «перелетчики» («Летишь?» – могли понимающе спросить встречного парня с котомкой за плечами) и т. п. Наконец, само определение «дезертир» стало вполне обыденным. Дезертирство из Красной и Белой армий не воспринималось как нечто предосудительное. Иначе невозможны были бы формулировки типа «товарищи дезертиры», которые встречаются в воззваниях зеленых. При массовом характере дезертирство стало известной социальной ролью и политической позицией, несмотря на усиленное пропагандистское шельмование этой позиции и белыми, и красными.

Крестьянское движение в 1918–1921 гг. может быть оценено с учетом достижений историографии по предшествующему периоду крестьянской активности, который надежнее обеспечен источниками. Характер крестьянского движения в Черноземье в 1905–1907 гг. подробно исследован В.А. Степяминым³⁹, материал по 1907–1914 гг. систематизирован М. Егоровым⁴⁰. Их исследования позволяют сделать следующие наблюдения. Массовость участия крестьян делала затруднительным подсчет числа выступлений и их участников. Характерной чертой движения была неравномерность. Каждая губерния демонстрировала разную интенсивность движения, с пиками в разное время. Подъемы могли быть связаны с примером соседей, возвращением отходников, влиянием рабочих железнодорожных мастерских или иных предприятий, близко соседствующих с крестьянским населением. Крупные поместья провоцировали большую активность крестьян.

Как правило, в активно выступавших в тот или иной месяц уездах в последующее время выступлений было мало или вовсе не было. В большинстве случаев селение выступало один раз. Наибольшую ненависть вызывали не капиталистические, а кабальные,

«феодалные» способы эксплуатации.

Проблема учета и классификации крестьянских выступлений существовала всегда и породила ряд методик. Наиболее адекватным является учет числа участников и охваченных движением сел. В «Хрониках» крестьянского движения в XIX столетии, по предложению Н.М. Дружинина, учет начинается с выступлений с числом участников не менее 10 человек. Н.Н. Лещенко разделял групповые (5 – 15 участников) и массовые (свыше 15) выступления⁴¹. Не раз становился предметом обсуждения в советской историографии вопрос о численности активных повстанцев в годы Гражданской войны. Так, Ю. ГЦетинов выявил, что доля участников вооруженной борьбы с советской властью в активных повстанческих районах составляла всего 2–5 % от численности мужского населения. Но, во-первых, этот автор подтверждает наблюдения еще 1920-х гг. о крайней неравномерности участия крестьян в повстанчестве, во-вторых, даже столь «ничтожный» процент участия создавал мощные устойчивые центры сопротивления, что вызывает к адекватным объяснениям⁴². Действительно, подробный статистический региональный анализ крестьянского движения позволяет констатировать крайнюю неравномерность выступлений – и временную, и территориальную. При этом надежно определить причины тех или иных различий в крестьянском движении по регионам часто оказывается невозможно⁴³. Хорошо документированное крестьянское движение в пореформенный период зачастую демонстрировало крайнюю неравномерность в своем развитии даже в рамках одной губернии. Так, за 1902–1904 гг. в Воронежской губернии из двенадцати уездов в трех волнениях не зафиксировано, в пяти произошло по одному, в остальных четырех движение было более интенсивным. При этом в Воронежском уезде с весны 1902 по весну 1903 г. довольно многочисленные волнения сосредоточились в пределах одной Орловской волости, в Бирюченском уезде также был ряд центров неоднократных волнений – Верхнелубянская, Веселовская, Палатовская волости, из которых был большой отход на шахты⁴⁴. Очень интересно наблюдение, сделанное на материалах революции 1905–1907 гг., о феномене усталости: большинство сел, участвовавших в движении, выступало единожды. Очевидно, выступление было для крестьян действием весьма затратным, к тому же влекущим репрессивные акты властей⁴⁵. Поэтому проблема согласования крестьянского движения во многом ресурсная, а не организационная. О. Буховец выяснил, на материалах белорусской деревни за 1907–1914 гг., крайне слабую зависимость между крестьянским движением и агитационными усилиями революционных партий⁴⁶. В то же время С.В. Лурье отмечала громадную востребованность революционной литературы тогда, когда крестьянское движение само «доросло» до значительных масштабов и необходимости координации усилий⁴⁷. Данные характеристики можно увидеть и в массовых выступлениях периода 1917–1922 гг.

Вопрос о крестьянском восстании 1917 г. следует признать дискуссионным⁴⁸. Однако при гигантском многообразии условий и обстоятельств крестьянской жизни в России можно точно указать отправной пункт крестьянского восстания (крестьянской войны) 1917 г. Это конфликт 7 сентября 1917 г. в Сычевке Ярославской волости Козловского уезда. За неделю восстание охватило четырнадцать волостей уезда, было разгромлено пятьдесят четыре имения. Треть пострадавших была собственниками из крестьян⁴⁹. Движение стало распространяться на соседнюю Саратовскую губернию. При этом основным мотивом служила неопределенная политика власти, которая создавала опасение, что крестьяне земли не получат⁵⁰. Б.Т. Корнюшин также высказал убеждение, что именно отсутствие «верного» правительства, стремление любой ценой сделать необратимым конец войны как предпосылку для земельного передела (возврат домохозяев) вызывали крестьянские земельные захваты и беспорядки⁵¹. С развитием революционного процесса крестьяне вынуждены были вырабатывать свое представление о происходящем, новые формы самоорганизации в быстро менявшихся обстоятельствах.

Отслеживание крестьянских настроений и ведение статистики активности в низах начинаются рано. Уже в 1918 г. этим занимаются и ВЧК, и политотделы РВС армий и

фронтов РККА, и партийные инстанции большевиков, и белые разведывательные и контрразведывательные структуры. Значительные массивы этой информации введены в научный оборот, в том числе опубликованы⁵². При этом следует иметь в виду, что рубрикация настроений, которую исследователь обнаруживает в такого рода документах, нуждается в деконструкции, в учете контекста и принятого языка нового делопроизводства. Например, в политотделе 6-й красной армии составили таблицу настроений деревни из семи градаций, среди которых обнаруживаем настроения «переломное в сторону революции» или «тревожно-колеблющееся»⁵³. Без дополнительных разъяснений понять, в чем же выражается в каждом конкретном случае так обозначенное настроение, затруднительно.

Уже ранние чекистские и партийные сводки содержали классификацию настроений, массовых выступлений. Например, волость могла быть определена как «злостно-бандитская». Массовые и вооруженные выступления могли классифицироваться так: «на почве мобилизации», «на продовольственной почве» и т. п. Разумно предполагать соединение различных мотивов, как сиюминутных, вызванных конкретным вторжением в жизнь села, так и долгодействующих. Поэтому классификации выступлений во многих случаях представляют собой скорее оценку наиболее очевидного повода, а не причины выступления.

Таким образом, источники по истории зеленого движения многообразны и многочисленны. В то же время попытка составить подробный очерк зеленого движения в масштабах всей страны неизбежно поставит исследователя перед необходимостью обрабатывать гигантский объем материалов с весьма скромным исследовательским результатом. Как только зеленые проявляли заметную активность, они неизбежно попадали в поле зрения различных инстанций белых и красных. Зеленые восстания были, как правило, слабо структурированы, но они описывались военными, чекистскими, разведывательными, продовольственными и прочими инстанциями Советской России, разведкой, прессой белых. Пассивное же бытие зеленых, как правило, оставалось за кадром: на войне интересны только военные события. Кроме того, традиционно для повстанческих движений зеленое движение породило весьма немного собственных документов. Повстанческое движение 1920–1921 гг., как правило, было довольно активно в пропаганде, стремилось озвучить некую, как правило, народнического типа, политическую позицию. Зеленое движение 1919 г. более молчаливо. Правда, опубликованы дневники интересных, рефлексирующих происходящее и свою собственную деятельность вождей зеленых. Это ярославский Г. Пашков и рязанский С. Никушин⁵⁴.

Зеленые попадали в поле зрения мемуаристов, выступали в качестве объекта злой иронии или агитационных усилий с белой и красной стороны в годы Гражданской войны, попадали в фольклор и становились объектом внимания исследователей. При этом сам предмет изучения столь аморфен, что общего очерка развития зеленого движения в масштабе монографического исследования так и не было создано. Автор предлагает дать абрис не только зеленого движения как вооруженной составляющей Гражданской войны, но и «зеленого существования» как стратегии выживания и реакции крестьян на вторжения со стороны власти. Данная книга – своего рода версия зеленой составляющей Гражданской войны⁵⁵. В фокусе внимания находится 1919 г., хотя зеленые действовали в некоторых местностях и значительно позднее. Иная степень подробности, иной контекст рассмотрения – например, зеленые как часть сельского сообщества – способны дать иной взгляд на этот феномен.

Мы предпочитаем опираться в нашем изложении на источники, как опубликованные, так и архивные. Это делается потому, что слабоструктурированные массовые движения, почти не дающие собственной документации, легко поддаются различным интерпретациям и использование вторичных материалов делает выводы слишком уязвимыми. С опубликованными результатами довольно многочисленных, как было показано выше, региональных исследований читателю нетрудно ознакомиться самостоятельно.

После падения императорской власти довольно активно пошел процесс

административных изменений. Выделялись новые волости – часто таким образом обособлялись отрубчики. Появлялись новые уезды, в Советской России появился район как новая административная единица. В 1918 г. произошли изменения и большего масштаба. Так, из Вологодской губернии была выделена Северо-Двинская, из Новгородской – Череповецкая, национальное строительство в Поволжье и Приуралье изменило привычные границы крупных Казанской, Уфимской и ряда соседних губерний. Самоидентификация жителей в годы Гражданской войны при этом осуществлялась по привычному губернскому принципу – «вятские», «самарские» и т. п. Это следует иметь в виду при анализе и зеленого движения. Последующие изменения административных границ создали ситуацию, при которой одно и то же событие оказалось принадлежащим соседним регионам. Так, известное Уренское восстание 1918 г. в Костромской губернии и последующее долгое сопротивление в этом отдаленном крае ныне изучается нижегородским научным сообществом, так как данная территория стала принадлежать Нижегородской области.

Раздел 1

Крестьяне в гражданской войне

По удачному определению Л. Милова, крестьянство представляет для науки «неопределенное множество»; характеризовать же крестьянство, составлявшее до 90 % населения, как единое цельное сословие обоснованно представляется исследователю рискованным. Крестьянство обладает громадным внутренним разнообразием⁵⁶. Т. Шанин предложил концепцию циклической мобильности крестьянских хозяйств, при которой процессы социально-экономического расслоения и выравнивания понимаются как параллельные. На базе этого понимания объяснима высокая степень внутрикрестьянской солидарности, которая успешно противостояла даже целенаправленным мероприятиям государства по «внесению классовой борьбы». Поэтому, несмотря на имевшее место расслоение и разницу в социально-экономическом положении в каждый отдельный момент времени, «второй классовой войны» в деревне так и не возникло, и «целые села с оружием в руках стоят либо за красных, либо за белых, а то и за зеленых, но внутренних столкновений практически нет»⁵⁷. Хозяйственные механизмы существования русского крестьянина в режиме «двух экономик» (зимней и летней) и представление о соотношении числа детей и развития хозяйства представлены в исследованиях В. Башлачева⁵⁸. Он также указывает на цикличность в развитии среднего семейного русского крестьянского хозяйства. Крестьянство оказывалось единым и солидарным в очень многих отношениях, несмотря на бурное развитие и многочисленные перемены.

Первая мировая война нанесла удар по сельскому хозяйству России, как и других воюющих стран. На рубеже 1916–1917 гг. Московское общество сельского хозяйства, Земский союз и Союз кооператоров сделали вывод о безальтернативности пути производственной кооперации и национализации крестьянского сельскохозяйственного производства⁵⁹. Однако положение не было катастрофическим. В 1916 г., по сравнению с довоенным временем, посевные площади сократились менее чем на 5 %, урожайность упала на 9,3 %, валовые сборы стали меньше на 11 %. Основной удар аграрному строю нанесла революция и ее последствия и Гражданская война. В 1921 г. сокращение посевов по сравнению с довоенным уровнем превысило одну треть, валовый сбор составил треть довоенного уровня (в 1920 г., когда не было воздействия природного фактора засухи. – Авт.). Этим показателям соответствовало катастрофическое сокращение поголовья скота, посевов и сборов технических культур, полное расстройство

денежного обращения. Крестьянство с самого начала оказалось под очень жестким прессингом коммунистической власти⁶⁰.

Русское сельское хозяйство и крестьянство находились в сложном положении. Аграрное перенаселение невозможно было избыть в краткие сроки. К этому добавлялась игра интересов, внешние обстоятельства, ситуация грандиозной войны. Можно полагать, что большевистская политика являлась паразитированием на системной социальной проблеме, не решенной к моменту революции. Это обстоятельство и определяло настроения и реакции крестьянства в изменчивой картине Гражданской войны.

Многие наблюдатели отмечали глубокую и недобрую растерянность крестьян после революции. По впечатлениям писателя Ивана Наживина, для владимирских мужиков главным врагом виделся «биржуаз» (так соединялись слова «буржуазия» и «биржа»). Черноморские зеленые говаривали, что царя устранили «баринишки», а мужик ни при чем. «Господа», «кадеты», «интеллигенты» как зачинатели и корыстные виновники всего происходящего выступают неоднократно. Это замечалось мемуаристами. М.М. Пришвин записывал в дневнике: «Слышал, что меня называют контрреволюционером, и во враждебном тоне, называли же люди – противники коммунистов, по-видимому, за то, что я не их круга человек, что я интеллигент, который и создает всю эту кутерьму». Может быть, наиболее рано и последовательно эту идею выразил И.Л. Солоневич, – господа «делают» революцию, а мужик потом приспосабливается сам и приспосабливает эту самую революцию к своим потребностям и пониманиям. Публицист и знаток деревни А. Петрищев весной 1918 г. противопоставлял борющиеся в народе тенденции: «революцию» как творческую, созидательную стихию и «руину» как стихию апатии, распада, своекорыстия. По его мнению, в России мощны центроостремительные силы, и нужен лишь центр их кристаллизации. Он же сделал важное замечание о том, что народная интеллигенция с политическим опытом 1905–1906 гг. в большинстве погибла на войне и крестьянству предстояло заново накапливать политический опыт⁶¹.

Любая война чрезвычайно ускоряет многие процессы. Известно соображение о том, что военное дело с 1914 по 1918 г. изменилось более, чем за 1871 – 1914 гг. Это же касается и социальных процессов. Гражданская же война переструктурирует социум, создает новые группирования. По П.А. Сорокину, большевики после прихода к власти «тормозили одних путем предоставления полной свободы ущемленным импульсам других. К этому присоединились агитация, пропаганда и привилегии наиболее активным «преторианцам» большевизма (право безнаказанного грабежа, насилия, паек в голодное время и т. п.). Таким путем был создан «кулак», на жизнь и на смерть связанный с большевиками»⁶². Этот «кулак» включал разные элементы, нередко ситуативно оказавшиеся на красной стороне и сыгравшие крупную роль в ее победе. Хрестоматийным примером являются латышские стрелки (сплоченность за пределами оккупированной родины, отсутствие демобилизации, возможность подпитки со стороны значительных латышских колоний из эвакуированных во многих русских городах, период национальной консолидации, стимулировавшийся событиями 1905–1907 гг., привилегированное положение на большевистской службе и т. д.). Иногда ситуация развивается за считанные месяцы и даже недели. Так, на Дону «период единодушия достаточной весомой части задонского казачества с иногородними и коренными крестьянами был относительно недолгим. Но этого времени хватило, чтобы появились и окрепли части, ставшие в дальнейшем основой красной конницы»⁶³. На восточном белом фронте неумение власти А.В. Колчака интегрировать в состав вооруженных сил добровольческие воткинские и ижевские формирования вызвало распад этих соединений в конце апреля 1919 г. В результате Белая армия потеряла около 13 тысяч опытных и мотивированных воинов в

ответственный момент наступления, что можно считать одним из факторов поражения белого наступления и дальнейшего крушения белого фронта⁶⁴.

Война чрезвычайно быстро формирует новые групповые идентичности. Политически или в военном отношении актуализируются прежние сословные и иные группирования. Соответственно, возникают новые названия для обозначения появившихся социальных групп или родственных ощущений.

Все прежние социальные группы оказались в той или иной степени расколоты или дезорганизованы революцией. Например, такая элитарная, но и в известной степени политически хрупкая, завязанная на карьеру и пребывающая в штабах группа, как офицеры Генерального штаба. Ныне многие сюжеты поведения генштабистов в Гражданской войне надежно прояснены исследовательскими усилиями А.В. Ганина. Генштабисты образовывали своего рода свой круг, связи внутри которого нередко не могли порвать даже линии фронтов. Весьма своеобразно вели себя кадровые гвардейские офицеры, особенно на Юге. В их поведении читается ревность к «новой гвардии» – добровольцам-первопоходникам, стремление восстановить свои части и в целом достаточно спокойное отношение к пафосу белой борьбы.

Война создавала добровольческие воодушевленные части, сориентированные на основателя-командира. Это могло происходить по схеме шефства, реального или подразумеваемого, как у белых, могло развиваться по атаманской линии, когда отряд спланивало имя и боевая репутация командира. Соответственно, и политическая ориентация таких формирований определялась по командиру. Так возникли боевые корпорации корниловцев, марковцев, дроздовцев, алексеевцев, капелевцев. Современный автор точно замечает, что такие части, точнее, части-братства, были объединениями орденского типа⁶⁵. А.Н. Толстой в «Хмуром утре» недоброжелательно, но точно отражает эту особенность: «...у дроздовцев – в лице ирония, любят носить пенсне – в честь их покойного шефа; у корниловцев – традиционно тухлый взгляд и в лице – презрительное разочарование; марковцы шикарят грязными шинелями и матерщиной». Дальнейшее многолетнее сплоченное существование в рассеянии подтверждает этот тезис.

На красной стороне появились думенковцы, чапаевцы, мироновцы, на Урале – чеверевацы и прочие. В среде независимой атамании вполне определенно появились махновцы, во время большого восстания на Тамбовщине – антоновцы, а также колесниковцы, шубовцы, сапожковцы и другие.

Во время больших и слабоструктурированных крестьянских восстаний также формировались самоназвания. Крупнейшим выступлениям в Поволжье в 1919 и 1920 гг. дали наименования чапаны (Чапанное восстание, от названия крестьянского кафтана) и вилочники, по названию главного крестьянского оружия.

В 1920–1921 гг. в самоназваниях повстанческих отрядов нарастают мотивы социальной справедливости, «обида» (с «обиженным знаменем» ушел в повстанцы конармейский командир Маслаков), разорения, голода, который заставляет подниматься на самозащиту: это «армия правды», «войска воли народа», «восстание голодающих крестьян», «сыны разоренных отцов» и т. п.

Гражданская война чрезвычайно актуализировала фигуру чужака, пришлого, неместного. Русский простолюдин жил в мире местных связей, родства, землячества, отрефлексированное национальное чувство еще не родилось. Об этом писали многие интеллигентные наблюдатели, например генерал Н.Н. Головин. Мировая война же создала наплыв многочисленных чужих в пространство жизни русского крестьянина. Это миллионы пленных и беженцев, в некоторых районах, например на Урале – ощутимые количества представителей «желтого труда» – китайцев и корейцев. После 1917 г. в деревню стали прибывать горожане в поисках более

надежного бытового существования. Хозяйственный развал и политическое обособление территорий с 1917 г., завершение мировой войны создавали все новые группы, вольно или невольно вовлекавшиеся в гражданскую войну. На Дону, например, запомнились эшелонщики – демобилизованные солдаты Кавказского фронта и красногвардейцы, мало стеснявшиеся с местными по пути своего следования. Многие военнопленные оказались в тягостной ситуации с крушением системы снабжения и окарауливания лагерей. Желание добраться до дома в соединении с естественным желанием держаться своих плюс красная пропаганда и соблазны нетяжелой службы создали многочисленных «интернационалистов» Красной армии. В той же ситуации были и представители трудовых мигрантов. Населением и белыми они часто воспринимались в качестве наемников и палачей, хотя далеко не все таковыми хотели быть и были. Этот нерв их судьбы тонко почувствовал М.А. Булгаков в «Китайской истории» (рассказ 1923 г.).

Многочисленное мешочничество также создавало свои правила жизни, приспособления и деятельности. Своего рода корпорацией на время стали «фронтовики». Недавно вернувшиеся с фронта и вообще со службы были, в большинстве, настроены революционно (так, как они эту революционность понимали), вызываясь противостояли «старикам», то есть поколению родителей, и всему привычному укладу жизни. С осени 1918 г. в Россию потянулись освобожденные многочисленные русские пленные из Германии и Австро-Венгрии, добавляя красок в настроения и восприятие войны. В отдельных местностях война развела по сторонам противостояния сравнительно недавно возникшие социальные группы. В Сибири старожилы и столыпинские новоселы стали основой колчаковской милиции и самоохраны и краснопартизанского движения, соответственно, ожила старая земельная вражда русских и бурят в Забайкалье, казаков и горцев на Кавказе, татар и башкир в Приуралье и т. д. В результате формировались свои традиции противостояния, причем уже не вялотекущего, а яростного, вооруженного и жестокого. Кроме того, самая заурядная местная семейная и личная вражда в условиях Гражданской войны могла принимать военно-политическую окраску. Так, в апреле 1919 г. Тульский губрев-трибунал получил донесение начальника Павлохуторского волостдела И.Л. Чурилова, который утверждал, что жители хутора «вытащили его за горло из-за стола и сорвали общее собрание, а гражданин А.И. Кутепов выразился в его адрес, что скоро из коммунистов будут резать ремни». Чурилов наутро после собрания затребовал отряд красноармейцев якобы для усмирения взбунтовавшегося хутора. Дознание установило, что Кутепов подрался с братом Чурилова, и глава волостдела затаил обиду. Трибунал указал, что подобные действия «следует считать недопустимыми и могущими служить поводом к действительному восстанию»⁶⁶. Органы власти в волостях формировались из местных кадров, поэтому властные полномочия нередко использовались для сведения счетов. Пример – один из многих подобных.

Чрезвычайно благоприятная демографическая ситуация в России быстро поднимала новые многочисленные поколения. Призывные возрасты 1918, 1919 и последующих годов пополнили уже ряды Красной и Белой армий. Характерно, что белое командование, прежде всего на Востоке, где не было больших офицерских контингентов, делало ставку именно на молодого сибиряка, не прошедшего «разврата» 1917 г. И надо сказать, эта ставка вполне оправдалась в зимних боях 1918–1919 гг. Белая печать писала о «молодой Сибирской армии», объединяя молодость самого формирования и основного контингента. Из неслуживших контингентов, причем и казачьих, и иногородних (а взаимоотношения этих групп стали проклятием Донского командования) Донской атаман П.Н. Краснов в 1918 г. сформировал отлично дисциплинированную Постоянную или «Молодую» армию, которую готовил для решения общерусских задач.

Средний возраст комбатантов Гражданской войны резко снизился. В Императорской армии призывали в 21 год, Великая война вызвала к жизни досрочные призывы, в начале 1917 г. призывали 1898-й. Теперь же воевали и белые «баклажки»*-кадеты, и красные чоновцы подросткового возраста, в массовых повстанческих движениях так или иначе участвовали и семьи, в том числе дети и подростки, например в качестве разведчиков.

Корпорациями обрисованного типа оказывались и «зlostные» дезертиры какой-либо местности, и основное активное ядро зеленых. В свою очередь, активные выступления могли не состояться, если в какой-то момент не находился активный вожак и круг готовых его поддержать людей.

Участие крестьянства в Гражданской войне происходило как в виде самостоятельных массовых выступлений, так и через вовлечение крестьян агитационными и мобилизационными мероприятиями в вооруженные силы противостоявших государственных образований, прежде всего белых и красных. Обратимся сначала к самостоятельным выступлениям.

В 1918–1922 гг. вполне отчетливо проявились характеристики, отмечавшиеся исследователями в более ранние периоды истории, в том числе применительно к 1905–1907 гг. Это, с одной стороны, анклавность, неравномерность, возникновение самостоятельных упорных очагов протестного вооруженного движения. С другой – способность выстраивать спонтанные грандиозные волны вооруженного протеста в условиях, когда одни и те же раздражители вызывают сходные реакции.

Уже с лета 1917 г. можно говорить о первых очагах вооруженного противостояния в России. Конфликты ударников с латышами, разоружение боееспособными частями разложившихся, вооруженное препятствование братанию и другие подобные мероприятия со второй половины 1917 г. становились все более кровавыми. С большевистского переворота и захвата власти с большевиками в крупных городах ситуация с очаговой вооруженной борьбой быстро оказывается вполне привычной. Деревня в эти месяцы занята другими делами. Крестьянин возвращается с войны, происходит часто скандальный и неэффективный, а иногда более или менее здравый и разумный земельный передел. Конец 1917 и первые месяцы 1918 г. во внутренних, далеких от фронтов губерниях многие интеллигентные наблюдатели описывают как время «мужицкого рая» – власти, нагрузки и подати всякого рода исчезли, земля оказалась в крестьянских руках...

Однако хозяйственный развал все острее давал о себе знать, граница с немцами оказалась под Курском и Воронежем, многие губернии попали под немилосердную для села австро-германскую оккупацию.

В результате уже весной 1918 г. в отдельных районах начинается жестокая местная вражда. Например, это район самарского Заволжья, где утверждаются отряды Чапаева и Сапожкова местного формирования. Они составят основу 4-й армии красного Восточного фронта. На другой стороне формировались отряды белых партизан, значительный массив которой окажется в составе Николаевского полка Уральской казачьей армии.

Краснопартизанские отряды стали бурно формироваться в полосе при демаркационной линии. Здесь значительное влияние на красных партизан оказывали левые эсеры, отчасти анархисты.

Гражданская война продемонстрировала, что навыки самоорганизации, способность организоваться как в административном, так и военном отношении проявляли не чисто крестьянские местности. Это прежде всего казачьи области, а также районы со смешанным населением: горнозаводские районы Урала и Прикамья, губернии со

значительными вкраплениями фабричного населения, живущего старинным бытом, с развитыми традициями низового, крестьянского самоуправления. Это Уфимская, Вятская, Пермская, отчасти Екатеринбургская губернии. Именно названные местности смогли предложить самостоятельные версии более или менее организованных вооруженных сил. На красной стороне обширный район Каменноугольного бассейна (Донбасса) и Кузнецкого бассейна на востоке страны также дали значительные кадры красных партизан. На донбасской основе формировалась 10-я красная армия, из буйной вольницы выросшая в значительное объединение в рамках Южного фронта Красной армии.

Аграрные же губернии предложили более традиционные варианты крестьянского участия в вооруженной борьбе. Кроме того, естественно, прифронтовые губернии имели больше побуждений и возможностей к активности, чем внутренние, в которых с конца 1917 г. утвердилась советская власть.

Деревня реагировала тем ожесточеннее, чем более активно вторгался в ее жизнь город. Хлебная монополия, а с лета 1918 г. уже и выборочные мобилизации положили начало крестьянскому сопротивлению. Первый массовый призыв в РККА осенью 1918 г. поднял масштабные крестьянские восстания, охватившие многие десятки уездов центральных губерний страны. Они пришлись преимущественно на ноябрь – декабрь 1918 г. Успокоившись после них, деревня все-таки дала армии 800 тысяч призывников, что позволило красным развернуть военное строительство.

Отдельные восстания и выступления продолжались постоянно, очень много бунтов происходило в ответ на вызывающе безобразное поведение продовольственников, реквизиционных, карательных отрядов, местной администрации. Данные резоны работали и на красной, и на белой стороне.

Украинские губернии дали свою динамику крестьянской активности, ярко антипомещичью и антикоммунистическую, если понимать под последней в первую очередь категорическое неприятие коллективных форм земледелия.

1919 г. прошел в центральных губерниях под знаком массового дезертирства и зеленого движения. Накопление боевых кадров и навыков сделало возможным мощное и массовое движение осенью 1920 – летом 1921 г. На окраинах, в труднодоступных районах активная вооруженная борьба продолжалась до конца 1922 г. и далее.

В 1920–1921 гг. крестьянство выступило как в рамках самостоятельных организаций и собственных вооруженных структур (среди них наиболее известны союзы трудового крестьянства в Тамбовской губернии), так и в качестве красноармейцев, переходивших на повстанческое положение. В роли вождей восставших бойцов выступили Сапожков, Маслаков, Колесов, Вакулин – люди, служившие в РККА в ранге командиров полков, бригад, дивизий.

Как и в 1905–1907 гг., крестьянские выступления имели свои пики развития. В 1918 г. это ноябрь – декабрь, период массовых вооруженных слабоструктурированных выступлений во многих губерниях. В 1919 г. июнь – июль стали пиком зеленого повстанческого движения. Весна 1921 г. оказалась моментом наивысшего подъема массированного вооруженного протеста российского крестьянства. Именно в этот момент большевистская партия и приняла решение о смене экономической политики. Под властью белых правительств наиболее массовое повстанческое или партизанское движение развивалось на базе поражений белых войск, подпитываясь дезертирством и уклонением из рядов белых армий. Это осень – зима 1919 – 1920 гг.

С весны 1918 г. начинается процесс самоосознания добровольцами и вынужденными участниками вооруженной борьбы своей роли и места в этой борьбе. Очень широко стало использоваться наименование «партизан». Красные партизаны, белые партизаны, степные партизаны (организация в Заволжье), белоповстанцы (Степной край, Прикамье). Слово «партизан» стало синонимом «добровольца» ^ воодушевленного сознательного бойца. Кроме того, партизанское положение означало и противоположность регулярности, армейской дисциплине. В Красной армии с 1919 г. началась борьба за изживание «партизанщины», которая шла с большими трудностями. Аналогом ее на белой стороне была так называемая «атаманщина», которой белые мемуаристы посвятят немало горьких, и не всегда заслуженно горьких, слов.

Рассмотрим, какие военные кадры имела деревня к началу широкой Гражданской войны.

В 1914 г., в ходе всеобщей мобилизации армии и флота, были подняты сразу все запасные и ратники первого разряда. Затем стали следовать призывы молодежи, ратников ополчения второго разряда. Кадровая, хорошо подготовленная пехота 1914 г. практически полностью погибла на полях сражений, частично попала в плен. Митинговавший пехотинец 1917 г. в массе своей не воспринял воинского духа. Это очень точно уловил Ленин, строя агитацию по знаменитой формуле: солдаты – это крестьяне, одетые в солдатские шинели.

Развернулась и массовая подготовка офицеров, благодаря чему к 1917 г. принципиально изменился облик разросшегося в разы офицерского корпуса. В его ряды массово пошел представитель «четвертого сословия», появились офицеры из невоенной молодежи, офицеры по выслуге из унтер-офицеров. Прапорщик стал наиболее массовым чином и массовым типом в новой офицерской среде. В результате так или иначе произошедшей демобилизации Русской императорской армии к весне 1918 г. в глубинке повсюду оказался кадр местных уроженцев – офицеров (по большей части прапорщиков) и унтер-офицеров. Далеко не всегда это были фронтовики: значительная часть служивших – это чины запасных и прочих вспомогательных частей. Но в любом случае на местах отныне имелся кадр людей с навыком службы. В результате «практически в каждой волости оказалось по несколько «своих» офицеров, что обеспечило «военспецами» практически всю территорию бывшей Российской империи»⁶⁷. В таком качестве они воспринимались и местным деревенским обществом. Поэтому в случае самодеятельной военной активности – при формировании добровольческого отряда, «банды», при выборе военрука и т. п. эти персоны неизбежно оказывались на первых ролях, даже не будучи сильно мотивированными или заинтересованными лично участвовать. В то же время положение «офицера» на подконтрольной советской власти территории автоматически превращало человека в кандидата на превентивные или иные репрессии и заложничество. В одном из уездов Воронежской губернии крестьянские восстания и городское подполье вызвали расстрел офицеров, которые учительствовали в пригородных селах (скорее всего, это и были местные учителя, надевшие прапорщические погоны в годы войны). Деревни надолго остались без учителей⁶⁸. Такие обстоятельства делали этих людей с навыками и неким кругозором весьма подвижными при возникновении критической ситуации – приближении фронта или восстании. Нередко выбор стороны оказывался предопределен, остаться в тени и благополучно для себя и семьи переждать не представлялось для них возможным.

С осени 1918 г. по России двинулись недавние военнопленные. Миллионы солдат попали в германский и австрийский плен. Среди них были кадровые солдаты 1914 г., были и сотни тысяч сдавшихся в ужасе летних боев 1915 г. не втянутых и

слабообученных ратников ополчения. Так или иначе, эти люди отправились по домам. Массовое движение началось в зиму, на фоне разгоравшейся Гражданской войны. В Советской России существовал специальный орган – Центрпленбеж, который должен был оказывать содействие этим людям, а заодно и их агитационную обработку. На белых территориях также создавались специальные организации, ибо массив недавних военнопленных был велик. Красные пытались их мобилизовать, белые давали отсрочку. Важно отметить, что в деревенском мире человек, побывавший в плену, воспринимался как узнавший «большую» жизнь, человек, который может быть авторитетным в общих вопросах.

Обрисованные обстоятельства следует иметь в виду, оценивая характер массовых движений и то, какие персонажи могли оказываться в них на видных ролях.

В разворачивавшейся с 1917 г. Гражданской войне крестьянин мог быть солдатом (в белых рядах), красноармейцем (при регулярном построении РККА советская власть дистанцировалась от старых понятий, красноармеец обязан был быть развитым, «сознательным», политически грамотным) и повстанцем (партизаном, бандитом, самооборонцем). По политико-психологической природе следует выделить добровольца («самомобилизовавшегося», «партизана»), мобилизованного и дезертира (зеленого).

Многие крестьяне, особенно в тех местностях, по которым не раз прошел фронт, побывали за годы междоусобицы в разных ролях.

На белой стороне добровольчество было на первом этапе наименее крестьянским. Однако затем происходило смыкание добровольчества офицерско-интеллигентского и крестьянского. Красные пополнялись крестьянами прежде всего в районах, находившихся в зоне военных действий или подвергавшихся оккупации. Например, самые боеспособные полки (241-й Крестьянский и 242-й Волжский) 27-й стрелковой дивизии образовались из крестьянских партизанских отрядов, сражавшихся против германцев и гайдамаков, и поволжских крестьян, которыми оброс петроградский красногвардейский отряд, получивший закалку на внешнем финском фронте⁶⁹. Левые эсеры пытались создавать волостные советы и ВРК при них с организацией территориальной Красной армии и добровольческих отрядов на жалованье. По данным Н. Огановского, инициатива реализовалась в создании кое-где «волостных советов солдатских депутатов, содержавших банды хулиганов на счет крестьян. Хулиганы держали всю округу в страхе»⁷⁰.

Села – ремесленные центры, локальные товаропроизводящие районы часто оказывались, с одной стороны, более уязвимы в ситуации крушения рынка, с другой – лакомым куском для «реквизиций» любого рода. Поэтому неоднократно такие местности, тяжело пострадав в первый период революции, становились базой антибольшевистской борьбы или раскалывались, поставляя надежные контингенты противоборствующим сторонам. В последнем случае примером может служить степное самарское Заволжье.

Насколько могло меняться настроение крестьян в ходе боевых действий, относительно известно. Однако при этом важно, что организационный потенциал, по каким-либо причинам более высокий в тех или иных местностях, мог активно работать и на одну сторону, и на другую. Так, Мензелинский уезд Уфимской губернии отозвался на выступление чехословаков волной антисоветских восстаний. Однако отряд Народной армии смог так изменить настроение, что в вернувшиеся советские войска массы мензелинцев пошли добровольцами. В первые же месяцы 1920 г. в знаменитом виловом восстании Мензелинский уезд стал центром. В нем началось восстание, участвовало наибольшее количество крестьян, в нем погибло наибольшее количество советских работников и повстанцев⁷¹. Можно предположить,

что именно больший отклик в советские ряды вызвал впоследствии наибольшее возмущение властью, которая воспринималась как своя.

Отношение к мобилизациям со стороны крестьян очень разнилось. При ощущении слабости власти распоряжения могли просто пренебречь. При мобилизациях в прифронтовой полосе вынужденное подчинение легко отзывалось уходом домой при приближении фронта. Гарантированно установить по мобилизациям фазы политического «колебания» крестьянства в ходе военных действий вряд ли возможно: отношение к мобилизациям детерминировалось многими факторами⁷². Многожды зафиксировано положение, когда мобилизованные крестьяне воевали, и часто вполне сносно и даже хорошо, пока войска шли вперед. При отступлении же большинство доходило лишь до родных деревень и «пропадало без вести».

А.Е. Снесарев размышлял в дневнике 14 апреля 1919 г.: «У Колчака на Восточном фронте безостановочное движение: крестьянство поднимается, красные сдаются частями... сдадутся, предадут главных и по расстрелянии в ряды врага: «смирно», «равняйся» и т. д. Оттуда и отходы в 50 – 60 вер.: бегут верхом вожаки (комиссары и др.), и пробегают эти версты, а масса остается...»⁷³

Повторяющийся сюжет Гражданской войны – настойчивые требования со стороны мобилизованных выдать удостоверения о принудительном наборе. Нередко крестьяне просили объявить мобилизацию, то есть «взять насильно» именно при сочувственном настроении, чтобы было оправдание перед противостоящей стороной в случае ее прихода. Активность в этом вопросе демонстрировала конечно же настрой деревни.

В летние недели наиболее активных зеленых выступлений в ряде волостей Чистопольского уезда Казанской губернии мобилизуемые требовали таких удостоверений, считая, что с ними Колчак в плену не расстреливает. В одной из волостей был убит председатель ревкома⁷⁴. В уезде антисоветскую агитацию вела некая религиозная или псевдо-религиозная Секта вансанских Божьих воинов (сводка за 1 – 7 октября 1919 г.)⁷⁵.

Особый отдел Запасной армии 5 октября так обрисовывал ситуацию в этом уезде. Уезд переполнен дезертирами, с которыми ведется борьба. В Чистополь ежедневно добровольно прибывали партии дезертиров от 40 до 140 человек. Дезертирство в частях сократилось до минимума: во 2-м Приволжском полку дезертиров при 4 тысячах состава – 48 человек, из них вернулось обратно 29 человек, заявивших недовольство на отбирание у родителей хлеба и на плохое питание.

Восстания и волнения в разных волостях происходили по поводу помольных билетов. В волостях царили «полнейшая разнузданность и расхлябанность волостных властей, ведущих определенную кулацкую политику», чему аккомпанировали «в высшей мере» развитые пьянство и хулиганство. Отряды Губчека, комдеза и продовольственные действовали в уезде под общим руководством губчека. Уком послал по волостям 100 коммунистов отрядами по 10 человек.

28 сентября произошло восстание в Новых Челнах, ревком арестовал 111 человек по нескольким волостям. Ревком накладывал на кулаков контрибуции. «Положение уезда угрожающее, крестьяне устраивают мятежи, и бороться с последними трудно по следующим причинам: во время мятежа крестьяне посылают вперед женщин и детей, которые определенно заявляют – расстреливайте нас всех... В общем, Чистопольский уезд отмечается кулаческим, в других же уездах настроение крестьян удовлетворительное, например Чебоксарский, Ядринский, Козмодемьянский, Краснококшайский уезды, здесь уже настроение крестьян лучше», для преодоления недовольства властям хватало агитационных мер⁷⁶.

Итак, в обширной губернии один из уездов явно более осмысленно и дружно настроен, чем остальные. Это обстоятельство позволяет ставить вопрос о причинах такой специфики. Подобный сюжет встречается в разных местностях.

В самостоятельной вооруженной борьбе крестьянство выступало в разных жанрах. Известны походы на город. Это могла быть мирная или «полумирная» осада. Так случилось с Минусинском летом 1918 г.⁷⁷, три дня в июне 1918 г. в осаде пригородных волостей пребывала Кострома⁷⁸. Подобные явления повторялись не раз. Крупные городские волнения и восстания вызывали поддержку окрестных крестьян и красноармейских частей из мобилизованных крестьян же. Так, массовое рабочее выступление в Астрахани в марте 1919 г. вызвало поддержку и местных частей, и ближайших деревень⁷⁹. Правда, согласовать усилия даже при близком настроении получалось редко, что продемонстрировало уже Ярославское восстание 1918 г. На подобный сюжет в начале «Большого восстания» на Тамбовщине обратил внимание А.И. Солженицын: «Мужичий поход от Княже-Богородицкого до Кузьминой Гати: тысячные крестьянские толпы без всякого вооружения, с дубьем, вилами и рогаками, под колокольный звон встречных сел идут «братъ Тамбов»⁸⁰.

Все годы Гражданской войны происходило множество бунтов-однодневок, вспышек недовольства в масштабах одного поселения, которые зачастую без жертв завершались. В советских источниках они рисовались бунтами «обманутых» «подстрекателями» крестьян, которые после объяснения успокаивались и осуждали верховодивших кулаков. Презрительно-покровительственное отношение к несуразным и бессмысленным бунтам, видимо, культивировалось в советской среде соработников. Так, местные продработники характеризовали восстание 10 ноября 1918 г. пригородных волостей Епифанского уезда как «курьезное восстание мирных епифанцев». Однако при этом ссыпка хлеба прекратилась и в соседних уездах, а многие из осенних волнений перешли в мощные вооруженные движения. М. Кубанин справедливо отметил, что если крестьянство Нечерноземья лишь протестовало против разверстки, то в производящих районах с лета 1918 г. начались восстания⁸¹. Но при этом следует иметь в виду, что и государственное давление приходилось прежде всего на наиболее удобно расположенные производящие районы.

Наиболее серьезным военным участием крестьянства в Гражданской войне стали массовые восстания, повстанчество, вооруженная партизанская борьба.

Уже во второй половине лета 1918 г. известны случаи упорных и хорошо руководимых восстаний, в том числе в местностях, которые через год дадут зеленые мятежи. Так, в первой половине августа в Новгородской губернии вспыхнуло восстание в окрестностях большого села Медведь, с убийством членом исполкома и разоружением красной гвардии. Подавлял восстание Бологоевский латышский отряд из Старой Руссы, сжегший село артиллерийским огнем. Интересно, что село Медведь представляет собой один из центров военных поселений, с обширными каменными казармами и иными постройками николаевских времен.

В сентябре вспыхнуло новое упорное восстание в Старорусском уезде – крестьяне отказались отдавать хлеб. Восставших возглавил некий полковник Гусев. Они смогли оказать сопротивление все тому же Бологоевскому латышскому отряду. В конечном итоге восставшим пришлось скрываться в лесах⁸².

Осенью 1918 г. одним из центров восстаний стал стык Ярославской, Костромской, Вологодской и Череповецкой губерний⁸³. Летом 1919 г. в этих же краях запылывает зеленое движение.

При анализе наименее структурированных и массовых восстаний 1918 г. деление и классификация производятся часто неадекватно, так как единое движение членится

в зависимости от операций, которые проводит противная сторона. Такая ситуация объясняется, конечно, и наличием источников почти исключительно контрповстанческого лагеря. Рассмотрим подобный сюжет на одном из ярких примеров. 23 октября 1918 г. в Рудовской волости Кирсановского уезда Тамбовской губернии вспыхнуло антибольшевистское восстание. Восстание, очевидно, началось с возмущения мобилизуемых унтер-офицеров, к которым присоединились крестьяне. 29 октября в Рудовку вошел отряд Кирсановского военкома, восстановил совдеп, произвел аресты и наложил контрибуцию. Однако восстание не прекращалось, к Рудовке двигались восставшие из Моршанского уезда. Вооруженная борьба затянулась. В орбите восстания находилось и моршанское село Пичаево. Приказы о наступлении на него отдавались 11 и 15 ноября. 21 ноября командующий красной группировкой объявил приказом о ликвидации мятежа⁸⁴. Однако иной, мемуарный, источник, позволяет по-другому оценить масштаб движения. Согласно ему, в ноябре в районе станций Вернадовка – Фитингоф – села Пичаево началось «эсеровское восстание, возглавляемое полковником Ермаковым». К 12 ноября восставшие захватили эти станции и перерезали магистраль Москва – Пенза – Самара, важную для снабжения Восточного фронта. Село Пичаево выступало центром и штабом этого движения. Внутренний советский отряд, в основе которого был Пензенский интернациональный отряд, начал операции 12 ноября и затратил две недели на то, чтобы освободить железнодорожную линию. В начале декабря повстанцы вновь взяли Фитингоф и стали беспокоить Вернадовку. Мемуарист отмечает сочувственное отношение населения к восставшим. Только переобмундировавшись по-зимнему, красный отряд 17 декабря возобновил активные действия и 20 декабря, после упорных боев, с боя взял Пичаево. Затем потребовались облавы, так как разбежавшиеся повстанцы не спешили сдавать оружие⁸⁵. Таким образом, локальные, если ориентироваться на отдельные источники, рудовское и пичаевское крестьянские восстания фактически представляли собой если не единое движение, то цепь взаимозависимых, перекрывавшихся, выступлений в соседних районах⁸⁶. Причем степень упорства и организованности, очевидно, нарастала по мере развития движения.

Перспективно исследовать следующий сюжет. Козловский уезд стал территорией начала крестьянского восстания в сентябре 1917 г., десятки имений были разгромлены за несколько дней. Моршанский уезд очень массово и упорно сражался в ноябре – декабре 1918 г. Оба уезда стали территорией антоновщины, но шли вторым эшелоном, далеко уступая Тамбовскому, Кирсановскому и Борисоглебскому уездам. Вероятно, одной из причин является перенапряжение, «усталость» к 1920 г. этих территорий.

В Тульской губернии крестьянские волнения не стихали на протяжении 1919–1921 гг. Случалось, что о неподчинении советской власти заявляли целые волости. Тульский ревтрибунал в разряд контрреволюции включал антисоветскую агитацию, крестьянские восстания и политический бандитизм (убийства должностных лиц). Определить реальных зачинщиков восстаний было почти невозможно, поэтому обычным наказанием было наложение контрибуций на целые волости. Волнения нередко сопровождалась расправами над должностными лицами: только за лето 1919 г. в губернии было убито 63 советских чиновника, из них 22 председателя волостных и уездных исполкомов. К массовым выступлениям приводило недовольство крестьян реквизициями и продразверсткой, а также крестьян-дезертиров, не желавших возвращения на фронт. Причинами восстаний также являлись действия самих представителей власти, провоцировавших выступления для поддержания собственного авторитета⁸⁷. Интересно, что летом 1919 г. похожим образом развивался крестьянский протест в Тамбовской губернии.

Но здесь политическим террором целенаправленно занималась боевая дружина А.С. Антонова.

По мнению Я.С. Павлова, на территории РСФСР одновременно действовало до 400 тысяч партизан, Украины – около 165 тысяч, Белоруссии – до 80 тысяч. В это число включены формирования В. Примакова, В. Блюхера, Н. и И. Кашириных, которые представляли собой начатой регулярных формирований, в то же время не включены формирования Махно⁸⁸. Речь идет только о партизанах советской направленности, и приведенная численность представляется сильно завышенной.

Гибкость большевиков позволяла им сбивать волны повстанческого движения, оперируя амнистиями дезертирам, умелой агитацией, превентивным террором, действиями подвижных боевых отрядов⁸⁹. В то же время и крестьянская вооруженная борьба совершенствовалась так же, как и воинское искусство регулярных армий. Крестьяне приспосабливались к обстоятельствам, в развитом повстанчестве возникали весьма боеспособные части. Так, красный батальон бросил винтовки и отдал пулеметы при атаке антоновской конницы уже летом 1921 г., при самом конце повстанческого движения⁹⁰. Боеспособность кавалерийских и пулеметных частей армии Махно в 1920–1921 гг. также бывала высока.

Рассмотрим развитие событий весной – летом 1919 г., в самый напряженный период борьбы красных и белых, в некоторых центрально-черноземных и поволжских губерниях.

В астраханском и отчасти самарском (затем царицынском) Поволжье развилось активное движение под названием «степные партизаны». Они базировались на хуторах, временами включались в белые войска (лето – осень 1919 г.) Движение утало только после 1922 г. Здесь зелеными именовали себя повстанцы Николаевского (по-советски Пугачевского) уезда, разбитые в августе 1919 г. Интересно, что зеленое восстание переплеталось с толстовской (псевдотолстовской, скорее всего) идеологией непротивления и отказа от службы в Красной армии. Оперативная сводка оперативного отдела Саратовского сектора ВОХР от 23 августа 1919 г. сообщала: в Пугачевском и Балаковском уездах спокойно. Идет усиленное очищение от дезертиров, которые доставляются в Самару. Работают отряды Чижикова, Ерманова, Пустынникова⁹¹.

Частые мобилизации во время уборки урожая создали благоприятную почву для контрреволюционной агитации, вследствие которой произошло восстание мобилизованных и дезертиров в Пугачевском уезде. На митингах высказывались против гражданской войны и за присоединение к Деникину. Восставших насчитывалось до 2 тысяч человек. Восстание ликвидировано (сводка за 1 августа – 1 сентября).

Пугачевский уезд: район Сухая Вязовка – Березовый почти полностью очищен от дезертиров (6 сентября). Районы Марьевка и Большая Глушица почти очищены от дезертиров (8 сентября). В Марьевском районе скопление дезертиров, посланы отряды (15 сентября).

Скопившиеся дезертиры в районе Киевки Новоузенского уезда подняли восстание. К восставшим присоединились прорвавшиеся через фронт белогвардейские партизаны. Общее число восставших – 250 человек. Несмотря на подавление, впоследствии движение наблюдалось в других местах уезда, руководимое казаками (сводка за 1 августа – 1 сентября).

В августе появилась и была разгромлена шайка бежавших из войск вооруженных дезертиров в Балаковском уезде.

В Марвинском районе Пугачевского уезда замечено скопление дезертиров и выслан отряд для ликвидации (15 сентября)⁹². Скопление дезертиров обнаружилось в Старой и Новой Полтавке Новоузенского уезда, куда выслан отряд, и в лесу близ Дурникина Балашовского уезда (15–22 октября)⁹³.

Командующий Саратовским сектором ВОХР в октябре 1919 г. объявлял благодарность красноармейцам, отличившимся в бою у села Грачев Куст в Заволжье против «зеленых и белогвардейских банд»⁹⁴.

Степные партизаны имели контакты с уральскими казаками, левобережными частями Кавказской армии летом 1919 г., базировались на хуторах, что даже вызвало в начале 1920-х их принудительное расселение.

В Новоузенском уезде дезертиров насчитывалось до 12 тысяч. В Старо-Полтавской волости предполагались конные отряды дезертиров. Местная власть проводила облавы. Так, 1 декабря облавой захвачены 60 дезертиров. В Дьяковской волости облава встретила вооруженное сопротивление, участники арестованы. В Петровском уезде скрывалось около 3 тысяч дезертиров, из них половина злостных. Дезертиры ночью находятся в деревнях, днем скрываются. Милиция бессильна. В Новоузенском уезде способствует дезертирам организация толстовцев, которая ведет пропаганду против войны, и из их же среды находятся организаторы отрядов, которые дают помощь дезертирам; крестьяне охотно поддаются этой организации.

Мобилизованные в Красную армию не получали ни пищи, ни помещения, из-за чего проявлялось большое недовольство. Это тоже способствовало дезертирству (сводка за 22–24 декабря)⁹⁵.

В южной части Бузулукского уезда Самарской губернии вспыхнуло восстание при участии дезертиров 220-го полка (25 марта 1919 г.)⁹⁶. Уже после окончания крупных вооруженных выступлений в губернии было весьма тревожно. Политическое положение губернии ввиду близости фронта нельзя считать спокойным, отмечала сводка в августе, – вспыхивают восстания крестьян из-за действий продотрядов и бесчинствующих воинских частей. В Августове Пугачевского уезда борьба с дезертирством и самогоноварением не велась (16 августа). В то же время в Бугульминском уезде мобилизация проходила успешно, при «прекрасном» настроении мобилизованных (3 сентября). Возможно, сказались активные боевые действия в районе между РККА и Российской армией накануне⁹⁷.

В то же время вооруженные вспышки, с неизменным участием дезертиров, не прекращались. Вооруженное дезертирство Маломальшевской волости Бузулукского уезда превратилось в вооруженную шайку, грабившую население. Шайка выловлена отрядами (сводка за 1 августа – 1 сентября). В Вольском уезде соседней Саратовской губернии обнаружилась «вооруженная организация дезертиров», которую упорно покрывало местное население. В пригородных волостях Кузнецкого уезда той же губернии были скопления дезертиров⁹⁸.

Калужская губерния не дала массового повстанческого движения в 1919 г. Ф.А. Степун весной 1919 г. перебрался в калужское имение и зафиксировал настроения местных мужиков. Округа промышляла сеном и углем, так что запрет вольной торговли, отобрание лошадей и непомерные штрафы озлобили мужиков. «Поначалу среди верхушки кулаков были надежды на Белое движение, но после многих возмущенных рассказов отпусковых красноармейцев, что Деникин не только «против коммунистов и жидов, но и за помещиков, которым возвращает землю», наступило горькое разочарование. Такой оборот дела никому не нравился и ни в чьи расчеты не входил. Оставалось надеяться на свои силы, но все сознавали, что сил нет, и куражились разве только в пьяном виде». Богатый крестьянин заявил автору, что восстание можно было бы поднять при отмене винной монополии. Дайте перепоить

уезд, и «я вам всех товарищей в три дня топорами перебью, да и ружьишки найдутся... Ну а в трезвом виде не осилить. Малодушен народ, да и согласия в нас нету. Беспортковая сволочь вся к товарищам тянет, и кругом шпики. А впрочем, мы еще посмотрим, чья возьмет. Потягаемся...» Зарисовка Степуна позволяет понять, почему наиболее, казалось бы, страдающая от новой власти и авторитетная часть деревни не спешила подниматься на открытую борьбу. Эти люди брали свое на поле хозяйственной деятельности. Степун с удивлением отмечает, что крупнейшие кулаки в его местности без большого ущерба пережили все конфискации и ущемления военного коммунизма, а на 1938-й год уверенно руководили крупными совхозами, оставшись при привычном благополучии. Весьма интересно, откуда «возмущенные рассказы» красноармейцев-отпускников? Продукт ли это реального опыта или же агитационных усилий политработников частей РККА?⁹⁹

Однако дезертирство здесь было столь же массовым, как и по соседству. Кроме того, в этой губернии выразительно проявился еще один частый сюжет. Многочисленные красноармейские части как раз в недели наиболее массового дезертирства совершенно отвратительно снабжались. К 29 июля в Калужской губернии 18-тысячный гарнизон не имел фунта хлеба. К заботам властей о борьбе с дезертирством добавились волнения по поводу брожения среди красноармейцев. Председатель тройки предписал усилить разведку среди красноармейцев и населения¹⁰⁰. В то же время настроение в губернии было спокойным. Организованного скопления дезертиров не наблюдалось. Отношение жителей к дезертирам – традиционно «пассивное». За 18 и 19 августа отряды задержали по губернии 3148 дезертиров. Город Козельск и уезд объявлены на военном положении вследствие появления в уезде белогвардейских агентов, ведших антисоветскую агитацию среди крестьян. Вследствие недостатка продуктов первой необходимости в уезде произошло массовое выступление. На станции Сухиничи исполкомами организовывались отделы по борьбе с дезертирством вследствие массового скопления дезертиров на станции...¹⁰¹ В губернии спокойно, за исключением трех-четырех уездов, где происходило брожение из-за отсутствия продовольствия среди раненых красноармейцев. Отношение населения к дезертирам «пассивное». С 22 по 27 августа задержан 5171 дезертир (31 августа)¹⁰².

По сведениям ПУ РККА за первую половину июля, в Калужской губернии 2802 дезертира. Причины – несознательность, полевые работы, недостаток продовольствия. Меры борьбы: облавы и агитация¹⁰³. Сводные сведения за первые летние месяцы отсутствовали, за август же 6889 дезертиров явились добровольно и 13 482 были задержаны¹⁰⁴.

Оперативная сводка Московского округа от 25 августа 1919 г. сообщала: в Калужской губернии настроение спокойное, организованных скоплений дезертиров не наблюдается, отношение населения к дезертирству пассивное. Работала разведка. За 20 и 21 августа задержан 3341 дезертир, за 22 и 23 августа – 1439, за 3 сентября – 200 человек¹⁰⁵.

Оперативная сводка № 20 от 15 сентября 1919 г. сообщала: в Калужской губернии наблюдается обратный приток дезертиров из Тульской губернии, Лихвинского и Мосальского уездов. Принимались меры к пресечению¹⁰⁶. Имелись в виду калужские дезертиры этих уездов, выловленные и отправленные в Тулу. Теперь они пробирались по домам. 5 и 6 сентября отряды задержали 809 дезертиров. С 17 июня по 31 сентября зарегистрированы по губернии 16 310 дезертиров.

С 14 на 15 сентября произошло столкновение Жиздринского отряда с дезертирами. Со стороны дезертиров оказались ранены двое. За 9, 10 и 13 сентября задержаны 1276 дезертиров (19 сентября).

«В Калужской губернии – 8776 красноармейцев. Мобилизация продолжает протекать успешно. Последний призыв по приказу окрвоенкома бывших прапорщиков, фельдшеров и унтер-офицеров до 40-летнего возраста дал по губернии всего 147 человек. Причинами спешности служат: полевые работы, продовольственный кризис. Настроение подлежащих призыву пассивное» (сводка за 1 – 21 сентября). С 15 по 30 ноября задержаны 1121 дезертир. Восстаний дезертиров не было (8 – 15 декабря)¹⁰⁷.

Таким образом, в губернии массовое дезертирство, разведка и отряды комдеза работали в поте лица, что видно по проценту задержанных дезертиров. В губернии откровенно плохо с продовольствием, огромный гарнизон, раненые высказывают недовольство, однако сколько-нибудь опасных для власти вооруженных конфигураций не наблюдается. Дезертиры, как можно понять, концентрируются на станциях, видимо обращаясь в мешочников. Это характерная ситуация для преддверия голода. Голод или его ожидание убивают протестную активность.

В черноземных губерниях с ранней весны 1919 г. начались волнения и вооруженные выступления, а летом часть территории этих губерний стала прифронтовой, затем подверглась переменам власти с приходом и последующим отступлением войск ВСЮР.

В селе Забуженко Суджанского уезда Курской губернии 2 марта произошло восстание дезертиров и толпы. Восставшие хотели обезоружить отряд по борьбе с дезертирством. При подавлении двое убито. Восстание на почве разверстки в Дорогошинской волости Грайворонского уезда подавлено в тот же день (донесение за 28 февраля – 6 марта 1919 г.)¹⁰⁸. В Михайловской волости Дмитриевского уезда Курской губернии восстание на почве реквизиции хлеба подняло около 1 тысячи повстанцев. На подавление отправился отряд от военкома (21 марта). Движение охватило ряд деревень и сел, перебросилось в Орловскую губернию, в нем приняли участие дезертиры Брянского гарнизона. Повстанцев около 8 тысяч человек при 1 тысяче винтовок и двух пулеметах. Первые отряды, высланные на подавление, были разоружены. Так сообщалось через два дня, 23 марта¹⁰⁹.

Уже в сезон полевых работ произошло восстание в Муромской волости Белгородского уезда Курской губернии. Из-за полевых работ крестьяне не выводили лошадей для учета. В Лозовской волости Курского уезда граждане обезоружили отряд по ловле дезертиров (донесение от 19 мая)¹¹⁰.

По данным на 26 мая 1919 г., отношение к мобилизации крестьян Курского уезда «натянутое», они «очень волнуются при ловле дезертиров». В Грайворонском уезде мобилизованные 1893–1896 гг. не являлись, настроение населения оценивалось как неудовлетворительное, в уезде появились «бандиты», которые властью оценивались как «левоэсеры». В Березовке толпа избила и обезоружила отряд по ловле дезертиров¹¹¹. В селе Зелдовец Грайворонского уезда Курской губернии произошло восстание на почве ловли дезертиров. Оно было быстро подавлено отрядом в 18 человек при одном агитаторе. В Ракитинской волости того же уезда толпа избила и обезоружила отряд по борьбе с дезертирством. Меры к подавлению приняты (донесение 31 мая 1919 г.)¹¹². Согласно донесению от 2 июня, эти меры воплотились в пять арестов, восстание считалось подавленным¹¹³. В следующем донесении, от 7 июня, сообщалось, что восстание в Ракитном (прежнее или новое?) подавлено агитаторскими силами. В Ваковской волости Суджанского уезда оказались убиты председатель и член волостного исполкома. На подавление отправились 100 вооруженных коммунистов. В Курском уезде предписано лишать дезертиров земельного пая¹¹⁴.

Со станции Касторная 13 июня сообщали, что в селах и волостях около станции Мармыжи начинаются восстания среднего крестьянства в количестве около 1 тысячи человек. Восставшие намерены захватить станции Мармыжи и Кшень, разобрать путь, взорвать мосты и захватить имеющиеся в Кшени паровозы¹¹⁵. Это район Тимского и Щигровского уездов.

Сводки иногда дают очевидно противоречивую информацию. Дело не столько в искажении, сколько в фиксации изменчивого положения, которое может весьма быстро стать другим. Так, 4 августа фиксируется «удовлетворительное» положение губернии. Организованных банд дезертиров и открытых выступлений нет. В то же время на границе Суджанского и Рыльского уездов появилась банда дезертиров в количестве 500 человек, руководимая Чеботаревым. Последний и четырнадцать его помощников задержаны, забран один пулемет и оружие. Отсутствие банд и внушительный отряд в полтысячи человек как будто не очень согласуются друг с другом¹¹⁶.

Через несколько дней настроение населения и красноармейцев «напряженное ввиду нашествия Деникина», Беспорядков при этом не было. Настроение рабочих хорошее, крестьян удовлетворительное (донесение 11 августа 1919 г. губвоенкомата в секретариат всебюркомвоена)¹¹⁷.

В местах, освобожденных от белых, самосознание крестьянских масс поднималось (сводка 25 августа – 7 сентября). В Курском уезде отношение к советской власти и Красной армии сочувственное. Мобилизация прошла успешно (август). В Старооскольском уезде «отношение населения к советской власти ненадежное». Замечается недовольство на почве дороговизны и недостатка продовольствия. Имели место единичные волнения (август). В Старооскольском уезде мобилизация прошла успешно. Из неявившихся 113 человек задержаны (август). В Тимском и Обоянском уездах настроение удовлетворительное (август). В Тимском уезде мобилизация прошла с трудом, не явились более 4700 человек. Появившиеся банды совершили ряд убийств (август). В Обоянском уезде мобилизация прошла успешно. Красная армия находит сильную поддержку в населении (август). В Дмитровском уезде кулачество вело агитацию, но встречало сильный отпор. В результате беспорядков на почве разверстки сенокоса ранена женщина (август). В Льговском уезде настроение колеблющееся. Кулачество ведет агитацию, но безрезультатно. Духовенство с нетерпением ждет прихода Деникина (август). В Щигровском уезде «политическое положение уезда, находящегося в прифронтовой полосе, приподнятое». Фиксировалась меньшевистская (то есть какая?) агитация, и был арестован меньшевистский комитет, ожидавший прихода Деникина (август). В Щигровском уезде шла усиленная ловля дезертиров. Многие добровольно являлись, около 1 тысячи человек арестованы. В местностях, занятых неприятелем, крестьяне вели партизанскую войну. Некоторые части 13-й армии творили безобразия, опустошая крестьянские хозяйства (август). В Фатежском уезде – усиленная агитация эсеров. При обысках нашлось много оружия, в том числе пироксилиновые пашки. В селе Никольское взорвалась пашка, взрывом ранено семь красноармейцев (август). Идет усиленная ловля дезертиров в уезде, которых насчитывается около 1 тысячи человек, уже выловлены более ста (август). В Суджанском уезде спокойно. Почти все дезертиры добровольно явились на сборный пункт (август).

Мобилизация по губернии оценивалась как успешная, то есть прошедшая без сопротивления. Дезертирство постепенно уменьшалось (18–25 августа). Дезертиров в губернии немного, и большинство из них являлось добровольно, но на скрывающихся при этом не указывало...¹¹⁸

В Курской губернии настроение удовлетворительное, восстаний не было, дезертирство сократилось до 2–4 %. Отношение крестьян к советской власти, за

малым исключением, удовлетворительное. Отношение к мобилизации 1888 года рождения рабочих и крестьян хорошее. Такая информация содержалась в донесении от 2 сентября 1919 г.¹¹⁹

Далее губернии предстояло оказаться полем ожесточенных сражений с новой волной смены настроений.

С весны поднялись волнения и в Орловской губернии. 3 апреля 1919 г. в нескольких волостях Елецкого уезда, граничащих с Лебедянским уездом Тамбовской губернии, произошло восстание. Отряд, посланный из Лебедяни, отступил под натиском кулаков. 4 апреля на подавление отправилась регулярная сила – рота 17-го стрелкового полка при четырех пулеметах¹²⁰.

26 мая по Орловской губернии сообщалось, что дезертирство призываемых доходит до 75 %¹²¹.

В брянской Бежице (ныне район г. Брянска) располагался знаменитый Брянский завод с укладом, напоминавшим уклад старых уральских заводов. Военный коммунизм тяжело отозвался на заводчанах. Начался голод. М.И. Калинина, явившегося в конце июня 1919 г. на агитпоезде, встретили крайне недружелюбно. В июле 1919 восстали под лозунгом «Долой советскую власть. Да здравствует Народная республика» крестьяне расположенных у Брянска Выгоничей, Кокина, Сельца Медведкова. Из рабочей Бежицы восставшим прислали четыре пулемета и 800 винтовок. Осенью 5-й кавалерийский корпус из состава Вооруженных сил Юга России генерала находился у хутора Михайловского; к белому командованию прибыла делегация брянских рабочих, просившая помощи в деле восстания против большевиков¹²². Это еще один вариант соотношения повстанцев и белых, рабочего протеста и крестьянского возмущения.

Сводка за 15 июля – 1 августа рисовала следующую картину. Положение губернии «довольно удовлетворительное». Восстания зеленых происходили в Севске Городищенской волости, ликвидированы посланными отрядами. Отряды вылавливали неявившихся дезертиров, коммунисты вели «усиленную агитацию»¹²³. Интересно, что использовано наименование «зеленые», не очень характерное для губернии.

В Выгоничах Трубчевского уезда 13 июля произошло восстание дезертиров численностью до 500 человек, имевших до 200 винтовок и хорошо организованных. Посланный для усмирения отряд, в свою очередь, массово грабил население. В Орловском уезде настроение антисоветское. Против распространяющихся дезертирства и спекуляции мер не принимается (25 июля).

В Орловской губернии явка дезертиров увеличивалась, настроение их бодрое, внимательны к беседам и митингам. В Курской губернии настроение удовлетворительное, беспорядков не было (донесение 30 июля 1919 г. губвоенкомата в секретариат всебюрокомвоена)¹²⁴.

В связи с решительными мерами и приближением Деникина в крестьянских массах наблюдается резкий перелом настроения в сторону советской власти, что усилило добровольную явку дезертиров. В волисполкомах «царят спячка и разгильдяйство. Мягкая барская мебель заражает ленью. Во многие волисполкомы стали проходить кулаки и их ставленники» (сводка за 1–8 августа). Политическое настроение удовлетворительное, за исключением Трубчевского и Елецкого уездов (31 июля). Мобилизация проходила удовлетворительно, настроение среди мобилизованных среднее. В связи с переломом на фронте дезертиры являлись добровольно. Причины дезертирства: темнота масс и отсутствие понятия о советской власти. Губпродком и уездные продкомитеты работали слабо. Отношение крестьян к декрету о хлебной

монополии отрицательное¹²⁵. Летом 1919 г. произошел такой эпизод: тридцать человек елецкой комиссии оказались окружены вооруженной двухтысячной толпой. Отряд проявил выдержку. Тут же судили и расстреляли белогвардейского агитатора. В результате вся восставшая масса рассыпалась, были выданы все дезертиры¹²⁶.

В разных местах губернии отряды при волостных военкоматах вели борьбу с дезертирством. Усиленно производились облавы, без эксцессов (сводка за 23–31 августа). В селе Казанском Никольской волости Ливненского уезда председателем сельского совета избран Булатников, участник прошлого года Ливненского восстания (19 августа). В Кокинской волости Трубчевского уезда на почве мобилизации было вооруженное восстание дезертиров (27 августа). В Селишове Почепского уезда отряд, посланный для ловли дезертиров, прогнан крестьянами (27 августа)¹²⁷.

С 15 по 30 августа было восстание дезертиров и кулаков с попом во главе в Брянском уезде¹²⁸. Видимо, речь идет о значительном выступлении, коль скоро восстание продлилось две недели. Нечастым является и открытое руководство вооруженного выступления «попом». С 1 по 24 августа задержаны 8325 дезертиров. Выясняется, что упомянутого ливненского повстанца 1918 г. Булатникова «кулацкие элементы» провели в начале сентября председателем уже и в волостной совет Никольской волости (сводка за 21–30 сентября). Мобилизация почти закончилась. Борьба с дезертирством шла успешно (23 августа – 1 сентября). Однако вскоре в некоторых уездах наплыв дезертиров, с неизменной «энергичной борьбой» против него (5 – 15 сентября). Открытых восстаний не было (сводка за 21–30 сентября)¹²⁹.

В Извольской, Каменской, Воронежской волостях Орловской губернии вспыхнуло восстание, подготовленное агентами Деникина (по советской интерпретации) на почве реквизиции продовольствия. Восставших 15–20 тысяч человек, с винтовками, пулеметами и бомбами, полученными от казаков Мамонтова. В Елецком уезде вспыхнуло восстание хорошо вооруженных кулаков, банды Ильинской и Извольской волостей расстреляли вновь назначенного коменданта Елецкого укрепленного района Комарова. Восстание в районе Елецкого уезда было подавлено к 29 сентября. Часть восставших разбежалась по лесам Елецкого и Задонского уездов¹³⁰. Отзвуки сентябрьских восстаний вокруг Ельца нашли отражение и в дневнике М. Пришвина. 25 сентября: «Пришла баба, сказала, что из Задонска едут мужики с казаками. 26 сентября: Пришли, рассказывали, что будто бы вечером был действительно переполох, аэропланная разведка показала в 7-ми верстах мужиков: едут по Задонской дороге на Елец мужики. Но почему-то не пришли... Был Г. и сказал, что этой ночью мужики были действительно в 7 верстах от Ельца, а тот отряд с двумя пулеметами действительно пошел ему навстречу, мужики побросали винтовки и ушли, но в другом селе, «поправее», началось другое восстание... Пришел вечером Яша, весь в лентах с пулями, говорил, что всю ночь с отрядом ходил по зеленым и умирал мужиков (семерых расстреляли)».

Наступавшие белые части встречали красных дезертиров, живших и передвигавшихся более или менее организованными группами. В середине августа 1919 г. обозначился прорыв красных в стык Донской и Добровольческой армий в районе Волчанска. Харьков оказался под угрозой. Комендантская рота штаба 1-го армейского корпуса спешно идет на позиции. «...Мы устроили совещание и решили, что задержимся у хутора, где нашли человек 10 солдат типа дезертиров. Они говорили, что уходят от красных»¹³¹. Известный мемуарист, белый офицер Н.А. Раевский дарит такой сюжет из боев 1919 г. («Добровольцы. 1919»). «То же Пушкарное. Правый фланг обошли. Пришлось отходить. Я временно командовал взводом. Одно орудие приказал отвести назад. С другими остался сам. Постреляли. Смотрели удочки. На подъеме ездые сделали неправильный поворот. Дышло

пополам. Пушка опрокинулась. Упал в канаву. Самим на косогор не втянуть. Пехотная цепь отжалась на фланг. Впереди красные. Подходят. Двух разведчиков послал в деревню. Найти веревку и пригнать мужиков. Номеров развернул в цепь. Местность Пересеченная. Выехал с ординарцем на холм. Рощи, поля, деревни. В наш тыл уходят толпами какие-то люди. Вынул бинокль. Ни одной бабы. Не то солдаты, не то штатские. Гимнастерки, фуражки, пиджаки. За плечами узлы. Разведчики привели человек тридцать. Встретили по дороге. Советские дезертиры. Жили по деревням. Бегут от красных. Велел вытащить пушку. Работали быстро и дружно. Подойди большевики, им бы тоже конец. Связали дышло. Помогли втянуть орудие на гору. Советские цепи почему-то замешкались, и мы успели уйти. Вечером фельдфебель доложил:

— Разрешите выдать дезертирам ужин?

— На всех хватит?

— Так точно, хватит.

— Выдайте и спросите, не желает ли кто из них поступить в батарею. Кажется, ничего ребята?

— Так точно, подходящие...

Желающих, не нашлось».

Очевидно, такой персонаж на фоне боев белых и красных был весьма немалочисленным. Что интересно, параллельно были и многочисленные желающие встать в белые ряды, однако белые не имели ресурса их быстро освоить. «Население Тульской и Орловской губерний в большинстве с тоской смотрело на отступавших белых. Тысячи крестьян двинулись на юг за войсками. Отсутствие оружия, воли и умения не позволили пополнить поредевшие части. Эти люди в большинстве распылились на дорогах отступления»¹³².

После отлива белых войск дезертирство пошло на убыль — приближалась зима. Началась добровольная явка. По Орловской губернии только с 25 ноября по 1 декабря явились 1713 человек, задержаны 3776, вновь дезертировавших оказалось 547. В Юровской волости Трубчевского уезда 20 ноября происходило восстание дезертиров незначительного характера (сводка за 8 — 15 декабря). В уездах появились бандиты. На деревню Ушивки Орловского уезда было совершено вооруженное нападение. Милиционеры железнодорожной охраны работали в контакте с бандитами (сводка за 8 — 15 декабря)¹³³.

События в одном уезде позволяют увидеть более связную картину. Примером может служить уже не раз нами упомянутый Трубчевский уезд. Уезд весной — осенью 1919 г. был переполнен дезертирами, волновался по поводу начавшегося голода, ширились слухи о скором появлении Деникина, у которого «все есть и все дешево». Уездная советская власть не имела серьезной опоры. Караульный батальон, энергичный начальник укомдеза Раков — этим ресурсы исчерпывались. Добровольческую роту, которую взялся формировать уезд, создать не удалось из-за отсутствия добровольцев. Между тем государственное давление на деревню не знало послаблений. Население относилось к советской власти откровенно враждебно, леса полнились дезертирами. Вооруженные отряды официально именовались «бандами» и «шайками», что интересно, исследователь не употребляет слова «зеленые» ни в качестве названия, ни самоназвания. Очевидно, оно здесь не было в ходу. Массовое недовольство не вылилось в покушения на власть как таковую. Бандитские шайки активно грабили кассы лесничеств. Не изменил ситуации и полевой военно-революционный трибунал, созданный в уезде в апреле. Объектами нападения дезертиров были активные представители власти и потенциальные

жертвы грабежа. В то же время определенное развитие недовольства в отдельных волостях можно увидеть.

В феврале Краснослободский волисполком писал, что, при отсутствии открытых восстаний, «в борьбе с преобладающим количеством подпольных противников бессилен». 31 мая в Денисовке Краснослободской волости при ловле дезертиров был убит местный гражданин П. Телелюхин. Убийство вызвало возмущение военнообязанных. Они 2 июня стали стекаться в волостное село – расправиться с волисполкомом. Исполком предусмотрительно разбежался. Возмутившиеся крестьяне провели митинг, на котором выражали несогласие с мобилизацией (стояла страдная пора) и методами ее проведения. В волости было тяжелое продовольственное положение. Не имея сил, власти не пошли на обострение. Прибывший отряд к оружию не прибегал. Однако в первой половине июня в волости не раз побывал отряд по борьбе с дезертирством. В начале июля в Краснослободской волости восстали дезертиры в числе около 230 человек. Высланный отряд в 40 человек ликвидировал это выступление. 11 июля последовало сообщение по окончании мобилизации: из 1020 подлежащих от волости не явился ни один. В ночь на 25 ноября 1919 г. в Красной Слободе партизаны из отряда Адова (надо полагать, устрашающий псевдоним вожака) напали на начальника районной милиции Кильдеева. Нападение и последующее преследование партизан привело к потерям, в том числе погибли начальник штаба, каптенармус отряда и адъютант Адова. Наличие таких должностей показывает, что отряд был организован по-военному. Таким образом, данная волость демонстрирует упорно дезертирство и, видимо, выделила организованный отряд для «корректировки» действий местной власти. Вполне логичное и многократно повторявшееся развитие событий.

В июле произошло крупное восстание дезертиров и мобилизованных в Кокинской, Марфинской и Красносельской волостях. Тогда же возмутился Трубчевск и пригородные деревни, – предкомдез Д. Раков в бесовском раже расстрелял чтимую Челнскую икону Божией матери.

И концу года в уезде находилось 2000 дезертиров¹³⁴. Итак, мы наблюдаем вполне «зеленое» развитие событий при отсутствии или нераспространенности самого названия.

4 апреля вспыхнуло контрреволюционное выступление в волостях Ефремовского уезда Тульской губернии: в Лобановской, Ступиновской, Шиповской, Замарайской, Широховотской, Авдуловской и Дарищенской. Выступление в Ефремовском уезде оценивалось как продолжение Елецкого движения. Гарнизон Ефремова не надежен. Движение в Ефремовском уезде грозило затянуться и перекинуться в другие пункты¹³⁵.

По данным за первую половину июля, в Чернском уезде Тульской губернии только что ликвидировано восстание дезертиров и раскрыт заговор дезертиров¹³⁶. Такая информация позволяет предположить упорство дезертиров и наличие каких-то организационных структур.

К 29 июля Тульская губерния объявлена на военном положении, обсуждался вопрос о создании оперативной тройки. В распоряжении красных властей имелось только три боеспособные роты. Посланы отряды для облав и создания впечатления, что дезертирствовать невозможно: в Тульский уезд 150 человек, Белевский – 150, Елифановский – 130, Крапивянский – 150. Разведка слабовата¹³⁷. Видимо, более решительное поведение восставших могло существенно изменить ситуацию. Однако «настроение в губернии обывательское». Духовенство при службе в церквях вело антисоветскую агитацию, указывало, что с твердой верой в Христа можно победить лжепророков большевиков. В пределах губернии спокойно. Уклонявшиеся от

мобилизации жили в деревнях, не принимая никаких мер к какой бы то ни было организации. Из уездов добровольно являлись дезертиры. Продовольственное положение плохое; предполагалось сокращение пайка (29 июля). Настроение Новосильского уезда сочувственное. Политическое состояние города Епифани и уезда удовлетворительное (6 августа)¹³⁸.

В течение всего августа в губернии спокойно; велось вылавливание дезертиров. С 17 июня по 31 августа – 35 565 человек добровольно явившихся и задержанных. Революционным военным трибуналом принимались энергичные меры (4 сентября)¹³⁹. Общая сводка за лето по губернии такова: 14 698 человек явились добровольно за июнь – июль и 10 327 были задержаны (итого 25 025). По августу 10 689 добровольно явились и 1331 человек был задержан. Судимо было из них 16 человек и 33 приговорено к расстрелу¹⁴⁰.

Выездной сессией ревтрибунала велась усиленная борьба с дезертирством в Ефремовском уезде; началась добровольная явка (29 августа). В Веневском уезде реввоен трибунал оштрафовал села Красное и Дудино, деревни Красные Васильки и Дамедова и Серебряно-Прудскую волость на 1700 тысяч рублей и расстрелял двух дезертиров (сводка за 23–30 ноября)¹⁴¹.

Предгубчека Пензенской губернии заявил 3 июля об улучшении настроения в связи с объявлением в Пензе военного положения. Неделя добровольной явки дезертиров давала результат, дезертиры массами являлись в губвоенкомат. Случаи открытого выступления небольших банд были без особого труда ликвидированы. В течение первой половины июля в Нижне-Ломовском уезде Пензенской губернии произошло вооруженное выступление дезертиров, ликвидированное в два дня отрядом в 40 человек¹⁴². Вскоре природа стала брать свое: из Нижне-Ломовского, Саранского и Краснослободского уездов поступали сведения, что из-за холодов дезертиры, прятавшиеся по лесам и берегам, возвращаются по домам (18 августа). Энергичная борьба с дезертирством приносила результат: в большинстве волостей Нижне-Ломовского уезда дезертиров уже не было (13 сентября). На 13 августа явились по губернии 1138 дезертиров, задержаны разведкой 903 человека, из коих злостных четыре (30 августа).

Дезертирство развито благодаря халатности местных исполкомов, которые не принимали никаких мер (сводка за 1–7 ноября). Пензенская губчека приговорила к расстрелу 11 дезертиров за грабежи, поджоги и шантаж (среди них пять бывших «охранников», то есть сотрудников охранных отделений империи)¹⁴³.

Таким образом, мы неизменно видим довольно пеструю картину, с существенной разницей по уездам даже одной губернии. Дезертиры являются своего рода ударной силой крестьянского сопротивления, переходя из повстанцев на положение более или менее активных зеленых. Карательные отряды нередко, даже в глазах своего руководства, безобразно ведут себя по отношению к населению. Дезертирство во всех губерниях многотысячное, и надо сказать, что процент задержанных весьма высок, добровольная явка выступает для крестьян-дезертиров скорее как способ легализоваться в удобный (амнистия, наступление холодов) момент, чем как некий осознанный политический выбор или следствие раскаяния в дезертирстве из РККА.

Про новые типы, порожденные и востребованные революцией, писали многие. Н.А. Бердяев объявил, что в России победил «новый антропологический тип», энергичный молодой человек во френче. «Порядок и вольность (френч и чуб). Посмотрите на человека власти, взявшего от варягов френч и от казаков чуб на лбу, какое отвратительное явление представляет эта смесь френча английского с казацким чубом, и таков представитель власти, комиссар – момент соприкосновения варяжской идеи порядка с многими карманами и русской чубастой удалью», –

рефлексирует Пришвин (дневник, запись от 12 января 1919 г.) С.С. Маслов проникательно пишет о том, что партизанские отряды вербуются из деревенских низов, в том числе низов моральных. Есть «кадры», а есть резерв партизан. При наличии волевого вожака отряд будет, материала для партизанской вольницы сколько угодно¹⁴⁴.

По белогвардейским данным, в декабре 1919 г. банды Чучупаки численностью до 6000 человек (район Черкасс) включали следующие элементы: «а) Преступный элемент, укрывавшийся в Холодном Яре еще и в прежние времена при сменяющихся властях, б) Часть местного населения, поступившая добровольно, будучи прельщена обещаниями агитаторов, в) Насильно мобилизованные под угрозой шомполов и разграбления имущества, г) Остатки разбитых частей красных, Петлюры и Махно, которым некуда было деваться»¹⁴⁵. Итак, преступные, прельщенные, мобилизованные и оставшиеся в безвыходном положении — на белогвардейский взгляд. Первые две позиции, надо полагать, обозначают как раз добровольческий кадр этого конкретного повстанческого района. Генерал Шинкаренко, уже с большой временной дистанции, в конце 1950-х гг. в эмиграции, дал такую характеристику южнорусскому мужику в ситуации Гражданской войны: «...в моем понимании выходит оно так. Крестьяне, что живут в Новороссии, — особенно те, что хохлы, — по природным своим качествам, наделены храбростью и для боя годятся. И запорожская кровь в них есть; и в Галиции в славных полках VII и VIII корпусов наших достойно против мадьяр и немцев воевали. Это так. Но... начиная с семнадцатого года все мужицкое население России стало, в массе своей, никаких боев не приемлющим. Заграбить землю и сидеть у себя. Так оно и в Новороссии. Но, ежели общая линия сидеть на заграбленном без выстрелов, так все-таки всегда и везде есть еще и некое меньшинство со вкусом разбойным, за винтовку легко берущееся. Вот то меньшинство, что на нашем Юге России, по преимуществу, красным заделалось: вся конница товарищеская, от Буденного и Жлобы с Думенко до Котовского. В Екатеринославские, по местным условиям, пошло это не попросту красной, а своей собственной особой линией, имевшей все-таки скорее красный оттенок. И нет сомнения, все и все они, — безразлично, буденновец или махновец, — были самым храбрым и самым боевым из всего сельского населения Ставропольской ли губернии или Новороссии. Лучше всех остальных. Если бы прицел, что они брали, оказался бы тем, что взяли мы, так и война наша Белая стала иметь бы сколько-то иной вид. Но прицелы у нас были разные. Совсем разные. И у каждого из тех махновцев, что лезли к нам по Днепру (имеются в виду союзные белым повстанцы 1920 г. — *Авт.*), наверное, был кто-либо белый пристреленный, либо имение ограбленное»¹⁴⁶. Генерал сожалеет о «разных прицелах», понимая всякую повстанчину как неродственную белой борьбе. При этом боевой элемент в крестьянстве он видит и высоко оценивает. Много выразительных кадров дала Сибирь. С одной стороны, ссыльный, приисковый и прочий подобный элемент существенно утяжелил характер краснопартизанских отрядов, с другой — сибирская атаманина, опиравшаяся на казачьи и старожильческие крестьянские кадры, также отличалась брутальностью в борьбе с партизанами.

С советской стороны борьбу с повстанчеством вели отряды ВЧК и ВОХР (войска охраны республики), отряды комдез (комиссий по борьбе с дезертирством), воинские части, отряды коммунистов, коммунаров, всякого рода сборные отряды, караульные и прочие местные формирования.

При этом большевики умело мобилизовали силы. В критической ситуации формировались чрезвычайные органы власти, с временным роспуском «конституционных» органов. Это могли быть ревкомы, чрезвычайные тройки или четверки. Последние создавались, например, на пике зеленого движения в

охваченных им губерниях. Спад движения привел к их расформированию с передачей чрезвычайных полномочий подлежащим ведомствам. Так, председатель ВЧК Дзержинский, начальник ВОХР Волобуев и за председателя центральной комиссии по борьбе с дезертирством Лурье 2 сентября 1919 г. предписали окружные оперативные четверки расформировать с передачей их дел управлениям секторов ВОХР¹⁴⁷.

Бригады ВОХР создавались поэтапно, старшие подразделения были костяком соединения и отличались наибольшей боеспособностью. Например, в 4-й отдельной стрелковой бригаде войск ВОХР 31-й батальон начал формироваться 1 апреля 1918 г., 207-й батальон – 15 сентября 1919 г., и 4-й батальон – 4 октября 1919-го¹⁴⁸. Банды повстанцев в Малороссии, Сибири и других местностях, как правило, достаточно спокойно избегали уничтожения в глубинке, но часто бывали ограничены железными и шоссейными дорогами, которые охранялись, в том числе бронепоездами и бронеавтомобилями. Охрана железных дорог стала одним из приоритетов любой власти¹⁴⁹. К концу февраля 1919 г. железные дороги охраняли до 74 тысяч штыков, что составляло более 40 % всех войск вспомогательного назначения Советской республики¹⁵⁰. В войсках белой Сибирской армии в том же году существовал Отряд охраны железных дорог¹⁵¹. Часто угроза дороге или ее перекрытие и делало возмущение заметным для власти. Весной 1919 г. в районе Киев – Житомир оперировали повстанцы Мордалевича, Струка, Лисицы и других. Все они сражались не против Советской власти, а против «коммуны» и «жидов». Последние подвергались погромам и резне, в то же время крестьяне действительно могли не опасаться этих атаманов. «Таким стимулам борьбы сочувствует огромное большинство населения». На этом фоне разношерстные и часто элементарно голодные красные части не имели шансов уничтожить повстанцев, а лишь старались обеспечить свободу коммуникаций. Чем дальше от железных и шоссейных дорог, «тем слабей положение сов. власти и тем сильнее поносит большевиков население»¹⁵². «Товарная неделя... почти сорвалась» из-за восстаний. Около Ельца повстанцы неделю владели дорогой», – записывал в дневнике советский военспец и известный военный писатель А.Е. Снесарев¹⁵³.

Батальоны ВОХР состояли из местных уроженцев. Это отражалось на их боеспособности. Из 54-го отдельного стрелкового батальона при отправке части на фронт против Юденича бежало 8 человек – псковичи, новгородцы и петроградцы. Из 145-го батальона бежали четверо с 15 по 22 ноября – костромич, уроженцы Петроградской и Новгородской губерний. Из 202-го батальона бежало 30 человек с момента выступления на фронт из Петрограда до 21 ноября¹⁵⁴. Так же обстояло дело и с другими частями внутренней службы. В 1856-м полку железнодорожной охраны в Подмосковье большинство бойцов обуто в лапти; красноармейцы активно дезертировали (к 13 сентября – 196 человек), что объяснялось уборкой хлеба в деревнях (сводка за 21–30 сентября)¹⁵⁵.

Численность отряда по борьбе с дезертирством, как правило, составляла до пятидесяти, иногда – до 200 человек¹⁵⁶. Документы показывают, что эти отряды могли быть совсем скромного состава – в два десятка человек. На подавление восстаний обычно отправлялись также отряды местных коммунистов или коммунаров, местные караульные и прочие вспомогательные части. Часто первые поражения малобоеспособных отрядов позволяли разрастись вооруженному движению, воодушевляли повстанцев на активные действия. В этих условиях нередко главная роль в подавлении того или иного серьезного восстания принадлежала более или менее случайному отряду, которому повезло с энергичным и жестоким командиром. Подавление летней зеленовщины в разных губерниях дает тому примеры.

Дезертирство представляет собой неизбежный сюжет в жизни любой массовой армии. Однако мотивы, масштабы, условия и последствия дезертирства могут существенно различаться.

Русская императорская армия знала многочисленные случаи групповых сдач в плен во время тяжелых боев 1915 г., общее число пленных превысило 2 миллиона 400 тысяч, из них порядка миллиона раненых. Однако дезертирство не было значительной проблемой до революции. С начала войны до Февральской революции дезертиров насчитывалось 195 тысяч, средняя величина в месяц – более 6300 человек. Дезертирство кратно возросло после революции. Н.Н. Головин специально исследует вопрос о количестве дезертиров и доказывает, что широко распространившиеся разговоры о двухмиллионном дезертирстве к концу 1916 г. не соответствуют действительности. До указанных величин оно выросло к концу 1917 г.¹⁵⁷ Действительно, даже на прифронтовой Смоленщине наплыв дезертиров старой армии стал наблюдаться только в начале 1918 г.¹⁵⁸ В то же время «динамика дезертирства показывает, что основную роль в развале русской армии сыграла не революция... Главным фактором послужил крестьянский состав русской армии, не выдерживавшей тягот современной войны. Как и раньше, солдат подчинялся в своем настроении больше сезонным циклам, нежели гражданскому долгу. В целом же солдат-крестьянин не воспринимал противника как непримиримого врага, братаясь с ним на Юго-Западном фронте и просто убегая от него на Западном и Северном»¹⁵⁹. Не следует считать, что более национально собранные народы не знали этой проблемы. Гинденбург говорил, что в германской армии в войну дезертирство носило эпидемический характер и не стало массовым только из-за своей молодости¹⁶⁰.

Гражданская война создала новую ситуацию на фронте и новые соблазны. Например, Ю. Поляков пишет о Гражданской войне как войне без пленных: крестьянам-солдатам меняли кокарды и ставили в строй. При этом сохранялся антагонизм офицера и солдата в белых армиях и старого офицера, революционного начальства и солдатской массы – в Красной¹⁶¹. Это верно только отчасти. Крестьянскую природу дезертирства из РККА заметил М. Левин. «История дезертиров – это, конечно, история крестьян», – пишет он, указывая, что красные новобранцы легко могли найти дорогу к зеленым, Махно, Антонову...¹⁶² По мнению О.А. Суховой, «сущность массового уклонения от призыва и дезертирства из действующей армии, превратившегося к 1919 г. в мощнейший фактор социальной динамики, постепенно меняется: из формы обыденного сопротивления противостояние дезертиров и государства превращается в отдельный фронт гражданской войны, определяемый многими авторами как антикоммунистический»¹⁶³. То есть дезертирство политизируется и превращается в субъект Гражданской войны. Выражением данного процесса как раз и стало зеленое движение.

П.А. Сорокин видел в революции растормаживание рефлексов, «биологизацию» человека, которые, в свою очередь, требовали дальнейшего мощного насилия для очередного «торможения». Прививка рефлексов торможения сработала, однако надетая большевиками смиренная рубашка слишком тесна, она душит само общество. Когда большевики перешли к «прививке рефлексов повиновения», восстания поднялись уже против них. Однако большевики уже располагали аппаратом принуждения и подавили сопротивление. В результате «к 1919–1920 гг. наступило «оцепенение» общества. Реакции неповиновения были сломлены путем беспощадных тормозящих стимулов. Армия, не хотевшая воевать, поставленная в поле таких детерминаторов, послушно пошла на войну», протесты смолкли, восстановилась система подчинения¹⁶⁴. В этой парадигме разыгрывалась драма русского новобранца, мобилизованного, дезертира.

Дезертирству в годы Гражданской войны из Красной армии в середине 1920-х были посвящены две специальные и весьма информативные работы, сочетавшие исследовательский подход и оперирование личным опытом авторов¹⁶⁵. В наше время по теме также работает несколько авторов. Книга С. Оликова является наиболее подробным очерком эпопеи массового дезертирства из РККА в годы Гражданской войны. Н. Мовчин рассуждает и о проблеме дезертирства в будущей войне¹⁶⁶. Он стремится сделать книгу популярной, увы, жертвуя при этом сносками на источники.

Характерно, что Оликов не смог разыскать архив Центркомдезертир, полагая его уничтоженным в Наркомтруде, который стал заниматься дезертирством уже с трудового фронта¹⁶⁷. Сам автор боролся с дезертирством в Орловском военном округе и в махновских районах на Украине. Книга проникнута рассуждениями о подходе к дезертиру, содержит и статистический, хотя и разрозненный, материал.

В советской документации причинами дезертирства называются необеспеченность красноармейцев, голод в частях, медленная выдача пособий, потворство комсостава, длительные стоянки эшелонов на станциях, близость дома, необходимость участвовать в сельхозработах дома и многие подобные резоны. Е.А. Сикорский справедливо задается вопросом: в разнообразной документации не упоминаются антисоветские и антибольшевистские настроения как причина дезертирства, – из-за их отсутствия? Или же авторы сводок и опросных листов оставляли таковые за скобками?¹⁶⁸ Очевидно, мы вправе предположить, что дезертирское положение направляло судьбу по «зеленому» руслу просто силою вещей. Если власти начинали борьбу против дезертиров, те оказывались в ситуации конфронтации с властью, организовывали свои структуры выживания и самообороны, обращались к антибольшевистской риторике.

Советское военное строительство уже с весны 1918 г. ориентировалось на создание массовой армии. Это предполагало недобровольное привлечение широких кругов населения.

В марте 1918 г. был образован Высший военный совет и проведена военно-административная реформа с образованием 11 военных округов. Декретом СНК 8 апреля 1918 г. учреждались волостные, уездные, губернские и окружные комиссариаты по военным делам. В апреле создана Высшая военная инспекция для помощи местным советам в деле создания армии и контроля над этим процессом. Декретом ВЕД1К 22 апреля 1918 г. отменялась выборность и вводилось назначение командного состава, вводилось всеобщее воинское обучение трудящихся. Объявляются первые штаты строевых частей. В мае образован Всероссийский Главный штаб с подчинением ему всей системы военных комиссариатов. 29 мая 1918 г. ВЦИК издал декрет о принудительном наборе в Красную армию. V Всероссийский съезд Советов в июле 1918 г. утвердил декрет о всеобщей воинской повинности.

Декретом СНК 29 июля 1918 г. вводился воинский учет для лиц 18–40 лет. Декретом от 29 июля 1918 г. в РСФСР введена всеобщая воинская обязанность. Все военнообязанное население в возрасте от 18 до 40 лет бралось на учет, также вводился учет и мобилизация конского состава¹⁶⁹. Появился всевобуч как система массового военного обучения «трудящихся». Всевобуч стал паллиативным решением: всеобщее вооружение трудящихся оказалось утопией, и в качестве резерва для РККА был изобретен всевобуч. По впечатлениям Терне, относящихся, правда, к городу и 1920 г., дело было поставлено бестолково, относились к нему соответственно, и идея всевобуча быстро ушла из фаворитов в иерархии советских ведомств¹⁷⁰. Очевидно, в сельской глубинке было не лучше. Однако на должности инструкторов всевобуча попадали недавние фронтовики, бывшие офицеры из

местных уроженцев, и для вооруженных возмущений система всеобщая как раз могла предоставлять командные кадры и иногда какое-то элементарное вооружение. К началу 1919 г. на территории РСФСР было 4616 пунктов военного обучения, в которых работало около 50 тысяч инструкторов. В июне 1919 г. принято положение об обязательном военном обучении в объеме 96 часов. На осень 1920 г. имелось 5 миллионов прошедших обучение лиц призывного и допризывного возраста¹⁷¹.

25 декабря 1918 г. вышло масштабное постановление Совета обороны, посвященное борьбе с дезертирством. Оно признавалось «тяжким и позорным» преступлением, всем советским органам предписывалось незамедлительно приступить к повсеместному розыску дезертиров. Конкретные мероприятия предлагалось проводить силами РВС Республики. Дезертирам предоставлялся двухнедельный срок «со дня опубликования особого приказа» для возвращения в части без наказания. При этом такие красноармейцы подлежали особому учету в своих частях, чтобы в случае новых нарушений «революционного долга» быть подвергнутым более тяжелому наказанию, чем красноармейцы, не запятанные дезертирством. Учреждалась Центральная временная комиссия по борьбе с дезертирством в составе представителей Всероссийского главного штаба, Всероссийского бюро военных комиссаров и Народного комиссариата внутренних дел. Предлагалась активная пропаганда, митингами и с помощью печати, среди населения идеи преступности и недопустимости дезертирства. Наказания для дезертиров варьировались от денежного штрафа до расстрела, и для укрывателей предлагались принудительные работы до пяти лет. Принятие мер и оповещение населения возлагались на систему военных комиссаров, комбеды (доживавшие последние дни) и исполкомы советов разного уровня¹⁷².

27 декабря 1918 г. ВЦИК предписал Российскому телеграфному агентству и редакции «Известий»: «В настоящее время два вопроса стоят в центре внимания военного аппарата: мобилизация винтовок и шашек и борьба против дезертирства». Выполнению этих задач предлагалось содействовать данным органам массовой информации¹⁷³.

25 января 1919 г. Центркомдезертир отдал телеграфное распоряжение о создании губернских и уездных комиссий. При штабах округов формировались окружные комиссии. Приказом РВС от 17 ноября 1919 г. учреждались полевые комиссии при РВС фронтов, армий и штабах дивизий¹⁷⁴. Последнее начинание, кстати, говорило о том, что даже при победоносном движении Красной армии на всех фронтах проблема дезертирства не ослабевала и требовала наращивания соответствующей инфраструктуры. Волостные комиссии были организованы не везде, ибо на них не отпускалось средств, да и роль их зачастую была чисто агентурной: при массовом повстанчестве лета 1919 г. сколь-нибудь работоспособные комиссии в волостях невозможно себе представить¹⁷⁵.

Согласно разъяснению ЦКД, дезертир – это военный служащий, отсутствующий в части более 7 дней. Предлагалась и классификация: на дезертиров по слабости воли и злонамеренных (или «злостных», как нередко писалось в документации). К первым предлагалось относить находившихся в отлучке менее 14 дней или более, но по уважительной причине. Ко вторым – отсутствовавших более 14 дней, дезертировавших с казенными вещами (кроме выданных лично красноармейцу) или оружием, скрывших при задержании имя, сопротивлявшихся при задержании, наконец, бежавших два и более раза¹⁷⁶.

В феврале 1919 г. Центральная комиссия по борьбе с дезертирством предоставила право суда над дезертирами губернским комиссиям¹⁷⁷. В феврале 1919 г. утверждено положение о запасных частях. Уже в марте в них состояло до 129 тысяч человек¹⁷⁸.

29 марта 1919 г. было принято постановление Совета обороны за подписями Ленина и Э. Скаянского. Оно устанавливало правила рассмотрения дел о дезертирстве до окончательного конструирования системы революционных трибуналов, в интересах скорейшего рассмотрения дел и отправки дезертиров на фронт. Устанавливалось, что права рассмотрения дел с наложением взысканий передавались столичным и губернским комиссиям по борьбе с дезертирством. Общее руководство деятельностью комиссий возлагалось на Центральную комиссию по борьбе с дезертирством, которой давалось право разработать соответствующую инструкцию. Постановление вводилось в действие по телеграфу¹⁷⁹.

11 апреля 1919 г. в девяти неземледельческих губерниях был объявлен призыв 1886–1890 гг. рождения. Параллельно проводились партийная, профсоюзная мобилизации, мобилизации вернувшихся из плена, выздоровевших после болезни. Мобилизации проходили слабо, они и подняли значительную волну весенне-летнего дезертирства 1919 г. В черноземных губерниях, например Тульской, брали новобранцев 1900 г. рождения¹⁸⁰. В эти же дни остались без пособий семьи погибших солдат «старой» армии. На основании приказа Наркомвоена № 230 о расформировании старой армии к 12 апреля 1918 г. предписывалось с 12 апреля 1919 года прекратить выдачу пайка семьям убитых или пропавших без вести солдат старой армии. Такой приказ подписал народный комиссар социального обеспечения А. Винокуров.

С весны началось разворачивание концлагерей. Организационным толчком процесса создания лагерей принудительных работ на всей подконтрольной большевикам территории России стала телеграмма заведующего Центральным управлением лагерей члена коллегии НКВД и ВЧКМ.С. Кедрова, направленная 17 апреля 1919 г. всем губчека и отделам управления губисполкомов. В телеграмме содержалось требование «немедленно приступить к устройству лагерей принудительных работ и открыть таковые не позже двадцатого мая»; каждый лагерь должен был быть рассчитан не менее чем на триста человек. Рекомендовалось устраивать лагеря в черте города в помещениях монастырей¹⁸¹. Дезертиры попадали в концлагеря, хотя и в не очень больших количествах. Дезертиров и уклонистов в Калужском концлагере в период Гражданской войны было меньше, чем, например, заложников, так как их поимка была плохо организована, и, кроме того, большинство пойманных отправлялось обратно в армию, в штрафные подразделения, а к злостным дезертирам чаще применялись более строгие меры, чем нахождение под стражей в концлагере¹⁸².

25 апреля, вскоре после нового курса, провозглашенного Восьмым съездом РКП(б), последовал декрет ВЦИК и СТО «О призыве среднего и беднейшего крестьянства к борьбе с контрреволюцией». Согласно декрету, каждая волость должна была снарядить за свой счет 10–20 местных добровольцев. Власть рассчитывала на 140 тысяч добровольцев. Так называемая «волостная» мобилизация, однако, провалилась. Деревня весьма ревниво относилась ко всякой избирательности. Провал мобилизации продемонстрировал и откровенное нежелание деревни погибать за новую власть. Напугать ее «Колчаком» не удалось. Власть ответила поворотом к репрессивным мерам¹⁸³. Постановлением Совета обороны 3 июня 1919 г. регламентировались меры борьбы с дезертирством. Дезертирам предлагалось в семидневный срок со дня обнародования постановления в данной местности явиться в ближайший комиссариат по военным делам с освобождением от суда и наказания. Неявившиеся объявлялись «врагами и предателями трудящегося народа». Революционными трибуналам и, при их отсутствии, губернским комиссиям по борьбе с дезертирством предоставлялось право следующих наказаний для дезертиров: конфискация всего или части имущества, лишение навсегда или на срок всего или части земельного надела. Конфискованное подлежало передаче во временное

пользование семьям красноармейцев. Те же меры разрешалось применять и к укрывателям дезертиров. Предписывались трудовая повинность и штрафы для укрывателей, в том числе наложение штрафов на волости и селения на началах круговой поруки. При невзносе штрафа «применяются решительные меры». Семьи красноармейцев и все содействовавшие освобождались от штрафов¹⁸⁴. Семьи дезертиров лишались пайка и пособий с момента извещения местными военными или дезертир-комиссиями о дезертирстве¹⁸⁵.

9 июля, через неполную неделю после «Московской директивы» главкома ВСЮР А.И. Деникина, последовало письмо ЦК РКП(б) ко всем организациям партии о мобилизации сил на борьбу с Деникиным. Требование к стране стать «единым военным лагерем» не могло не поставить и вопрос о дезертирстве. Соответствующий раздел констатировал, что дезертир «повалил» в Красную армию, возвращение стало массовым. При этом парадоксальным образом предлагалось «изо всех сил» «налечь на работу среди дезертиров и для возврата дезертиров в армию». Логика документа заставляет вспомнить более поздний и не менее известный партийный документ – статью «Головокружение от успехов» 1930 г. Особо отмечалось, что на дезертиров удастся воздействовать убеждением, и это в корне отличает рабочую власть от помещичьей и буржуазной¹⁸⁶.

11 июля 1919 г. Совет обороны по итогам доклада Ф. Дзержинского «о восстаниях дезертиров и зеленых» принял постановление поручить РВСР «принять меры к возможному увеличению числа войск Всероссийской чрезвычайной комиссии». Этому предшествовали доклады о восстаниях и способах добывания восставшими оружия и боеприпасов по линии РВСР и ВЧК¹⁸⁷.

Постановлением Совета обороны от 17 октября 1919 г. было признано, что части ВОХР «при командировании для подавления восстаний и ловли дезертиров из мест постоянного их расположения в другие местности подлежат удовлетворению пайком по фронтовой норме»¹⁸⁸.

Большевики умело играли агитацией, амнистиями. 4 ноября 1919 г. вышло постановление ВЦИК об амнистии ко второй годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Согласно документу, от ответственности освобождались дезертиры, явившиеся не позднее 25 ноября в военные комиссариаты. Лишенные по приговорам трибуналов свободы направлялись в штрафные части, пребывавшие в штрафных частях – направлялись на фронт¹⁸⁹.

Характерно, что подробное «Положение» о революционных военных трибуналах ВЦИК утвердил только 20 ноября 1919 г., когда трибуналы давно уже действовали (учреждены 4 февраля того же года)¹⁹⁰.

В революционных армиях наблюдается волнообразное развитие дезертирства, полагает Оликов¹⁹¹. Приливы и отливы дезертирства в Гражданскую войну похожи на таковые в 1789–1794 гг.¹⁹² Данное наблюдение можно признать как минимум интересным. Действительно, этапы развития французской революционной силы уместно сравнить с таковым же в России по, например, чрезвычайно удачной книге Дживилегова¹⁹³.

Согласно Оликову, первая волна дезертирства пришлась на вторую половину 1918 г. с пиком в начале 1919-го. Причиной являлись успехи белых, деревня же еще не успела расслоиться. Деревня пишет красноармейцу об отсутствии рабочих рук, о недостатке пособий, несправедливостях местной власти: «Твои товарищи все дома, жить им очень хорошо, никто не трогает, – приезжай скорей!» С фронта же писали: «Меняем свои и казенные вещи на хлеб, за кусок хлеба отдали последнюю рубашку, полная голодовка, солдаты разбегаются по домам. Мы, пока имеются свои сухари, послужим, а потом убежим»¹⁹⁴. Мовчин рассуждает о трех прослойках в деревне и

также считает, что середняк уклонялся от мобилизации от недопонимания важности борьбы с контрреволюцией. Земля есть, что же еще надо?¹⁹⁵ Это вполне классический набор рассуждений правоверного марксиста. Однако его книга содержит и много интересного, хотя, увы, совершенно пренебрегает ссылками на источники при обилии статистических данных.

С конца апреля 1919 г. ЦКД начинает решительную борьбу с дезертирством. За первые две недели было 31 683 задержанных и явившихся, за следующие две недели – 47 393. В мае формируются отряды, берущие под наблюдение железные дороги, проводится политработа. В апреле – мае 1919 г. проводилась «карательно-агитационная кампания».

В начале июня задержаны 42 552 дезертира. Однако далее на фронтах последовали неудачи, начались восстания. Потребовалась экстраординарная мера. 3 июня 1919 г. Совет труда и обороны издал упомянутое постановление «О добровольной явке дезертиров». Партия мобилизовала силы, позволившие добраться едва ли не до каждой деревни. В первые дни недели добровольной явки явилось 69 307 дезертиров, за всю неделю – 98 183 человека. За две недели после 3 июня 115 290 дезертиров явилось и 65 300 было задержано. Дезертирство пошло на убыль. Так, из эшелонов в начале июня дезертировали до 38,5 % и более, а к 20 июня – 9,5 %, к 1 июля – до 5,75 %. Первая волна была ликвидирована.

Вторая волна дезертирства, слабее первой, началась с развитием наступления Деникина, ее пик пришелся на октябрь – ноябрь 1919-го. С 20 сентября по 1 октября из эшелонов дезертировало 14,7 %, с 1 по 10 октября – 17,8 %. С фронта с 1 по 15 октября бежало всего 2048 человек, из запасных частей – 13 480. Многие отлучались за теплой одеждой и возвращались. За октябрь добровольно явилось 89 759 человек. К концу ноября вторая волна дезертирства также оказалась ликвидирована.

Украинская ЦКД за август – декабрь 1920 г. изъяла около полумиллиона дезертиров, что подрезало корни повстанчеству¹⁹⁶.

Волновой характер имело дезертирство и по регионам. По сообщению предгубчека Казанской губернии Карлсона 23 мая: в уездах масса дезертиров, часть вооружена винтовками. Вооруженные банды устраивали грабежи, отбирали лошадей и уводили людей неизвестно куда¹⁹⁷. Это уже после жестокого подавления Чапанной войны, когда, казалось бы, все дезертиры, участвовавшие и неучаствовавшие в восстании, были «выкачаны».

По информации бюллетеня ПУ РККА от 15 августа, в 3-м Московском караульном батальоне 37 дезертиров, преимущественно тамбовцев¹⁹⁸. То есть дезертирство носит земляческий характер. В Сольвычегодском уезде Северо-Двинской губернии в конце июня – начале июля «наблюдаются кратковременные самовольные отлучки»; приняты меры, посланы агитаторы¹⁹⁹. Здесь явно свои проблемы решали местные призванные.

В конце 1918 – начале 1919 г. 917 250 человек уклонились от призыва, а в середине 1919 г. чуть ли не все они явились. Объяснение из практики автора: целые волости ничего не знали о мобилизациях. Освобожденные от белых местности автоматически принимали на себя все ранее объявленные мобилизации, так что «уклонившиеся» даже не знали, что они уклонились²⁰⁰. До середины 1919 г. было плохо поставлено оповещение крестьян о призывах. Нетвердость нарядов, отсутствие учета военнообязанных заставляли идти по линии наименьшего сопротивления, то есть взять не всех подлежащих, а скорее и больше и кого получится. Из тыловых частей бежали еще из-за голода, помогали и «спутанность» властей и безнаказанность уклонения²⁰¹. Уклонение от призыва составляло 75 %, побеги до прибытия в части – 18–20 %, с фронта – всего 5–7 %²⁰². Последнее

понятно: на фронте, при скверном снабжении и сравнительно малоинтенсивных боевых действиях, полк становился гарантией выживания, корпорацией, которая не только воевала, но и могла возвысить голос перед своим начальством, применить «право винтовки» в отношении населения и т. п.

После декрета 3 июня последовал перелом в настроении. Все силы были брошены для пропаганды. Укреплялась связь с деревней: в ней заводится агентура, вешаются жалобные ящики. То есть комиссии выступают как радетели за население. Иногда дезертиры и даже бандиты, не начавшие еще враждебных действий, просили разрешения устроить домашние дела и всегда возвращались, даже с оружием. Очень важна гибкость в работе комиссий: осенью 1919-го Деникин отступает, холода на пороге... В этот момент ВЦИК объявляет амнистию вернувшимся до 25 октября. Момент оказался удачным — еженедельная явка составляла 30–40 тысяч человек.

В запасных частях добровольная явка агитационно «закреплялась» лекциями о положении в деревне и т. п. мероприятиями. «Деревня не любит отвлеченных рассуждений; она слушала агитаторов тогда, когда они строили свою агитацию на вопросах «на злобу дня» и вопросах местного значения». То же и в отношении печатной агитации. Важно было в воззваниях, листовках, плакатах и пр. затронуть именно эти, «местные животрепещущие вопросы»^{*} Такие воззвания и листовки выбивали всякую почву из-под дезертирской и пособнической психологии, а именно — наличия каких-либо оправданий. После такой удачной листовки придет отряд, и дезертиры валят с повинной. При неудачном же слове отряд вернется ни с чем. Например, на сходе задан вопрос: почему солдаты на фронте голодают? Начальник отряда ответил: да вы же хлеб не даете! И это в деревне, где только что выгребли «излишки»? После такого поворота и репрессии не помогут.

Применялась также следующая схема: облава, а затем суд-митинг с опросом виновных, свидетелей, с обвинителем и защитником (дабы полнее осветить вопрос). Успех такой комбинации бывал самый полный.

Часто события развивались следующим образом. В село является отряд по борьбе с дезертирством. Созывается сход. Однако на сход никто не является. Или же являются все дезертиры, в большом числе и с оружием и устраивают диспут на тему: «За что воевать?» Или же являются несколько дезертиров и заявляют, что, если все пойдут, пойдём и мы, а нет — так снова по домам. Успех в этом случае зависел от выдержки и такта отряда.

В Приволжско-Уральском ВО выбрали ошибочную тактику. Здесь попытались охватить возможно больший район, «переловить» всех дезертиров. Но так действовать неэффективно, надо же еще благополучно отправить на фронт пойманных дезертиров.

Для «взрыхления» среднекрестьянского слоя одних горожан-агитаторов мало, да они и не всегда понимали деревню. 95 % членов комиссий коммунисты, в большинстве из крестьян, что очень помогало найти подход к деревне. Не все комиссии умели правильно сочетать карательный и агитационный компоненты²⁰³. Из данных соображений можно вывести заключение, что наименее деревенские по составу комиссии имели больше шансов проявить нетактичное поведение или просто неадекватно понять настроение жителей.

Пока в наличии были призывные контингенты, дело борьбы с дезертирством находилось в загоне. Комиссии не имели твердой организации. Но и при таком положении вещей в феврале 1919 г. было задержано 26 тысяч дезертиров, в марте 54 тысячи, в апреле 28 тысяч, в мае около 60 тысяч, из коих 15 тысяч явились добровольно. Всего до начала июня 1919 г. было поймано 200–250 тысяч дезертиров, почти исключительно задержанных.

В этот момент закончились призывные контингенты. Да многие призывы, при отсутствии учетных данных, по сути были добровольной явкой.

Всякого рода статистические данные заведомо ненадежны из-за текучести территории, контролировавшейся советской властью, и плохого учета. Так, по Самарской губернии числилось 845 уклонившихся, а явилось потом 33 тысячи.

В новой ситуации председатель военной инспекции Данилов сделал доклад, в котором констатировал, что безнаказанность уклонившихся срывает новые мобилизации. Предлагались следующие меры:

- 1) временно отказаться от новых мобилизаций;
- 2) все силы бросить на борьбу с дезертирством;
- 3) громадное большинство уклонившихся может дать хороший боевой материал;
- 4) энергичное привлечение в ряды РККА уклонившихся даст огромный контингент, больший, чем новые призывы.

Постепенно расширялись функции комдезов, у них появилось право налагать штрафы, делать имущественные взыскания.

По сводкам Центркомдезтир за июнь 1919 – июнь 1920 г. оказалось задержано 2 миллиона 638 тысяч человек, из коих 1 миллион 545 тысяч пало на 1919-й. Из общего числа добровольно явилось 153 100, захвачено облавами 837 тысяч, дезертиры задерживались также на железной дороге и иными способами. Злостными было сочтено 258 тысяч дезертиров, из них в 1919 г. – 95 тысяч.

В декабре 1918 г. двухнедельник добровольной явки не дал результатов, а растянувшаяся «неделя» июня 1919 г. ошеломила самих коммунистов: 150 тысяч добровольно явившихся за первый месяц, 200 тысяч за июль, 188 тысяч за август, 155 тысяч за сентябрь.

Добровольную явку не следует понимать так, что дезертиры сами ломились в военные комиссариаты. Струя дезертирского «добровольчества» летом 1919-го в основном иссякла. Последующие «недели» не столь блестящи. В июне на четырех добровольно явившихся приходился один задержанный, в ноябре – декабре соотношение стало два к одному. В конце 1919 – начале 1920 гг. превалирует добровольно-вынужденная явка, ибо стало ясно, что советская власть карает заслушивание. Важно, что «недели добровольной явки» успешно применялись лишь к неорганизованному дезертирству. Так, в июле 1919 г. Костромская и Владимирская губернские комиссии по борьбе с дезертирством признали нецелесообразным объявления нового срока явки, так как они уже вели напряженную борьбу, причем в Костромской губернии она была вызвана вооруженным восстанием дезертиров»²⁰⁴.

В июне 1919 г. злостных дезертиров было 4 %, в декабре же – 17,5 %. То есть июньской «неделей» выкачана наиболее близко стоявшая к советской власти масса крестьянства. Истинная борьба с дезертирством – это борьба со злостными дезертирами. Их общее число, учитывая повторное дезертирство, колебалось, по мнению авторов 1920-х гг., в пределах 200 тысяч человек. Этими данными определялся и масштаб карательных мероприятий. Соответственно, и ядро зеленого движения формировалось из этого контингента.

27 августа 1919 г. Совет обороны объявил поверочный сбор для выяснения наличия военнообязанных и дезертиров. Сбор окончился в декабре и дал хорошие результаты. К середине ноября по сбору принято 130 тысяч дезертиров и уклонявшихся от призыва. После того как комдезы развернули активную работу призыв 1901 г. был отложен за ненадобностью.

По мнению Мовчина, неудача восстаний весны – лета 1919 г. способствовала отрезвлению середняцкой массы²⁰⁵. За июнь – декабрь 1919 г. в войска было отправлено 1 миллион 556 тысяч дезертиров.

Авторы 1920-х гг. размышляют в категориях «отрезвления», «расслоения» крестьянства перед лицом истинного врага – белых. Современные исследователи проблемы дезертирства менее оптимистичны. К.В. Левшин приходит к выводу, что, несмотря на значительные усилия по «искоренению» со стороны Советской республики, это явление ушло только с исчезновением условий, его породивших²⁰⁶. Собственно, более или менее откровенно это признавала и документация красных. Обзор бандитизма за май – июнь 1922 г. констатировал потерю вождей и изменение социального состава: «...в связи с отменой разверстки совершенно отмерло повстанчество; в связи с окончанием войны и с проведением демобилизации рассосалась и «зеленая» армия». Бандитизм стал в большинстве районов антикрестьянским – такой вывод делали авторы документа²⁰⁷. Можно видеть в этой картине приукрашивание. Нам важно отметить, что победу над зеленой армией, по признанию ГПУ, одержала все-таки не отмена разверстки, не агитация или репрессии, а демобилизация. Крестьяне упорно шли на «зеленое» положение, пока шла война и государство требовало крови.

За сентябрь 1918 – март 1919 г. по мобилизации было призвано свыше 1 миллиона 468 тысяч рядовых и унтер-офицеров, более 34 600 бывших офицеров и военных чиновников, 21 тысяча медицинских и ветеринарных работников²⁰⁸. Всего в 1918–1921 гг. взяты 23 возраста. Призвано 5,5 миллиона человек, в том числе 55 тысяч офицеров. По мобилизациям взято 793 тысяч лошадей и 660 тысяч повозок. До конца 1919 г. работой комиссий было охвачено полтора миллиона уклоняющихся и дезертиров. Всего за 1919–1920 гг. получится порядка трех миллионов задержанных. Большинство из них просто уклонявшиеся, их взяли в 1919-м, и они уже больше не дезертировали²⁰⁹. Еще один итоговый вариант: выявлено дезертиров и уклонившихся 2 миллиона 846 тысяч человек, из коих 1 миллион 543 тысячи явились добровольно и 837 тысяч были задержаны при облавах²¹⁰. За полтора года, с 1919-го, зафиксировано 3,4 миллиона случаев дезертирства, не считая сотен тысяч задержанных облавами и при многократно двигавшемся за эти полтора года фронте²¹¹.

Дезертиры были судимы революционными военными трибуналами и комиссиями по борьбе с дезертирством (согласно постановлению 3 июня 1919 г. Совета РКО), в последнем случае без права расстрела и конфискации имущества. Юридические полномочия несколько менялись, возникали экзотические формы типа летучих реввоенрибуналов. За первые 7 месяцев 1919 г. было осуждено 95 тысяч злостных дезертиров, из коих шестьсот было расстреляно, а более половины направлено в штрафные части. Дезертиры могли использоваться как штрафная рабочая сила, например, для обработки совхозных угодий²¹², на лесоразработках.

Комиссии по борьбе с дезертирством, борясь с дезертирством, множили его, так как вторжение в деревню делало нелегалами просрочивших срок отпускников, не сумевших вовремя прибыть из-за коллапса транспорта и т. п.²¹³ Живший дома дезертир с появлением вооруженных агентов власти уходил в лес.

Риторика дезертирских резолюций о возвращении в ряды РККА бывала ультрареволюционной, что позволяет видеть в этом не более чем клише и своеобразную клятву в лояльности. Например, дезертиры Бечевинской волости Беломорского уезда в количестве 33 человек проклинали себя за старые позорные действия и клялись «бить этих палачей, белых банд до тех пор, пока не вырежем до последнего». Дезертиры выделяли двух поименованных представителей, под руководством которых обязывались к конкретному числу явиться в укомдез (август

1919 г.) А само событие происходило в форме собрания дезертиров, на котором был заслушан «доклад по текущему моменту» политруководителя отряда (надо полагать, по борьбе с дезертирством) товарища Флорова. Этот товарищ был и председателем собрания при названных «представителях от дезертиров»²¹⁴.

Низовые комиссии по борьбе с дезертирством редко бывали эффективны. Как правило, эффективность начиналась при прибытии каких-либо неместных сил или уполномоченных. Открытое проживание дезертиров по домам при полном попустительстве местных властей – дело вполне обычное. Комиссии нередко прибегали к ухищрениям. Например, сотрудники посылались в места скопления под видом дезертиров, с той же целью «садились» в тюрьму к дезертирам. При этом могло выясняться самое доброжелательное отношение местного населения к дезертирам и враждебность к власти. Семеро оперативников-лжедезертиров работали осенью 1920 г. в спокойном Детскосельском уезде Петроградской губернии. Их везде приветливо встречали. Они видели полнейшее бездействие деревенских «троек» и сельских властей в деле борьбы с дезертирством. Сотрудники получали информацию о том, как лучше двигаться дальше, где меньше коммунистов и лояльнее милиция. Однако никаких конкретных сведений, имен о своих дезертирах-односельчанах крестьяне сообщать не спешили²¹⁵. Это классическое поведение деревенских жителей. Так что оперативное проникновение в сельскую среду, укрывавшую дезертиров, не давало быстрого и очевидного эффекта. Комдезы применяли патрули или пикеты, проводились облавы. Ночные посещения позволяли захватывать дезертиров дома или же задерживать их родителей в качестве заложников. Иногда уводился скот, что было весьма эффективным средством воздействия на семьи дезертиров. Однако сами отряды состояли из местных караульных подразделений, часто – из недавних неместных дезертиров же. Традиционным для большевиков средством воздействия на красноармейцев и пойманных дезертиров были митинги и другие средства агитации²¹⁶.

Отряды комдезов бывали показательно жестоки. Тяжелую сцену расстрела дезертира за неявку описывает, например, Окнинский²¹⁷. По Калужской губернии боровский краевед В.А. Овчинников выявил расстрелы дезертиров в Мещовском и Козельском уездах.

Свидетельства о положении с дезертирством по разным губерниям оставляют двойственное впечатление. Предложим несколько сообщений от августа – октября 1919 г. по Казанской губернии. «Дезертирство развилось успешно, но благодаря энергичным действиям властей в настоящее время идет в сторону сокращения. Дезертирствуют преимущественно красноармейцы кулацкого происхождения, несознательные бедняки и шкурники. Устраиваются облавы, что поведет, безусловно, к окончательному уничтожению дезертирства». Мобилизация проходит хорошо (август)²¹⁸. В губернии насчитывается около 4 тысяч дезертиров (23 сентября). Из скрывающихся в лесах дезертиров создаются целые шайки, которые совершают набеги на деревни²¹⁹. С 23 по 31 октября задержано и добровольно явилось 940 дезертиров. «Причины дезертирства – недостаток продовольствия и обмундирования, а также несознательность и шкурничество. Дезертирствуют в большинстве случаев из среды середняков и кулаков. Отношение населения к дезертирам враждебное, за исключением мусульманского населения»²²⁰. Итак, причины дезертирства – сугубо материальные, а также весьма растяжимая «несознательность». Однако же выясняется, что наряду с кулаками в дезертирах и середняки (а это после земельного передела большинство крестьянства), а также «шкурники» (кто угодно). Дезертирство уменьшается, однако в лесах создаются целые шайки. Население к дезертирам враждебное, кроме мусульман, которые, однако, составляют порядка половины этого самого населения. Каждая позиция оказывается парадоксальной, и общая внятная картина не складывается. Отчасти

это следствие самой ситуации, текучей, изменчивой, различной даже в разных уездах одной губернии.

Сводка деятельности Центральной и местных комиссий по борьбе с дезертирством за 1 – 15 августа 1919 г., то есть вскоре после расширения возможностей органов по борьбе с дезертирством, показывает такие итоги.

В Ярославском округе применено 98 случаев условной конфискации имущества, 22 случая условного лишения дезертиров надела. Привлечено к принудительным общественным работам 32 укрывателя, оштрафовано за укрывательство 247 семей на сумму 99 500 рублей. В Костромской губернии на 5 сел наложен штраф в 121 100 рублей.

В Орловском округе конфисковано имущество у 220 дезертиров и укрывателей. В Западном округе – у 58. В Нижегородской губернии 44 укрывателя привлечены к общественным работам, наложены штрафы: 200 тысяч рублей на Смольковскую волость, 50 тысяч – на Б. Поляну Лукояновского уезда, 430 тысяч – на Ключи, Малиновку, Колом и Фундриково.

Работали и выездные трибуналы. Выезд в Севск дал 13 условных расстрелов и 3 тюремных заключения. В Рыльске разобрано 13 дел. За время работы здесь трибунала, под влиянием этой работы, в укомдез направлено 2993 дезертира, в основном добровольно явившихся²²¹.

Аналогичная сводка за 16–31 августа показывает в Орловской губернии 29 конфискаций имущества, в Курской – 42 лишения надела²²².

Как видно, по крайней мере по официальным данным, имущественные репрессии не были широкими.

Борьба с дезертирством натывалась и на организационные, ресурсные трудности. Очень плохо кормили в запасных частях. Согласно второму информационному бюллетеню ПУРа (за 20 июня – 7 июля), снабжение красноармейских частей на территории Новгородской губернии неудовлетворительно, за исключением Валдайского уезда; нет обмундирования и продовольствия. В Псковской губернии – полное отсутствие денежных знаков²²³. В Симбирской губернии положение с дезертирством ухудшилось из-за отсутствия помещения для пойманных дезертиров, вследствие чего им приходится оставаться под открытым небом. Естественно, что «большинство дезертиров скрываются в труднопроходимых лесах. Посылаемые по волостям отряды успеха не имеют» (сводка за 25 августа – 1 сентября)²²⁴.

В то же время среди красноармейских частей, которые несли службу во внутренних губерниях, велась настойчивая пропагандистская и просветительская работа. Например, в феврале 1919 г. Владимирский губком докладывал о весьма разнообразных и многочисленных мероприятиях. Среди них и школы грамоты в частях, и организация в селах изб-читален, гарнизонные клубы, электротheater для красноармейцев и многое другое²²⁵. Грандиозные агитационные усилия, даже при полной материальной скудости и самых тривиальных идеях, безусловно, воздействовали на молодую красноармейскую массу. Дело было в огромном запросе на общую образованность, на небанальные формы коммуникации, который доминировал в молодых поколениях. Большевицкий навык пропаганды и агитации встретился здесь с сильным запросом снизу.

Злостные дезертиры иногда успешно мимикрировали, проявляли упорство в уклонении от службы. Дезертир Сизов выдавал себя за комиссара по борьбе с дезертирством (!), снабжал других дезертиров документами и даже зачислял в несуществующий продотряд, пользуясь похищенными бланками Богородицкого военкомата. Вместе с двумя подельниками, не догадывавшимися об истинной

личности Сизова, он под предлогом конфискации украл в селе поросенка, угрожая его хозяину револьвером. В ноябре 1919 г. его дело слушал тульский ревтрибунал. Сизов был приговорен к высшей мере наказания как неисправимый преступник²²⁶. Дезертир А. Писарев был осужден в феврале 1920 г. на срок «до окончания Гражданской войны» и сидел в Калужском лагере. Одновременно с ним были осуждены на 3 года заключения в концлагерь условно 54 «незлостных дезертира». Писарев бежал из концлагеря в августе 1921 г., но снова был пойман и передан на этот раз карательному отряду при Калужском губюсте²²⁷.

Борьба с уклонением от мобилизации в Красную армию и дезертирством велась постоянно и далеко не всегда успешно. Крестьяне, особенно бывшие фронтовики, предпочитали скорее скрываться в лесах, нежели вновь становиться в строй. Прибывший из Москвы председатель комиссии по борьбе с дезертирством, проводя проверку городских служащих, продемонстрировал А.Л. Ратиеву – курскому жителю и впоследствии мемуаристу – специальные карточки трех цветов – белые, зеленые и красные: «Вот эти, белые, подписывает тот, кто первый раз сбежал или совсем по призыву не явился, зеленые – это уже хуже. Кто второй раз попадает, тот дает клятву и обязательство свою вину и бессознательность искупить верной и геройской службой. Красные, это уже для злостных. Тут он сам себе вперед смертный приговор подписывает. Попадется еще, на, смотри, читай, нет тебе больше пощады! Ликвидируем их на месте!.. В городах... управляемся. А в селах – дело другое, оттуда в армию не больше как процентов 10–15 попадает. Это я про Курскую губернию говорю. Они у вас здесь как узнают, что наш отряд подходит, сразу же в другую волость переходят или в лесах, где есть, прячутся. Те, кто раньше в армии и на фронте был, оружие с собой черти таскают, а за ними и молодежь идет. Откуда только они о нас узнают, доискаться не можем. Вот недели две будет, как мы к Путивлю лошадей забирать поехали – так нас таким огнем встретили – на подмогу курсантов вызывали. Артиллерией то село побить пришлось. Особенно злы там, где эти самые раскольники живут, бородачи. Как такое село попадется, и не приступишься. Все они там до единого, отродье кулацкое»²²⁸. Надо сказать (данные советские), что и белым в той же Курской губернии мобилизации не дались. По деревням являлся ничтожный процент: «...по деревням, самым небольшим, 200–300 дезертиров. Это обычное явление. Специальные отряды ходят по деревням в поисках дезертиров. Забирают отцов и подвергают порке шомполами за сыновей. Пойманных дезертиров обычно порют шомполами, но бывает и расстрел, если близко к фронту»²²⁹.

Доклад секретного отдела ВЧК о повстанческом движении за ноябрь 1920 г. ставит знак равенства между дезертирами и зеленой армией, выделяя такую повстанческую категорию, как «дезертиры (зеленоармейцы)». Характеристика такова: «Эта категория представляет собой сырой материал, из которого вожаки лепят что угодно. По социальному своему положению дезертиры большей частью представляют собой зажиточные элементы деревни, обалделые, очумленные, деклассированные, боящиеся и красных и белых, стремящиеся зажить скорее спокойной «хозяйской» жизнью, они бросаются из одного лагеря в другой и попадают в лапы белогвардейцев, явных и тайных, которые их организуют, вливают в шайки, объединяют и т. д.». В зависимости от состояния фронта колеблется размах дезертирства и, соответственно, бандитизма. Затяжной характер бандитизм принял, по мнению авторов документа, в Витебской, Смоленской, Минской и Гомельской губерниях. Национальные противоречия, природные условия, новая граница создали для него благоприятные условия. Здесь бывали случаи активного участия в бандитизме местных коммунистов. Здесь также сопрягались победы РККА, уменьшение дезертирства, увеличение доверия населения к советской власти²³⁰.

Белые правительства применяли более солдафонские методы борьбы с дезертирами. Агитация была менее изоппренная и настойчивая, чем у большевиков. При сопротивлении мобилизации оставался один ресурс – полицейский и карательный. Постой и бесчинства отрядов становились важным резонаном для ухода в партизаны или на повстанческое положение.

Таким образом, крестьянин в Гражданской войне оказывался главной фигурой самым фактом массовости крестьянского сословия. Зеленые выступили как вариант повстанческого движения, мотивированного прежде всего извлечением из деревни не продовольственного, а человеческого ресурса. Политическим или же исключительно социально-бытовым мотивом руководствовался дезертир из РККА – это вопрос, который неизбежно требует уточнений при попытках дать более или менее внятный ответ. Мотивы теснейшим образом переплетались. В современном официальном пространстве дезертиры периода Гражданской войны из РККА рассматриваются как люди, совершившие воинское или общеуголовное преступление. Попытки В.А. Овчинникова (Боровск) добиться реабилитации дезертиров (выявленных и наказанных органами советской власти) как политических противников советской власти услышаны главной военной и генеральной прокуратурами не были.

Раздел 2

В зеленых

Согласно данным деникинского Освага на начало апреля 1919 г. глухое волнение из-за непрерывных реквизиций и мобилизаций охватило губернии Ярославскую, Тверскую, Московскую, Тульскую, Орловскую, Пензенскую и Саратовскую. К этому добавлялись Тамбовская губерния, вновь восстающая, несмотря на подавление предыдущих восстаний, и Вятская, в ожидании прихода колчаковских войск²³¹. Нетрудно заметить, что речь идет о разных регионах, но на первом месте стоит классический центральнопромышленный регион, который вскоре даст мощное зеленое движение. Советский автор, изучавший дезертирство, указал, что дезертирские восстания весной 1919 г. охватили Тамбовскую, Воронежскую, Саратовскую, Ярославскую и смежные уезды Костромской, Вологодской и Череповецкой, Тверскую, Псковскую, Витебскую, Московскую и Рязанскую губернии²³². Совпадения в списках неслучайны. Рассмотрим, как разворачивалось зеленое движение по разным регионам и губерниям.

Прихонперье

Воронежская губерния, прилегающие местности Саратовской и далее, с захватом тамбовских краев, были весьма активны на разных этапах Гражданской войны. Соседство Воронежской губернии с казачьим Доном, не признавшим Октябрьского переворота, близость к демаркационной линии с немцами обеспечили раннее втягивание местного крестьянства в военные формирования противоборствующих сторон. Яростное противоборство красных армий Южного фронта с Донской армией летом 1918 – в начале 1919 г. дало много поводов к участию в вооруженной борьбе для воронежского крестьянства.

С весны 1919 г. вооруженное движение в губернии стало снова нарастать.

В марте – апреле происходили восстания в Землянском и Задонском уездах. Предгубчека Воронежской губернии телеграфировал 23 марта: «В уездах Воронежской губернии, прилегающих к Дону, на почве пропаганды со стороны белогвардейцев и кулаков вспыхивают разновременные повстанческие движения,

штабом армии приняты решительные меры подавления восстаний. Губерния объявлена на военном положении за исключением трех уездов...»²³³ Восстали дезертиры в Основской волости Задонского уезда, граничащей с Усманским уездом Тамбовской губернии. Подавил это выступление внушительный отряд в 150 человек²³⁴. К 5 апреля было подавлено восстание в Землянске²³⁵.

Предгубчека Саратовской губернии сообщал в тот же день: положение в губернии напряженное, учреждены уездные чрезвычайные комитеты²³⁶.

К 30 апреля в Новохворостинской волости Коротоякского уезда происходили восстания на почве переучета урожая. Крестьяне жестоко убили семь коммунистов. Восстания были также в Бобровском и Землянском уездах, которые подавлялись батальоном губчека²³⁷.

Массовые восстания вспыхнули в Новохоперском, Бобровском, Борисоглебском, Павловском, Калачеевском, Коротоякском уездах в конце мая – августе 1919 г. Это и была мощная прихоперская зеленевщина, ставшая заметным фактором войны на Южном фронте и оставившая значительное количество документальных и мемуарных свидетельств. Восстания начались в середине мая 1919 г. в ответ на мобилизации и изъятия дезертиров. В этом смысле поднявшееся движение было вполне «зеленым». Показательна роль своих и чужих в развитии движения.

Восставшие Новохоперского уезда потерпели поражение, но на помощь им пришли уже организованные и имевшие офицеров повстанцы соседнего Борисоглебского уезда. Советские отряды в этом уезде не смогли захватить основной массив дезертиров, они сконцентрировались снова и возобновили борьбу²³⁸.

Зеленые сосредотачивались в лесах – Теллермановском, Шиповском, – туда же уходило сочувствующее им население. Повстанцы применяли окарауливание, вели разведку, в том числе с помощью населения. Известны фамилии руководителей, как правило офицеров из местных. В Бобровском уезде дезертиры концентрировались в тех местностях, которые известны были антибольшевистской активностью с весны 1918-го, – район Новой Чиглы, Среднего Икорца, Хренового, Тишанки²³⁹.

Наступление донских корпусов создавало классическую ситуацию перелома настроений. Советская 9-я армия Южного фронта, отходившая на Балашов, практически растворилась из-за дезертирства местных жителей. Похожим образом разваливалась по соседству 8-я армия. Напротив, дезертирские зеленые сообщества набирали силу и действовали все более наступательно. Крупным очагом движения стала новохоперская Макашевка. Она же оказалась и «штабным» селом для значительной округи. Агитаторы из Макашевки поднимали балашовские прихоперские села. При этом использовались и меры устрашения. Агитаторы из поднявшихся сел грозили поджогом тем, кто не присоединится. В Макашевке, Губарях, на станции Родничок были убиты местные коммунисты и уничтожен небольшой отряд по борьбе с дезертирством. Красное командование, как часто случается при борьбе с повстанческими выступлениями, недооценило опасность. Новохоперский военком предполагал справиться с помощью «энергичных мер» в три дня, движение оценивалось как «восстание дезертиров». В эти же дни и в Нижнедевицком уезде – беспокойное настроение и множество дезертиров. В селе Красное Краснолипецкой волости произошло восстание на почве убийства милиционером сопротивлявшегося аресту дезертира. Восстание было ликвидировано высланным отрядом. Бобровская уездная ЧК арестовала за пьянство Новокурлакского волвоенкома Етина (донесение от 31 мая)²⁴⁰. В районе станций Токаровка – Жердевка по линии Грязи – Борисоглебск действовал вооруженный отряд дезертиров, возможности которого красные себе не представляли. Штаб их находился в лесу возле станции Жердевка, где группировалось около четырехсот

человек. Имея столь скудные сведения, начальник сводных отрядов, действующих против дезертиров, Протопопов тем не менее в конце мая донес, что в районе станций Токаревка – Жердевка – Бочарниково положение восстания близко к полной ликвидации²⁴¹. На самом деле как раз в этом районе был один из очагов восстания, и оно в конце мая никак не было близко к ликвидации, а, напротив, разгоралось.

Первые посланные против повстанцев отряды также потерпели поражение. Донские части 1 июля захватили Балашов, вошли в большую аткарскую слободу Елань и близлежащие села. Значительная часть огромного Балашовского уезда, части соседних Аткарского и Сердобского оказались вовлечены в зеленое движение. В селах избирались коменданты, формировались вооруженные отряды. Иногда полупринудительным порядком большинство населения каких-либо сел гнали в наступление на еще не взятые деревни. Такие повстанцы после массового похода возвращались домой, борьбу продолжало активное ядро.

Важной особенностью движения являлось то обстоятельство, что в соседнем уезде Тамбовской губернии – Кирсановском – базировалась внушительная дружина А.С. Антонова, которая как раз летом 1919 г. разрослась до сотен человек. В частности, 16 июня вспыхнуло восстание при участии дезертиров в районе Богданова и Ржавина Кирсановского уезда. Восставшие разоружали ячейки РКП(б). Местное население непосредственного участия в восстании не принимало, но сочувствовало восставшим. Отряд из Кирсанова прибыл на место и вступил в соприкосновение с восставшими²⁴². Антонов не поспешил поддерживать полыхавшую зеленую войну или присоединяться к подходившим с юга донским казакам. Он остался в пределах своих баз, проводя удачные операции.

По информации политуправления РККА, к концу июня – началу июля в Балашовском уезде мобилизация рожденных в 1900 г. шла неудовлетворительно. Дезертиры здесь вели антисоветскую агитацию среди населения, в составе организованных банд совершали нападения, отбирали скот, арестовывали коммунистов, разгоняли Советы и угрожали мобилизованным. Сил в Балашове для борьбы с ними было мало. В Саратовской губернии шла мобилизация рожденных в 1889–1890 гг., в Хвалынском уезде она проходила слабо, в Сердобском – успешно. Однако борьба с дезертирством в Хвалынском уезде шла успешно. В Вольском уезде мобилизация успешно завершилась. В Камышинском, за исключением некоторых местностей, мобилизация 1900 г. проходила «нормально»²⁴³. Скупая сводка демонстрирует различия по уездам, хотя содержит внутренние противоречия: трудно представить успешную борьбу с дезертирством при слабой явке мобилизованных, то есть массовом дезертирстве. Вероятно, имелась в виду борьба с активным, застарелым дезертирством, а не уклонением от явки на текущую мобилизацию.

Весьма показательно при этом, что даже в сравнительно спокойных уездах на пике зеленого повстанчества резко возросла активность дезертиров. Они стали объединяться в отряды, проводить демонстративные акции и т. п. Так было в саратовских Вольском, Хвалынском и других уездах. В Вольском уезде в селе Бодаево 10 июня собралась группа дезертиров с ружьями, кольями и двинулась на совет. Милиция и агенты ЧКдали отпор, толпа разбежалась и собралась в другом селе. «Решительные меры» подействовали, на место выехал Вольский – член коллегии УЧК²⁴⁴.

В первых числах июля в уездах Саратовской губернии вводились ревкомы. Саратовские «Известия» в разгар зеленых восстаний поместили статью, в которой движение объяснялось тем, что дезертиров использовали агенты Деникина. Зеленые опасны, когда попадают в руки контрреволюции. Белые воспользовались

«вспышкой неразумных» и повели борьбу по плану²⁴⁵. Подобные мотивы не раз звучали в прессе и пропаганде красной стороны. Похожим образом дело обстояло и в уездах Воронежской губернии, не затронутых непосредственно зеленой волной мая 1919 г. В конце этого месяца в губернии было введено осадное положение из-за массового дезертирства. В Воронежском уезде дезертиры неудачно покушались на можайского волостного военкома Жукова, в уезд отправился отряд в пятьдесят человек. В Нижнедевицком уезде дезертирство доходило до 50 %, проводились облавы, настроение крестьян оценивалось как «неудовлетворительное» (донесение от 27 мая 1919 г.)²⁴⁶. В Коротоякском уезде мобилизация кончилась, шли облавы на дезертиров. В Землянском уезде мобилизовались повозки и упряжь. В Задонском уезде уклонившихся от мобилизации оказалось до 50 %, был выслан отряд для ловли дезертиров. В Нижнедевицком уезде развивалась противосоветская агитация кулаков на почве реквизиций хлеба (донесение от 28 мая 1919 г.)²⁴⁷.

В Воронежском уезде настроение «натянутое» из-за ухода на фронт лучших сил. В отличившейся попыткой Можайской волости работал отряд губчека, ежедневно арестовывались сотни дезертиров. В Павловском уезде мобилизовалось тыловое ополчение, бывшие пленные офицеры, настроение их сочувственное, чему можно удивиться. В Коротоякском уезде закончена мобилизация рожденных в 1898–1899 гг. Явилось 40 (возможно, 48 – трудночитаемый текст. – *Авт.*) процентов, формировались отряды для ловли неявившихся (донесение 31 мая 1919 г.)²⁴⁸.

В Жуковской волости Воронежского уезда 1812 арестованных дезертиров были распущены, по поводу чего велось дознание. Можно предположить соучастие или добровольную халатность местных должностных лиц. В Катуховской волости от мобилизации десятков – двадцаток отказались (так называемая волостная мобилизация), послан отряд в 25 человек. В Богучарском уезде восставшие казаки навели панику на мобилизуемых, которые разбежались (донесение от 7 июня)²⁴⁹.

Красные смогли изменить удручающую ситуацию, сделав ставку на отряды, фактически не имевшие ограничений в своей деятельности. В телеграмме председателю саратовского губисполкома 8 июля, в разгар местной «зеленовщины», Ленин выстраивал следующий ряд неотложных военно-политических мероприятий: «Необходимо особыми отрядами объехать и обработать каждую волость прифронтовой полосы, организуя бедноту, устраняя кулаков, беря из них заложников, подавляя зеленых, возвращая дезертиров»²⁵⁰. Этим и занимались отряды. Наиболее эффективным на территории Саратовской губернии стал отряд Н. Черемухина. Он действовал в Балашовском, Аткарском, Сердобском и Петровском уездах. Применяя меры устрашения, публичные расстрелы и контрибуции, он смог создать в крестьянстве уверенность в том, что власть дойдет до любой деревни. Это понимание сбило волну активного движения. Вот так менялись настроения в одном из уездов. В Аткарском уезде появилось много банд зеленых, которые угрожали линии железной дороги на царицынский фронт, а также тылу (28 июня)²⁵¹. Пензенская ЧК сообщала 4 июля уже о хорошем положении в Аткарском уезде, без открытых дезертирских выступлений. Черемухин доносил из Аркадака 29 июля: после ликвидации восстания в Малиновке деревни выносят приговоры о ловле дезертиров и их главарей. Сто пятьдесят дезертиров Малиновки согласились на добровольную явку²⁵². Н.А. Черемухин до конца советской власти состоял «местночтимым» советским героем, выдержки из протокола его допроса (по поводу превышения полномочий) публиковались как пример деятельности «преданного борца»²⁵³.

Отступление донских частей также способствовало успокоению. В августе повстанческая волна была красными сбита. В более спокойных уездах работали оперативные штабы по выкачке дезертиров, они тысячами отправлялись на фронт.

При этом применялось заложничество, что следует иметь в виду, оценивая отзывчивость дезертиров на излете движения²⁵⁴.

С Донской армией ушли не более двух полков Народной армии, сформированных из самых упрямых повстанцев. Осенью 1919 г. дезертиры группировались в лесах около наиболее «зеленых» сел, в большинстве дезертиры вынуждены были выкупать свое повстанчество добровольной явкой²⁵⁵.

Рассмотрим ситуацию по вовлеченным губерниям более подробно.

Воронежская губерния

Только ко второй половине дня 11 июня воронежские власти сочли, что положение губернии улучшается. Восстание в Новохоперском уезде считалось ликвидированным. Бомбами с аэроплана сожжено село Третьяки – гнездо восстания. Между дезертирами, скрывавшимися в лесу у Третьяков Новохоперского уезда, произошел раскол по поводу сдачи властям. Непримируемые настроенные не пускали желавших сложить оружие (17 июня).

О положении в Павловском уезде определенных сведений не было. Главное гнездо повстанцев и дезертиров находилось в районе Шиповского леса, близ Бутурлиновки. При этом красноармейцы стоявших в слободе трех полков Всевобуча своим дезертирством активно пополняли зеленые ряды.

Спасаясь от отрядов, дезертиры перемещались из уезда в уезд. С прибытием отрядов сходы обязывались выдать всех дезертиров.

В слободе Давыдовка Коротоякского уезда вспыхнуло восстание дезертиров с попыткой прервать железнодорожное движение Воронеж – Лиски. Восставшие вооружены тремя пулеметами, имеют много оружия; ими пленен отряд красноармейцев. На подавление мятежа пошел отряд московских курсантов. Дезертиры неумелыми действиями отряда в результате подавления были рассеяны, а не выловлены (20 июня).

В село Кленцово Задонского уезда дезертиры сожгли дом секретаря волисполкома, который принимал участие в ловле дезертиров (20 июня).

Отрицательное отношение к советской власти отмечалось в Воронежском, Нижнедевицком, Павловском уездах.

В то же время параллельно нарастала, и даже по сопровождающему агитационному антуражу вполне добровольная, смена настроений в пользу советской власти. Дезертиры Воронежского уезда добровольно являлись в волостные военкоматы с просьбой о зачислении их в ряды Красной армии и скорейшей отправке на фронт. При этом приближение фронта резко ухудшало настроение местного населения (26, 27 июня). В Задонском уезде явилось добровольно около 1700 человек дезертиров согласно постановлению Совета обороны с просьбой о зачислении их в ряды Красной армии²⁵⁶.

Мобилизация 1886–1888 гг. проходила весьма по-разному в разных уездах губернии. По сводкам ЧК за август, «проходит удовлетворительно. Являются почти все» в Задонском уезде; «неудовлетворительно. Отношение населения к мобилизации отрицательное» в Острогожском уезде; «прошла хорошо. Почти все призываемые явились» в Землянском уезде; «удовлетворительно. Призываемые являются аккуратно на сборный пункт» в Нижнедевицком. В Коротоякском уезде – очень успешно, с явкой свыше 11 тысяч добровольцев. В Землянском, Задонском, Нижнедевицком, Коротоякском и Острогожском уездах дезертирство близилось к ликвидации, большая часть являлась добровольно. При этом губерния сидела на карточках, но недовольство выливалось только в виде жалоб.

Лишившись вооруженной «зеленой» поддержки, крестьяне резко минимизировали и требования в продовольственном вопросе. «Крестьяне особенно ненавидят продотряды и выражают желание отдать хлеб по известной норме с души» (Землянский уезд). Крестьяне готовы на добровольную ссыпку хлеба в обмен на неприсылку продотрядов (Нижне-девицкий уезд)²⁵⁷.

Тем не менее восстания продолжались даже в зимний период. В Великопожарской волости Воронежского уезда было восстание на почве продовольствия, в котором принимали участие несколько деревень. При ликвидации один дезертир убит и арестованы шесть участников (сводка 23–30 ноября)²⁵⁸. Телеграмма из Калача Ленину 27 декабря 1919 г. от члена РВС Белобородова сообщала: в западной части Новохоперского уезда произошло восстание «кулаков и дезертиров». Высланная кавалерийская бригада полностью его ликвидировала. Потери восставших двести, у красных двое убито, трое ранено, ранен врид комполка Заамурского. Расправа с участниками и пособниками продолжается. По донесениям видно, что организаторы – левые эсеры. Штаб восставших арестован и будет расстрелян²⁵⁹. Как видим, подавление – самое беспощадное.

Саратовская губерния

В 1921–1923 гг. на юге прежней Саратовской губернии существовал Еланский уезд. Он был сформирован из волостей Аткарского и Камышинского уездов, на базе обособленного хлебного Еланского района. С 1918 г. по начало 1920-х это была прифронтовая зона. Здесь активно пополнялись 23-я и 16-я стрелковые дивизии РККА – «мироновская» и «киквидзевская». В пойменных лесах укрывались дезертиры. Например, в июне 1920 г. здесь фиксировалось крупное скопление зеленых-дезертиров²⁶⁰. Вооруженная борьба в уезде продолжалась до конца 1922 г. Этот район вызывал повышенное внимание властей все годы Гражданской войны.

Из сводки ВЧК за 1–8 августа 1919 г.: политическое состояние губернии удовлетворительное, если не хорошее. Мелкие кулацкие и дезертирские восстания ликвидированы или ликвидируются. При этом многократны жалобы на незаконные действия властей, пьянство милиции и т. п. За бездеятельность оштрафованы старший комдезертир и пять председателей сельских исполкомов на 52 тысячи рублей. За август за бездеятельность в борьбе с дезертирством с разных сел губернии взыскано хлебной контрибуции 17 033 пудов²⁶¹. Массовое дезертирство на время было ликвидировано.

Тамбовская губерния

РВС Южфронта 4 апреля сообщал о напряженном положении в Лебедянском уезде Тамбовской губернии. «Контрреволюционная агитация подогревается пьянством, с которым местный Совет не в состоянии справиться»²⁶². В то же время по линии ЧК 5 апреля вышло такое резюме: «Положение в губернии устойчивое. Приняты меры к изоляции лжекоммунистов из сельских ячеек и Советов. Губ-компартия ведет энергичную борьбу с злоупотреблениями недобросовестных партийных работников в деревне, усиленно ведется агитация политотделов»²⁶³. Видимо, борьба не смогла предотвратить возмущения.

В первых числах апреля в четырех волостях Лебедянского уезда вспыхнуло восстание кулаков и дезертиров на почве мобилизации людей и лошадей и учета хлеба. Восставшие шли под лозунгами: «Долой коммунистов!», «Долой Советы!» и «Да здравствует Учредительное собрание!» Арестованы 60, расстреляны 20 человек²⁶⁴. Напомним, что это движение вызвало аналогичное в соседнем Елецком уезде Орловской губернии, о чем уже говорилось.

В Борисоглебском уезде подняли восстание дезертиры и подлежащие мобилизации 1893–1897 гг. рождения. При этом «рассылались зондажи по уезду». Вероятно, имеется в виду некая подготовка или организация восстания. Массового восстания нет (донесение от 27 мая)²⁶⁵.

9 июля из Тамбова сообщали: по всей губернии идет усиленная борьба с дезертирством. При приезде отрядов в села дезертиры являются добровольно полностью. В Тамбов ежедневно приводят их сотнями, иногда тысячами. В связи с улучшением положения Южного фронта притихла деятельность контрреволюционных элементов²⁶⁶.

Почти все уезды были охвачены частичными восстаниями под лозунгами: «Долой Советы!», «Да здравствует зеленая армия тыла!» Главным центром восстания был район Мучкап – Романовна (Кирсановского и Балашовского уездов смежных губерний соответственно), после занятия данного участка зелеными был разобран железнодорожный путь и прервано сообщение Романовна – Балашов. В Горельской волости Тамбовского уезда 18 июля появилась хорошо организованная банда дезертиров численностью до 2 тысяч человек. Банда имела целью разогнать волисполком и не допустить реквизиции, но принятыми мерами и посредством агитаций удалось убедить их, и они изъявили желание добровольно сдаться. Благодаря неумелому действию уполномоченного губкомпартии Христиановского явка отложена до 21 июля. На границах Лебедянского уезда бродили незначительные группы зеленых, по сведениям разведки, они были плохо организованы. Власти принимали меры к вылавливанию. Усиленная агитация по всем уездам повысила добровольную явку дезертиров. С 21 июля добровольно явились в Тамбов до 15 тысяч дезертиров, явка продолжалась (сводка за 15 июля – 1 августа)²⁶⁷.

На мобилизацию подпрапорщиков, фельдфебелей и унтер-офицеров до 40 лет «являются плохо». В губернии работали отряды по борьбе с дезертирством в составе 1612 красноармейцев. Настроение населения местами неопределенное, местами удовлетворительное, красноармейцев – удовлетворительное (донесение 23 июля)²⁶⁸.

Донесение 30 июля отмечало массовую явку дезертиров²⁶⁹. Работа отрядов по ловле дезертиров протекала успешно. Интересно, что большие скопления дезертиров отмечались и на севере губернии, далеко от фронта. В лесах Темниковского уезда скрывалось около 1400 дезертиров, в Кириловской и Сядемской волостях Спасского уезда скопилось их около 1500 (31 июля)²⁷⁰.

В Воронежской губернии в августе настроение уже оценивалось как хорошее, отношение к мобилизациям – сознательное. В Тамбовской губернии не отмечено перемен (донесение 11 августа)²⁷¹, проводились облавы в районе Мучкапа. Большинство дезертиров якобы вели агитацию о поголовной явке всех не явившихся по мобилизации, чтобы с оружием в руках изменить республике (сводка за 7 – 14 августа)²⁷².

За первую половину сентября задержаны и добровольно явились по губернии 80 тысяч дезертиров, сообщала «Беднота» 19 сентября. Надо полагать, газета сделала большой комплимент тамбовским дезертирам, и число значительно завышено. В селе Питерское Моршанского уезда скрывались дезертиры с ведома местной власти (13 августа). В селе Епанчино в 5 верстах от Козлова началось брожение среди крестьян. Банды кулаков и дезертиров, обстреляв отряд, бежали (16 сентября)²⁷³. По представлениям чекистов, бандами дезертиров руководят офицеры, имеющие связь с Мамонтовым; у них имеются пулеметы (15 октября)²⁷⁴.

Изнутри деревенскую жизнь видел два года проживший в борисоглебском селе недавний чиновник Окнинский. В его мемуарах уделено внимание и зеленым.

Приехавший в январе 1919 г. в родное село в Борисоглебский уезд кронштадтский матрос поначалу бравировал своей революционностью, но к концу года его настроение радикально переменилось, а с весны 1920 г., как по секрету говорили, он стал командиром у зеленых.

Волячейка следит за «своими» дезертирами и составляет списки, которые затем преподносит явившемуся отряду по борьбе с дезертирами. В свою очередь, председатель этой ячейки получает письмо с угрозой убийства и скрывается из волости. Его преемника по должности секретаря волостного исполкома по ошибке убили зеленые. Такие акции исполняли неместные зеленые, чтобы затруднить возможное опознание. Интересно продолжение: зеленые проехали в пустовавший волсовет, взломали кассу и изорвали документацию по налогам и военной службе. Вернувшиеся члены волсовета составили протокол о бандитском налете, уничтожении документов и похищении денег. Об этом объявили населению. Через неделю на двери волсовета и на дверях сельских советов появилось «альтернативное» объявление от зеленых о том, что никаких денег в кассе не было, а виновные в ложном сообщении понесут наказание.

По впечатлениям мемуариста, среди зеленых были молодые интеллигенты из детей хуторян. Интеллигент-бухгалтер слышит от них, что ему на дороге надо опасаться только большевиков и разбойников, а все зеленые его знают. Знают и местных большевиков, из которых выстроена очередь на тот свет. Из этого следует, что система оповещения и информирования в зеленой среде стояла на высоте.

Интересно, что с начала октября 1920 г. в Борисоглебском уезде начали ходить слухи о нападении на город зеленых; власть ответила взятием заложников.

Окнинский полагал, что тамбовские зеленые не походили на камышанников южных регионов. Здесь были крестьяне, враждебные советской власти, а не претерпевшие от обеих сторон Гражданской войны, как на Юге, что предопределило их анархический настрой. Зеленое движение начали весной 1919 г. военные дезертиры, как бежавшие из частей, так и уклонившиеся от призыва. Потом к ним присоединились особенно обиженные властью крестьяне, а к 1921-му зеленой стала вся губерния. После прихода летом 1921 г. карательных отрядов дезертиры перестали прятаться в своих селах, а стали меняться местожительством с родными и знакомыми в других волостях, взаимно обмениваясь трудом в хозяйствах друг друга. Зеленые же из «обиженных» жили по домам, собираясь в условленных местах перед запланированным терактом. При этом участвовали в них зеленые из других волостей, сразу возвращавшиеся после теракта домой. Распоряжались операциями солидные крестьяне, исполнителями была молодежь с военным опытом. Первые проявления зеленых-дезертиров были в августе 1919 г., во время рейда донской конницы. Зеленые под видом красных разведчиков свели счеты с наиболее «вредными» большевиками. В 1920-м зеленые организовали сильный террор, переросший в 1921 г. в массовое восстание²⁷⁵.

Источники позволяют увидеть и оценить механизмы функционирования зеленого движения на стыке губерний.

В 1930-х гг. многим арестованным вспоминали их прошлое в годы Гражданской войны. В допросах вновь фигурировали тогдашние сюжеты и имена.

Андрей Тимофеевич Демин, гражданин Свинухи, показал, что в селе во время зеленцовщины был расстрелян местный коммунист Михаил Чапрасов. Он был арестован комендантом, точнее, общим собранием, и отправлен в штаб в Макашевку. А там уже, по постановлению общего собрания Свинухи, расстрелян. Это собрание проводил Алексей Лукьянович Катасонов, прапорщик, он и был

комендантом. Он предложил коммуниста расстрелять, то есть арестовать. Все село «представляло из себя боевую единицу» с винтовками и вилами, позднее появились и пулеметы и другое вооружение. Командовал «единицей» местный житель Вислов Василий Сергеевич. Катасонов являлся комендантом, Демин и Егор Акимович Ларионов – помощниками коменданта. Некоторые жители из мести за то, что их выдавали как монархистов-кадетов (!), в свою очередь, доносили «нам». «Мы» арестовывали, наводили справки, освобождали. Расстрелов не было.

Демин пробыл помощником коменданта с неделю. Затем, вместе с Висловым и Катасоновым, скрылся в степи. Около недели скрывались, вернулись при белых. Прятались, так как более участвовать в боях не хотели. Организация же продолжала существовать под руководством Сгибнева, Ивана Григорьевича Семикина, Васильева, все они являлись дезертирами.

При белых Демина избрали старшиной, Вислов стал командиром роты, Катасонов – начальником гарнизона, Ларионов – помощником коменданта при новом коменданте Иване Григорьевиче Кучине. Затем уехал на юг²⁷⁶.

Иван Филатович Васильев, 1899 г. рождения, свинухинец, показал, что Михаил Фролович Чапрасов расстрелян в Свинухе по инициативе Федора Кузьмича Смотрова. Кроме того, якобы под его руководством расстреляны тридцать пленных красноармейцев. Смотров в 1937 г. был направлен в «тройку».

Свидетель по делу Егора Смотрова показал, что в ноябре 1918 г. его полк вел восьмичасовой бой под хутором Мачиха (Мачуха) Тамбовской губернии с белоказаками. Во время боя «очень много» красноармейцев побросали позиции и разбежались. Отступать пришлось до «сталинградской Елани». Якобы тогда Егор Смотров и дезертировал. Сам он не подтверждает, утверждает, что был ранен²⁷⁷. Возможно, затем последовали несколько месяцев дезертирского существования в родных краях и участие в зеленевщине.

Среди местных советских активистов встречались молодые женщины. Такова Варвара Романовна Зайцева. Она состояла в красногвардейском отряде Селиванова, потом служила у Сиверса. Занималась тайными разведками, неоднократно попадала в руки неприятеля. В июне 1919 г. Зайцева получила задание перерезать телефонную связь зеленого отряда в Песках с белым штабом, но ее захватил зеленый разъезд. Документов у нее не обнаружили и бросили в подвал, в котором уже находились местные коммунисты. Через три часа в село вошли белые. Состоялся суд, и последовал расстрельный приговор. Героине «удается» спастись, возможно, просто пожалели молодую девушку. С товарищами-мужчинами попрощалась, они были расстреляны. Затем последовала операция в Тюковке, где Зайцева разузнала численность неприятеля и участь тамошних «товарищей»²⁷⁸.

Один из красных командиров отрядов оставил такое мнение, высказанное уже в 1941 г., о борьбе с зелеными.

В середине июня 1919 г. военный комиссар Саратовской губернии получил распоряжение организовать отряд из Сердобской и Ртищевской рот для отправки в Балашов против зеленых. Там же планировалась встреча с пехотным Саратовским отрядом. Мемуарист Зотов имел 350 человек, Саратовский отряд насчитывал двести пятьдесят. После соединения Зотов остался командовать «пулеметным отрядом». В Балашове было известно, где расположены зеленые. Объединенный отряд проехал одну станцию за Поворином. От местной власти удалось узнать, где находятся зеленые и кто ими командует. Отряд открыл наступление на Пески, переловил и отправил в Балашов до 150 человек дезертиров. Далее, не укрепив занятые Пески, стали наступать на Макашевку. В результате попали в окружение: зеленые встретили и из Песков, и из Макашевки. Отряд разделился на две части. Одна из них разбила

лесковских и отправила (пойманных?) в Балашов. Послали разведку с целью привести из Макашевки трех-четырех жителей, чтобы определить силы неприятеля. Узнали, что в лесах из шести сел скрывается до 6 тысяч дезертиров. Решено было запросить из Саратова подкрепление в 500 человек. Через четыре дня из Саратова прибыл отряд с броневиками и артиллерией. Удалось взять 300 пленных, но целиком движение не ликвидировали, так как от

Борисоглебска уже подходили белые. Разведка донесла, что силы белых велики. Отряд отступает на Балашов по линии железной дороги. Дошли до Родничка и укрепились. В отряде было 150 конных мадьяр. Разведка в 25 конных донесла, что большая часть деникинцев сосредоточена на левом фланге. К ним присоединились зеленые численностью в 6 тысяч человек. Командирам объявили, что если найдем необходимым отступить, то будет играть оркестр, тогда следует размещаться в вагонах. 3-я рота, находившаяся за прудом, не слышала сигнала и осталась на месте. Командование отряда об этом не знало. Конные белогвардейцы старались окружить эшелон во время движения, – отбивались из пулеметов. Добрались до Хопра. Тут обнаружилось отсутствие 3-й роты. Пришлось с орудиями и пулеметами ехать на выручку. Как оказалось, рота за это время выдержала восемь атак. Отряд открыл огонь со станции Родничок, 3-я рота сбежалась. Вернулись на последний разъезд от (перед) Балашова и заняли здесь позицию. Конных послали в город для связи с остальными частями Красной армии. Далее автор описывает ожесточенные схватки. К вечеру прибыла 23-я стрелковая дивизия и с ней член ВЦИК. Он собрал командиров и выяснял причину сдачи Балашова. «...Выяснилось, что Балашов продали. Многих командиров расстреляли»* На рассвете двинулись к Балашову и взяли его обратно с боем. При разъяснении причин сдачи Балашова выступали многие командиры и подчеркивали предательский характер сдачи. Из Сердобска пришла шифротелеграмма с просьбой Зотову вернуться с тремя пулеметчиками для подавления мятежей. По решению члена ВЦИК отправлен в Сердобск²⁷⁹. Рассказ, хоть и не во всех деталях внятный, демонстрирует весьма жесткий характер боев с зелеными, взаимодействие зеленых и белых, а также широко распространенный мотив предательства при неудаче.

Еще один красный мемуарист описывал бои отряда Черемухина в Малиновке, которая была им сожжена. «В 1919 году в мае месяце после занятия гор. Балашова казаками нам пришлось выступить на усмирение восстания кр-н села Малиновки, Аркадакского района. По пути к

Малиновке нам пришлось иметь столкновение с зелено-бандитами в селе Ольшанке, после 12-часового боя сопротивление зелено-банды, после применения оружейного, пулеметного и орудийного огня было сломлено. К вечеру наш отряд без потерь подошел к с. Малиновке и был обстрелян с мельницы села Малиновки и когда по распоряжению т. Черемушкина с орудий ударили по мельнице, то стрельба зелено-банды прекратилась. После этого мельница, как приют зелено-банды, была сожжена и, чтоб избавиться от случайного нападения зелено-банды, была сожжена часть села Малиновки. Наш отряд потерь не имел. Противная сторона понесла потери в 12 человек убитыми. На другой день после усмирения зелено-банды тов. Черемушкиным проведено было общее собрание кр-н. Взято хлеба спрятанного для снабжения красной армии и 6 человек руководителей банды расстреляно».

Затем отряд был вызван в село Мещеряковку под Аркадаком для действий против антоновцев (если мемуарист точен в воспоминаниях). Накануне в селе убили уполномоченного по разверстке, что вполне соответствует образу действий антоновцев летом 1919 г.²⁸⁰

Волостной военком Терновки оставил воспоминания, касавшиеся и прихоперской зеленовщины. Они содержат некоторые интересные подробности

внутридеревенской вражды. Терновка же была в одном из наиболее «зеленых» очагов в Прихоперье.

Весной 1919 г. появились тревожные вести о контрреволюционных работах в казачьих поселках. Разведка сообщила, что идет агитация за советскую власть без коммунистов. В начале июня «носились слухи, что идут громадные полчища зеленых банд, которые соединились с регулярными войсками казачества».

Утром 7 июня терновские «товарищи» сообщили, что местные кулаки принимали у себя разведку бело-зеленых и сами отправляли к ним в Макашевку своего связного. «В ближайшие часы село Терновка будет занята бело-зелеными бандами и уже группа сочувствующих банде разрабатывают план захвата и уничтожения коммунистов». Автор благополучно вышел оврагом из Терновки и добрался до Михайловки. «...Я решил зайти к своему однополчанину по старой армии Лихолетову Ивану и просить его, чтобы он отвез меня в Родничок. Я зашел и повстречал его отца и мать, которые мне сказали, что Иван ушел в поле за лошадьми, так как коммунисты убегают и берут лошадей. Через несколько минут вошел Иван и стал угрожать мне револьвером, обзывал меня неприличными словами, мать его кинулась к нему, заслонила меня, и он вышел из дома. Увидя такую встречу, я вышел из дома, в это время раздался набат на колокольне церкви, это признак, что белые вошли в Михайловку, я пошел на огород в надежде на то, что доберусь до ржи и там пролежу до ночи, а ночью выйду к Родничку или к г. Балашову. Пройдя некоторое расстояние по огороду, я взглянул назад и увидел, что один из мужчин целит в меня из винтовки, мне кажется это был Яценко, который жил возле Лихолетова, но точно не скажу, я не стал прибавлять шагу, а спокойно продолжал идти. Пройдя огород, я слышал, что возле села Кардаил идет перестрелка, в стороне Мокашевского разъезда тоже шла перестрелка, и я решил идти в сторону с. Терновки до посева ржи. Пройдя некоторое расстояние, я заметил, что за мной идет какой-то всадник вооруженный и кричит, я продолжал идти, он подъехал ко мне. Я увидел озверелое лицо мужчины лет 50, который намахивался на меня винтовкой и предложил идти в село Михайловку. Со мной не было никакого оружия, и я первое время растерялся, так как увидел, что еще несколько всадников подъезжают к нам, после чего меня под конвоем повели по плотине пруда, что недалеко от михайловской церкви. Я не знал что мне делать с партбилетом, который у меня лежал в кармане гимнастерки. Рвать его – найдут обрывки, узнают, что партбилет, бросить его – тоже найдут, но мне хотелось выиграть время, и я решил свой партбилет съесть, смял его в руке, положил в рот, разжевал его и проглотил, и, когда меня привели в штаб к белым, стали допрашивать и издеваться надо мной, я заявил, что я беспартийный, чем ввел опрашиваемых в заблуждение. После нескольких нанесенных побоев они посадили меня в сарай, а в Терновку послали узнавать, кто я есть. В это время тов. Тищенко

Максим подошел к сараю, вывел меня и сказал, что меня хотят расстрелять, а он заведет меня во двор, а двор не имеет крыши и через забор должен перелезть и бежать к нему в дом. Когда он меня повел во двор, некоторые стали кричать, куда он ведет меня? Он сказал – в уборную. Я зашел во двор, перелез через забор, забежал к Тищенко в дом, а оттуда в овраг и почти дошел до Родничка, где меня встретили товарищи Прокопенко, Смотров и др. Рассказал всю обстановку, оказывается, что балашовцы выполнили свое обещание, – прислали роту красноармейцев и даже два броневика.

Мы приняли решение ехать в Михайловку и Терновку. Я сел в один броневик с солдатами наверху его, а тов. Девицкий М.П. сел в другой броневик, так мы въехали в село Михайловку. В с. Михайловке не было бело-зеленых бандитов, все сбежали и,

возможно, скрылись у кулаков. Было уже поздно, и, не зная обстановки в селе Терновке, мы возвратились в Родничок.

На другой день с прибывшими красноармейцами мы пошли в село Михайловку. Перед Михайловкой мы рассыпались в цепь, и все село было прочесано, бело-зеленых бандитов не оказалось. Отряд пошел на с. Терновку. Весь отряд из нас местных коммунистов и присланных красноармейцев состоял около 150 чел. Когда мы подошли к с. Терновке, то увидели, что на краю села были вырыты окопы, завязалась перестрелка, мы увидели, что с правого и левого флангов нас обходят в численном превосходстве, и решили отступить к с. Михайловке. В перестрелке под Терновкой у нас потерь не было, но из бело-зеленых бандитов мы убили зеленчука Румянцева Тимофея Михайловича.

При отступлении из Михайловки мы арестовали гражданина с. Михайловки Лихолетова Прокофия, который гнался за мной и передал меня бело-зеленым бандитам. Арестованного Лихолетова передали в распоряжение Балашовской УЧК».

Вот так стремительно могли меняться обстановка и судьба в считанные часы на передовой линии зеленого восстания.

«Общее суждение уездных работников того времени сводилось к тому, что если бы командный состав был более удачно подобран, то, возможно, восстание зеленых было бы подавлено своевременно». Автор хвалит отряд Черемухина, более того, «опыт в работе отряда тов. Черемухина мы применяли у себя при работе в УЧК. Мне руководство уездной чрезвычайной комиссии в лице председателя тов. Василенко часто поручало выезды в села Родничковской и Данилкинской волостей для выявления похитителей ценностей из города Балашова в период пребывания там белых банд. Мой отряд в количестве 6–8 человек иногда привозил обоз изъятых ценностей – солдатское обмундирование, кожи и т. п. Вылавливались дезертиры, и некоторые из них предавались суду военного трибунала. Так, например, доставленный из села Терновки дезертир Рогов Петр Степанович оказался злым дезертиром и военным трибуналом был приговорен к расстрелу.

Проводились более серьезные операции, как, например, прочистка лесов в с. Инясево и других населенных пунктах Балашовского уезда, по поимке дезертиров и бандитов»²⁸¹.

Прихоперская зеленцовщина угасла, не дав значительного пополнения в белые ряды, хотя и продемонстрировала значительный антибольшевистский потенциал деревни.

Северный регион

Бунты осени – ранней весны 1918–1919 гг. в северном регионе сменяются массовым уклонением от мобилизаций, а дезертиры, в свою очередь, выступают как главная сила зеленых отрядов. Зеленые при более или менее активной поддержке населения, с одной стороны, и силовые инстанции советской власти, – с другой, становятся главными действующими силами в регионе за линией фронта²⁸².

В северных губерниях царил голод. По данным Вологодского уездного продовольственного комитета от 26 июня 1919 г., например, три «разряда голодаемости» охватывали весь уезд: шесть волостей в первом, восемь во втором и тринадцать в третьем²⁸³. Продком открывал детские столовые. В бесхлебном крае никакая «третья» позиция для крестьян в прифронтовых районах не была возможна. Здесь крестьянские отряды не могли долго опираться на ресурсы села. Напротив, они стремились заручиться поддержкой той или иной государственности и не допустить очередного прихода линии фронта с новыми грабежами. Нередко антибольшевистские отряды крестьян настойчиво просили поддержки у

архангельского белого правительства. При этом имущественное положение той или иной волости в выборе стороны не играло определяющей роли²⁸⁴. Так возможные «зеленые» оказывались красными или белыми партизанами, с перспективой встраивания в регулярные воинские формирования.

Жизнь прифронтовых районов во многом определяли военные перегрузки. Вологда в сентябре 1919 г. вмещала 120 тысяч человек – втрое больше довоенного. Десятки церквей были отданы под размещение войск и учреждений. Жестокости Кедрова усугубляли нервозность на фоне голода. В этих условиях дезертирство превратилось в мощный военный фактор в красных тылах. В конце июня до 10 тысяч дезертиров находилось в Вологодском уезде. 2 июля началось восстание на границе Ярославской и Вологодской губерний с участием до 15 тысяч дезертиров и крестьян. Подавление восстания было жестоким и потребовало привлечения боевых частей 6-й армии. Параллельно в Даниловском и Любимском уездах Ярославской губернии число восставших достигло 8 тысяч человек. В. Васёв справедливо указывает, что восстание такого масштаба, случись оно в белом тылу, смело бы и белых, и интервентов²⁸⁵. Интересно, что это движение заметил и профессор Готье, по скудным замечаниям прессы. 23 июня (6 июля) он записал в дневнике: «Вчера они признались в утере ими Балашова и Богодухова; кроме того, вспыхнуло что-то между Ярославлем и Вологдой, взорван мост и разобран путь; туда отправилась ВЧК»²⁸⁶.

Архангельская губерния

В советской части Архангельской губернии, согласно сводке за 18 июля, было спокойно²⁸⁷. На 1 сентября в Кожомской волости Шенкурского уезда оперировала банда дезертиров под руководством военрука Семена Теренецкого²⁸⁸. Любопытно не столько то, что военрук руководил «бандой», сколько то, что он именуется по-прежнему военруком, состоя одновременно и на советской службе, и являясь повстанцем или бандитом.

Вологодская губерния

К 14 мая 1919 г. продовольственное положение Вологодской губернии оценивалось как неудовлетворительное. При это настроение и отношение к Красной армии – «удовлетворительные»²⁸⁹. Скромность местных партийных сил хорошо иллюстрируется отношением Белозерского Вологодской губернии укома РКП(б) уездному же военкому 30 июня 1919 г.: из членов и сочувствующих формировался отряд особого назначения в 20 человек, для которого требовались 20 винтовок и 1 пулемет; «в уезде отрядов не представляется возможным сформировать»²⁹⁰.

К 28 июня к восставшим в Устюжинском уезде примкнула группа в 250 человек, вследствие чего восстание принимало угрожающие размеры. По сведениям пленных дезертиров, к восставшим должны присоединиться крупные силы. В первой половине июля в уезде фиксировались отряды зеленой армии общей численностью 500 человек вооруженных. К 8 июля восстания дезертиров на границе Весьегонского и Устюжинского уездов были ликвидированы. Рассеявшись, банды сгруппировались снова и под руководством генерала и князя Долгорукого двигались по Череповецкой губернии на Вологду и угрожали перерезать северную железную дорогу. Экстренно выслан отряд Череповецкого батальона войск Внутренней охраны. В то же время, согласно другой сводке, в Череповецкой губернии в июле «политически спокойно», а восстание дезертиров было лишь в одной волости Устюжинского уезда, которое немедленно было ликвидировано. Заметно недовольство на почве голода. В связи с учетом велась частичная агитация. Отношение к мобилизации как в городе, так и в деревне заметно улучшилось.

Согласно сводке за 15 июля – 1 августа, в Вологодской губернии происходили восстания, но положение восстанавливалось. По сведениям Вологодского губвоенкома, в Вологодском уезде насчитывалось до 900 дезертиров, в Грязовецком – 1000, Кадниковском – 1588, Кирилловском – 195, Каргопольском – 100, Тотемском – 1000 и в Вельском – 1500. По всем уездам велась усиленная агитация, а также действовали отряды по вылавливанию неявившихся дезертиров. Активных восстаний как в Вологодской, так и по Владимирской губерниям не наблюдалось, усилилась добровольная явка дезертиров.

Политическое положение Тихвинского уезда на почве голода – неустойчивое. Население питалось травой, десятками насчитывались голодные смерти. Явка дезертиров усиливалась. Делу мешали железнодорожные организации, принимавшие дезертиров на службу (24 июля).

Ко 2 августа: «Политическое положение губернии удовлетворительное. По непроверенным слухам, в Кирилловском уезде появились незначительные банды дезертиров. Настроение жителей – безразлично-пассивное... Планомерная борьба с дезертирством продолжается. На почве голода в губернии растет недовольство».

Неизвестными лицами в некоторых волостях Тотемского уезда произведен сбор в пользу дезертиров. Политическое состояние уезда спокойное. В Чучковской волости произошло восстание (31 июля). В Тотемском уезде проживало 600 дезертиров. В Чучковской и Биряковской волостях обнаружено скопление дезертиров (24 августа). В Верхokokшангской волости скрывалась вооруженная банда дезертиров. Главарями банд являлись известные деревенские кулаки.

В Степуринской и Таперилловской волостях Грязовецкого уезда произошло вооруженное восстание дезертиров. Некоторые районы вынесли постановление о признании власти зеленых (28 июля). В Шингаревский волысполком вошли люди, «не стоящие за советскую власть». Дезертиров мало, но плохо с продовольствием (2 августа). Положение Степуринской и Панфиловской волостей Грязовецкого уезда ненадежное. Настроение враждебное вследствие антисоветской агитации дезертиров. Население Воздвиженского и Чернецкого районов Степуринской волости явно контрреволюционное (10 сентября). Председатель Скрабинского районного совета Грязовецкого уезда Воронов во время бывшего восстания зеленых агитировал среди местных дезертиров и гражданского населения с присоединением к зеленым (в документе: «к волостным», что надо счесть ошибкой). Воронов арестован (19 сентября). В Авнегской волости Грязовецкого уезда сильно развито дезертирство, в борьбе с которым местное население принимает добровольное участие. В Кадниковском уезде с 16 по 31 августа задержаны 75 дезертиров, проведено три облавы. Три облавы прошли и в Тотемском уезде, задержаны 296 дезертиров (4 сентября). С 16 по 31 августа в Вологодском уезде произведены шесть облав, которыми задержаны 335 дезертиров, в Грязовецком – три облавы; в Вельском – пять облав (5 сентября).

В Череповецкой (новосозданной) губернии «дело борьбы с дезертирами вполне налажено, высылаются пешие и конные дозоры, собирающие все сведения» (сентябрь). Голод и продолжавшиеся реквизиции вызывали новые вспышки возмущения. В Череповецкой губернии «население относится недоверчиво к Советской власти, продовольственной политике. Продовольственный вопрос стоит очень остро. На почве последней реквизиции недовольство местами переходило в волнение. 5 ноября вспыхнуло невооруженное восстание из-за реквизиции скота и мобилизации лошадей в Звонецкой волости Тихвинского уезда, в котором кроме крестьян участвовали 150 дезертиров. Определенных лозунгов не выдвигалось. Восставшие разоружили семь продармейцев и переизбрали волостной исполком.

Восстание ликвидировано отрядом ЧК. Со стороны восставших 1 убит и 65 человек арестованы» (30 ноября)²⁹¹.

Олонецкая губерния

В Каргопольском уезде настроение тревожное вследствие небывалого голода. Красноармейцы крали у населения скот, птицу и продукты (13–15 июля). В уезде жило 1500 дезертиров. Дезертирство росло в связи с полевыми работами (15–21 августа). Дезертирских банд в губернии не было, лишь «частичные укрывательства» (август). В Вытегорском уезде дезертиры появились в связи с прорывом Пудожского фронта (12 сентября)²⁹².

Северо-Двинская губерния

Комбат Северо-Двинского батальона из Великого Устюга сообщал 27 мая о взволнованном настроении города в связи с появлением крестьянских толп с требованием хлеба.

В начале июня в губернии успешно проходила мобилизация 1898–1900 гг. рождения²⁹³.

Отряд Северо-Двинского батальона ВОХР 1 июня двинулся для предупреждения восстания в Никольский уезд. Здесь и позднее наблюдалось наиболее организованное дезертирство в губернии. Дезертирство сосредотачивалось главным образом в этом уезде, здесь имелось много оседлых дезертиров. Волостные комиссии не имели достаточно сил для ведения планомерной борьбы. Дезертиры группировались в Вознесенской и Кипшенгской волостях (4 сентября). В Удимской волости найдены прокламации к дезертирам с призывом поднять восстание и примкнуть к белогвардейцам (сводка за 1–7 октября). Дезертирство среди мобилизованных в уезде в июне достигало 16 %²⁹⁴. Это довольно много для голодных и «послушных» власти северных губерний, хотя в разы меньше, чем в губерниях центральных.

В Усть-Алексеевской волости Устюжинского уезда произошло контрреволюционное восстание населения и красноармейцев, были жертвы (30 июля).

Продовольственное положение Усть-Сысольского и Яранского уездов критическое. Настроение населения во всех волостях Сольвычегодского уезда «тревожное» из-за сильного голода (6 августа). Некое «контрреволюционное» выступление крестьян состоялось в Черевковской волости (4 августа). Голод в Новиковской волости принял угрожающие размеры, можно было ожидать восстания. Это вполне стереотипные сообщения. Бобровско-Захаровская волость Устюжинского уезда, с точки зрения чекистов, являла собой гнездо контрреволюции, к тому же с участием местного волисполкома. Здесь не раз происходили восстания (сводка за 27–29 августа)²⁹⁵.

Зеленое движение в северных губерниях развивалось на фоне голода или балансирования на грани голода большинства населения. Поэтому нечасты наступательные действия дезертиров-зеленых. В этих краях, с редким населением, скудными ресурсами и большими пространствами, зеленые скорее пытались организовать некую параллельную жизнь (характерны признания какими-либо местностями власти зеленых). При этом отчетливо выделяются наиболее организованные или упорные «зеленые» местности.

Северо-Запад

Новгородская губерния

По данным деникинского Освага от начала апреля 1919 г., Новгородская губерния, как и Украина с Крымом, отрицательно настроена к большевистской мобилизации²⁹⁶. Вскоре это настроение реализовалось в масштабных восстаниях.

Губвоенком телеграфировал 28 мая: в Тесовской и Полянской волостях Новгородского уезда происходят вооруженные восстания дезертиров, явившихся с фронта из Псковской губернии. Дезертиры вооружены трехлинейными винтовками и ручными гранатами, располагали четырьмя пулеметами. Восставшие убивали советских работников и коммунистов; портили телеграф и телефон, страдали крестьяне, не присоединявшиеся к ним. Губвоенком выслал вооруженные отряды, которые вступили в бой. Дезертиры проявили упорство: с обеих сторон были потери, дезертиры при отступлении забирали с собой раненых, то есть поступали скорее как стойкие солдаты, а не повстанческие толпы.

Начальник штаба Западного фронта генштабист Н.Н. Петин из Старой Руссы сообщал 4 июня о восстаниях дезертиров-зеленых у станций Лучково, Болот, Куженково в районах, прилегающих к Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороге на участке Карамышево – Бологое. Среди восставших наблюдалась известная организация, они имели на вооружении не только винтовки, но и пулеметы.

Поднялись дезертиры и на участке железной дороги Петроград – Ново-Сокольники, в районах, прилегающих к линии дороги у станций Чалое, Дедовичи, Плотовец. Для подавления пошли части формировавшейся Западной кавалерийской дивизии А.А. Дмуховского. На станции Лычково и Болот отправилась рота 147-го полка. К 4 июня восстание в районе станции Дедовичи было подавлено.

Командир Новгородского батальона 6 июня 1919 г. рапортовал об итогах отправки отряда батальона в Боровичи для борьбы с вооруженным дезертирством. По всем деревням был отдан приказ, чтобы дезертиры добровольно явились для отправки к уездному военкому в Боровичи. За неявившихся были обещаны отбор имущества с раздачей беднякам и взятие заложников. После этого в Ореховской волости Боровичского уезда добровольно явились 900 человек, в остальных волостях – 600 человек, все направлены в Боровичи²⁹⁷.

Продовольственное положение оставалось крайне плохим, и в связи с этим настроение ухудшалось с каждым днем. К августу губерния готовилась к снятию нового урожая. В деревне Шицково Левочской волости Боровичского уезда банда дезертиров выступила против Советов (15 июля). Были и другие случаи восстания зеленых. В Старорусском уезде народ внешне спокоен. «Многие дезертиры являются добровольно, все-таки деревни еще полны ими. В некоторых волостях насчитывается до 300 человек» (29 июля)²⁹⁸.

Губерния оставалась беспокойной. 25 июля создан губернский оперативный штаб, его начальником стал председатель губернской комиссии по борьбе с дезертирством Бендер²⁹⁹. Штаб предписал дезертирам явиться в трехдневный срок без наказания, в дальнейшем были обещаны кары³⁰⁰.

Возможно, начало уборочного сезона приглушило вооруженную активность зеленых. Телеграмма от 6 августа 1919 г. сообщала об отсутствии выступлений дезертиров. Скопления же их наблюдались в деревне Глиды Межниковской волости Маловишерского уезда. Дезертиры группами по 15–20 человек перемещались в Дворецкой волости Старорусского уезда, деревне Глас Маловишерского, в Костоковской волости Демянского уезда и других местах³⁰¹.

По данным разведки к 12 августа, в районе станции Бабино Николаевской железной дороги в лесу обнаружена организация дезертиров с большим количеством оружия и пулеметами. Результаты разведки докладывал некий красноармеец Иванов в

комиссию по борьбе с дезертирством. Он был командирован в пределы Апраксинской и Любанской волостей для разведки наличия банды зеленых в районе станции Бабино. Прибыв в 4 утра 7 августа на станцию, он выяснил из разговора с начальником железнодорожной охраны, что в лесу была слышна стрельба, и уверился в наличии банды. Пройдя верст 5 вглубь леса, разведчик встретил часового. Тогда он представился дезертиром, который бежит из «муравьевских казарм», и попросился в отряд. Часовой отправил его к старшему. Тот спросил, будет ли новичок надежным, и получил, естественно, горячее в этом уверение. По оценке разведчика, в отряде оказался человек сто пятьдесят, пулемет, «очень много винтовок». Питался отряд «всякой зеленью», то есть жил на подножном корму. Красноармеец по разговорам зеленых понял, что «в глубине леса скрываются отряды зеленых с оружием и пулеметами». В удобную минуту он покинул отряд и возвратился к красным. Бендер докладывал в окружной оперативный штаб, что в район станции выехал отряд в 60 человек с двумя пулеметами, и сетовал, что красноармейцы вооружены берданками. Нужен больший отряд! Однако 26 августа прибывший на станцию отряд ничего не обнаружил³⁰². Трудно сказать, что же было в действительности. Рассказ красного разведчика выглядит вполне правдоподобно. Возможно, как часто бывало, зеленое группирование не было столь внушительно вооружено или же не имело боеприпасов, так что столкновений избегало, или же распалось еще до прибытия красных. Не забудем про «всякую зелень», которой нельзя неделями кормиться отряду в полтора человека. Возможно, и красный отряд лишнего рвения в поисках не проявлял, к общему спокойствию. Такая логика в действиях местных формирований и тем более низовой администрации проявлялась в массовом порядке.

Работа отрядов по борьбе с дезертирством в губернии иллюстрируется следующим примером. В середине августа коммунистический отряд Васильева прибыл в Тесово-Полянскую волость и узнал, что из нее только что отбыл петроградский отряд, поймавший 70 дезертиров и троих расстрелявший. К Васильеву за два следующих дня явилось еще 117 дезертиров. У семи пойманных дезертиров «после долгих пыток» (надо ли понимать буквально?) оказалось две винтовки. А по имевшимся сведениям, винтовок было около двухсот пятидесяти (очевидно, волость восставала, и отряд прибыл в порядке усмирения). Сам Васильев докладывал 14 августа, что в волости спокойно. Он арестовал 60 дезертиров, среди которых два председателя (сельсоветов, дезертирских собраний?). Большинство явилось добровольно в волостной военкомат и отправлено в войска и уездный комитет. Сдано одиннадцать винтовок, еще три винтовки и две гранаты отобрано. Основная часть оружия, очевидно, осталась на руках. Васильев считал, что виноват петроградский отряд; он расстрелял главаря Трофимова из деревни Чаща, который мог дать материал о местонахождении оружия.

Местный волвоенком Зубаков самовольно давал дезертирам отсрочки, ходатайствовал перед начальником отряда об освобождении кулака Богачева, у которого сын и братья участвовали в восстании и скрывались. Резолюция от 16 августа предписывала арестовать Зубакова и доставить в ЧК. Далее Васильев отправился в Косицкую волость, на которую у него имелся «материал», то есть сведения о дезертирах. При переходе увидели близ мызы Муравьева троих пеших дезертиров. На окрик остановиться они пустились бежать. Одного из них Васильев ранил в грудь из нагана, он был отвезен в больницу. В этой волости сразу явилось 53 дезертира³⁰³.

Новгородские крестьяне в августе сообщили, что видели около двухсот вооруженных дезертиров, шедших с фронта, они расспрашивали о дороге на Псковскую губернию, уроженцами которой, можно предположить, являлись³⁰⁴.

В районе станций Фирово и Спасо-Есиновичи Болотовского уезда восставших дезертиров было до 6 тысяч человек. При появлении отрядов дезертиры отступили, рассеиваясь по лесам (26 августа)³⁰⁵.

В Старорусском уезде бытовало возбужденное настроение из-за близости фронта (22 августа)³⁰⁶. Но мобилизация проходила удовлетворительно. Многочисленные случаи откупа «кулацких сынков» от службы вызывали ропот и упорство в уклонении со стороны остальных. Дезертиров по уезду насчитывалось около 4 тысяч человек. Принимались «серьезные меры» к их вылавливанию (1 сентября). На местах возможного прохождения большей части дезертиров выставили заслоны. Главные пункты их прохода: станция Дубич, деревня Санец, деревня Сенная и по линиям Гостиннополья, Чудово и железной дороги Петроград – Москва. Продовольственное положение удовлетворительное, однако «излишков не хватает», развивается спекуляция солью (1 сентября)³⁰⁷. 30 сентября 1919 г. ввиду (нового) массового скопления дезертиров в Старо-русском уезде из Петрограда от 54-го отдельного стрелкового батальона высылался отряд в 80 человек при одном пулемете для облав³⁰⁸.

В сентябре мобилизация по губернии проходила удовлетворительно. Однако отношение к ней крестьян оценивалось как неблагожелательное, а настроение мобилизованных как среднее (сводка за 7 – 15 сентября). В Торопецком уезде на границе со Смоленской губернией собрались банды дезертиров (12 сентября). В Пожинской волости этого уезда их много было и неделей позже. Сельские исполкомы всех дезертиров знали, но из-за боязни мести не принимали должных мер (20 сентября)³⁰⁹.

Губерния давала военную активность дезертиров и крестьян и в предзимний период. В Новгородском уезде крестьяне восстали под лозунгом «Долой войну! Не давать солдат в Красную армию!» (сводка за 1–7 ноября)³¹⁰. 5 ноября от 142-го батальона ВОХР отряд в 50 человек вновь отправился в Старорусский уезд для борьбы с дезертирством³¹¹.

Мобилизация по губернии в ноябре в очередной раз проходила удовлетворительно, за исключением Боровичского уезда, из некоторых волостей которого мобилизуемые не явились. В Маловишерском и Боровичском уездах большой наплыв дезертиров наблюдался и в начале зимы. В Старорусском уезде наконец появилось довольно много добровольно явившихся (конец ноября – начало декабря). По всей губернии³¹² насчитывалось около 7530 дезертиров, среди них небольшой процент партийных (сводка за 23–30 ноября). С 6 по 13 ноября задержаны оказались 413 дезертиров, добровольно явились 162 человека³¹³. Надо признать, результат более чем скромный.

Олонецкая губерния

В Каргопольском уезде настроение тревожное вследствие небывалого голода. Красноармейцы крали у населения скот, птицу и продукты (13–15 июля). В уезде жило 1500 дезертиров. Дезертирство росло в связи с полевыми работами (15–21 августа). Дезертирских банд в губернии не было, лишь «частичные укрывательства» (август). В Вытегорском уезде дезертиры появились в связи с прорывом Пудожского фронта (12 сентября)²⁹².

Санкт-Петербургская губерния

В столичной губернии зеленые восстания переплетались с возмущениями на продовольственной почве, о чем писал С.В. Яров. Дезертиры-зеленые выступали

более легким на подъем отрядом крестьянства. Настроение конкретных местностей зависело от комбинации многих факторов, прежде всего — продовольственного положения. Отсутствие дезертиров не всегда было верным признаком советского настроения волости. Например, в Колпинской волости Детскосельского уезда антисоветское настроение среди крестьян нарастало на почве недоразумений по взиманию чрезвычайного налога; дезертиров нет (28 июля). В Ям-Ижорской волости «настроение антисоветское на той же почве. Население состоит сплошь из кулаков и спекулянтов». Настроение в волостях Новолодожского уезда было спокойным в ожидании нового урожая. Добровольно являлось много дезертиров³¹⁴. Налицо пассивная зеленая жизнь с легализацией в рабочий сезон или какой-либо другой подходящий момент.

Организованные и упорные отряды зеленых сосредотачивались в районе Корельского участка Петроградской губернии. О том, что эти отряды «еще не ликвидированы», сообщали чекистские сводки за 15–22 октября и 7 – 14 ноября³¹⁵. Петроградская комиссия по борьбе с дезертирством расстреляла пять злостных дезертиров (сводка за 1–7 ноября)^{316,317}.

Какие-то зеленые кадры продолжали лесную жизнь и в дальнейшем. В июне 1920 г. советские власти отмечали в Гдовском уезде Петроградской губернии «несочувственное» отношение к советской власти в некоторых волостях, убийства совработников, кулацко-собственнические инстинкты «по глухим хуторским местам»³¹⁸.

Псковская губерния

Прифронтовая, а затем приграничная небогатая губерния с внушительной военной историей очень рельефно отделилась на карте Гражданской войны. Летом 1918 г. почти полностью был охвачен восстаниями Порховский уезд, который через год даст наиболее структурированное зеленое формирование.

Осенью 1918 г. псковские крестьяне в массе недружелюбно отнеслись к белому Псковскому корпусу. Однако большевистская продовольственная политика изменила настроения крестьян. Они активно противились мобилизациям в РККА, известно много случаев поголовного уклонения, успешного срыва отправки и т. п. С февраля 1919 г. начались мобилизации в волостях, оставляемых германскими войсками. Здесь нежелание крестьян служить также проявилось весьма рельефно. Поэтому весной 1919 г. белое наступление встретило поддержку. Однако административный произвол и тяжелая подводная повинность охладили симпатии к белым.

Псковское крестьянство, из-за близкой линии фронта и стихийной демобилизации, оказалось к 1918 г. весьма основательно вооруженным. Разоружение населения стало заботой и красной, и белой власти³¹⁹.

Весной 1919 г. произошли упорные восстания с тысячами участников в Новоржевском и Холмском уездах.

Предгубчека сообщал 23 мая о тревожном состоянии Пскова. «По уездам массовое групповое скопление дезертиров. Вспыхивают организованные дезертирами восстания в связи с белогвардейской и новоэсеровской (левоэсеровской, надо полагать. — Авт.) агитацией». В Порховском уезде восставшими дезертирами были вырыты окопы, однако выступление удалось ликвидировать. В других уездах восстания ликвидируются, «но местами ежедневно вспыхивают новые». 22 мая дезертиры заняли станцию Селезнево в 25 верстах южнее Пскова.

По сведениям от 29–30 мая, крупные восстания дезертиров произошли в Опочецком уезде. В нескольких волостях уезда «назревают и происходят» приготовления к восстанию. Замечено приготовление к восстанию в Порховском и Холмском уездах.

Советскому Пскову помогали соседи. 2 июня по просьбе руководства Демянского уезда Псковской губернии из тверского Осташкова выслан отряд для разгрома организованных дезертиров. В самом Осташковском уезде было спокойно, но связи с Демянском не имелось. В двух волостях Холмского уезда Псковской губернии поднялось восстание дезертиров и «кулацких элементов» численностью около 2 тысяч человек, были убиты³²⁰.

Представитель ВЧК телеграфировал из Опочки 3 июня: отряд Московского полка войск ВЧК прибыл в Афанасьеву Слободской волости. Дезертиров в районе скопилось до 500 человек. После обстрела лесов и болот из орудий и пулеметов дезертиры начали прибывать партиями. В этой волости отрядом восстановлен совет, разгромленный дезертирами. Следующая телеграмма из Опочки от 10 июня сообщала: организовавшиеся банды зеленых в уезде разбиты. Советы восстановлены. За последние дни добровольно явились более 400 дезертиров³²¹.

В июне восстания были в Псковском, Порховском и Островском уездах. Зеленые руководились офицерами, формировались кавалерийские и пехотные подразделения, проводились мобилизации, организовывалось снабжение отрядов. Наиболее масштабные события произошли в Порховском уезде. Здесь к концу мая стала формироваться Зеленая армия Порховского уезда. Она не была четко структурирована, отдельные сведения показывают, что отряды были слабо вооружены. Однако большая часть уезда оказалась охваченной восстанием. Ударной силой зеленого повстанчества выступали вооруженные дезертиры. Крестьянство поддерживало зеленых, однако вводимые повстанцами продовольственные сборы вызывали уклонение. М. Васильев полагает, что создание повстанцами штабов, проведение собраний и т. п. представляло собой элементы карнавальной культуры, перевоплощения, пародии³²². Мы не думаем, что это очевидный факт. Крестьяне были весьма рациональны. Скорее, очевидные потребности организовать, вести и обеспечивать боевые действия вызвали к жизни соответствующие формы деятельности, известные восставшим с военным опытом.

На 16 июня выяснилось, что сведения о восстаниях в Торопецком, Холмском, Осташковском и Опочецком уездах Тверской и Псковской губерний преувеличены. Восстания подготавливались офицерами-дезертирами и крестьянами. В районе Торопец – Пено спокойно. Отряд, оперировавший в районе станции Охват по ликвидации восстания, 16 июня направлялся через Бологое в Тверь³²³.

Восстание в Холмском и Торопецком уездах окончательно ликвидировано к 25 июня³²⁴.

Отряд Псковского отдельного батальона ВОХР отправился 27 июня для подавления восстания в Максимовской волости Великолукского уезда³²⁵.

Интересно, что население враждебно отнеслось к всеобщему военному обучению, делая его организаторов мишенью нападков и репрессий. Зеленые обыскивали дома крестьян, привлекавшихся к обучению, в поисках оружия, хотя учебные винтовки на руки не выдавались. Возможно, факт пребывания во всеобуче понимался как признак советской ориентации³²⁶.

Псковские, а отчасти петроградские зеленые активно превращались в белых в рядах Северо-Западной армии. При этом иногда имел место переход в ряды регулярной армии, а иногда пребывание в промежуточном состоянии, в виде самосформированных отрядов в тылу белых для борьбы против местных

коммунистов, или же в сфере влияния формирований С.Н. Булак-Балаховича. В этой связи возникает интересный сюжет, связанный с соотношением белых и зеленых в палитре Гражданской войны и соответствующими способами ведения боевых действий.

В феврале – апреле 1919 г. удачно действовал на «озерном фронте» отряд С.Н. Булак-Балаховича, еще не оформленный в соединение. Недружественное отношение А.П. Родзянко не позволило развернуться партизанским талантам Балаховича. Родзянко однозначно рассматривал Балаховича как грабителя: «Партизанские действия отряда полк. Балаховича в районе Пскова навели ужас на население»³²⁷. При этом и балаховцы, видимо, инструментально относились к самому Родзянко как командиру³²⁸. Развитие операций Северо-Западной армии определили для Булак-Балаховича более широкий фронт действий. А.С. Кручинин предполагает, что замысел осеннего наступления Н.Н. Юденич базировал на лобовом ударе на Петроград, который обеспечивался малой войной на правом фланге. Как раз Балахович мог быть очень эффективным в таких действиях. Отсюда и готовность «терпеть» своеволие Балаховича и примириться с ним после известного конфликта на вполне приемлемых условиях, несмотря на жесткую позицию офицерских верхов армии во главе с Родзянко. Действительно, от Балаховича в условиях его значительной самостоятельности в знакомом районе можно было ожидать высокой результативности именно в реализации «зеленого» повстанческого потенциала Псковщины в интересах и в тесной связи с операциями Белой армии. Сам «батько» предлагал ни более ни менее как работой в тылу развалить 7-ю красную армию, передавая пленных с оружием Северо-Западному фронту и претендуя не более чем на треть захватываемых трофеев и денег³²⁹. На 19 июля 1919 г. в Северном корпусе показаны чересполосно русские и эстонские войска, в том числе партизанские части С.Н. Балаховича. Наряду с 1-м сводным партизанским и 2-м партизанским полками на позициях стоял внушительной численности Палкинский партизанский отряд в 215 штыков с двумя пулеметами и Качановский отряд в 420 штыков при шести пулеметах³³⁰. Дополнительные штрихи к этой проблеме добавляет полковник Томилов, автор фундаментального очерка борьбы на Северо-Западе, написанного в эмиграции по поручению генерала Юденича. Томилов не отрицает искренности попыток Балаховича примириться с главнокомандующим в сентябре 1919 г., но полагает, что «его действительная искренность в данный момент не могла быть надежной гарантией того, что он через самый короткий срок под влиянием своих присных не поступит наоборот своим обещаниям». Поэтому его «самостоятельные действия в тылу Красной армии среди коренного русского населения могли принести больше вреда, чем пользы, т. к. даже при искреннем желании ему едва ли удалось бы удержать от грабежей и вымогательств своих искушенных уже и воспитанных на подобных приемах партизан»³³¹. «Красные вновь взяли Псков; говорят, что там перессорились русские белогвардейские генералы – Родзянко, Ливен и Балахович. Узнаю коней ретивых!»³³² – раздраженно записывал в дневнике профессор Готье. Кручинин обращает внимание на обособленность Петроградского и Псковского направлений к концу лета 1919 г. На первом уместен был целеустремленный Родзянко, на втором – мастер партизанской борьбы и вовлечения в партизанскую войну крестьянских масс Балахович. Это понимал генерал Юденич. Однако Родзянко, после летних неудач, собрался резко изменить направление главного удара и двинуться из Пскова в новгородском направлении. Это и вызвало обвинение им Балаховича в печатании керенок (последний оправдывался тем, что фальшивые деньги направлялись в большевистский тыл и, таким образом, представляли собой не уголовное преступление, а экономическую диверсию) и известное развитие событий, завершившееся потерей Балаховича для Северо-Западной армии³³³.

По мнению М. Васильева, уже с августа 1919 г. начался перелом в сознании крестьянства после ознакомления с «реставрационным» белым режимом. Прежде всего это выразилось в ослаблении дезертирства, волостные собрания стали «клясться» не повторять ошибок и т. п.³³⁴ Однако надо полагать, что сработало не более чем изменение ситуации на фронте – 29 августа белые потеряли Псков, с одной стороны, и конец полевого сезона – с другой.

По подсчетам О.А. Калкина, только из 160-тысячного Псковского уезда не менее 20 тысяч крестьян участвовали в Гражданской войне на стороне белых. К этому числу должно добавить неизвестное число уроженцев Порховского, Островского, Стругобельского и петроградского Гдовского уездов³³⁵. Соответственно, возникает вопрос о соотношении белых и зеленых псковичей.

Еще один вариант перехода из зеленых в белые подробно описывает историк Эстонии И. Копытин. Речь идет о зеленом отряде Качановской волости Островского уезда. Поначалу это классический плохо вооруженный повстанческий отряд в несколько десятков человек, который пользуется сочувствием населения. Видимо, он возник в ответ на грабежи голодной красной роты, стоявшей в волости, к тому же нашелся смелый инициативный командир-прапорщик. Наступление эстонских войск в мае 1919 г. привело к договоренностям о совместных действиях с эстонским партизанским подразделением Сакала. В нем, в свою очередь, была русская рота. Постепенно зеленые стали партизанами при эстонских формированиях.

Подобного происхождения был и Палкинский (по названию волости) партизанский отряд. В июле 1919 г. на основе этих партизанских отрядов штаб «крестьянских и партизанских отрядов полковника Булак-Балаховича» начал формировать 2-й стрелковый полк с дальнейшим разворачиванием на основе мобилизации «Народных войск Пскова». Полк числился в составе 4-й дивизии Северо-Западной армии, но снабжался 2-й Эстонской дивизией. Падение Пскова 29 августа обозначило конец данного начинания. Вскоре произошла показательная история. Командовавший полком полковник Цибульский решил перевестись в Северо-Западную армию, и русским солдатам было разрешено, по желанию, последовать за ним. Интересно, что большинство осталось на эстонской службе. В результате возник 23-й Качановский полк в СЗА и Качановский полк, а вскоре отдельный батальон со значительно большим числом коренных качановцев – в эстонской армии. Очевидно, качановцы и их ближайшие соседи из Островского уезда не хотели уходить из родных мест, пока оставалась надежда туда вернуться. Интересно, что еще одно русское подразделение – Паниковский батальон 7-го Эстонского полка, состоявший из мобилизованных Печорского уезда, был «заражен большевизмом» и давал значительный процент дезертиров. Тяжелая ирония судьбы выразилась в том, что по итогам Рижского мира территория Качановской волости отошла... Латвии. Кстати, туда и уехали многие демобилизовавшиеся «эстонские» качановцы³³⁶.

Беднота псковской деревни при всех военных перипетиях продолжала оставаться под угрозой голода³³⁷.

Всего с февраля 1919 г. по март 1920 г. через Псковскую губернскую комиссию по борьбе с дезертирством прошло около 68 500 человек, из которых 37 тысяч считались добровольно явившимися. Почти 46 % недобровольно принятых комиссией демонстрируют как высокий уровень упорства дезертиров, так и значительные усилия советской власти по их выемке. 89 человек расстреляны как злостные дезертиры, свыше тысячи отправлены в штрафные части³³⁸.

Отступление Булак-Балаховича ко Пскову освободило красные силы. Осенью 1919 г. зеленое движение продолжалось, но постепенно затухало, погибли многие

руководители. Однако еще могли возникать крупные отряды. Так, на участке Великие Луки – Режица в районе станции Идрица организовалась банда зеленых около 800 человек (сводка за 15–22 октября)³³⁹. В Круглянках крестьяне настроены против советской власти, в округе множество дезертиров (сводка за 23–30 ноября)³⁴⁰.

Кстати, именные списки отряда Булак-Балаховича содержат преимущественно великорусские фамилии³⁴¹. Очевидно, псковское ядро оставалось с «батькой» и в его дальнейшей военно-политической карьере. Часть зеленых перешла в ряды Северо-Западной армии. Более чем по тысяче зеленых действовало в Опочецком, Новоржевском, Великолукском, Холмском уездах³⁴².

По Гдовскому, Псковскому, Островскому уездам – по учетам начала 1920-х гг. – обнаруживаются тысячи «белогвардейских» семей, чьи члены служили в Северо-Западной армии и остались дома при ее отступлении или же ушли в эмиграцию. Кто-то из них был дезертиром из РККА³⁴³. Можно полагать, что для многих и многих пребывание в красных и белых, жизнь в прифронтовой полосе вылились в более или менее активное участие в зеленых, как организованных, так и пассивных.

Уцелевший кадр зеленых продолжал действовать до середины 1920-х. На Псковщине и в начале 1920-х гг. наблюдалось массовое дезертирство: в Торопецком, Великолуцком, Невельском уездах дезертиров было до 12 тысяч человек, их количество росло в Псковском и Островском уездах благодаря восстаниям и близости границы. Через границу переходило до 60 перебежчиков в день. Пограничные с Эстонией и Латвией Псковский, Островский и Опочецкий уезды развили сильную контрабандную торговлю, которая распространилась на всю губернию. Спекуляция охватила и крестьян, и воинские части, и пограничников. Советская администрация была деморализована³⁴⁴.

Псковская губерния демонстрирует наиболее масштабный пример боевого сотрудничества массовой зеленовщины и белогвардейских формирований. В данном регионе это происходило органичнее, чем, например, на крестьянско-казацком пограничье в саратовско-воронежских краях.

Западные губернии

Западный регион специфичен отсутствием массового Белого движения, приграничным положением губерний, германской оккупацией, появлением лимитрофных государств, наконец, национально смешанным составом населения с пробуждением национальных идентичностей.

Здесь крестьянство оказывалось зачастую лучше вооруженным – из-за близости фронта. В то же время нежелание вновь воевать, нежелание отдавать ресурсы проявилось и на западе вполне четко. А.Е. Снесарев передает в своем дневнике мнение А.Ф. Кддошникова, начальника штаба Московского военного округа (запись 26 ноября (9 декабря) 1918 г.): «Витебская и Могилевская губернии нам не дали ни одного солдата, из данных Смоленской губ-ей 45 т. до Южного фронта дошло разве 5 т... все бежит бесцеремонно и немилосердно, система бьет самое себя»³⁴⁵.

Обилием зеленых крестьянских отрядов отличались с 1918 г. Велижский уезд и окрестности Суража Витебской губернии. Осенью 1918 г. мощное крестьянское Велижское восстание распространилось на Пореченский и Бельский уезды

Смоленской губернии и втянуло в свою орбиту до 50 тысяч крестьян, в том числе из латышских деревень³⁴⁶.

Виленская губерния

Белая разведка в начале апреля 1919 г. отмечала «военные восстания фронтовых солдат в районах Поневежа, Вилькомира, Вильно и Лиды. Эти последние, бросив фронт, не желая сражаться, ускорили только продвижение польско-литовских войск в трудно проходимых местностях»³⁴⁷. Генерал Снесарев записал в дневнике 22 апреля: «8 марта 47-й полк покинул Шавли и, отошедши к Паневежу, скандалил... Отправлен был в тыл, разоружен, и расстреляны: комполка, комиссар и 11-й через 10...»³⁴⁸ Как видим, мера была принята вполне «свияжская».

По данным за 19–20 июня, в местечках Ново-Погост, Мосары, Германовичи, Йоды и Шарковшизна «восстали зеленые банды», к ним присоединялись мобилизуемые. Восставшие разгромили совет, избивали коммунистов. Создалась угроза Риги-Орловской железной дороге и армейскому тылу. Для ликвидации выслан отряд по распоряжению виленского губвоенкома Кищука, мобилизация была

временно приостановлена. Отряд занял Германовичи. Восставшие разбежались, но заново организовывались в районе Погост – Шарковшизна. В деревне Шишки, западнее Германовичей, обстреляли красную разведку. Из этой деревни зеленых выбили пулеметным огнем. Пришли сведения, что зеленые готовятся к наступлению на Германовичи. К оперировавшему в районе советскому отряду двинулось подкрепление. Председатель и секретарь совета Шарковшизны перешли на сторону зеленых и разоружили милиционеров. Противник группировался у Погоста³⁴⁹. Приведенный сюжет демонстрирует массовое, упорное и более или менее вооруженное сопротивление.

Телеграмма из Друни 26 июня 1919 г. давала подробности подавленного дезертирского движения. После ликвидации восстания в районе Дисны были устроены митинги, на которых говорилось об ответственности руководителей, участников и семьи восставших. Расследование показало «чисто кулацкий» характер восстания, с участием дезертиров и вновь мобилизованных. Организаторами и главарями восстания явились агенты легионеров, местные помещики и ксендзы. Военно-полевой штаб разослал приказ по домам дезертиров с требованием немедленной явки под ответственностью семей. Эта мера предсказуемо дала «усиленный наплыв» дезертиров, которые «требовали» зачислить себя в ряды армии. По отношению к уклонявшимся применялись репрессивные меры. Последовал приказ возобновить мобилизацию, которая была приостановлена в связи с восстанием³⁵⁰.

Согласно сводке за 23–31 августа, организованных банд дезертиров в губернии не имелось. В Бреславском уезде – одиночные бандиты, изредка производившие нападения. Районом скопления дезертиров служила Гришунская волость названного уезда³⁵¹.

В западных губерниях можно предполагать изначально более высокую степень организованности сопротивления большевикам. Планы эсеров поднять мятеж в прифронтовых частях Красной армии на Западе, а также в тылу этих частей летом 1918 г. провалились, но привели к созданию хорошо организованных зеленых повстанческих ячеек на стыке Смоленской, Витебской и Псковской губерний. Во главе их стояли известные в будущем офицеры братья Жигаловы, Анущенко-Оберон и менее известные Воронов-Богданов и Кулешов. Обширное Велижское восстание осени 1918 г. и Пореченское с захватом уездного Поречья и переходом на сторону повстанцев местной милиции обеспечили значительные и уже опытные зеленые

кадры на Смоленщине, Витебщине, отчасти в Новгородской губернии. Зеленые отряды появлялись и в псковских уездах уже осенью 1918 г.³⁵²

Когда интеллигентные наблюдатели оказывались внутри «зеленой» деревни, могли складываться интересные информативные зарисовки. В такой роли выступил белый мемуарист Н.В. Волков-Муромцев. Одну из частей своих воспоминаний он так и назвал: «В царстве зеленых». Весной 1919 г. он, совсем юный вяземский помещик, вместе с таким же тамбовским сотоварищем пробирается на юг, к Киеву, в поисках белых. По пути они оказываются на пароходе, идущем по Сожу и Днепру. Это район Гомеля – Лоева. Герои замечают, как на пристани толпа умело организует суматоху в присутствии чекистов, так что все желающие в конце концов попадают на борт. Для путешествующих с чужими паспортами начинаются необычные явления. На пароходе есть организованная группа человек в тридцать, которой руководит старик по имени Аким. Пароход при этом «красный», с красноармейцами в качестве охраны. Пассажиры в основном крестьяне. Знакомые говорили, что «по Сожу и по Днепру все зеленые». И вот теперь в разговоре с новыми знакомыми выясняется, что красные «побаиваются наших ребят», а ребята «редко домой приходят». На одной из пристаней Аким командует своей группе прыгать под откос, с парохода по ней стреляют. Все привычно и сноровисто исполняют приказы старшего. До родной деревни несколько десятков верст пешком. К Акиму из леса выходили мужики, обменивались несколькими словами и исчезали. Вот как представилось «зеленое царство» нашему герою: зеленые «инициативу не брали, ждали красные экспедиции и, когда те неосторожно попадали в засаду, уничтожали их. У зеленых... было мало оружия и еще меньше припаса. То и другое они захватывали у красных. Были деревни, куда красные вовсе не совались. Они боялись лесов и в особенности болот. Зеленые очищали участки в лесу и засеивали их. В деревнях «для виду» только засеивали несколько полей, и то большинство отбирали красные. Да и скот и лошадей – только часть в деревнях держали, остальных угоняли в лес. Мужского населения в деревнях было мало, одни старики, остальные нахаживали из леса, но редко. Сообщение между деревнями и лесом было хорошо налажено. Ребятишки шныряли туда и сюда. Зимой красные редко появлялись, и тогда мужики приходили в деревни, да и летом на сенокос, где луга были в лесах, тоже приходили помогать».

В пути группа Акима встретила красный разъезд, который интересовался зелеными. Им показали направление, оттуда вскоре раздалась стрельба из винтовок. Гибель красного разъезда никаких эмоций среди идущих не вызвала. Мемуарист подробно описывает, сколь надежно действовала живая связь и передаточная система в «зеленых» краях. У деревень были заставы с неразговорчивыми парнями, которые хорошо знали всех местных и легко определяли нездешних. В результате обитатели «зеленого царства» помогли путешественникам добраться до Киева³⁵³. В западных районах страны уже в 1918–1919 гг., очевидно, значительные сельские территории были во власти зеленых. Базирование на традиционных деревенских линиях связи и подчинения, умение использовать дороги, реки, контролируемые красными, заложили на будущее возможности автономного выживания и сопротивления.

Весной 1920 г. выходило четырехполосное издание «Правдивые известия. Ежедневная газета русских партизанов». Природа «Правдивых известий» обнаруживается следующей позицией: в майском номере сообщалось, что на Волыни и в Подолии с неописуемым энтузиазмом встречают геройского польского солдата³⁵⁴. Восторги перед польским солдатом в сельской местности указанных губерний представить себе сложно. Очевидно, в условиях обострившейся советско-польской войны в газетное дело вложились польские инстанции. Тем не менее достоверность информации о «зеленой» жизни может быть признана высокой – источник писал о событиях поблизости. «Зеленое» название активно в ходу. В одном из номеров можно прочесть призыв – потеплело! – идти в партизаны, в

отряды Семенюка, Жигалова и др., или организовывать свои. «Да здравствует крестьянская зеленая армия!»³⁵⁵

В газете работал реальный или мнимый почтовый ящик (якобы) при партизанском отряде. Он содержал ответы на письма – о судьбах конкретных людей и вообще о текущей жизни³⁵⁶. Открытое письмо зеленого коммунистам-большевикам написано от имени казанского рабочего, старого революционера: убедился, что Ленин ничем не отличается от Николая Кровавого³⁵⁷. Последнее сопоставление весьма любили эсеровские публицисты.

В леса уходят бодрые и сильные, провозглашала газета. «Долой вшивый, сыпнотифозный красный фронт!» «Да здравствует Великая Зеленая армия!»³⁵⁸ Более развернутый очерк зарождения и быта зеленоармейцев содержал «Рассказ зеленого солдата» за подписью Петра Евдокимова. Сам герой из Ершической волости (характерно, что волость названа вполне реальная) Рославльского уезда. Мобилизован в РККА. А там кормят плохо, рассказывают «околесину» про буржуев. Велел солдат жене «дернуть» в дальнюю деревню, а сам подговорил четверых сослуживцев и ушел с ними в лес. Другие беглецы стали присоединяться. Через две недели оказалось уже больше ста человек, бывший красный взводный пулемет приволок и был избран атаманом. «Мужики кормят, а мы их от большевиков охраняем. Местных комиссаров на березах повесили. Еще и обозы грабим, железную дорогу динамитом взрываем. Крестьяне нас святым православным воинством считают. Да и правильно!»³⁵⁹ Характерно, что рассказ «сделанный», но в основе, скорее всего, правдивый. Рассказы об удачном грабеже обозов и подрывах дорог «динамитом» (откуда?) похожи на бахвальство с расчетом на новых потенциальных зеленых из крестьян. Однако сама эпопея превращения мобилизованного в зеленоармейца выглядит вполне достоверно.

Витебская и Смоленская губернии оказались наиболее трудноконтролируемыми для советской власти.

Витебская губерния

В губернии в уборочный сезон разразился мельничичный кризис. Советские мельницы пребывали в неисправности (26 июля), что добавляло остроты в отношения крестьян и власти.

3 июля ночью банда вооруженных дезертиров на перегонах Смоленск – Витебск и Смоленск – Орша взорвала три моста. «Дезертиры под руководством левых эсеров ведут организованное наступление партизанскими частями на жел. – дор. станции и сооружения, ими же сделано нападение на станцию Голынки Риго-Орловской ж. д. Для ловли дезертиров экстренно высылаются отряды из Витебска, также разведочно-вспомогательный поезд». 19 июля вооруженные банды разгромили Веляшковский и Королевский волисполкомы Витебского уезда. Практически во всех иных местностях, где действовали зеленые, они могли только мечтать о таких подвигах, как подрывы мостов.

В Болецкой волости Городокского уезда, по сведениям от 30 июля, процветало дезертирство при «слабой» борьбе с ним. В остальных волостях было спокойно, борьба с дезертирством велась. Принимались меры к искоренению бандитизма и в Себежском уезде. В Маклаковской волости Велижского уезда скрывалось около ста дезертиров при «удовлетворительном» общем настроении.

В Полоцком уезде отношение населения к власти в связи с агитацией «темных лиц» стало отрицательным. В Боновской волости против советской власти агитировали учителя и кулаки. В Кубецкой волости к суду привлечены члены совета за

преступления по должности и дискредитацию местной власти. В волостных земельных отделах царили многочисленные беспорядки.

18 июля в районе Освейской, Кохановической и Игналинской волостей Дриссенского уезда было вооруженное нападение зеленых на местные советы. Численность восставших составила 300–500 человек. После успешной борьбы с ними в районе операций дезертиры стали «усиленно» добровольно являться в военные комиссариаты.

По сообщениям советской прессы, в местечке Островке арестован штаб по формированию банд, четыре главаря при попытке бежать убиты (27 июля). Зеленая банда совершила нападение на Долычанский волисполком и ограбила советскую кассу в Себежском уезде (27 августа). В Велижском уезде борьба с дезертирством протекала успешно. Широкая агитация и митинги оказывали свое действие. С 1 по 20 августа явились 400 человек дезертиров.

Чекистская сводка за 23–31 августа рисовала картину недружественного отношения к власти со стороны деревни. Мобилизация, за некоторым исключением, проходила слабо «по причине совпадения с мобилизацией полевых работ и всеобщей темноты населения». Из числа 9123 дезертиров добровольно явились 794 и задержан 261 человек. Особенно много дезертиров было в Суражском уезде. Они группировались в лесах, часто терроризировали население и мешали полевым работам. «Дезертиры в преобладающем большинстве из темной деревенской массы, поддающейся всякого рода агитации».

Отношение крестьян к советской продовольственной политике – отрицательное. «Излишки» на ссыпные пункты не свозились, крестьяне негодовали на острый недостаток соли. Продотряды действовали лишь в Невельском, Горецком, Полоцком, Себежском и Витебском уездах. Однако столкновений с населением не было. Работа в уездных продкомах двигалась слабо из-за отсутствия ответственных работников.

Отсутствие влияния на сельскую местность власть пыталась компенсировать карательным ударом по низовым органам. За укрывательство дезертиров в некоторых деревнях Велижского уезда конфисковано имущество у председателей волостных советов. Полоцкий уездный комдезертир арестовал семнадцать сельских советов за неисполнение предписаний о доставке сведений о дезертирах (27 августа). Под арест попали председатели уездных и городских комиссий по борьбе с дезертирством Дриссенского, Невельского, Себежского и Городокского уездов за непредставление в срок сведений о дезертирах (сведения от 4 сентября).

Председатели Боровского, Полковоцкого и Либтанского поселковых советов преданы суду за бездействие (сентябрь). Арестован председатель земельного отдела Сокольниковского волисполкома за освобождение четырех дезертиров из-под ареста. Волкомдезертиры Сокольниковской, Топорской, Дальской, Чернецовской, Урицкой волостей Невельского уезда оштрафованы за несвоевременное представление списков дезертиров (2 сентября).

5 сентября по постановлению Губчека расстреляна известная бандитская шайка в количестве четырнадцати человек, оперировавшая в Дриссенском уезде.

Однако победить активное вооруженное «зеленое» дезертирство не удалось, оно продолжало существовать и осенью. В Невельском, Полоцком и Дриссенском уездах комиссии по борьбе с дезертирством временно прекратили работу, так как все силы мобилизованы и отправлены на фронт. В связи с этим в прифронтовых уездах усилилось дезертирство. Бывали случаи открытых вооруженных нападений на граждан и учреждения (сводка за 15–31 августа). 21 августа пятьдесят человек

зеленых, вооруженных пулеметом, разбили Тиостянский волисполком Городокского уезда: бумаги сожжены, деньги похищены; задержать удалось семерых дезертиров, остальные скрылись (26 сентября). 29 августа вооруженные бандиты ограбили кооперативную лавку Рыковской волости Себежского уезда, 8 сентября разгромили кооперативы Шумихинского района и железнодорожный склад в селе Алас (26 сентября). В районе Киселянской (Касплянской?) и Казаковской волостей оперировала шайка, убивавшая приезжающих в волости советских работников. В ночь с 26 на 27 августа бандитами была сделана неудавшаяся попытка захватить Сураж. Бандиты пытались также ограбить сельские кооперативы (15–31 августа). «Известия» Витебского губ-совета 18 сентября сообщали, что после перевыборов в состав волостных исполкомов прошли многие кулаки и даже контрреволюционеры. Соответственно, последовал большой наплыв жалоб со стороны бедняков на неправильные действия волостных исполкомов. В связи с приближением фронта в некоторых уездах мобилизованные не являлись (15–31 сентября). В Замшанской волости Полоцкого уезда скрывалось много дезертиров (20 сентября), в Каши-Сактыгальской волости Режицкого уезда их также было много (26 сентября). Деревни Усмынского общества Велижского уезда полны дезертиров, но элементов организации замечено не было (19 сентября).

В связи с приближением фронта зеленые снова начали терроризировать население в Велижском уезде. Ряд ограблений производителей лесных работ грозил приостановкой названных работ (14 сентября). Банды зеленых, руководимые «бароном Кышем», вступили в Велижский уезд со стороны станции Западная Двина. Установить точное число зеленых не представлялось возможным, так как зеленые перемещались отдельными группами по 40 – 100 человек каждая (17 октября). «В деревне Яновичах Лиознянской волости белогвардейцы организовали отряд зеленых». Местонахождение штаба зеленых было установлено в Касплянском лесу Суражского уезда, но захватить его облавой не удалось (1 сентября). В губернии оказалась раскрыта шпионская организация. Участник организации местный ксендз Широков скрылся (1 сентября).

19 сентября зеленые совершили набег на станцию Идрица. После перестрелки с красным отрядом они отступили. В Куринской волости Витебского уезда шестьдесят повстанцев напали на служащих военного комиссариата и членов отряда по учету хлеба. Дом, где находились «товарищи», был обстрелян. Как можно понять, «товарищи» сдались, так как с них взяли подписку не производить учета хлеба и отпустили (26 сентября).

Согласно сводке за 1–7 октября, бандитизм сильно развит в уездах, по которым проходит линия фронта. Бандиты нападали на мирных жителей, местами на небольшие красноармейские отряды, портили и расхищали военное имущество, снимали телеграфные и телефонные аппараты. В Кашевичской волости Суражского уезда напали на отряд упродкома – погибло тринадцать красноармейцев, отобрано шестнадцать голов рогатого скота. В этой же волости бандиты арестовали и увезли в неизвестном направлении трех милиционеров.

В Суражском и Велижском уездах разбиты банды зеленых, вооруженные винтовками, автоматическими ружьями и бомбами, их штаб захвачен. Губревтрибунал приговорил к расстрелу 11 дезертиров (сводка за 15–22 октября).

Банды дезертиров делали набеги на волисполкомы, советские хозяйства. В районе Лукомльской волости организатором банды зеленых является Семеников (видимо, Семеняка или Семенюк). В Суражском и Велижском уездах банды зеленых в очередной раз разбиты отрядами войск внутренней охраны (сводка за 1–7 ноября). Из Яновичей Витебского уезда сообщали, что в лесах находятся банды зеленых; в Косовичах убиты пятнадцать красноармейцев (сводка за 23–30 ноября).

Власть отвечала показательными репрессиями: в Велиже расстреляны шесть бандитов³⁶⁰ (сводка за 1–7 декабря).

Мозаика отдельных событий на зеленом фронте превращается в более целостное полотно, если точечно рассмотреть динамику развития зеленого движения в одной местности. Один из многочисленных вариантов такого развития событий на местах демонстрирует письмо от Касплянского волостного совета Велижского уезда Витебской губернии, отправившееся 21 мая 1921 г. по высокому адресу – на имя председателя ВЦИК М.И. Калинина. В весьма обтекаемых и лояльных выражениях письмо обрисовывало жизнь волости за 1918–1921 гг. Летом 1918 г. произошел конфликт между председателем волисполкома и председателем волостного земельного отдела. Похоже, спор о принципах передела земли дополнялся личными счетами: «...больше всего они спорили о верховой лошади». Председатель волисполкома Прохоров арестовал председателя земотдела Степанова как контрреволюционера за нежелание делить землю по едокам. Заметим, что деление по едокам – наиболее примитивный и хозяйственно неэффективный способ передела. Уездная власть освободила Степанова, но вскоре, по доносу Прохорова, уездный исполком вновь приказал его арестовать. Однако Степанова в волости уже не отыскивали. Землю стали делить по числу едоков. «Часть населения ворчала», но работам не препятствовала.

31 августа 1918 г., после завершения работ в волисполкоме и ухода служащих, туда неожиданно явилась вооруженная группа в двадцать – тридцать человек, забрала все ценное и арестовала агента по учету хлеба. В соседней деревне Праники ими же были арестованы предволисполкома Прохоров с сыном. По показаниям местных жителей, группа руководилась офицером и состояла не из здешних людей. Через две недели тела всех троих уведенных были найдены зарытыми в лесу. Население думало, что убийство совершено шайкой, подосланной местной помещицей. Для наведения порядка прибыл отряд польских легионеров. Возможно, под легионерами авторы послания понимали польских «интернационалистов». Эти «легионеры» вели себя скверно – били крестьян, брали что нравится и т. п. «Такое обращение довело до того, что население впоследствии, завидев отряды легионеров или кр[асноарме]йцев, оставляло деревню и разбегалось по лесам». Через неделю после похорон убитых, 18–19 сентября 1918 г., из уезда прибыли власти для производства расправы. За трех убитых советских служащих расстреляли, похоже, без особого дознания, а в качестве меры устрашения, четверых. Причем из Касплянской волости погибли трое – дед, сын и внук Андреевы из деревни Праники, заведомо не участвовавшие в убийстве. «Население дрожало, боясь и той неизвестно куда скрывшейся шайки и боясь красных». Как раз в момент арестов три молодых парня из Праников скрылись, «эти обстоятельства послужили началом бандитизма в нашей местности». При этом осенью 1918 г. Касплянская волость не участвовала в восстании, разгоревшемся в соседних волостях.

В начале 1919 г. скрывавшиеся прислали властям письмо. Они просили дать слово рассмотреть их дело в судебном порядке. Если они окажутся виновными в убийстве совслужащих, готовы были понести наказание, если нет – просили дать возможность перейти в Красную армию, а не скитаться по лесам. Уездная власть перепечатала это письмо в местной газете, но публичного ответа на его содержание не последовало.

С весны 1919 г. многие крестьяне из других волостей тоже скрылись в лесах. Начались убийства мирных граждан. Власти и население якобы принимали «все меры» к поимке «шайки». «Некоторые из скрывавшихся были пойманы и расстреляны, некоторые добровольно явились и тоже расстреляны (!), а часть скрывается и теперь. И вот два с лишним года население находится между двух огней. По ночам приходят лесные вооруженные бандиты, забирают что найдут и

уходят, а днем приходят красные, ругают и винят население, зачем оно кормит бандитов, каждый хуторянин или житель деревни, как известно Исполкому, весьма был бы рад, если бы эти лесные бандиты были переловлены, но словить их нет возможности: они ходят вооруженными по пяти-шести человек, а мирное население оружия не имеет и защищаться не может».

С 20 по 30 апреля 1921 г. военсовет Витебской губернии объявлял добровольную явку. Однако местные «лесные» не явились. По слухам, они готовы были явиться, только если амнистию объявит центральная власть.

Далее авторы сообщали о готовности мирно трудиться, о претерпенных несправедливостях: военный налог осенью 1918 г. взыскивали «только винтовками» и без разбора со всех, об обысках и грабежах в 1919 г. и т. и. Отмечалось, что главарь местной банды Жигалов в 1920 г. убит, а во главе уезда в это время встали «истинные коммунисты, умелые руководители». Авторы молили дать скрывающимся в суражских лесах амнистию именем центральной советской власти. Скрывающиеся там – «рядовые беспартийные труженики, извратили которых отчасти война на фронте, а большею частью скитальческая жизнь по лесам и оторванность от семей и уюта... только этот путь спасет все население от разорившей крестьянство местной войны»³⁶¹.

В этом изложении не всегда очевидны причинно-следственные связи между разными актами волостной драмы, но нетрудно представить себе, что бессудные расправы, бесчинства, устойчивый раскол на «легальных» и «лесных» жителей создали нетерпимую обстановку, которая и вызвала к жизни указанное письмо.

Могилевская (Гомельская) губерния

Наполнены зелеными были и уезды новосозданной Гомельской губернии. Начдив Радецкий сообщил из Гомеля 3 апреля: главные силы повстанцев сосредоточены в деревне Шаповаловка (в 7 верстах южнее станции Дочь). Вся деревня вооружена, по полученным сведениям, у повстанцев имеется десять пулеметов и артиллерия. В действиях повстанцев заметно умелое руководство.

7 мая в Оршанском уезде восстали вооруженные дезертиры и напали на находившийся в командировке отряд. На подавление выехал отряд из Могилева. В перестрелке с восставшими убиты два красноармейца Могилевского батальона и сотрудник Оршанской чрезвычайной комиссии. Восстание подавлено. Восемь человек арестованы, остальные разыскивались.

Комбат Могилевского батальона Калюжный 23 мая заявил, что банды дезертиров усиливаются и наводняют леса. Они захватывали деревни и станции, терроризировали население, тормозили продовольственный транспорт, обезоруживали небольшие красноармейские части.

Отношение того же Калюжного 14 июня сообщало: «...В местечках и деревнях Суражского уезда неизвестная шайка бандитов производила вооруженные набеги, чем наводила панику на местное население. Для борьбы с бандитами был послан отряд Могилевского батальона войск ВЧК. Отрядом произведен полный разгром гнезда бандитов, в схватке с которыми были убиты трое бандитов и арестованы несколько главарей. Благодаря энергичной работе отряда Могилевского батальона войск ВЧК, принимавшего участие в ловле дезертиров в районе Гомельской губ., наблюдается усиленная явка уклоняющихся от мобилизации в Суражский уездвоенком, с просьбой о зачислении их в ряды Красной армии. За несколько дней Суражским уездвоенкомом зарегистрированы около 5 тыс. прибывших дезертиров». 21 июня на станцию Дисна двинулся отряд под командованием командира Могилевского батальона Чиряка для борьбы с вооруженными дезертирами.

В Кормянской волости Рогачевского уезда бандами дезертиров убиты три сотрудника ЧК и один ранен... (11 июля). 16 июля в Могилевском уезде в Польшковической волости вспыхнуло восстание дезертиров из-за взятия хлеба на учет. Восставшие обезоружили отряд продкома. «Широкая агитация коммунистов не дала желательных результатов, так как кулаки и контрреволюционные элементы не давали агитаторам говорить». Председатель и секретарь отказались выдать руководителей восстания, арестовать их самих не дали собравшиеся крестьяне. В результате арест произведен ЧК. По уездам высланы отряды, которые вылавливали неявившихся дезертиров (сводка за 15 июля – 1 августа)³⁶². В другом документе речь идет об остром конфликте между красноармейцами, производившими учет урожая, и крестьянами. Настроение волости «явно контрреволюционное» (30 июля). Очевидно, дезертиры выступили «руками» общего настроения и пользовались поддержкой большинства жителей. Восстание в Гомельском уезде ко 2 августа было ликвидировано, но вспыхнуло восстание в Речицком уезде, подавленное к 5 августа.

«В 12 верстах от местечка Рясна Чаусского уезда окружена банда дезертиров под командой генерала Янченко («генерал» не идентифицирован. – Авт.), убитого во время боя. Выяснилось, что в том же районе находится вторая банда, вооруженная винтовками, револьверами, шашками и двумя пулеметами» (2 августа).

«Контрреволюционное» восстание вспыхнуло в Мстиславском уезде (4 августа). Рабочий-путиловец Б. Каганов писал начальнику оперативного отдела ВОХР Петроградского сектора: Шамово – это село Мстиславского уезда Могилевской губернии, между Смоленском и Могилевом. Здесь, со стороны Борецкого уезда, действовала зеленая банда. Это уточнение последовало после телеграммы того же автора о наличии у Шамова зеленой армии, которая грабила и убивала мирных жителей³⁶³. В Климовичском уезде отделом управления проведена ревизия девяти волостей, причем обнаружены злоупотребления и хищения на 1 миллион рублей. В исполкомах состоят «лица неопытные и авантюристы» (6 августа).

В Чериковском и Чаусском уездах оперировало несколько тысяч зеленых. Арест «денщика капитана зеленых» позволил выяснить, что брат «капитана» – коммунист и служит в Череповце. При его помощи зеленые получили два пулемета. «Капитан» имел конспиративную квартиру в Черикове и надеялся скоро установить связь с Москвой. Зеленые получали по 800 рублей в месяц жалованья, деньги поступали из Минска (11 августа). В Малятической волости Чериковского уезда 19 августа вспыхнуло восстание дезертиров в числе трехсот человек. Банда разбита, руководители расстреляны к 23 августа. Зеленые банды совершили нападение на деревню Ночевку Дрибинской волости Чаусского уезда и выгнали жителей (2 сентября). В деревне Гуреках Дубровской волости Борецкого уезда дезертиров до сорока человек, и все занимались спекуляцией. В августе вновь начались восстания в Гомельском уезде.

Банды зеленых появились в районе станции Рудня и соседних Риго-Орловской железной дороги. На станции Жихлиловичи они произвели арест красноармейцев, некоторых расстреляли. Прибывшим отрядом восстание ликвидировано (Оршанский уезд, 31 августа). В Высоцкой волости Оршанского уезда председатель совета работал «не в духе советской власти» и покровительствовал кулакам и дезертирам (6 сентября).

На станцию Приямино к 3 сентября выслан отряд для борьбы с дезертирством; готовится отряд для посылки в район Ацно – Добромисли против банд, грабивших имения и советы в Оршанском уезде (4 сентября). На участке Рогачев – Жлобин 20 августа неизвестными лицами свалены 25 телефонных столбов.

Мобилизация проходила успешно, в оценках и обстоятельствах времени и места, – добавим к содержанию сводки. Дезертиры усиленно являлись добровольно (1 – 15

августа). Вот ряд оршанских штрихов, относящихся уже к осени 1919-го. В местечке Александрия Второсельской волости много дезертиров, грабящих и хулиганствующих по ночам (22 сентября). В Смольянской волости много дезертиров, Советы им покровительствовали (12 сентября). В волостях уезда много дезертиров, исполком не обращает на них внимания; коммунистической ячейки в уезде нет (25 сентября). Шайка бандитов в 50 человек в Микулинской волости убила четырех граждан (сводка за 1–7 октября).

Картина не менялась и поздней осенью. В Чаусском уезде банды зеленых объявлялись ликвидированными в сводке за 7 – 14 ноября. Однако по волостям банды нападали на советских служащих, грабили и убивали их и позднее (сводка за 23–30 ноября). Власти арестовали четырех бандитов; отобрано семь винтовок, пять револьверов, много военного обмундирования (сводка за 1–7 декабря)³⁶⁴.

Минская губерния

Минск с 8 августа 1919 г. по 11 июля 1920 г. находился под польской властью. Территория губернии, соответственно, делилась между противоборствующими сторонами. Но и здесь, на советской части территории губернии, картина с дезертирством и зелеными весьма близка к соседним территориям. В селе Доросино Погостской волости Слуцкого уезда «шкурники дезертиры» безопасно жили по домам или скрывались в лесах. Местная власть на это «смотрит сквозь пальцы» (сводка за 1–8 августа).

Из 32 899 дезертиров добровольно явились 3212, задержаны 6015 человек. Таким образом, более двадцати тысяч дезертиров губернии составляли потенциал губернской зеленовщины. В районе деревни Сдудичи Переченской волости Бобруйского уезда имелась организованная банда дезертиров численностью до ста человек, из них тридцать вооруженных (12 августа). В лесах между Холошенской и Краснотульской волостями Борисовского уезда «имеется пять банд дезертиров по сорок человек каждая, бандиты стреляют разрывными пулями» (12 августа)³⁶⁵.

Смоленская губерния

По советским данным, Юхновская уездная ЧК осенью 1918 г. ликвидировала контрреволюционную организацию протоиерея Заболоцкого, а зимой активно ликвидировала «контрреволюционные группы». В результате в уезде не было в 1919 г. массовых вооруженных выступлений, как в других уездах Смоленской губернии³⁶⁶. Протоиерей П.П. Заболоцкий, вместе со священником Капитоном Сергиевским, погиб в числе нескольких заложников в сентябре 1918 г., во время кампании красного террора. Престарелый пастырь вряд ли возглавлял «организацию»*. Однако известно, что за арестованных священников хлопотали прихожане, ЧК получала приговоры сельских сходов с ходатайствами об освобождении. Видимо, активисты этой борьбы и стали объектом превентивного удара по «контрреволюционным группам»³⁶⁷. В конце января 1920 г. юхновский военный комиссариат заявлял, что массового дезертирства не наблюдалось, не смущаясь тем, что в уезде насчитывалось 923 дезертира³⁶⁸. Так или иначе, достаточно многочисленное, как везде, дезертирство оставалось в этом уезде неагрессивным. В других уездах губернии картина была куда более впечатляющая.

С мая 1919 г. в северных лесных уездах Смоленщины стали собираться «контрреволюционные» банды. На одном убитом был найден устав вооруженной организации с задачей максимально вредить советской власти. С осени 1918 г. действовала банда барона Кыша. Это якобы был бывший учитель эсер Ковалев, пьяница и картежник, который называл себя бароном при выигрыше и кричал на всех «кыш», когда карточная fortuna изменяла ему. Помощниками Кыша

выступали три брата Жигаловых – дети пореченского священника. С 15 ноября 1919 г. начала работу чрезвычайная тройка, находившаяся в Духовщине, и объединившая борьбу с бандитизмом в Бельском, Смоленском, Духовщинском и Демидовском уездах. На военном положении был объявлен Велижский уезд соседней Витебщины. В начале сентября начался разгром «многотысячного отряда» Кыша. В начале октября он был разгромлен, сам Кыш ранен и вскоре убит в Велижском уезде. 30 октября отряд соратника барона Кыша князя Серебряного в две сотни человек захватил Духовщину. В конце ноября этот отряд был ликвидирован в лесах. Вскоре были пойманы помощники Кыша – братья Жигаловы³⁶⁹. Приведена советская версия с совершенно гротескным и неточным изложением и судьбы Кыша, и судьбы братьев Жигаловых. Однако само признание многочисленности и хорошей организованности смоленских бандитов-зеленых характерно.

25 мая в Смоленск пошел на усиление отряд Калужского батальона ВОХР, в распоряжение предгубчека Филиппова для борьбы с повстанцами Горкинского уезда³⁷⁰.

Интересно, что даже летом 1919 г. губкомдезертир в Смоленской губернии был слаб, и власть активно использовала «хороший» отряд ЧК-

24 июня 1919 г. в Смоленской губернии объявлялся день добровольной явки дезертира. Затем губернское руководство подробно расписывало «меры предупредительные» и «меры карательные» для борьбы с дезертирством. Наибольший эффект из нерепрессивных мер воздействия давала неделя добровольной явки дезертиров. На Смоленщине такая «неделя» длилась с конца июня по середину июля. Видимо, в результате удалось в массовом порядке «выкачать» из деревни наиболее лояльных дезертиров, которые воспользовались возможностью легализоваться. К тому же по окончании «недели» власть грозила самыми суровыми карами. Дезертиры прибывали группами, с красными флагами, клялись защищать советскую власть и т. п. В 20-х числах июня 1919 г. красные отряды двинулись в Духовщинский, Демидовский, Бельский и Краснинский уезды. Остальные должны были справиться с зелеными и дезертирами своими силами.

29 июня 1919 г. в роще около деревни Сырково Дорогобужского уезда Смоленской губернии состоялось общее волостное собрание молодежи восьми деревень, не желавшей служить, при председателе (некий Осип Михайлов Осипов) и секретаре. Собрание вынесло постановление из четырех пунктов. Во-первых, в каждой деревне молодежь должна была избрать старшего, обязанного не пропускать ни одного собрания «нашей только еще зарождающейся организации». Во-вторых, ввести «товарищескую сознательную дисциплину», беспрекословно повиноваться выборным.

В-третьих, старшим деревень иметь тесную связь с Центральным штабом волости. В-четвертых, старшие должны были экстренно сообщать в соседние деревни о движении отрядов по борьбе с дезертирством. Борьбу с отрядами на территории своей волости вести «массовым характером» и «не щадя себя биться». Организация террористических кружков в корне отвергалась, но отдельные террористические акты приветствовались. Тактика дезертиров в документе именуется «самооборонительной»³⁷¹.

1 июля отряд Смоленского батальона войск ВОХР экстренно выслан в Гжатск для борьбы с тамошними дезертирами.

По линии Риго-Орловской железной дороги под руководством левых эсеров вспыхнуло восстание в местечке Голынки. Бело-зеленые устроили здесь еврейский погром, разграбили имущество евреев, убивали как мужчин, так и женщин с детьми – найдены тридцать еврейских трупов. В погроме принимали участие крестьяне

соседних деревень, они растаскивали имущество. Повстанцы заняли станцию Голынки, но высланным отрядом положение восстановлено. Часть бело-зеленых взята в плен, часть разбежалась. По линии Риги-Орловской железной дороги под руководством тех же левых эсеров на 529-й версте и 542-й версте и на Александровской железной дороге на 418-й версте взорваны мосты. Главари были из следующих сел: Глушевка, Парабанова, Анциферово, Смоляки, хутор Велино и Величко Катинской волости, Ананьенка, Тетери, Большой и Малой Обурох, Охотное Руднянской волости. Главари разъезжали по названным селам и призывали население к восстанию. Документ именуется этих главарей, среди них – братья, часто хуторовладельцы. Всех главарей захватить не удалось, так как они скрывались в лесу. Вспыхнуло восстание на станции Приднепровской, но принятыми срочными мерами восстания как на станции Голынка, так и на станции Приднепровской ликвидированы (сводка за 15 июля – 1 августа).

По линии Александровских железных дорог вблизи станции Дурово установлено скопление дезертиров в количестве четырехсот человек, не проявлявшее активности (5 августа). Обилие лесов и покровительство местной железнодорожной администрации затрудняли борьбу с дезертирством. В Духовщине происходило контрреволюционное восстание, ликвидированное к 6 августа. Настроение населения Кисловской, Озерищенской и Успенской волостей Дорогобужского уезда удовлетворительное, однако налоги поступали слабо. В Бизюковской волости настроение сочувственное, недовольство на почве продовольственного кризиса (30 июля). На Рославльском уездном съезде Советов «выяснилось, что в уезде продовольственный кризис». Среди военных частей смоленского гарнизона и уездов губернии – массовое дезертирство. Со стороны дезертиров наблюдалось насилие над жителями, особенно в уездах по деревням (29 июля)³⁷².

Сводки отдела военной цензуры по Смоленской губернии и другая советская документация позволяют увидеть картину превращения массового дезертирства и крестьянского недовольства в зеленые формирования.

«В нашей волости формируется «зеленая армия». Уже сформировалось 300 чел.; имеются винтовки, пулемет и у каждого револьвер; оружие им доставляют с Украины» (Ельня, 18 июня).

«Дезертирство в уезде принимает угрожающие размеры. Дезертиры призывают граждан примкнуть к ним, свергнуть Совет и вырезать советских работников. Уисполком решил принять самые решительные меры» (Демидовский уезд, 20 июня).

«У нас в Тюминском лесу сформировалась банда дезертиров около 600 чел. Имеют 1 орудие, 12 пулеметов. Ловим их, но не поймали, разбили красноармейцев в пух» (Клюксово, 21 июня).

«...У нас дезертиров полна деревня... а кто пойдет голову класть за чужие интересы?...» (Смоленск, 21 июня).

«По приблизительному подсчету на уезд приходится 500+200 чел. В одной местности целый лагерь, собираются строить бараки. В другом месте банда полковника Мороза по соседству с Юхновским уездом... всего поймано до 100 человек. Решено принять репрессивные меры» (Гжатский уезд, 25 июня).

«У нас в солдаты служить никто не пошел, а все дезертирствуют» (Бобыново, 6 июля).

«...Все твои товарищи дома дезертирами» (Гжатск, 6 июля).

«...У нас теперь в Смоленской губ. только и занятия, что ловят дезертиров, а если их самих нет, то забирают мать или сестру» (Дорогобуж, 6 июля).

«...У нас были отправлены на фронт, но оттуда удрали и теперь все дома» (Вязьма, 9 июля).

«У нас очень много дезертиров здесь в Смоленске; верст за 30 образовалось 2 полка и вот с красноармейцами воюют. Сегодня привезли много раненых красноармейцев» (Смоленск, 10 июля).

«Дезертиров очень много. Когда была мобилизация молодых, пошло с уезда человек 15, а остальные скрываются. Сейчас пришли на борьбу с дезертирами 40 китайцев и 15 коммунистов» (Мольнино, 13 июля).

«...В Ельнинском уезде делали облаву на дезертиров, которых здесь 99 %» (Ельня, 17 июля).

«...Дезертиров вторично начинают ловить, а их много в нашем округе, весь 1889 год дома» (Белый, 19 июля).

Демидовский уезд, чекистская сводка за 22–31 июля: «Дезертирами распространяются прокламации, в которых уверяется, что город скоро будет взят, и предлагается населению присоединиться к ним, свергнуть Советскую власть и вырезать советских работников». Здесь отмечались случаи дезертирства коммунистов, как по партийным мобилизациям, так и по общим.

Из протокола губернской конференции РКП(б) 4–6 августа 1919 г.: в Смоленском уезде «дезертирство очень развито, до 90 % дезертиров... Коммунизм потерпел полное банкротство».

В «Известиях Бельской коммуны» за 9 августа 1919 г. предпринималась попытка предложить понимание проблемы дезертирства в уезде. Автор выстраивал следующую цепочку причин дезертирства. Во-первых, огромная, покрытая лесом площадь, что позволяло дезертирам легко скрыться, не отходя от родной деревни. Во-вторых, близость запасных частей, что создавало соблазн продлить неофициальный отпуск в несколько дней до нескольких месяцев, тем более что призванные односельчане тоже находились дома. В-третьих, «безалаберная и даже преступная» постановка продовольственного дела в запасных частях: съевший домашний запас сухарей красноармеец оставался голодным и бежал домой. В-четвертых, панические письма родных из деревни. Никакие охранные грамоты не спасали, «рьяные исполнители декретов» отбирали скот, что вызывало бегство домой не только из запасных частей, но и с фронта. «Так, увеличивая свои кадры, с каждой новой мобилизацией разбухая как снежный ком, в Бельском уезде развилось поголовное дезертирство... В эту массу... пассивного дезертирства и благодаря ему стали вливаться преступные элементы: злостные дезертиры – идейно дезертирующие противники гражданской войны, враги идеи Советской власти – сыновья кулаков, мобилизованные в общей массе трудового крестьянства... Этот элемент овладел дезертирской массой и стал героем дня в Бельском уезде»³⁷³.

В селе Дресна был арестован за антисоветскую агитацию священник Покровский. Для более успешной борьбы с дезертирами при губвоенкоме сформирована особая рота в количестве 250 человек и конный отряд в 200 человек.

К концу августа Духовщинский, Бельский и Краснинский уезды считались совершенно очищенными от банд дезертиров, в остальных уездах организованные банды отсутствовали. На учете состояло до 30 тысяч человек, из них до 4 тысяч явились добровольно, выловлены до 13 тысяч, оставалось 12 520 человек. Власти раскрыли разгром Мадышкинского волсовета, было взято восемь заложников от населения. Банды барона Непна в Демидовском уезде трудноуловимы «вследствие благоприятной для бандитов природной обстановки»³⁷⁴.

За время с 1 марта по 8 августа в губернии дезертировали 2295 человек, не явились же по призыву 20 606 человек. Добровольно явились 8284 дезертира, задержаны путем облав 4468, задержано злостных дезертиров 545 человек. Дезертирствовали 9604 человека. С 8 по 15 августа явились добровольно 958 человек, задержаны 979, переданы суду 36, в запасной части 1135 человек. Вновь дезертировали 421 человек. Банд в губернии не фиксировалось. Высланные два отряда занимались очищением уездов от незлостных дезертиров (23 августа).

Однако банда во главе с бароном Кышем продолжала оперировать и оценивалась как «белогвардейская». В нее перешел председатель Узвосского волисполкома Духовщинского уезда, захватив с собой деньги, предназначенные семьям красноармейцев (4 сентября). В Узвосскую, Пречистенскую и Шиловическую волости Духовщинского уезда посланы отряды для борьбы и ликвидации белогвардейских выступлений (2 сентября)³⁷⁵.

Демидовский уком в конце сентября 1919 г. описывал отсутствие советской власти в сельских местностях: «...Развилось до невероятных размеров дезертирство, превратившееся затем в сплошные грабительские банды, последнее время поведшие нападения на советских служащих и учреждения... в части уезда власть распалась и восстановить ее здесь живым словом уже нет возможности, ибо на каждое слово и на каждый шаг по созданию и закреплению власти банды отвечают оружием»³⁷⁶.

В южных волостях Бельского уезда оперировали банды, грабившие волостные советы и общества потребителей, общественных работников убивали, население терроризировали. На подавление в очередной раз отправился отряд в 65 человек (сводка за 1–7 октября).

В Дорогобужском уезде оперировали банды дезертиров под руководством братьев Жигаловых. Банды вооруженных дезертиров обнаружены и в Мстиславльском уезде той же губернии (сводка за 15–22 октября).

В четырех местах губернии вспыхнули вооруженные выступления дезертиров (сводка за 15–22 октября). Карательным отрядом Демидовского уезда на месте преступления расстрелян главарь шайки дезертиров Минаев, терроризировавший население (сводка за 1–7 ноября).

В Бельском уезде банды зеленых вновь нападали на советы и убивали коммунистов. В районе деревень Лечени и Козьмы Демидовского уезда обнаружена банда Муравьева в 200 человек при одном пулемете (сводка за 23–30 ноября).

В Духовщинском уезде пойманы 17 бандитов барона Кыша, отобраны 20 винтовок, мешок патронов, продовольственных продуктов и 13 тысяч рублей. Вскоре «шайка» Кыша в количестве 60 человек взята в плен. Однако ему еще предстоит «воскреснуть». В Демидовском уезде убиты главари бандитов Александр и Владимир Жигаловы и начальник их штаба Щербаков. Бандиты в числе ста сдались с оружием, указывая тайные склады, пособников и укрывателей. ЧК расстреляла 17 лиц за бандитизм, хищение продуктов и подделку документов. С 20–22 ноября в Суражском уезде захвачен 21 бандит, из которых девять расстреляны (сводка за 1–7 декабря).

Мобилизация по губернии прошла весьма успешно (сводка за 8 – 15 декабря). Дезертирство во многих уездах уменьшалось под влиянием идейной пропаганды, например, в Демидовском уезде к 15 ноября явились 2481 человек, в Духовщинском – 3900. «Идейная пропаганда» явно получила особое понимание к зиме и после карательных акций.

18 ноября в районе деревень Усть-Москали, Старые Вертни, Суровцево обнаружена банда Серебрякова. Во время перестрелки убиты три бандита, ранены восемь и в

плен забраны два. В Демидовском уезде расстреляны два бандита. В Духовщинском уезде расстреляны 12 бандитов-дезертиров (сводка за 8 – 15 декабря)³⁷⁷.

Итак, к августу 1919 г. в Смоленской губернии, после продолжительной «недели» явки и посылки отрядов дезертирство почти ликвидировано. Однако на деле дезертирство просто было циклическим процессом. За октябрь в той же губернии было задержано 17 500 дезертиров, из коих 7500 – облавами. Осенью 1919 – весной 1920 г. хорошие результаты давали агитационные мероприятия, митинги для дезертиров, – начинался новый круг «добровольной явки».

Спецификой Запада было то, что зеленое движение не угасло, как в центральных губерниях осенью 1919 г., а продолжалось и далее. Весной 1920 г. в уездах Смоленской губернии вновь насчитывались тысячи дезертиров, шел массовый отток из красноармейских частей. Постановление партизан отряда «О» от 15 марта 1920 г. требовало отмены «партийной войны», коммун в деревне, проведения в жизнь «лозунгов Революции». Печать на документе содержала слова: «Народные партизаны Витеб. и Смол.». Очевидно, в этом случае мы имеем дело с организованными силами с эсеровским руководством. В мае 1920 г. в деревне Бутырки энергичный крестьянин Чистяков организовал штаб и дезертирский отряд, который имел все шансы быстро разрастись. Развитие движения пресекла посылка вооруженного отряда и политработников из Смоленска³⁷⁸.

В борьбе с бандитизмом в Духовщинском уезде Смоленской губернии погиб даже командир 41-й отдельной бригады ВОХР Куконков. По этому поводу последовал приказ войскам ВОХР 24 февраля 1920 г.³⁷⁹

Центрально-промышленный район

В этом регионе наиболее массовую повстанческую активность проявило крестьянство Ярославской, Костромской и Тверской губерний. В советской историографии утверждалось, что до 35 тысяч бело-зеленых действовали в Ярославской и Костромской губерниях под руководством генерала Майера, а в Тверской губернии «большие группы дезертиров» во главе с генералом Сназиным и полковником Назимовым захватывали склады, портили связь, задерживали отправку на фронт красноармейцев³⁸⁰. Однако это лишь наиболее активная составная часть зеленого движения. Рассмотрим его по губерниям.

Владимирская губерния

В Юрьевском (Юрьев-Польском) уезде Владимирской губернии в Аньковской волости сформировалась банда Юшки – Ефима Скородумова, на основе которой возник самый яростный всплеск местной зеленощины – поход на Юрьев-Польский с захватом города 11 июля и разграблением местного артиллерийского склада. Банда Юшки существовала еще долго, действовала и в начале 1920-х. Однако она не была единственным зеленым формированием в губернии.

Согласно рапорту Владимирского комбата войск ВЧК Самодурова от 19 мая, в районе Покровского уезда обнаружена масса дезертиров, каковая посланным отрядом переловлена и доставлена в уездный военный комиссариат. При попытке к бегству три дезертира ранены.

Серьезное выступление в мае произошло в Юрьевском уезде. Комиссия по борьбе с дезертирством выслала в уезд отряд для борьбы с дезертирами в 20-х числах мая, но дезертиры успели скрыться. Отряд взял заложников в Аньковской волости. Дезертиры, узнав об этом, ворвались в деревню, обезоружили и частью перебили отряд. Отряд Владимирского батальона арестовал более 80 человек. К 28 мая в Юрьевском уезде выступление дезертиров считалось ликвидированным. Со стороны

красных оказалось шесть раненых и шесть убитых. Производились расследование и аресты. Отряд губернского батальона отправился в Симскую волость для ловли дезертиров.

В деревнях Слободищево – Борно Александровского уезда также обнаружилось большое скопление дезертиров. Дезертирами были тайно разосланы повестки по волостям с просьбой явиться на собрание в сосновую рощу близ Слободищева Тимоновской волости. На собрании присутствовало более тысячи человек. Выступавшие говорили о необходимости организовать борьбу с местной властью при случае облавы, о приобретении оружия, и даже говорилось о переходе на сторону Колчака. Собрание обязало участников круговой порукой не выдавать и снабжать всем необходимым скрывающихся от облав. Дезертиры располагали винтовками и боеприпасами. Главные базы располагались на границе Александровского уезда (и, очевидно, Дмитровского уезда Московской губернии). Члены волостных исполкомов покровительствовали дезертирам. К 4 июня руководство по борьбе с дезертирством было сосредоточено в руках Александровского уездного военкома. В тот же день в уезд пошел отряд Владимирского батальона войск ВЧК.

К 11 июня 1919 г. в Муромском и Переяславском уездах была объявлена мобилизация родившихся в 1889 г. В Покровском уезде эта мобилизация проходила слабо, в Юрьевском – успешно. Юрьевский уезд предполагалось в недельный срок очистить от дезертиров. Александровский уезд объявлен на военном положении, «пойманы дезертиры, взято много заложников». Старо-Константиновский волисполком арестован за содействие укрывательству дезертиров³⁸¹. К этому времени настроение частей в губернии считалось удовлетворительным, кроме запасного инженерного батальона; в нем настроение неудовлетворительное из-за плохого довольствия и отсутствия нижнего белья³⁸².

Телеграмма 20 июня сообщала, что во Владимирской губернии «большое количество дезертиров скрывается в лесах». Ответом власти стали агитационная неделя и совещание по мерам борьбы против дезертирства. Прежние меры давали мало реальных результатов. Дезертиры легко уходили в леса из-за малочисленности отрядов. «Кроме того, трудно бороться, когда семьи красноармейцев плохо обеспечены, и крестьянин рискует остаться с необработанной землей»³⁸³.

К 5 июля по губернии, объявленной на военном положении, шла интенсивная борьба с дезертирами. При поимке несколько дезертиров были убиты.

В Воршинской волости Владимирского уезда крестьяне под влиянием офицера Шелобова распустили совет и избрали «кулацкий» исполком во главе с самим Шелобовым. Он провел несколько собраний, на которых выносились решения не давать мобилизованных. Отряд владимирской Губчека арестовал часть «кулацкого» исполкома, но арестованных ночью освободила на станции толпа крестьян. Второй отряд вновь арестовал инициаторов освобождения – офицера, дьякона, комиссара и двух кулаков. Шелобов был арестован уже во Владимире. Во время выступления крестьянами села Ворши были разосланы «разведчики» по всем деревням и селам с приглашением к самозащите, часть окрестного крестьянства согласилась, другая отказалась. Во Владимирском уезде зеленые разогнали и разоружили волостные исполкомы Черкутинской,

Спасской и Кулитаевской волостей. В Черкутинской волости также была разогнана милиция, но подоспевшие отряды освободили арестованных мятежниками исполкомовцев. Село Черкутино Владимирского уезда известно тем, что является родиной М.М. Сперанского. В ближайших окрестностях прошло детство писателя В.А. Солоухина, им описанное. На карте зеленого движения это село также

присутствует. Причем можно заметить известную преемственность. После того как восставшие не смогли удержать Юрьев-Польский, активное ядро бежало в направлении на Черкутино³⁸⁴. Можно предположить, что всплеск повстанческой активности в этом районе сопряжен с прибытием наиболее непримиримых кадров из Юрьевского уезда. В Спасской волости Владимирского уезда в лесах Воронцово-Дашкова оперировали якобы сильные и хорошо вооруженные отряды зеленых. Скорее всего, по поводу вооруженности советская сводка сильно преувеличивала (29 июля). Дезертиры здесь держались до конца лета как минимум: при столкновении советских отрядов с дезертирами погибло одиннадцать дезертиров под Черкутином, по сообщениям от 1 сентября.

По информации политуправления РККА, к 10 июля в губернии было спокойно³⁸⁵. На следующий день толпы зеленых повстанцев возьмут уездный Юрьев-Польский. Данный сюжет демонстрирует ненадежность «моментальных снимков», которыми зачастую являются сводки различных ведомств. Динамика развития протестного движения была очень живой и трудно предсказуемой.

По линии ВОХР положение в Юрьевском уезде после восстания оценивалось как «довольно удовлетворительное», но наличествовали признаки контрреволюционной организации. В Аньковской волости Юрьевского уезда, где дезертиры расхитили винтовки, в июле вновь вспыхнуло восстание. Оно превратилось в массовое выступление с захватом уездного центра. 11 июля вооруженные банды дезертиров и крестьянские толпы напали на город Юрьев-Польский. После недолгого сопротивления была обезоружена охрана артиллерийского склада. Повстанцы завладели оружием. Караульная команда в 25 человек не смогла отбить артсклад и отступила. Положение восстанавливали отряды из Иваново-Вознесенска и Владимира. По состоянию на 14:00 12 июля Юрьев-Польский был в красных руках. Банды зеленых в панике разбежались, захватив с собой часть захваченного оружия. В восстании массово участвовали пригородные волости. Лозунгами восставших были: «Долой Советы!», «Да здравствует Учредительное собрание!» и «Зеленая армия тыла!»* Восставших насчитывалось около 5 тысяч человек, хотя это число надо понимать как количество полудобровольно поднятых крестьян ради краткого натиска на уездный город. Советская документация называет восставших бело-зелеными. Отступая, они захватили списки дезертиров и уничтожили архив дел о дезертирах.

В Константиновской волости Александровского уезда дезертиры также расхитили винтовки на складе и подожгли пулеметный завод. Для выяснения обстоятельств поджога была сформирована комиссия. Положение Ивановской волости Шуйского уезда было политически неудовлетворительным: враждебное отношение к советской власти, работников не хватало; масса дезертиров, отсутствие добровольцев в РККА (30 июля).

На Суздальском уездном съезде советов выявилось враждебное отношение населения к местной власти в связи с тяжелым продовольственным положением. Дезертиров в уезде много, и борьба с ними не велась (4 августа). В то же время в Ковровском, Гороховецком, Вязниковском уездах милиция «за последнее время» вела энергичную борьбу с дезертирами, которые, в свою очередь, усиленно агитировали против советской власти (4 августа). Вскоре подоспели сельхозработы: «...В деревнях жнут новый хлеб» (сводка за 1–8 августа). Новый урожай сглаживал скрытое недовольство. Население стремилось сбыть излишки мешочникам до производства учета. Продовольственные комитеты работали неудовлетворительно.

В Суздальском уезде дезертиры, «сознавая ужас предательства с их стороны делу пролетарских завоеваний», усиленно являлись добровольно. С 1 по 8 августа в военкомат добровольно явились 1200 человек, а за июль явились добровольно лишь

331 и были задержаны 228 человек. Население жаловалось на плохое продовольственное положение.

В Меленковском уезде «продовольственной нужды... не ощущается, ибо кругом кипит спекуляция. Из Тамбовской губ. мешочники везут хлеб, поддерживая спекулятивную атмосферу». Уезд – центр картофельной посадки. Но в уезде 20 % недосев из-за нежелания сеять свыше нормы (19 августа). В некоторых советах Меленковского уезда еще и в сентябре 1919 г. сидели бывшие земские начальники (село Серхово).

В Зеленковской, Пеленковской и Устинской волостях Ковровского уезда шайкой дезертиров произведен ряд грабежей. Это самый голодный уезд (19–20 августа). Духовенство уезда за устройство без разрешения крестного хода было оштрафовано на 5 тысяч рублей (сводка 15 августа – 1 сентября). Губчека расстрелян бывший урядник Громов за открытую контрреволюционную агитацию среди крестьянства (4 сентября). В Гороховецком уезде ввиду отсутствия партийных работников в уездном продкоме «наплыв» кулаков (15 августа). Советский аппарат в этом уезде пребывал в руках укрывателей дезертиров и кулачества. Нередко на сходках председательствовали кулаки и дезертиры. С 1 по 15 августа задержаны 2416 дезертиров, добровольно явились 4355 человек.

«По всей губернии борьба отрядов комдез с дезертирами. Есть убитые и раненые» (26 августа). Все же в августе дезертирство шло на убыль: часть дезертиров выловили, многие по окончании полевых работ являлись добровольно. Наблюдались самовольные отлучки для поездки домой за хлебом (12 сентября). В Суздальском уезде еще много дезертиров ввиду слабых мер уездной комиссии по борьбе с дезертирством (сводка за 16–23 августа).

Политическое настроение губернии власть не могла считать удовлетворительным. В связи с учетом излишков хлеба в сельских местностях можно было ожидать массового недовольства, которое способно легко перекинуться в армию. Крестьяне негодовали на низкие твердые цены на хлеб (16–20 августа).

Большое скопление дезертиров обнаружилось в Клизоренской волости Переславского уезда (11 сентября). Попытка захватить дезертиров в Катурских болотах Солицинской волости окончилась неудачей – дезертиры разбежались (16 сентября).

Прежние причины дезертирства оставались и осенью. Оно снова стало нарастать. «Во Владимирской губ. значительное количество дезертиров. Объясняется это советскими условиями казарменной жизни, а также плохим питанием и необеспечением семей красноармейцев»³⁸⁶ (сводка за 1–7 ноября).

Ныне в Сети существует весьма развитая тема о зеленом движении в Ополье³⁸⁷, стимулированная переизданием романа «Зеленая зыбь» писателя 1920-х гг. Т. Дмитриева об эпопее Юшки. Этот образ романтического героя вдохновлял подростков еще в 30-х годах. Энтузиасты ищут следы пребывания банды Юшки, исследуют памятники погибшим красным, на сайте выложено немало документов и прессы, детально показывающих события 11 июля – захват Юрьево-Польского зелеными.

Тверская губерния

Тверская губерния летом 1919 г. дала массовое зеленое движение и несколько крупных «зеленых» возмущений.

Еще ранней весной были брожения на почве продовольственных изъятий³⁸⁸. За февраль – май в губернии задержано 7397 дезертиров. За первую половину мая

предано суду 12 укрывателей. Основные события разворачивались в июне – июле. В первой половине июня 1919 г. задержано облавами 1789 дезертиров. «Борьба с дезертирством затруднена отсутствием людей и лошадей и пассивным сопротивлением крестьян, не дающих продовольствия отрядам». В Бежецком уезде дезертирство составляло 70 %, Кимрском – 80 %, Краснохолмском – 50 %. Мобилизованные Михайловской волости Весьегонского уезда все вернулись домой³⁸⁹.

В Корчевском уезде произошло Горицкое восстание. В одноименной волости с марта существовала организация зеленых, она сопротивлялась мобилизациям, налаживала связи с дезертирами соседних волостей Бежецкого уезда, собирала оружие. К лету волость стала зеленой, с номинальной советской властью. Активизация борьбы с дезертирством вызвала открытое восстание, четыре соседние волости объявили «дезертирскую республику», которая продержалась около недели в 20-х числах июня 1919 г. Восставшим не удалось провести полноценную мобилизацию дезертиров, что весьма характерно для подобных движений. Захваченные руководители восстания были расстреляны на месте, некоторым удалось скрыться.

Ильигощинско-Заклинское восстание в Бежецком уезде, по соседству, развивалось параллельно и в связи с Горицким. Именно корчевские агитаторы вызвали здесь вооруженное движение в июне. Интересно, что местные дезертиры не выступали против советской власти, а только против войны, не стали идти на помощь соседям, и в начале июля движение рассыпалось при приближении карательных отрядов. Затем годами тянулось судебное дело, завершившееся амнистией для большинства рядовых участников. Важен хозяйственный фон событий: согласно сводке от 28 июня, в Бежецком уезде отношение к власти было враждебным благодаря продовольственному кризису³⁹⁰.

24 июня началось восстание в Макаровской волости Весьегонского уезда. Дезертиры разоружили исполком и милицию, убили сопротивлявшихся коммунистов. Первый советский отряд, явившийся на подавление, вынужден был отступить. Власти объявили уезд на военном положении, стянули отряды из Красного Холма, Рыбинска, Череповца и Устюга. Зеленые рассеялись после нескольких боев. По меньшей мере один лидер был расстрелян в 1920 г. Вооруженное выступление, очевидно, дало уже невоенный шлейф в виде слухов и артикулированного недовольства: к 1 июля 1919 г. в уезде кулаки распространяли провокационные слухи, по данным армейских структур³⁹¹.

Крупное торговое село Кой Кашинского уезда на границе с Ярославской губернией имело организацию дезертиров с марта 1919 г. С начала июня в селе регулярно проводились собрания дезертиров, участвовали и представители соседних волостей. 3 июля попытка разгона очередного дезертирского собрания вызвала восстание. Поднявшаяся волость решила организовать, требовать прекращения разорительной войны и идти на помощь ярославским зеленым. Но на следующий день настроение изменилось в пользу мирного решения конфликта с властью. Когда 6 июля прибыли советские отряды, восставшие не смогли организовать сопротивления.

Крупнейшим же в губернии стало восстание в Ясеновической волости Вышневолоцкого уезда. Дезертирская организация под названием «Зеленая армия» формировалась с марта; ее штаб включал несколько деятельных офицеров. Однако среди них не было гвардейского полковника Назимова, который неизменно называется среди руководителей восставших. Он покинул волость несколькими месяцами ранее. Восстание началось 4 июля с нападения на красный отряд. Население нескольких волостей поддержало восставших, но воспротивилось мобилизации в зеленые ряды. Зеленые создали два штаба – центральный в

Спас-Есеновичах и боевой в деревне Иваново. Первая победа над советским отрядом повлекла расширение территории восстания на две волости соседнего Новоторжского уезда, были идеи объединиться с бастующими тверскими рабочими.

Бои, постой отрядов, уничтожение посевов вызывали все более враждебное отношение крестьян. Красные стянули отряды из Москвы, Твери, Вышнего Волочка, станции Фирово, Осташкова, Торжка и Бологого. 13–14 июля восстание было разгромлено, с сожжением нескольких деревень. По данным армейских политических структур, около 1 тысячи человек восстало в Вышневолоцком уезде; на подавление отправился отряд в 250 человек. В Раменской волости Новоторжского уезда – 60 восставших, избит председатель волисполкома. Выступление ликвидировано с помощью реввоен трибунала. Столкновения в уезде прекратились к 19 июля. Возмущение во Фроловской волости Калязинского уезда ликвидировал отряд в 31 человек³⁹².

Своеобразное выступление небольшой партизанской группы зеленых Калявина-Вещего происходило в Краснохолмском уезде в июле 1919 г. Оно выражалось в нападениях на волостные исполкомы. Восставшие выступали за Учредительное собрание.

Увидим теперь зеленую эпопею в губернии глазами советских сводок.

В районе Куженкино Валдайского уезда соседней Новгородской губернии, а по советскому делению – нового Бологовского уезда, отряд Тверского батальона производил облавы и обыски в деревнях, лежащих около склада, подвергнувшегося нападению. Задержанными оказались 23 дезертира и еще 8 подозреваемых в хищении со складов. При обыске отобраны патроны, гранаты, прочее вооружение и телефон (9 июня).

При широком брожении разные советские инстанции могли противоположным образом оценивать масштабы зеленого движения. Предгубчека 10 июня докладывал о спокойствии в губернии. Восстание в Осташковском уезде на границе с Новгородской губернией ликвидировано с захватом дезертиров. Руководитель – бывший прапорщик – расстрелян. С красной стороны – трое убитых. Начальник штаба реввоенсовета республики Костяев телефонировал в тот же день: в районе станции Пено Николаевской железной дороги в 30 верстах от Осташково восстали дезертиры – около 4 тысяч человек. Они угрожали полотну железной дороги, якобы намеревались взорвать мост через Волгу. Картина, как видим, совершенно иная, куда более устрашающая.

Из Городка 11 июня сообщили, что на станции Пено «ничего нет». В районе же между станциями Торопец – Пено уничтожено несколько исполкомов, некоторые члены исполкома и красноармейцы убиты. Восставших около 4 тысяч, они жгли деревни. Начальники станций Пено, Охват, Андиполь и чрезвычайные комитеты сообщали, что в нескольких верстах от станций собираются толпы, имеющие намерения взорвать мосты и отрезать путь. Восстание дезертиров Псковской губернии перекинулось в район Тверской губернии. Восставшие двигались по направлению станций Охват и Пено (15 июня).

Силы на подавление восстания двинулись в Видьбенскую волость Осташковского уезда – центр восстания³⁹³. Итак, власти имели информацию о неких событиях в определенном районе, но масштаб и степень организованности восставших вызывали противоречивые оценки.

Оценка армейских структур к 20 июня была следующей.

В Ржевском уезде Тверской губернии крестьяне попали под влияние провокационных слухов, из-за чего проявляли недоверие к власти. Ржевский военком отмечал малоуспешность агитационной борьбы против дезертирства.

В Бежецком уезде отношение рабочих и крестьян к мобилизации враждебное, являлись не полностью, мотивируя тем, что семьям не остается рабочих рук. Принятые расходились по домам. Результаты мобилизации рожденных в 1890 г. — также неудовлетворительные.

В Весьегонском уезде крестьяне недовольны 25-фунтовым пайком. Некоторые волости обречены на голодовку. Настроение крестьян плохое. Мобилизация мало успешна, явка составляла 10–20 %. Дезертиры в уезде распространяли слухи, что в частях Красной армии плохо кормят. В Кимрском уезде не явилось 80 % мобилизованных 1890 г. рождения. В Калязинском уезде дезертирство составляло 80 %. Враждебное отношение к власти местами определялось голодом и эпидемиями.

Выступление дезертиров на границе Осташковского уезда ликвидировалось отрядами из Твери, Ржева, Осташкова. Пешие отряды возвращались обратно. «Захвачен штаб полка и пленные, ничего серьезного не было». Интересно, что зеленые сформировали, быть может, и «несерьезные» с военной точки зрения, но все же некие штабные управленческие структуры³⁹⁴.

По сведениям к 25 июня 1919 г., в Тверской губернии председатели сельсоветов под давлением дезертиров отказывались вести борьбу с дезертирством и предоставлять списки дезертиров. Дезертиры же на собраниях выносили постановления на службу не ходить. В Кимрском уезде добровольная явка отсутствовала. В Новоторжском явились 22 дезертира (!). В двух волостях Калязинского уезда крестьяне 19 июня прогнали комиссию по борьбе с дезертирством.

В одной из них, Федоровской, толпа отобрала списки, учетные карточки, избива членов комиссии. Прибывший уездный военком попал под арест. Из ряда волостей поступили сведения о противоправительственном настроении масс в связи с крайним обострением продовольственного кризиса³⁹⁵.

К концу июня, как уже было показано, по многим уездам Тверской губернии происходили «систематические восстания дезертиров и кулаков». В Кузьминской волости они убили семь членов исполкома и четверых зарыли живыми. Из Макаровки Вышневолоцкого уезда исполком бежал, опасаясь жестокой расправы дезертиров (25 июня).

Отряд Тверского отдельного батальона ВОХР, высланный в район Весьегонского уезда, соединился с Белецким красным отрядом в Ивановской волости, где дезертиры разоружили исполком и похитили 41 винтовку, 3 бомбы, 6 револьверов и 856 патронов (3 июля).

В связи с открытым выступлением дезертиров в Кашинском уезде ухудшилось положение в Угличском уезде Ярославской губернии. Высланный отряд не смог справиться с боевой задачей, в подкрепление ему экстренно выслан кавалерийский отряд со станции Нерехта (4 июля).

По сообщениям из Рыбинска, восстание дезертиров в количестве 250 человек между Устюжной и Весьегонском серьезной опасности не представляло (5 июля). В Борзынской волости Вышневолоцкого уезда бандами зеленых разогнан совет, здание совета опечатано. Местное население к дезертирам относилось отрицательно. Для борьбы с зелеными в помощь к действующим отрядам в Вышневолоцком уезде выслан отряд кавалерии из Ржева³⁹⁶.

Волнением дезертиров в Вышневолоцком уезде оказались охвачены семь волостей: Заборовская, Борзынская, Кузнецовская, Есиновская, Домославская, Старо-Пасонская и Холохоленская. Крестьяне названных волостей насильно мобилизовывались дезертирами. Красные отряды развивали наступление с целью захвата штаба зеленых в Спасо-Есиновичах (29 июля). Это о наиболее крупном выступлении, описанном выше. Красные сводки писали о генеральском руководстве, о пяти тысячах «бело-зеленых» с задачами захвата оружия, продовольствия, порчи телеграфа и задержки отправки мобилизованных. Современные исследования показывают, что никакие генералы не являлись руководителями и вообще участниками вооруженного движения.

К середине июля восстания в Тверской губернии считались почти ликвидированными. Население, по мнению политотдела РВСР, активного участия в них не принимало, то есть восстания оценивались как дезертирские³⁹⁷. Неучастие в вооруженной борьбе при этом нельзя рассматривать как массовое сочувствие советской власти. Настроение населения губернии к советской власти было враждебным из-за продовольственного кризиса и массовых восстаний дезертиров (29 июля, Тверской уезд). Продовольственное положение катастрофическое, особенно в Вышневолоцком уезде. Беднейшее крестьянство одной из волостей питалось падалью.

Восстания дезертиров и кулаков в Весьегонском, Калязинском, Осташковском и Новоторжском уездах развивались на почве продовольственного кризиса и антисоветской агитации (30 июля)³⁹⁸.

Оперативная сводка № 2 Оперативного штаба Московского округа по борьбе с дезертирством от 29 июля 1919 г. давала такую картину.

29-й стрелковый батальон ВОХР в 350 штыков, караульная команда и другие части давали до 4 тысяч солдат в распоряжении губвоенкома. До 200 штыков состояло в распоряжении губкомдеза. Кроме того, имелось 70 пеших и 20 конных милиционеров. Караульные части не были особенно надежны. Выступления же дезертиров велись организованно, во главе с офицерами, кулаками, помещиками. Вполне традиционный набор в советском офицозе, заметим. Восставшие вооружены винтовками, иногда располагали пулеметами. В результате губернию разделили на районы.

Первый район: Старицкий, Зубцовский, Ржевский, Тверской, Новоторжский уезды. В район отправлен отряд в 80 стрелков с пулеметом, операция не завершена.

Второй район: Корчевский, Козельский, Кимрский, Клинский уезды. Здесь было спокойно.

Третий район: Бежецкий, Краснохолмский, Весьегонский уезды. Отправлен отряд в 140 штыков при 10 конных и 3 пулеметах. Результаты добровольной явки: в Бежецком уезде 1860, в Краснохолмском 500 человек. Поймано около 1 тысячи злостных дезертиров. Отряд оперировал в Весьегонском уезде.

Четвертый район: Вышневолоцкий, Осташковский уезды. Сюда послано 100 стрелков при 2 пулеметах и 2 орудиях. Операция подходила к концу. В Осташковском уезде спокойно. Операции велись по плану, с разведкой³⁹⁹.

К концу лета «положение губернии довольно удовлетворительное». По уездам остались отдельные группы зеленых (сводка ВОХР за 15 июля – 1 августа)⁴⁰⁰.

В Зубцовском, Кашинском, Калязинском, Осташковском, Новоторжском, Кимрском, Старицком, Корчевском и Ржевском уездах спокойно, в некоторых уездах наблюдалась добровольная явка дезертиров, а в некоторых – только под давлением отрядов. С 7 по 15 августа результат борьбы с дезертирством по всем уездам таков: 1)

задержаны 1725 человек; 2) добровольно явились 4398 человек; 3) задержано невооруженных 6123 человека. Организации дезертиров не наблюдалось, отношение масс к дезертирам – безразличное. За 15 и 16 августа по губернии задержаны 400 дезертиров (данные на 19 августа). Однако Весьегонский уезд к 27 августа объявлен на военном положении.

Мотивом к дезертирству, по личным показаниям, «послужили семейные обстоятельства, а у большей части несознательность» (10 августа). В лесах Старосельского лесничества Осташковского уезда скрывалось порядочно дезертиров, которые занимались рубкой леса (7 августа). В Павловской волости масса дезертиров, волсовет бездействовал (27 августа). В Делединской волости Краснохолмского уезда при перевыборах в волисполком прошли представители зажиточных слоев населения (27 августа). За 14 и 15 августа в Ржевском уезде добровольно явились 400 дезертиров⁴⁰¹.

Как в городах, так и в уездах отряды по ловле дезертиров вели «систематические налеты». Массовая добровольная явка давала тысячи вернувшихся из леса. Всего за отчетный период явились добровольно 4369 человек (сводка за 28–31 августа).

В Кашинском уезде вновь произошло выступление дезертиров совместно с крестьянами. Восстали волости Славковская, Майская, Брылинская и Васвянская. Восстание ликвидировано (1 сентября). В Вышневолоцком уезде также произошло восстание дезертиров. Новоторжским реввоенсоветом взяты заложники из местной буржуазии (2 сентября). Повторные вспышки в этих уездах после масштабных летних восстаний говорят о сохранявшемся остро антибольшевистском настроении.

С 16 по 28 августа добровольно явились 600 человек в Кимрском уезде (4 сентября)⁴⁰². Всего за июнь – июль 2360 добровольно явились и 1 тысяча человек было задержано. За август же числа куда внушительнее: 4359 добровольно явившихся и 8365 задержанных⁴⁰³.

Оперативная сводка № 19 от 12 сентября 1919 г. сообщала: в Тверской губернии спокойно. Восстаний и скоплений дезертиров не наблюдается. Отношение населения к дезертирам пассивное. С 4 по 7 сентября задержано 814 дезертиров⁴⁰⁴. Однако к концу осени в сводках замелькали привычные мотивы: ввиду наплыва дезертиров отряд по борьбе с дезертирством увеличен (27 ноября 1919 г.)⁴⁰⁵. В Краснохолмском уезде наплыв дезертиров и массовое уклонение от воинской повинности (сводка за 8 – 15 декабря)⁴⁰⁶.

Костромская губерния

Костромская губерния, с обширными лесами, представляла собой еще одну территорию зеленого повстанчества. Тесно взаимодействовали костромская и ярославская зеленая армия.

Активизация крестьянского протеста, как и всюду, началась весной. В Котельническом уезде в Синцовской и Круглыжской волостях в связи с обнаружением белогвардейского заговора было арестовано 45 человек. Главного организатора, однако, задержать не удалось. Только в лесу около реки Ветлуги нашли оборудованную человек на пятнадцать землянку, приспособленную для обороны с трех направлений⁴⁰⁷ (31 марта).

В Введенской и Озерной волостях Чухломского уезда на митингах выяснялось, что население не желает подчиниться мерам по борьбе с дезертирством и враждебно относится к власти. В связи с обострением продовольственного вопроса отношение населения к советской власти оставалось в уезде «неудовлетворительным» и осенью.

Командир Иваново-Вознесенского батальона ВЧК 16 мая доложил о скоплениях дезертиров в Кинешемском и Юрьевецком уездах, в которые выслан отряд.

Восстание дезертиров на границе Костромской и Владимирской губерний подходит к окончательной ликвидации, полагали власти к 18 июня.

19 июня близ Воронина (возможно, село Ростовского уезда Ярославской губернии, известное дворянской усадьбой Леонтьевых) происходило собрание Пушкинской, Ильинской, Семеновской, Красносельской и других волостей. Присутствовало около ста человек. В большинстве решили на фронт идти (трудно понять по тексту красной сводки, имеется ли в виду идти в Красную армию или на «фронт» против красных; скорее надо полагать второе). Руководил собранием офицер. Костромской уездный военком традиционно «принимал меры»⁴⁰⁸.

К 20 июня в Макарьеве мобилизация 1890 г. рождения проходила неудовлетворительно⁴⁰⁹. В Варнавинском уезде велась энергичная борьба с дезертирством; применялись вооруженные отряды, комиссия по борьбе с дезертирством, агитация. 14 июня дезертиры напали на волысполком Левашевской волости. Служащие были обезоружены, в лес увезли 35 пудов муки. Нападавшим досталось пять винтовок без патронов. В лесу скрывалось около 150 человек⁴¹⁰.

Банда дезертиров напала на разъезд на линии Иваново – Нерехта, унесли винтовки. При этом погиб железнодорожный охранник и один дезертир. 20 июня в девять вечера банда напала на разъезд 39-я верста. Там они остановили эшелон с маршевыми ротами, состоявшими в большинстве из добровольно сдавшихся дезертиров. Комиссар эшелона был зверски убит, люди, следовавшие в эшелонах, присоединились к дезертирам, вооружась похищенным оружием. Данное выступление ликвидировалось отрядами из Костромы, Иваново, Ярославля и местными гарнизонами⁴¹¹. Интересно, что в своих мемуарах председатель ярославской Губчека обрисовал сюжет несколько по-иному. Он пишет о захвате зелеными двух вагонов с оружием, ни слова не говоря о присоединившихся к зеленому маршевикам, но упоминает гибель восьми красноармейцев из охраны эшелона, а также соучастие с зелеными начальника разъезда. Хотя это то же 20-е число, и речь явно идет об одном и том же событии. Через несколько дней, 25 июня, здесь же, на разобранном участке пути, зеленые остановили поезд с 522 недавно плененными колчаковцами. Им предложили присоединиться, однако так поступило меньшинство, а большая часть ушла в леса и вскоре явилась в костромской губвоенкомат⁴¹². Естественно, уроженцам далеких местностей вряд ли улыбалась перспектива пробовать снова воевать в чужих для себя краях с самыми расплывчатыми перспективами.

Предгубчека Кульпе 4 июля сообщал: в районе Нерехтского и Костромского уездов дезертиры активных действий не проявляют, но организуются и вооружаются. Оперирующим отрядом найдено около трехсот винтовок из разграбленного в Нерехтском уезде оружия. Дезертиры Мисковской волости, заручившись клятвой отцов о поддержке, на собрании постановили не поступать в ряды армии. В Закобьякине на границе Ярославской и Костромской губерний вооруженные дезертиры убили члена исполкома. Красноармейцы, высланные для подавления восстания, после ссоры со своим политкомом перешли на сторону дезертиров, передав в их руки винтовки и пулемет. Для борьбы с мятежниками в Закобьякинский район стянуты Даниловский, Гурьевский и Костромской отряды.

В Костромском и иных уездах настроение населения как города, так и деревень по отношению к советской власти являлось явно враждебным. Духовенство вело контрреволюционную агитацию по всем вопросам, «восстанавливая население против власти и, в частности, против евреев». Наступление в районе Шунта – Саметь

развивалось при сопротивлении дезертиров численностью до 5 тысяч человек. Шла подготовка к активным действиям, согласно сводке от 10 июля⁴¹³. К 18 июля было установлено местонахождение штаба зеленых в районе Шунга – Саметь. Руководил зелеными Пашков, бывший офицер и инструктор всеобщего. Продовольственная база зеленых находилась в Суханове, куда доставляли продукты крестьяне окрестных деревень. Восстание дезертиров в селе Красном было ликвидировано. В Захарове Семеновской волости дезертиры разграбили совет. В Ветлужском и Варнавинском уездах наблюдались стычки с зелеными. В остальных уездах губернии – спокойно⁴¹⁴.

14 июля с границы Иваново-Вознесенской губернии двинулась банда зеленых совместно с крестьянами окрестных деревень по направлению к деревне Панихидино. В Есиплеевской волости Кинешемского уезда банда была рассеяна. В эти дни в Колшевской волости этого уезда произошло выступление дезертиров с убийством председателя волостного совета. Движение дезертиров перешло в Есиплеевскую волость, где оно было подавлено отрядом красноармейцев (22 августа). Очевидно, в нескольких смежных волостях произошло некое единое выступление, потребовавшее вмешательства армейского отряда.

Дезертирство принимало массовый, организованный характер, губерния была объявлена на военном положении (2 августа). В Красносельской, Шунгенской и Мисковской волостях Костромского уезда происходили восстания дезертиров. Отряды, работавшие по подавлению восстаний в Красносельской, Семеновской, Быгизинской и Мисковской волостях Костромского уезда, бесчинствовали – незаконные реквизиции продуктов сопровождалась убийствами (3 сентября).

Макарьевский уезд к началу августа оставался спокойным (6 августа).

На границе Костромской и Ярославской губерний отряды ликвидировали скопление дезертиров (10 сентября).

Активные дезертиры вступали в стычки с красными отрядами, выстраивали жизнь дома или около дома под покровительством местных органов власти. Например, в одной из волостей под Родниками произошло столкновение вооруженных дезертиров с красноармейцами, в результате которого оказались убитые и раненые с обеих сторон (30 августа). В селе Макаровском Порздневской волости Юрьевоцкого уезда среди населения укрывалось много дезертиров. Волостной совет бездействовал (4 сентября).

Летом в Иваново-Вознесенской губернии (созданная в 1918 г. губерния включала несколько смежных владимирских и костромских уездов) – много дезертиров, в большинстве работавших на полевых работах. Постановление о добровольной явке дезертиров – «это глас вопиющего в пустыне», С 16 по 29 августа в губернии задержано 277 и зарегистрировано добровольно явившихся 2458 человек, из которых вновь дезертировало 232 человека, врачебной комиссией освобождено 1285 человек. По приблизительному подсчету, дезертиров в губернии насчитывалось около 3 тысяч человек. Громадный процент освобожденных – около половины – заставляет предполагать замену лесного варианта дезертирства на более мягкий «коррупционный», с помощью ложного медицинского свидетельства.

В отдаленном Поветлужье (Варнавинский и Ветлужский уезды) переплелись восстания августа 1918 г. с активным участием белых горожан Варнавина и Ветлуги, крестьянское зеленое движение этого отдаленного угла Костромской губернии, староверческое неприятие новой власти в обособленном Уренском крае в составе пяти волостей. Здесь был даже избран свой царь. Зеленые отряды опирались на сочувствующих зажиточных и так поддерживали свое существование. Данные сюжеты подробно рассмотрены в названных работах С.В. Завьяловой, местных краеведов, например Скатова. Эпопея «уренского царя» нашла художественное

отражение в широко известной книге представителя русского зарубежья Б. Ширяева «Неугасимая лампада». Задержанный в Яранске контрреволюционер Виноградов показал, что в Вахrameевской и Тонкинской волостях Варнавинского уезда временами появлялись белогвардейские банды численностью до 5 тысяч человек при шести пулеметах, двух орудиях. Главнейшие организаторы – Иван Иванович Галочкин и Федор Филипович Груздев (бывшие офицеры были главными руководителями августовского восстания 1918 г. в Варнавинском уезде). Штаб белых находится на Имжемском кордоне, в местечке Красный Столб. Численность белых, что интересно, а не зеленых сил чрезвычайно преувеличена, но руководители названы верно. В 1919 г. и позднее поветлужские зеленые жили как небольшие отряды, каждый из которых имел «маток» – зажиточных сочувствующих крестьян, помогавших продержаться. Естественно, лесная жизнь чередовалась с приходами домой, благо в отделенном и мало сочувствовавшем красным краю это было не очень трудно.

Вследствие «крайне резких поступков продотрядов при изъятии излишков хлеба» население к советской власти в Ветлужском уезде относилось отрицательно (26 сентября), что автоматически означало сочувствие противникам этой власти. Немудрено, что в лесах продолжали скрываться «бандиты». 13 ноября была ограблена железнодорожная контора. Отряды были бессильны по причине разрозненности действий бандитских групп (сводка за 8 – 15 декабря)⁴¹⁵.

Ярославская губерния

Здесь активное вооруженное зеленое движение охватывало смежные уезды губерний Ярославской, Костромской и Вологодской. Основными районами были следующие: Угличский, Мологский и Мышкинский уезды – первый; северный – Пошехонский уезд, частично Рыбинский и Тутаевский (Романово-Борисоглебский), а также прилегающие уезды Вологодчины. Третьим очагом служил Любимский уезд и часть Даниловского. Именно здесь действовали наиболее интересные и упорные вожди восставших – Г. Пашков и братья К. и Д. Озеровы. На пике движения имелось несколько крупных сравнительно организованных зеленых отрядов.

Восстания создавали опасность тылу 6-й красной армии, то есть Северного фронта. Частично эти сюжеты затронуты нами в описании зеленых Вологодчины.

На Ярославщине печально прославился некий Френкель, сделавший стремительную карьеру от рядового красноармейца до командира отряда, действовавшего против зеленых. Во многом его энергией и жестокостью волна восстаний была сбита. В частности, Френкель использовал переодевание, чтобы попасть в повстанческий отряд князя Гагарина в качестве «подкрепления». Отряд Френкеля с большой жестокостью разгромил выступление в костромском уезде (в соседние костромские уезды отряд также отправлялся) торговом селе Красное. Здесь было убито около четырехсот человек. Жители села с давних пор занимались золотничеством, ювелирный промысел и сегодня в селе дает работу многим. В официальной истории остался жаркий бой красных с зеленой бандой, с внушительными взаимными потерями. В памяти жителей – жестокая расправа с жителями, грабеж и сожжение трех окрестных деревень⁴¹⁶. Считается, что только местные коммунисты выпросили милость неумолимого командира красного отряда Френкеля – не жечь само волостное богатое Красное. По соседству, в Плесе и Кинешме, действовал подобный же отряд, по счастью не принесший таких жертв этим местам. Данный сюжет остается предметом рефлексии и местной памяти⁴¹⁷. Френкель сыграл роль, сходную с ролью Черемухина в Саратовской губернии.

В губернии в качестве уполномоченного ЦК и ВЦИК находился А.В. Луначарский. Именно он заявил в Красном, что здесь «пахнет миллионами», возможно

спровоцировав жесточайший удар по «кулацкому» селу. Он вызвал два аэроплана, сбрасывавшие листовки, а также 5 пудов бомб, которые «не хуже», чем «великолепные прокламации Анатолия Васильевича», подействовали на упрямых дезертиров, по мнению ярославского чекиста⁴¹⁸.

Предгубчека телеграфировал 18 июня: на границе Вологодской, Ярославской и Череповецкой губерний вспыхнуло восстание дезертиров. 19 июня отряд Ярославского батальона выступил в район Пошехонского уезда на усмирение восстания.

К 20 июня в некоторых волостях Угличского уезда Ярославской губернии фиксировалось контрреволюционное брожение, вызванное агитацией кулачества и темных сил⁴¹⁹.

Восстание дезертиров на разъезде 39-й версты между Нерехтой и Ярославлем 22 июня считалось окончательно ликвидированным, при ликвидации несколько дезертиров расстреляны. Однако 3 июля возвратился конный отряд, оперировавший в этом районе, и выяснилось, что при ликвидации восстания расстреляны 159 дезертиров, оказавших вооруженное сопротивление, у мятежников отобраны 135 винтовок и 6 наганов.

Вскоре стало разгораться восстание дезертиров в Пошехонском уезде, с погромами волостных военных комиссариатов. Высланный из Пошехонья отряд потерпел поражение от зеленых, отдал противнику пулемет. На помощь срочно перебрасывался отряд из Череповца (3 июля).

3 июля ярославским Губчека отправлен отряд пехоты Ярославского отдельного батальона ВОХР в Ростовский уезд для ликвидации дезертирского восстания.

На 3 июля в районе Любимского и Даниловского уездов положение оставалось неопределенным. Красные части вели бои с хорошо организованными зелеными отрядами и имели потери в 10 убитых и 38 раненых. На севере Пошехонского уезда «банды дезертиров» были разбиты и в беспорядке отступали к границе Вологодской губернии.

На 4 июля железнодорожное сообщение Любим – Данилов – Ярославль оказалось прервано, навстречу бандам дезертиров экстренно выслан отряд коммунистов.

Транспортный отдел ВЧК 4 июля видел ситуацию так. Во всех уездах, расположенных вокруг Ярославля, – Бежецком, Мышкинском, Угличском, Любимском, Пошехонском и Мологском, частью Ростовском, «происходят восстания зеленых совместно с белыми. Восставшие действуют в контакте и имеют цель по примеру прошлого года захватить Ярославль». В Ярославле создан штаб по борьбе с дезертирством во главе с уполномоченным войск Внутренней охраны Кузмичевым.

По линии ВОХР также вырисовывалась весьма мрачная ситуация. Все уезды Ярославской и Костромской губерний охвачены восстанием. Сводка ВОХР называет их бело-зелеными и оценивает в 35 тысяч человек, под руководством бывших офицеров и генерала Майера. Красные полагали, что зеленые хотели взять под контроль Ярославскую и Костромскую губернии, захватить все склады Ярославского округа, отрезать 3-ю и 6-ю армии от продовольственных пунктов, прервать железнодорожное сообщение: Ярославль – Вологда, Буй – Данилов, Вологда – Буй, что повлекло бы привлечение 3-й и 6-й армии для подавления и ослабило бы Северный и Восточный фронты. Энергичными мерами ситуация была исправлена, и сводка за 15 июля – 1 августа сообщала лишь о неопасных «кучках зеленых», которые вылавливались. Никаких следов «генерала Майера» не обнаруживается, соответственно, и единый план зеленых предположить трудно, хотя для руководителей восставших из числа офицеров должны были быть ясны

эффективность действий на пути сообщения противника, важность захвата оружия и т. п.

Сводка ВОХР от 10 июля сообщала о спокойствии в Пошехонском, Мологском, Рыбинском и Тутаевском (Романов-Борисоглебском) уездах. Прекратились беспорядки дезертиров в Мышкинском уезде. Здесь были восстания в четырех волостях, в том числе Климатинской, Богородской и Васильковской. Дезертиры этих волостей сожгли здания волвоенкоматов и уничтожили дела. Восстания в Муравьевской, Плосковской и Прилуцкой волостях считались ликвидированными. Из других уездов губернии сведений не поступало. Политсводка за 11 июля: в районе Грязовец – Данилов разведка зеленых пыталась подойти к станции Пречистое в 90 км от Ярославля, но была отброшена. В районе Грязовец – Пошехонье красные войска продвигались к озеру Никольскому (17 км от Грязовца). В районе Данилов – Пошехонье занято село Хабаровское, восстановлена советская власть. После полуторачасового боя, с потерей двоих ранеными, занято Куково, противник потерял 30 человек убитыми. В районе Скалино – Пречистое занято село Коза⁴²⁰. Согласно армейской сводке за 10 июля 1919 г.: восстание в Осецкой волости Любимского уезда ликвидировано. Начавшееся 8 июля восстание в Козской, Черностанной, Пречистенской (частично) волостях того же уезда находилось в стадии ликвидации. В районе Грязовец – Пошехонье дезертиры отступали в район озера Никольского. Зеленые обстреляли станцию Скалино (45 км от Грязовца Вологодской губернии) и бронепоезд, огнем которого и были рассеяны. Восстановлен разогнанный 8 июля Братковский волисполком Вологодского уезда. Банды отступили на Марвино недалеко от Вологды. В остальных уездах Ярославской губернии – спокойно⁴²¹.

К концу июля шла ликвидация зеленых в Пошехонском и Грязовецком уездах, дезертиры продолжали добровольно являться (31 июля). В Плосковской волости Угличского уезда поднялось восстание дезертиров при «спокойном» настроении населения (29 июля). По всему Мышкинскому уезду восстание дезертиров; город и уезд объявлены на военном положении (29 июля), то есть прошла вторая волна восстаний.

В составе советов, особенно волостных, преобладали беспартийные, «с социальным положением средним и выше среднего» и «безразлично-выжидательным» настроением. В течение июля в Ярославском, Угличском, Мологском, Мышкинском, Пошехонском, Любимском и Даниловском уездах происходили восстания дезертиров с участием «местного кулачества во главе с духовенством». Руководителями восстания являлись офицеры. Причины восстания: 1) слабая работа отдела социального обеспечения в смысле выдачи пайков семьям призванных; 2) полевые работы; 3) слабая политическая работа в частях войск в смысле политического воспитания красноармейцев. Лозунги восставших: «Долой войну!», «Долой коммунистов и Советы!», «Да здравствует свободная торговля!». В начале восстаний жители горячо поддерживали восставших, затем начались мобилизации. Общее количество восставших – от 20 тысяч человек. Вооружение «начиная с различного самодельного холодного оружия, кончая трехдюймовым орудием», К подавлению восстания «были приняты самые репрессивные меры». В подавлении приняло участие до 10 тысяч человек, прежде всего отряд ярославской Губчека. К главарям восстания, злостным дезертирам применялась высшая мера наказания.

В течение июля месяца мобилизация по губернии проходила, естественно, слабо. В связи с восстанием были случаи, что не являлись на сборные пункты целые волости. Настроение мобилизованных было ниже среднего. Причина – усталость от прошлой империалистической войны, – поясняла советская сводка. При уездных военкоматах организованы особые отряды по борьбе с дезертирством.

Военные комиссариаты работали плохо. 10–15 % офицеров старой армии среди служащих считались причиной тайного саботажа. Отношение населения к дезертирам после подавления восстаний становилось отрицательным. От многочисленных деревень поступали жалобы на «незакономерные действия» советской власти.

Политсводка за 22 июля раскрывает интересные механизмы как формирования зеленого движения, так и борьбы с ним. Некий член РКП(б) прибыл в Семеновку Кулижской волости Любимского уезда для борьбы с восставшими дезертирами, располагая отрядом в десять человек. При проверке документов он обнаружил список «зелбата» (то есть «зеленого батальона»), в котором указывались фамилия, имя, отчество зеленого и сумма взноса в размере от 10 до 100 рублей. Сумму в 100 рублей внес член РКП(б), организатор из Любима Румянцев, который состоял секретарем упомянутой зеленой организации. Отряд отправился по полученному списку арестовывать его фигурантов. Некоторые дезертиры были «на глазах крестьян наказаны как мятежники» (не указано, что это расстрел, но трудно представить другое впечатляющее наказание для мятежников), после чего дезертиры частично явились добровольно. Дезертир Алексей Климов в это время находился в деревне Палагино, он был организатором отряда зеленых.

Вооруженный маузером, он скрылся в лесу. При обыске в его доме – искали оружие – было обнаружено 3400 рублей. Отряд забрал в хозяйстве двух лошадей, коров, брата Климова в качестве заложника и отправил в Любим. Уже в Любиме братья (в заложниках был один, видимо, еще один или двое явились по горячим следам) заявили, что сами разыщут Алексея и представят властям. Действительно, уполномоченный сам же и увидел вскоре в Любиме Климова, который сдал маузер и отправился под арест. После этих событий настроение Кулижской волости стало «хорошим». Однако под арест попал помощник секретаря волисполкома Смирнов: при обыске у него нашлись дополнительные списки членов «зельбата», переданные ему братом, членом этого самого «батальона». Уполномоченный объявлял о прекрасной работе Любимской организации РКП(б) и конного милицейского отряда, делавшего объезды территории⁴²². Эту историю можно считать весьма характерной. «Зельбат» правильно понимать как организацию взаимопомощи, но не повстанческую часть. Пытались организоваться, собирали какую-то общую кассу. Конечно, не обошлось без участия местных властей, коммунист оказался в числе явных организаторов зеленой силы. В то же время прибытие самого незначительного отряда и человека с мандатом застает заговорщиков врасплох. Списки оказываются обнаружены, никаких препятствий для арестов и отправки скота и арестованного (громоздкое дело для отряда в десять человек) нет. Один из наиболее активных, как можно полагать, вынужден попросту бежать в лес. Далее действует классический механизм давления на крестьянина – удар по хозяйству. Угроза потери лошадей очень быстро приводит упряма к сдаче. Возможно, подобная история не случилась бы даже в спокойной волости месяцем ранее, в разгар зеленых восстаний. Теперь же, после очевидного поражения зеленой волны, деревня не стала горой за свой «зельбат».

Ко 2 августа открытые восстания и мятежи во всех уездах и волостях были окончательно ликвидированы. Продовольственное положение губернии было и оставалось острым.

Сводка по довольно спокойному Ростовскому уезду дает лапидарную формулу успокоения после репрессивных акций: «...крестьянство бодрое, буржуазия угнетенная, интеллигенция незаметна, а духовенство безмолвствует» (29 июля). За три-четыре дня начала августа здесь явилось около 5 тысяч дезертиров⁴²³. Для советского автора – безусловное свидетельство «бодрости». В остальных уездах губернии было спокойно.

В районе Соколовской волости Пошехонского уезда обнаружены скрывающиеся в лесах вооруженные винтовками дезертиры (сводка за 1 июля – 15 августа). Дезертиры снова начинали группироваться после ухода отрядов. Мобилизация проходила удовлетворительно при «отрицательном» настроении мобилизованных и одиночном дезертирстве. «Причина – злостное нежелание служить» (сводка 15 августа – 1 сентября). Отряды проводили облавы. К концу лета массовое дезертирство ликвидировано (сводка 30–31 августа). Население, прежде относившееся доброжелательно к дезертирам, стало им враждебным; были случаи избиения в деревнях являвшихся дезертиров.

На границе Костромской и Ярославской губерний, в Ярославском уезде, обнаружено скопление дезертиров, бежавших с фронта (30–31 августа). С 21 по 30 августа задержаны 147 дезертиров, убиты 30 человек (2 сентября).

В Борисоглебской волости Мологского уезда появилось много дезертиров. «Несмотря на жестокую борьбу с ними, результаты плохие, потому что граждане укрывают их» (4 сентября). «Скопление» отмечено в уезде и позднее (сводка за 1 – 21 сентября). К 15 августа 1919 г. в Осеневской волости Ярославского уезда обнаружилось скопление дезертиров более 300 человек. На поиски отправился отряд в 60 человек с представителем комдезертира⁴²⁴.

Крестьянство на продовольственной почве было настроено плохо, рабочие остро неприязненно настроены к крестьянам. В Тутаевском уезде положение угрожающее, – не было запасов даже на сентябрь. На этой почве в некоторых уездах уже началось волнение, поджигаемое агитацией в связи с приближением переписи нового урожая. Органы снабжения работали слабо «ввиду отсутствия партийных работников». Отношение крестьян к декрету о хлебной монополии – отрицательное (сводка 25 июля – 1 сентября). В Васильевской волости Мышкинского уезда произошло восстание дезертиров под лозунгом свержения советской власти. Главная причина – экономические условия. После подавления восстания в настроении масс полная апатия (5 сентября). С 1 по 7 сентября добровольно явились 328 дезертиров, задержаны 72. «Вследствие темноты» население легко поддавалось влиянию контрреволюционеров. По всей губернии разыгралось массовое пьянство. На почве реквизиции урожая крестьянство настроено реакционно (сводка за 1–7 октября). Добровольно излишки крестьяне не везли и осенью (из-за отсутствия мнимых «излишков»!); столкновений с продотрядами не наблюдалось. Повсеместно отрицательное отношение крестьянства к советской власти сохранялось и позднее (сводка за 15–22 ноября). Дезертирство объяснялось плохим продовольствием и необеспечением семей красноармейцев (15 ноября)⁴²⁵.

«За последнее время в уездах наблюдается группировка оставшихся неизъятыми злостных дезертиров в шайки бандитов, которыми руководят главарь бывших в губернии в июле и августе восстаний, например, Озеров – главарь Даниловских зеленых. Шайки эти вооружены, делают налеты на советские учреждения и советские хозяйства, грабят, убивают и творят бесчинства, применяя террор к представителям РКП. Население к бандам относится отрицательно» (20 сентября).

В Даниловском уезде оперировали ранее разогнанные и снова собравшиеся банды Озерова, Пашкова, Желябина и помощника Сперанского. Банды разбиты на четыре группы: первой группой руководит Озеров, в ней 80 человек, вооруженные винтовками, одним пулеметом, двумя американскими автоматическими винтовками, гранатами и револьверами. Второй и третьей руководят Желябин и Журавский; численность и вооружение не выяснены. Четвертая банда под руководством офицера Пашкова численностью около 70 человек имеет 100 винтовок, преследует цели чисто политического характера, то есть дожидается удобного случая для свержения советской власти. Банды скрывались в лесу, который

тянется от Бухаловской волости Даниловского уезда до Костромской губернии на 60–70 верст и ввиду болотистой почвы и девственного состояния считается непроходимым. Банды дезертиров, оперировавшие в Даниловском уезде, в октябре были рассеяны (сводка за 15–22 октября). Через три недели сообщение уведомляло, что «энергичные меры пока результатов не дали» (4 ноября)⁴²⁶. Еще один разведывательно-информационный блок по этим отрядам дополняет приведенные сведения: в Даниловском и Осецкой волости Любимского уезда базируется банда К. Озерова в 50–60 человек. Она разбита на группы по 5 – 15 человек, которые живут в лесных землянках, имеют большие запасы продуктов. Со стороны красных 1 убит и 1 легко ранен, у «бандитов» 2 убито и 6 задержано. Любимскому отряду выслана помощь в 50 пеших при 5 кавалеристах⁴²⁷.

Осенью даниловский очаг оставался главным пунктом сопротивления советской власти в губернии. В уезде было спокойно, кроме Бухаловской, Петропавловской, Середской и Федуринской волостей, где находились Пашков и Озеров. Эти руководители являются наиболее интересными зелеными вождями на Ярославщине, о них существует определенная литература. Согласно декрету ВЦИК от 5 ноября об амнистии всем врагам советской власти, операции против них были приостановлены. Объявлялась добровольная явка с 10 по 25 ноября, за ней должны были последовать репрессии к не явившимся добровольно и их семьям. 8 ноября поймано три дезертира, обнаружена и разрушена землянка – укрытие зеленых.

Однако и в других уездах продолжалась лесная жизнь. В ноябре – декабре в Курбской волости Ярославского уезда замечено скопление дезертиров; в волость высылались отряды⁴²⁸.

Итак, мощные зеленые восстания на почве неприятия продовольственной политики власти были подавлены, после чего наиболее упрямые продолжали скрываться или же организовали устойчивые небольшие группировки, апатия, пьянство, усталая лояльность стали уделом сельского большинства губернии.

Московская губерния

Осенью 1918 г. некоторые уезды обширной Московской губернии дали серьезные вооруженные выступления. В Гжатском, Вяземском, Волоколамском уездах в 1918 г. велись бои с повстанцами, в частности, силами Волоколамской пулеметной школы⁴²⁹. С весны 1919 г. и здесь начались волнения, переросшие в массовое зеленое движение. События в этой губернии излагаются нами более подробно, так как Подмосковье – сердце всего центрально-промышленного района.

В первой половине апреля в Ново-Петровской волости Рузского уезда на почве продовольственного кризиса фиксировались волнения. В Волоколамском уезде велась антисоветская агитация. В селе Ярополец появилось объявление: «Умного Николая со свининой на стол! Жида Ленина с кониной под стол! Не надо нам Троцких! Долой всех жидов, долой». В Сергиевом Посаде настроение населения «повышенное», в остальных уездах – «подавленно-выжидательное»⁴³⁰.

Начальник караульной роты и помощник военкома Наро-Фоминского уезда А. Войцекян оставил беллетризованное описание зеленого движения летом 1919 г. в подмосковных уездах. Характерно название – «в зеленом кольце». Губком РКП(б) сообщал о восстаниях в уездах и формулировал задачу: «Основную массу боевого материала составляет преимущественно бессознательная часть крестьянской молодежи, введенная в заблуждение и поэтому дезертирующая из армий, или совершенно не являвшаяся туда по призывам. Эта часть молодежи... окрещена «Зеленой армией»... Нужно перекрасить эту лесную армию в красный цвет и дать ее фронту – вот задание ЦК...»

Деревня волновалась от реквизиций и мобилизаций, «зашевелились» эсеры.

Во главе зеленых Подольского и Наро-Фоминского уездов якобы стоял бывший офицер и бывший коммунист, исключенный за офицерское прошлое, Вахлюев по прозвищу Кутыркин. Тринадцать деревень Вороновской волости, родной самому Вахлюеву, Подольского уезда дали ему около сотни зеленых. Однако «надежных» — всего десятка три, да полтора десятка винтовок. Охранялись тремя заставами. Советский автор вкладывает в уста Вахлюя тяжкие переживания на тему: «Что скажет партия?» (разумеется, эсеров). Якобы в Наро-Фоминском, Бронницком, Дмитровском, Можайском, Клинском уездах уже все было готово к выступлению.

На престольный праздник молодежь пошла в родную деревню, переговорить с отпускными красноармейцами, пересчитать дробовики, на которые можно было бы рассчитывать при выступлении.

На закрытое собрание коммунаров вдруг вламываются парни с вопросами, когда будет заседание культпросвет-кружка и т. и. Очевидно, что это зеленая разведка. Так росло напряжение в подмосковных уездах.

Усмерская волость Бронницкого уезда показала, через допросы пойманных зеленых, такую картину. Зачаток зеленой армии возник на Пасху 1919 г. в деревне Бессоново усилиями эсера И.А. Силина и офицера Н.П. Александрова-Зазулова. Руководил зелеными некий Горячев из деревни Старая. Первой организовалась зеленая армия Бессонова, а затем стала разрастаться на другие села. На ночных собраниях у железнодорожного моста в лесу, в двух верстах от станции Конобеево Московско-Казанской железной дороги, выработали инструкцию для всей округи. При облаве — дезертирам соседних сел идти на поддержку. Облаву следует или обезоружить, или же самим отступить в лес до ее отъезда. Якобы с проходивших поездов сбрасывали листовки и брошюры контрреволюционного содержания. В каждой деревне избирался старший группы с обязанностями вербовать в дезертиры как призываемых, так и прибывающих в село отпускников. 19 июня зеленые Усмерской волости должны были выступить разом по сигналу — одиночному выстрелу. Однако выстрел, не зная, что таков сигнал для зеленых, дал коммунар, прибывший в Бессоново на митинг и для ареста Зазулова. Местные зеленые поднялись и начали наступать на коммунаров, их силы нарастали. В результате отряд коммунаров был оттеснен от Бессонова, оставив четверых товарищей в самом селе на митинге. Митинг моментально превратился в мятежную толпу, три коммунара были убиты, один смог уцелеть и бежал. В соседней деревне никто прятать его не захотел, советовали бросить подобра-поздорову револьвер. В следующей деревне во время беседы с местным дезертиром подошел знакомый коммунист и позвал к себе пить чай. Однако стало понятно, что пришелец не тот, за кого себя выдает. За окном начала собираться толпа. Местный коммунист стал просить пришельца уходить, ибо перебьют всю семью. В результате герой повествования спрятался в навозной куче и в конце концов уцелел. Изложение демонстрирует крайне антибольшевистское настроение деревни.

После убийства коммунаров дезертиры запаслись хлебом и ограбили совхоз, устроенный в бывшем имении Разореновой.

Для подавления восстания были мобилизованы Бронницкая караульная рота в 50 человек с пулеметом, 150 человек от Коломенской и Егорьевской караульных рот, около 100 человек от Богородской и Орехово-Зуевской рот и 187 человек от 8-го запасного батальона. Были намечены маршруты облав. Дезертиры оказывали разрозненное сопротивление. С 19 по 23 июня объявили срок добровольной явки. В упорствовавших селениях конфисковывался скот, возвращавшийся после добровольной явки дезертиров. Скот злостных дезертиров передавался семьям

красноармейцев. После таких мер началась массовая явка в деревню Барановская, где размещался штаб отрядов, и в уездную комиссию по борьбе с дезертирством.

У Силина и Александрова-Зазулова было одиннадцать главных помощников. Горячев же якобы являлся представителем зеленых от некоего (эсеровского?) центра.

28 июня военное положение после съезда сельских советов волости, одобдившего принятые меры борьбы с дезертирами, сняли. Силина арестовали в Москве. Захвачено и явилось добровольно 401 дезертир. Через некоторое время была захвачена в лесу и группа Зазулова. Зеленые пытались отбить главаря, но были отражены. Зазулов же привезен в деревню Барановская и там расстрелян.

В оперативной сводке история излагалась похожим образом: «Ликвидировано восстание дезертиров в Усмерской волости Бронницкого уезда. Восставших было около 600 человек, они под руководством кулака деревни Безносово (ошибка!) Зазулова убили трех коммунистов. Банда дезертиров была хорошо организована и вооружена винтовками, револьверами и бомбами. После ликвидации восстания дезертиры добровольно являются в волвоенком, выдают главарей восстания и просят отправить себя на фронт (23 июня)»⁴³¹. Можно отметить преувеличение по поводу хорошего вооружения и «принудительную искренность» в желании попасть на фронт. Дезертиры, которые сами являются и просятся на фронт, фигурируют и в июльской сводке ПУ РККА, как отрадный факт, очевидно⁴³².

К 6 июля выступления зеленых в Наро-Фоминском, Подольском и Бронницком уездах были в основном подавлены. В районе Масловского леса красноармейцы обнаружили спрятанные винтовки и гранаты. Активный председатель волостного комдеза Чаплыженской волости Бронницкого уезда Е.О. Кузнецов был убит зелеными на дороге⁴³³.

Согласно сводке ВОХР от 6 августа:

Подольский уезд: по сведениям за 22 июня – 2 июля дезертиры концентрировались под руководством офицера Дудуева-Зерново и князя Трубецкого в районе Красно-Пахорской волости. При приближении красноармейцев разбежались. Главарь дезертиров Коновалов убит самими дезертирами, а его труп доставлен в качестве исполнения вины.

Бронницкий уезд: по сведениям за 17–26 июня, дезертиры концентрировались в Усмерской волости. Возглавлял их некий «Зузулов» (искажения имен собственных в сводках обычны) из Бессонова, а «инициатором» выступал левый эсер Силин. В перестрелке с дезертирской группировкой погиб председатель Усмерского совдепа, командовавший отрядом. Всего явилось и поймано 1666 человек, все они признаны злостными. Население уезда с «нежеланием» отнеслось к облавам и укрывало дезертиров.

Можайский уезд: по сведениям за 24 июня – 26 июля, вооруженные дезертиры концентрировались в районе Поречье – Пожутино – Карачарово и др. Можайского, Волоколамского и Гжатского уездов под командованием офицера. Разведка из коммунистов в 31 человек была арестована дезертирами в деревне Лисавино и расстреляна. При приближении вооруженных отрядов дезертиры отстреливались и разбегались. С 17 июня по 24 июля задержано и явилось 429 дезертиров.

Волоколамский уезд: по сведениям за 17 июня – 26 июля, дезертиры концентрировались в районе деревни Гордеево. Жители отказывались их выдавать. На деревню наложили 25 тысяч рублей контрибуции и прислали отряд. За время его пребывания явилось 1063 дезертира.

Рузский уезд: выступлений не было, за 17 июня – 26 июля задержано 36 дезертиров, что можно считать наиболее впечатляющим «успехом» противодезертирских мероприятий. В частности, к 5 июля банды дезертиров в пределах уезда рассеяны, зарегистрированы 18 человек добровольно явившихся (негусто!), к поимке остальных приняты меры. В связи с падением Царицына и Харькова наблюдалось приподнятое настроение у обывателя. В уезде было «тревожное» настроение из-за голода⁴³⁴.

Наро-Фоминский уезд: по сведениям за 26 июня – 26 июля, вооруженные дезертиры концентрировались в районе Рудневской волости, в районе имения Журавлева, в лесу между деревнями Игнатово, Жабечи, Лукино под руководством бывшего инструктора всеобуча Герике, который пойман. Вооруженные дезертиры ограбили кассу Московского совета. При столкновении с отрядом у Игнатова и Лукина дезертиры разбежались. Заметим, что Бойцекян специально оговаривает: офицеры братья Герике к зеленому движению оказались непричастны. Армейская сводка давала более определенную информацию о восстании: в Наро-Фоминском уезде забастовала прядильная мануфактура, появились антисоветские листовки. Руководители арестованы. Восставшие в Рудневской волости дезертиры в числе пятисот отступили в Подольский уезд и были там разбиты местным отрядом, после чего разбежались. 400 дезертиров добровольно явилось, «отрабатывая» проигрышную для себя ситуацию⁴³⁵. Открытые восстания дезертиров к 4 июля считались окончательно ликвидированными. Во всех волостях произведено тщательное обследование с целью поимки дезертиров, отряд комдеза отправился в последние Ташировскую и Петровскую волости. За 3 и 4 июля добровольно явились в уездный военкомат 200 дезертиров.

Московский уезд: дезертирских скоплений не наблюдалось. Облавами задержано 519 дезертиров.

В остальных восьми уездах организованных скоплений дезертиров не наблюдалось⁴³⁶.

В Можайском уезде банды зеленых были разогнаны. Отряд поймал 45 дезертиров, остальные являлись добровольно в другие уездвоенкоматы (5 июля).

Вблизи села Матвейково Серпуховского уезда на 8 июля группировались банды зеленых под руководством офицера Давыдова. Мать Давыдова была взята заложницей, он, в свою очередь, угрожал, если мать не отпустят, двинуться с зелеными на Серпухов. В район Матвейкова экстренно отправился отряд из Серпухова. О том же, не столь подробно, сообщал и бюллетень политуправления армии, объявляя об угрозе Серпухову⁴³⁷, вряд ли реальной.

ЦИК 9 июля сообщал, что на границе Московской и Калужской губерний в селе Каменском, деревнях Клово, Мельниково, Кураково, Чичково Рождественской волости Наро-Фоминского уезда Московской губернии и деревнях Ромново, Рыжково Чубаровской волости Калужской губернии наблюдается большое скопление дезертиров. Дезертиры организованы, имеют штаб, агитаторов, оружие и связь с Москвой и Калугой. 29 июня на митинге в селе Дятлово дезертиры обсуждали вопрос о ликвидации советской власти. Та же информация прошла по линии политуправления армии⁴³⁸.

Положение губернии во второй половине июля «довольно удовлетворительное». Работа отрядов проходила успешно. Восстания происходили в Можайском и Волоколамском уездах, где оперировали два отряда 12-го Московского стрелкового полка, ловившие дезертиров. В Можайском уезде в лесу около села Лисавина, где был штаб зеленых, произошла перестрелка, в результате чего штаб был взят отрядом с потерей убитыми двух красноармейцев отряда 12-го Московского

стрелкового полка. Происходили восстания и в Подольском уезде, ликвидированы благодаря энергичным действиям отрядов (сводка за 15 июля – 1 августа)⁴³⁹.

По данным за первую половину июля, в Московской губернии всего 2065 дезертиров. Главная причина дезертирства – необеспеченность семей. Меры борьбы – облавы⁴⁴⁰.

Оперативная сводка № 1 оперативного штаба Московского округа по борьбе с дезертирством от 19 июля 1919 г. давала подробный очерк борьбы по уездам.

Бронницкий уезд: пунктов концентрации дезертиров не наблюдалось. 18 июля прошла очередная плановая облава. Красноармейские части надежны.

Верейский уезд: налицо две караульные роты, настроение их удовлетворительное, отношение к дезертирам «пассивное и безразличное», месторасположений дезертиров не выявлено. Может ожидать опасность со стороны Середняковской волости Калужской губернии.

Коломенский уезд: две караульные роты благонадежны, этапный же батальон в 950 человек сам состоял из дезертиров. Потому в ротах отношение к дезертирам «отрицательное», а в батальоне «неопределенное». Концентрации дезертиров в уезде не наблюдалось.

Клинский уезд: в уезде стоит рота. Дезертиров – не менее 2500. Они концентрировались в волостях Зеленцовской, Кругловской, Борщевской, Соголевской, Скрыдловской. Эти волости соседствовали с Тверским, Корчевским, Дмитровским и Волоколамским уездами. При облавах дезертиры перемещались в эти уезды, причем «особенно разлагающе на граждан Клинского уезда действуют дезертиры Тверского и Корчевского уездов, где они организуются значительными группами».

Московский уезд: в уезде стояло много частей. Высшая стрелковая школа комсостава в 1220 человек личного состава, из коих 400 курсантов, школа военной маскировки в Кунцеве – 1283 человека, из них 100 курсантов. В Рязанской волости находился Губернский батальон местного назначения. От него 100 человек было наряжено для производства облав. Отношение к дезертирам пассивное, опасности стратегическим пунктам не наблюдалось. Добавим штрих к этой благополучной картине. Согласно сводке ПУ РККА за первую половину июля, железнодорожники Курского вокзала враждебны к советской власти, среди них ходили слухи о подготовке восстания. На станции Пресня произошло столкновение между двумя следовавшими эшелонами. На пресечение беспорядков высылался отряд железнодорожной охраны и отряд 6-го Калужского полка. 11 виновных в беспорядках попали под арест⁴⁴¹. Курский вокзал связан как раз с Кунцевом и Кусковым, где стояли военные школы, служившие опорой Национальному центру. Да и беспорядки армейцев, как выясняется, могли происходить в самой столице. Эти данные помогают оценить степень опасности слабоструктурированного зеленого движения в столичной губернии.

Наро-Фоминский уезд: стоит караульная рота и отряд комдез в 15 человек. Дезертиры – около 100 человек – концентрировались в Петровской и восточной части Ружневской волости. Имелась угроза железной дороге между станциями Внуково и Бекасово.

Волоколамский уезд: караульная рота с хорошим настроением. Опасности от дезертиров не наблюдалось. В уезде числилось 3869 дезертиров, из коих уже отправлено было 1166 незлостных и 24 злостных. По сообщению начальника отряда, оперировавшего в Марковской волости, сельсоветы и население вели себя вызывающе и не выдавали дезертиров. Волость объявлена на военном положении. Этот локальный сюжет весьма интересен и может быть объектом самостоятельного

рассмотрения. Дело в том, что в годы первой русской революции с 31 октября 1905 г. по 18 июля 1906 г. в этой волости существовала «Марковская республика». В принятом жителями «Приговоре» говорилось о необходимости созыва Учредительного собрания, наделения крестьян землей, провозглашен принцип бессловности волости. «Республика» возглавлялась избранным «президентом» из крестьян; было решено не платить налогов, не давать солдат, не подчиняться земским и губернским властям. Об этой «республике» стало широко известно⁴⁴². Возможно, демократический опыт местных «республиканцев» способствовал дружному противостоянию уже советским властям.

Подольский уезд имел караульную роту с пулеметом. Банд не наблюдалось.

Рузский уезд располагал местной ротой. «30 человек с пулеметами всегда готовы для борьбы с дезертирами. Дезертиров группами нет. Отдельных вылавливают»* В Клементьеве стояла артиллерия и располагались пороховые склады. Караульная рота состояла сама из скрывающихся дезертиров (очевидно, скрывавшихся на сравнительно легкой караульной службе). Настроение жителей контрреволюционное, считались возможными угрозы из Можайского и Волоколамского уездов.

Сергиево-Посадский уезд: в нем находились курсанты и стояла караульная рота. Неорганизованных дезертиров насчитывалось около 350 человек.

В Серпуховском уезде стоял «благонадежный» караульный батальон в 700 штыков. Скоплений дезертиров не наблюдалось. Облава дала 200 задержанных дезертиров, планировалась облава по районам, то есть группам волостей.

Звенигородский уезд: караульная рота 15 июля отправлена в Рязань, для замены уроженцев Московской губернии. На смену прибыли малообученные рязанцы, но с отрицательным отношением к дезертирам. При концлагере в Саввинском монастыре в двух верстах от города располагалась пехотная команда в 46 человек из пленных колчаковцев. «Состав команды вполне боеспособный и благонадежный во всех отношениях». Концентрация дезертиров наблюдалась в деревне Часцы Шараповской волости, человек тридцать пять, часть из них в винтовках. Шестеро задержано облавой, остальные разбежались, оставлен заложник. В деревне Талица Павловской волости сосредотачивалось около 70 дезертиров, частично вооруженных. Среди них заметна известная организация, при неожиданных ночных облавах они успешно разбежались. На Ивановской суконной фабрике работало человек 50 дезертиров. При облавах разбежались, некоторые отстреливались⁴⁴³.

По остальным уездам сведения ожидалось.

Оперативная сводка № 2 Оперативного штаба Московского округа по борьбе с дезертирством от 29 июля 1919 г. позволяет проследить динамику развития дезертирско-зеленого сюжета.

Богородский уезд: советская власть опиралась на три караульные роты. Дезертиры концентрировались в волостях: Загоноревская, Бунаковская, Шаловская, Янинская, Аксентьевская.

Дмитровский уезд: караульная рота; дезертиров 1000 человек. Считалась возможной угроза Савеловской железной дороге со стороны тверских дезертиров.

Можайский уезд: за последнюю неделю явилось и поймано свыше 300 дезертиров⁴⁴⁴.

Московская губерния, как и другие потребляющие губернии, балансировала на грани голода, что в первую очередь влияло на настроение жителей и отношение к службе, к регистрации урожая, выемке дезертиров, военнообязанных и т. п. Так, в

связи с усиливавшимся голодом в Верейском уезде настроение крестьян «приподнятое и обостренное, отношение к власти недоверчивое» (2 августа)⁴⁴⁵.

4 августа началась операция по очистке от дезертиров Дмитровского и Клинского уездов, в которых замечены значительные группирования дезертиров. В Дмитровском уезде отряд пошел на Рогачево, известное восстанием в 1918 г. Уже по пути к нему приняли около тысячи добровольно явившихся дезертиров. Несколько дезертиров было обнаружено в Рогачевском монастыре. В одном из сел на следующий день попали на любительский спектакль, на котором присутствовало много дезертиров. Оцепили «концерт» и взяли человек триста. Некоторые скрылись, переодевшись тут же на спектакле в женский реквизит. На границе Клинского уезда и Тверской губернии убиравшие хлеб дезертиры сами стали кричать через реку оскорбления «краснопузым», чем выдали себя и были переловлены⁴⁴⁶. На этом борьба с зелеными в Московской губернии завершилась, по мнению Войцекяна, так как крупных вооруженных противостояний более не было.

Сводка войск ВОХР подводила итоги августовским событиям: «...В течение августа месяца ликвидировались скопления разнородных банд и дезертиров в следующих местах: в Можайском у. произошло вооруженное скопление дезертиров, в дер. Лесовино, в Наро-Фоминском у., где ими в местечке Игнатово-Лукина была ограблена касса Совдепа, в Бронницком – в Усмерской вол., где зелеными был убит председатель Усмерского Совдепа т. Воронов и в Подольском у. в местечке Красная Нехра, а также в Демидовской вол., где бывшими офицерами соорганизовалась значительная банда дезертиров во главе с бывшим князем Трубецким. Почти каждый раз зеленые при приближении отрядов, отстреливаясь, разбегались. Часть их арестована, а часть явилась добровольно. Всего зарегистрировано добровольно с 17 июня – 31 августа 12 084 дезертира. За последнее время в некоторых уездах наблюдается вновь скопление дезертиров, которыми ведется контрреволюция. Приняты соответствующие меры. Более неблагонадежными считаются у.: Можайский, Волоколамский, Московский и Звенигородский»⁴⁴⁷.

По данным центральной комиссии по борьбе с дезертирством, летом 1919 г. в подмосковных уездах было по 300–500 дезертиров в каждом, в Волоколамском же – 1500. Дезертиры имели руководителей и штабы с отделениями в деревнях и разведку. Посылаемые для ловли дезертиров отряды встречали сопротивление⁴⁴⁸. Член Национального центра, сумевший, после провала организации, перейти на нелегальное положение и добраться до белого Юга, генерал Н.Н. Стогов, дал свою характеристику волоколамским зеленым. По прибытии в белый лагерь, он 27 ноября (10 декабря) 1919 г. подготовил доклад о положении в Советской России. Генерал указывал на резкое поправление всех слоев населения, отмечал, что переживающий большевизм как грабеж великоросс начинает разворачиваться к началам настоящей государственности. Подмосковные крестьяне, по его наблюдениям, считали революцию делом господским, к которому крестьяне непричастны. При этом все ждут царя, «теперешнее время считают за смутное и все, что теперь делается, как бы не за настоящее». Проживая на московских окраинах, генерал вошел в сношения с дезертирами. «Подготавливая восстание в Москве, завели связь с дезертирами Волоколамского уезда, коих к началу сентября насчитывалось до 6000 чел. При первом разговоре были очень скупы на слова, пока не выяснили, что говоривший с ними монархист; тогда хлопнули его по коленке, сказав: «вот это так, это по-нашему, давай толковать»⁴⁴⁹. К сожалению, ни в докладе, ни в дальнейшей жизни генерала никаких подробностей взаимодействия с организованными дезертирами не появляется. Приведенный отрывок не позволяет даже установить, говорил ли с дезертирами сам Стогов или третье лицо. Однако сама характеристика взаимодействия в документе, который носил служебный характер, весьма ценна. В то же время арестованный ВЧК белый подпольщик В.В. Ступин в своих показаниях

отрицал устойчивые связи с зелеными: «О связях с подмосковными окрестностями могу показать, что попытки связаться с зелеными не имели успеха, так как: 1) зеленые, как явление временное, исчезли; 2) не с кем было связываться. О каких-либо теперь устанавливаемых связях твердо не знаю. Миллер говорил, что он намечает что-то в этом отношении». В показаниях другого арестованного упоминаются поездки в Рязанскую губернию и Сергиев Посад для связи с зелеными, без видимых результатов. Еще один подследственный дает такую информацию: «...с зелеными в Волоколамске устанавливал связь Ступин, а Зверев говорил, что если бы ему это дело передали, то он лучше бы сделал». Ступин поручал послать человека на станцию Рыбное Рязанской губернии для связи с зелеными, но кандидат на поездку заявил, что он не дипломат, а военный и такого поручения исполнить не может. Весьма характерная и потому, вероятно, вполне правдивая информация. При этом конкретные адреса, по которым подпольщики собирались разыскивать зеленых, показывают наличие если не связей, то, по крайней мере, более или менее определенной информации. В воззвании Добровольческой армии Московского района, подготовленном подпольщиками, содержится явное указание на связь с крестьянами: «Подмосковные крестьяне! Вы частью уже примкнули к рядам Добровольческой армии». И далее предлагается программа действий на случай вооруженного выступления, которая подразумевает как минимум хорошее представление о настроениях и возможностях окрестных крестьян: «Ваше поголовное недовольство коммунистами известно. Идите в Москву! Поступайте в ряды Добровольческой армии! Организуйте в районе деревень заставы для задержки всех автомобилей, скрывающихся с коммунистами из Москвы! Арестуйте своих коммунистов! Сообщайте об отрядах,двигающихся к Москве! Заставьте живущих у вас красноармейцев примкнуть к рядам Добровольческой армии!»⁴⁵⁰

Интересно, что события 1920-х гг. могут отчасти объяснить такое сгущение зеленых сил именно в Волоколамском уезде. В середине 1920-х в Подмоскowie, как и повсюду, активно осуществлялась политика опоры на бедняцкие слои деревни, что привело к росту внутридеревенской напряженности. Невзирая на прямые административные запреты, нарастала тяга к выделению из общины и переходу к участковому хозяйству. Многие общины отказались от переделов и перешли на индивидуальные севообороты. Волоколамский уезд оказался пионером этого процесса. Уезд уже к середине 1920-х гг. практически изжил трехполье. С 1924-го начался распад на отруба многопольных общин. Селения стали десятками разверстываться на отруба, что вызвало недовольство властей. Несмотря на растущее противодействие последних, к 1928 г. более 21 % селений уезда разверсталось. За годы же столыпинской аграрной реформы разверсталось лишь 14 селений⁴⁵¹. Волоколамский уезд, очевидно, был наиболее хозяйственно подвижен и восприимчив к тяжелому государственному давлению. «Угроза повторения «антоновщины» в самом центре России усиливалась», вынуждая большевистское руководство резко менять курс, — делает вывод современный автор⁴⁵².

Один из заключенных Бутырской тюрьмы оставил такую зарисовку от лета 1919 г.: «Как-то в нашу камеру привели на жительство нескольких крестьян-казаров (жаргонное название обвиняемых в контрреволюции. — *Авт.*). За что они сидят, не говорили, ни с кем не общались, только вполголоса вели разговоры, что революцию, мол, сделали люди «грамотные», теперь от большевиков получили они по усам и даже казарами не стали, а директорами да управляющими заделались. И по их крестьянскому мнению, и эти социалы тоже к большевикам на службу пойдут. В тюрьме не засидятся, покаются. Крестьяне не долго сидели, через несколько дней их забрали»⁴⁵³. Можно полагать, что эти «казары» принадлежали к подмосковным зеленым, опять-таки отметим их глубоко антисоциалистическое мироощущение.

Всего за июнь – июль по Московской губернии добровольно явилось 5486 человек, задержано 11 516 (всего 17 002). Судимо при этом было 11 человек. За август добровольно явилось 2079 человек, задержано было 4303⁴⁵⁴.

Цикличность дезертирства не позволяла властям решить проблему надолго. На 1 ноября на территории Московской губернии зарегистрированы 24 685 дезертиров, из коих добровольно явились 8558, задержаны 15 727 человек. При спокойном настроении с 16 по 23 ноября задержаны 1773 дезертира. С 24 ноября по 1 декабря попало 379 дезертиров, добровольно явились 106 человек⁴⁵⁵. Как видно, дезертиры и в зиму не спешили «добровольно» являться.

Нижегородская губерния

Нижний Новгород, крупный город, рано стал важной базой для функционирования Красной армии. Пересыльный пункт в Нижнем обслуживал, помимо своей губернии, многие уезды губерний Владимирской, Симбирской, Самарской, Казанской, Вятской и др. За 1919 г. через него прошло 203 618 военнослужащих: мобилизованных, «громадного числа» возвращавшихся из отпусков по болезни и выписанных из военно-лечебных заведений. Здесь формировалась 11-я Нижегородская стрелковая дивизия, считавшаяся первой дивизией, сформированной не в боевой обстановке, в тылу. Ее смотрел сам главком И.И. Вацетис. Эта дивизия была направлена на Южный фронт и там в ноябре 1918 г. на значительный процент сдалась в плен казакам, хотя некоторые части проявили себя стойкими.

Обширные лесные пространства губернии делали возможности для дезертирства и сопротивления сравнительно благоприятными. В Нижегородском уезде волостные комдезы работали слабо, их члены попадали под преследование за бездеятельность или укрывательство, столь же слаба была и милиция. Энергичная работа уездного комдеза заключалась в следующем: «При обнаружении дезертиров в тех местах, где они явно скрывались, от населения брались заложники, что имело благотворный характер. В числе мер, понуждающих дезертиров к явке, комиссией был издан приказ за № 3, обязывающий граждан под круговой порукой, составлением соответствующих протоколов изъять из своей среды всех до последнего дезертиров. В результате была массовая явка дезертиров»⁴⁵⁶.

Осенью 1918 г. происходили расправы ЧК с членами так называемого «владимирского офицерского подпольного батальона». Из 86 арестованных 45 оказались отпущены, 11 осуждены на небольшие сроки и 34 расстреляны (данные неточны, общий итог не сходится). Насколько «батальон» был организован и эффективен, не ясно, так как дела не рассекречены. Однако понятно, что основной костяк составляла молодежь, и не исключительно офицерская⁴⁵⁷. Это формирование не смогло наладить связей с деревней. Более связан с крестьянским повстанчеством, и в частности зелеными, так называемый Семеновский офицерский батальон (г. Семенов Нижегородской губернии). Эта организация, возможно, имела отношение и к сдаче Нижегородской дивизии на Южном фронте в ноябре 1918 г. 25 июня 1919 г. Нижегородская особая чрезвычайная комиссия трех по борьбе с дезертирством и бандитизмом обратилась с воззванием к рабочим и крестьянам Семеновского уезда. Три объявления с призывом к исполнению гражданского долга (мобилизации) остались безответны. В связи с этим объявлялось, что все дезертиры и укрыватели будут предаваться суду революционного трибунала. Прощение ожидало только тех, кто укажет сведения о белогвардейских бандах и чистосердечно сознается в соучастии с ними по темноте и неосознанности. Срок давался пятидневный. За это время все волостные и сельские советы обязаны были предоставить сведения о

дезертирах, скрывавшихся в лесах или проживавших в деревнях и имевших связь с белогвардейцами. Укрывателям грозил трибунал, а «население сел и деревень, скрывающие белогвардейцев и их соучастников, будет отправлено в рабочий батальон»⁴⁵⁸. Интересно, что именно в Семеновском (а также Ардатовском) уезде губернии сосредотачивались секты — евангелисты, толстовцы и др.⁴⁵⁹ Религиозные меньшинства неоднократно демонстрировали высокий уровень сплоченности и упорства при сопротивлении властям. Из-за наличия белогвардейского подполья комиссия по борьбе с дезертирством при уездном военкомате не справлялась с работой. Во второй половине 1919 г. в уезде развились дезертирство и бандитизм. Военкомат так объяснял эти явления: близостью уезда к городу с большим гарнизоном; «этнографическими и географическими свойствами местности»; темнотою и отсталостью населения; значительным процентом населения с мещанской идеологией. Проще говоря, местное население было настроено более остро и осмысленно антибольшевистски. Губисполком направил в уезд особую «тройку» с судебными полномочиями и отрядом в 70 красноармейцев. К концу года их усилиями дезертирство и бандитизм были побеждены. Оказалось изъято около 600 уклонившихся от мобилизации, то есть пятая часть подлежащих, и 200–300 бежавших из войсковых частей⁴⁶⁰. Дела шли не очень празднично, хотя наиболее беспокойных дезертиров к зиме, видимо, удалось из уезда «выкачать». В октябре 1919 г. по Нижегородской губернии настроение Семеновского уезда особо выделялось как «враждебное», которое «с уничтожением дезертирства постоянно улучшается». Однако и в ноябре в уезде был ликвидирован «белогвардейский штаб»⁴⁶¹. Семеновский уезд, возможно, демонстрирует действенную и нечастую связку городского подполья белогвардейской ориентации и зеленого крестьянского повстанчества на основе упорного уклонения от службы в РККА.

Всего с 15 июня по 27 августа из частей войск губернии дезертировали 6120 человек, с фронта — 181. Отрядами задержаны 13 393, добровольно явились 13 383 человека.

Кроме того, прибыли из Вятской губернии 932 и из Казанской 1439 дезертира. Всего — 29 147 человек. Дезертирство, благодаря более энергичной борьбе, заметно уменьшалось, отмечала сводка за 23–31 августа. Были случаи нападения дезертиров на родителей красноармейцев (сводка за 16–22 августа). К 29 августа в Васильсурском уезде было спокойно. В то же время в некоторых уездах дезертирство росло (сводка за 1–7 сентября). В Воскресенском уезде появились банды дезертиров, которые «грабят и терроризируют массы»*. Местные силы плохо вооружены, так что борьба не дает результатов (10 сентября)⁴⁶².

В волостных и сельских советах губернии состояли середняки, а то и кулаки (сводка за 16–22 августа).⁴⁶³ Подразумевалось, что такой состав советов препятствовал борьбе с дезертирством.

Нижегородская губерния знала и свою Зеленую армию. События, приведшие к ее созданию, начались годом ранее. Летом 1918 г. в некоторых волостях Арзамасского уезда прошли самочинные собрания местных крестьян, на которых была вынесена резолюция следующего содержания: «Людей по мобилизации в Красную армию Советской власти не давать и никому против чехословаков и белой гвардии не ходить. Настойчиво потребовать от Советской власти, чтобы она вооружила нас всех от 18 до 45 лет на месте, и тогда мы посмотрим, что делать...» В ответ Арзамасский уезд испытал тяжелый карательный удар в августе — сентябре 1918 г. Уезд красными оценивался как «мещанский» и зажиточный, а в нем находились штаб Восточного фронта и фронтовая ЧК⁴⁶⁴. Деревня ответила созданием дружин из уклонявшихся от призыва. Они нападали на продотряды, подразделения Красной армии, громили комбеды и большевистские советы. «На станции Теша они поймали помощника уездно-продовольственного комиссара коммуниста Татенкова и жестоко убили его, —

на теле потом насчитали 28 резаных ран. Дезертиры учиняли налеты на воскресные базары, грабили подчистую все: продовольствие, одежду, лошадей». Неподалеку от деревни Тепелево был схвачен один из председателей волисполкома, его в лесу сожгли заживо.

На юге обширной губернии в лесах концентрировались дезертиры. По мнению В. Андрюхина, значительную роль в организации зеленых губернии сыграли местные эсеры, причем правые, а не в большинстве своем лояльные большевикам левые. После провала открытых восстаний была сделана ставка на партизанскую борьбу силами зеленых. К концу 1918 г. дружины стали объединяться.

3 июля 1919-го близ села Суроватиха прошла уездная конференция под председательством жителя деревни Старо-Тепелево Ивана Гавриловича Киселева, на которой было провозглашено создание «Зеленой армии по борьбе с большевизмом». Появилось воззвание к крестьянам:

«Граждане крестьяне! Организация Зеленой Армии твердо надеется на вас и на вашу поддержку. Она уверена в том, что вы ее поддержите. Граждане! Положение страны в опасности. Мы вас призываем к объединению, ибо в единении есть сила. Крестьяне! В недалеком будущем вам предстоит работа по снятию хлебов, которого вы ожидаете с нетерпением 12 месяцев, у вас теперь только надежда и была на этот насущный кусок хлеба, но увы: на ваших поспевших полях вам в скором времени придется встать лицом к лицу с властью — она пришлет к вам отряды и вы не в состоянии будете защитить его сами, тогда должны искать где-то поддержку, а поддержкой вашей и защитой насущного куса хлеба являемся мы, Зеленая Армия.

И мы на первый ваш зов откликнемся и все как один придем на защиту крестьянских интересов, но в настоящий момент мы обращаемся к вам с горячей просьбой, а именно: Зеленая Армия просит вас помочь нам в продовольственном и финансовом вопросах. Ибо мы существовать без вашей поддержки не можем. Так делайте скорее же сборы хлеба и денег для подкрепления наших сил и нашей молодой организации... Да здравствует крестьянство! Долой угнетателей трудового народа! Пусть крепнет Зеленая Армия! Да здравствует Учредительное собрание!»

Зеленая армия объединяла до двух с половиной тысяч человек, преимущественно дезертиров. Отдельные отряды армии действовали самостоятельно. Можно предполагать активное участие эсеровских активистов, хотя вряд ли их военное или политическое влияние было сколько-нибудь значительным. Армия действовала не только в Арзамасском, но и в Ардатовском, Кулебакском и Выксунском уездах. Делались набеги и на соседнюю Симбирскую губернию. Во главе армии встал упомянутый Иван Киселев — по непроверенным данным, бывший прапорщик.

После конференции у Суроватихи за ликвидацию зеленых вплотную взялась нижегородская Губчека.

Она создала специальный летучий отряд под командованием латыша Генриха Благовещуна. В воспоминаниях он впоследствии писал:

«Большую помощь чекистам в их борьбе с бандами оказали деревенские комитеты бедноты и специально созданные по линии военкоматов отряды по борьбе с дезертирством, в оперативном отношении подчиненные ЧК.

К сожалению, командиром одного из таких отрядов в Нижегородском уезде был назначен бывший офицер Гольдин Аркадий, который, набрав в свой отряд бывших дезертиров, своими действиями дискредитировал Советскую власть. Суть заключалась в том, что он, выезжая из села на операцию по поимке бандитов, вместо умелой опоры на крестьян, занялся их запугиванием и массовым избиением

нагайками. Узнав об этом, мы его арестовали и осудили, оповестив об этом местное население».

Сам Благовещун, как уполномоченный ЧК, переодевался дезертиром и в одиночку, с большим риском для жизни, ходил по деревням, выявляя повстанцев, их связи, вел агитацию среди крестьян. Карательные и агитационные мероприятия, как всегда, принесли результат. Зеленая армия стала разлагаться, рядовые повстанцы покидали ее ряды. В конце концов, у атамана Ивана Киселева осталась небольшая группа приверженцев.

Из воспоминаний Благовещуна: «Одной из опорных баз «Зеленой армии» был женский монастырь близ села Малая Пица во главе с игуменьей, брат которой, офицер, являлся одним из бандитских руководителей. В этом монастыре бандиты нередко находили себе убежище, прятали оружие и через монахинь получали информацию о действиях советских органов по их поимке...

Операцию по разгрому мы начали именно с этого монастыря, где удалось захватить одного из бандитских вожakov (фамилию не помню) и несколько рядовых. Также при производстве обыска было изъято много оружия и массу скрытых от национализации и реквизиции ценностей. Игуменья была также арестована. Вскоре было установлено местонахождение штаба «зеленых» – лес возле Суроватихи».

Летучий отряд ЧК оперативно окружил это место. Из рапорта командира летучего отряда: «Отрядом вместе с войсковым подразделением был ликвидирован штаб «зеленых» в Суроватихинском лесу. В момент проведения операции в 18 палатках, укрытых в лесном массиве, было взято около 30 винтовок, несколько гранат, 8-пудовый запас печеного хлеба, разная штабная переписка, чистые бланки билетов эсеровской партии, разная эсеровская литература, контрреволюционные листовки и воззвания, шапирограф для размножения. Задержанные при штабе часовые «зеленых» показали, что их отряд численностью около ста человек ушел на станцию Суроватиха для нападения на красноармейский отряд. Захваченные часовые (6 человек) и пойманные после еще 8 человек были расстреляны на месте...»

Трижды в Нижегородский уезд выезжал революционный трибунал. Уездный военком считал, что именно его усилиями была раскрыта близ станции Суроватиха организация зеленой армии. Организация после этого распалась, а дезертиры стали «добровольно» являться до двухсот человек в день. Тщательная фильтрация позволила выявить среди них десять организаторов, которые были отправлены в ЧК⁴⁶⁵. Победные лавры разные советские инстанции традиционно делили с трудом.

Вскоре в руки советских властей попал весь актив армии. Один из членов штаба, Федор Телегин, по решению Губчека позднее был расстрелян (именно у него нашли воззвание крестьянам). Рядовые же члены банды попали в тюрьму с последующей амнистией. Судьба Киселева осталась неизвестной. В архиве ревтрибунала за 1922 г. есть запрос из ГПУ об этапировании главаря зеленых Киселева из тюрьмы в распоряжение следствия. На что трибунал ответил, что такого арестованного у них нет: «Нижегородский губревтрибунал сообщает, что сведения о Киселеве Иване Гавриловиче по алфавитным спискам 1918–1922 гг. не значатся». Остается непонятным – был ли Киселев арестован во время ликвидации зеленых и затем скрылся, или произошла какая-то канцелярская ошибка в последующей переписке⁴⁶⁶.

Поражение организованного ядра зеленых свело на нет и активность эсеров в губернии. После этого крупного вооруженного сопротивления в губернии не отмечалось. На 15 ноября во всех местах заключения губернии содержалось 3915 дезертиров⁴⁶⁷. Для ловли оставшихся выделялась рота⁴⁶⁸.

Рязанская губерния

В Рязанской губернии на фоне массового дезертирства и более или менее структурированных зеленых выступлений по всем уездам развивалась так называемая огольцовщина. Движение получило название по имени вожака, поднявшего значительный вооруженный отряд в нескольких волостях Ряжского уезда. Данная эпопея достаточно подробно описана, прежде всего усилиями Г.К. Гольцовой. С июня 1919 г. Огольцов выделился среди многочисленных зеленых банд удачливостью в налетах и дерзостью. Собственно вооруженное восстание в родных местах атамана происходило в мае – июне 1920 г. и завершилось разгромом восставших и гибелью Огольцова. Интересно, что впоследствии, до конца 1920 г., эстафету более или менее массовой огольцовщины принял отряд из буквально двух-трех человек, возглавлявшийся С. Никушиным – трезвомыслящим, не лившим лишней крови крестьянским партизаном. Это движение оставило глубокий след в народной памяти.

Следы огольцовцев обнаруживаются в списках рязанского концлагеря. Подпрапорщик Д.Я. Соловьев содержался «за участие в отрядах Огольцова». Четверо из Ряжской караульной роты – двое за участие, двое как «стремившиеся уйти в отряд Огольцова». Понятно, что с местной красной частью были контакты и, видимо, часть красноармейцев желала променять службу на «зеленое» жительство. Всего за огольцовщину по этому делу – по меньшей мере восемь человек (дело № 83). Советская власть брала и заложников. В рязанском концлагере сидели, например: 40-летняя женщина за сына у Огольцова, 20-летняя – за мужа, 18-летняя крестьянка Меленковского уезда Владимирской губернии – за брата у Огольцова. 21-летний сапожник, причем Рязанского, а не Рижского уезда, – сам у Огольцова (дело № 10)⁴⁶⁹.

Рязанская губерния выделяется тем, что соседствует с бурно выступавшей на разных этапах Гражданской войны Тамбовской. Сама она, при массовом дезертирстве, активных выступлениях осенью 1918 г. и летом 1919-го, не дала масштабного движения, аналогичного Тамбовскому или поволжским восстаниям. Интересно, что в большевистских интерпретациях «колебаний» среднего крестьянина именно рязанский пример советского выбора середняка звучит на самом высоком уровне, в выступлении Ленина. «Когда слушаешь рассказы очевидцев о том, что в такой-то губернии (например, Рязанской) возвращаются добровольно тысячи и тысячи дезертиров, что на митингах обращение к «товарищам дезертирам» имеет иногда не поддающийся описанию успех, тогда начинаешь представлять себе, сколько еще не использованной нами силы заключается в этом товарищеском союзе рабочих и крестьян»⁴⁷⁰.

Рассмотрим динамику дезертирства и зеленого движения летом 1919 г. в этой коренной русской центральной губернии.

7 мая отряд Рязанского батальона войск ВЧК отправился по губернии для поимки дезертиров⁴⁷¹, что можно понимать как свидетельство нарастания дезертирства из местных воинских частей.

Комиссар запасной тяжелой артиллерийской бригады 23 июня сообщал фантастические сведения: «В Егорьевском у. Рязанской губ. в Тимохинском лесу близ р. Оки организовалась «зеленая армия» из местных дезертиров в количестве 6 тыс. человек, которая роет окопы и готовится к открытому выступлению. Дезертиры вооружены винтовками, револьверами и имеют в своем распоряжении четыре шестидюймовых орудия». Егорьевский исполком выслал разведку с пулеметами⁴⁷². Возможно, большой лес, как обычно, давал приют зеленым, но

похоже, никаких последствий такая устрашающая информация не имела, и зеленые пушки не стреляли.

Оперативная сводка № 3 Московского округа по борьбе с дезертирством от 13 июля сообщала, что из уездов Рязанского, Зарайского, Касимовского, Спасского, Раненбургского и Михайловского поступают сведения о пунктах скопления дезертиров. По этим местам работали контрразведка, агитаторы и отряды⁴⁷³.

Уже использованная нами оперативная сводка № 1 оперативного штаба Московского округа по борьбе с дезертирством от 19 июля 1919 г. давала общую сводку событий в самый острый момент повсеместной зеленевщины.

Оперативная тройка губернии начала работу 4 июля в составе губвоенкома Корнева, он же от губернского комитета партии, предгубчека Трушина, председатель губкомдез Чернышева. По уездам работало десять отрядов общей численностью 500 человек. «Более систематически» старались организовать контрразведку. Спешно формировался особый батальон по борьбе с дезертирством, помимо имеющегося 24-го батальона ВОХР.

Пронский уезд был почти совершенно очищен от банд дезертиров, в Зарайском все банды разгромлены, по остальным уездам сведений не поступало. Запрошено, ведется ли борьба объединенными силами губвоенкома, Губчека, губкомдез, то есть имеется ли межведомственная координация. Данный вопрос часто оказывался слабым местом советской системы.

С 28 января по 14 июля на учете было 38 964 дезертира; добровольно явилось 7827, было выловлено 13 864, на положении дезертиров оставалось 17 813 человек. Скоплений дезертиров не наблюдалось.

Приступлено к замене отрядов по борьбе с дезертирством в 20 человек более многочисленными отрядами⁴⁷⁴.

Что интересно, ПУ РККА увидело куда более благостную картину: по его данным за первую половину июля, в Рязанской губернии всего 5580 дезертиров. Причины: полевые работы, необеспеченность семей, эпидемии в частях. Велась усиленная агитация, культпросветработа, принимались меры к обработке полей красноармейцев⁴⁷⁵.

Объединенное заседание комдезов и военкомов Рязанской губернии 27 июля 1919 г. подвело предварительные итоги интенсивной борьбы с дезертирством и зелеными начиная с весны. Произведено было 80 облав, выловлено

1 тысяча дезертиров, предано суду 12 злостных, из них двое приговорены к расстрелу, но приговор не исполнили. У населения сложилось впечатление, что не расстреливают, а пугают. Добровольно явилось 4200 дезертиров,

2 тысячи из них переданы в распоряжение губкомдеза. Население относилось к дезертирам доброжелательно, отрядам же по борьбе с ними чинились разные препятствия. Активная работа началась с 1 июля. Осталось около 2 тысяч дезертиров. Заметим, что 2 тысячи дезертиров – это данные, которые никак не согласуются с ранее приведенными. Следует осторожно относиться к статистике, даже когда речь идет о весьма точных по видимости подсчетах.

Раненбургский уезд. Уездный комдез организован в марте. Вначале был неактивен, так как в нем работали военспецы (офицеры?). Зарегистрированы вооруженные формирования дезертиров. После сессии ревтрибунала началась массовая добровольная явка. Всего дезертиров около 10 тысяч, осталось 3500. Перевозочные средства плохие, собес (то есть обеспечение семей красноармейцев, в первую очередь) работал плохо.

Рязанский уезд. Борьба велась успешно, при недостатке вооруженных сил. Зарегистрировано 4900 пойманных дезертиров, из них 3440 переданы в губкомдез и 1125 признаны негодными. Телеграфная связь дурная, перевозочных средств мало, отношение населения «плохое». Плохо работали рязанские (то есть неместные) отряды. «Для большей активности нужны репрессии и большие вооруженные силы. У населения замечен перелом по отношению к дезертирам».

Скопинский уезд. Комдез работает с 1 февраля, активен с 30 мая. Использовался следующий метод: оцепление села и вылавливание по списку. В большинстве сел списков дезертиров (или вообще жителей? – *Авт.*) нет. Конфискация пошла лучше. Всего 8 тысяч дезертиров, 3 тысячи явилось добровольно, 1 тысяча выловлена. Население дезертиров скрывает. Связь налажена плохо. Требовалась сессия ревтрибунала.

Сапожковский уезд. Дезертирство развивалось из-за плохого питания в Красной армии. Комдез работал с февраля, активная работа началась с прибытием Рязанского отряда. Средства – агитация, облавы и реввоен трибунал. Скопление дезертиров наблюдалось в Путятинской волости. В Дарковской и Можаровской волостях были бои. Население относится плохо, имеются вооруженные банды. Власти предполагали наличие в лесах штабов, зарегистрированы совместные работы с зеленой армией и белогвардейцами. Отряды комдез нуждались в обмундировании и усилении.

Михайловский уезд. Активная работа началась после сессии реввоен трибунала. Выловлено 1700 дезертиров, осталось 2500. Пойманные дезертиры поступали в запасные части, где их плохо содержат, поэтому возникает «циркулирование» дезертиров из города обратно в села. После сессии трибунала дезертиры сами пошли являться. Предлагалось права ревтрибунала передать комиссии по борьбе с дезертирством, отбирать имущество от семей дезертиров и передавать семьям красноармейцев.

Пронский уезд. Отношение населения плохое. Дело поправляется митингами и сессией революционного военного трибунала. После этого за июнь явилось 3150 дезертиров, за июль еще 400. Оставались невыловленными 1 тысяча человек.

Егорьевский уезд. Уездная комиссия по борьбе с дезертирством существовала с 1 февраля, но работала плохо из-за наличия военспецов. Помог работе реввоен трибунал. Выловлено 3500 дезертиров, осталось около 1 тысячи.

Зарайский уезд. Деятельность укомдеза до июня результатов не давала. Затем работа была переорганизована и пошла лучше. Добровольно явилось около 1 тысячи дезертиров. Применялись агитация и облавы. Задержка семей дезертиров не давала должных результатов. Необходим сильный отряд, которого сейчас не имеется, и реввоен трибунал. Произошло активное выступление зеленых в селе Дединово. Известно, что на станции Дединово Зарайского уезда было выступление дезертиров, окончательно ликвидированное к 25 июня. Пойманные дезертиры предавались суду, разыскивались разбежавшиеся⁴⁷⁶. В селе стоит памятник погибшим во время восстания коммунистам. Данное село – то самое легендарное Дединово на Оке, известное ранним русским кораблестроением.

Касимовский уезд. Причины дезертирства – плохое питание, необеспеченность семей, агитация «преступного элемента». 729 дезертиров явилось добровольно, 400 осталось. Нужен отряд в Тумский район. «Ведется расслоение между семьями дезертиров и красноармейцев». Применяются «облавы, конфискации и террор»*

Спасский уезд. Плохо обстояли дела с конспиративностью посылки отрядов для ловли дезертиров, иными словами, доброжелатели дезертиров имели возможность

предупреждать их. Требовался революционный военный трибунал. 5 тысяч дезертиров изъято, осталось 4 тысячи. Добровольно явилось 1200 человек. Отношение населения к борьбе с дезертирством плохое. Желательно прекращение отпусков в армии, а также сильные отряды в 150–200 человек и выездная сессия трибунала.

Всего по губернии оставалось 14 120 дезертиров: было 38 959, явилось и поймано 24 839, комиссовано 3729⁴⁷⁷. Очень высокий процент комиссованных заставляет подозревать «сочувственную коррупцию» врачебных комиссий, что мы уже наблюдали на другом примере.

Оперативная сводка № 2 Оперативного штаба Московского округа по борьбе с дезертирством от 29 июля 1919 г. дает следующую «фотографию» положения дел в губернии.

В одиннадцати уездах созданы четверки, формируется специальный батальон по борьбе с дезертирством, для чего в Рязань стягиваются отряды из уездов. То есть батальон формировался из местных же отрядов, боровшихся с дезертирством. Наиболее сильное накопление дезертиров наблюдалось в Раненбургском, Касимовском, Зарайском, Михайловском уездах. Опертрояка отправляла в них отряды⁴⁷⁸. По армейской линии картина та же: в первой половине июля Раненбургский уезд наводнен дезертирами⁴⁷⁹.

К хлебной монополии крестьянство относилось «несочувственно» и отказывалось сдавать «излишки» хлеба. Добровольная ссыпка шла очень слабо (сводка за 1–8 августа). В Данковском уезде «население настроено за Советскую власть, только нет уверенности в победе. На защиту Советской власти готовы пойти, но опасаются, что их семьи будут не обеспечены» (30 июля). В Зарайском и Егорьевском уездах происходило восстание дезертиров, с расстрелами и зверским избиением местных коммунистов. Причины: агитация левых эсеров, местного кулачества, духовенства и офицерства, нерешительность и несвоевременное осведомление местных властей. Руководили бывшие офицеры и сыновья кулаков. «Местное население контрреволюционно; содействовало в шпионаже, доставке продовольствия зеленым и т. д.».

Сильный наплыв дезертиров в Раненбургский, Касимовский, Михайловский и Зарайский уезды потребовал отправки отрядов (29 июля)⁴⁸⁰. Через неделю сводка сообщала об идущем на убыль дезертирстве. Дезертиров, однако, оставалось около 15 тысяч человек. Население снабжалось слабо, «несочувственно» относилось к советской продовольственной политике и торговало на вольном рынке (5 августа)⁴⁸¹.

Согласно сводке ВОХР от 6 августа:

Раненбургский уезд: дезертиров значится до 7 тысяч, организации и вооружения не наблюдалось. Уезд зажиточный, добровольная явка отсутствовала. Выловлено до 5 тысяч дезертиров. Скопления дезертиров замечены в Кубовской, Путятинской и других волостях.

Рязский уезд: значилось 5183 дезертира, выловлено до 5050 до 31 июля 1919 г., остальные скрывались по лесам. «Уезд покровительствует дезертирам». Числа способны вызвать недоумение. Получается, что дезертиров осталось едва сотня-полторы, при этом население им покровительствует. Скорее всего, дезертиров было много больше.

Сапожковский уезд: банды дезертиров нападали на советских работников. Отношение жителей к дезертирам «пассивное, а к войне наоборот». Очевидно, это надо интерпретировать как сочувственное отношение к дезертирам и неприязненное – к Гражданской войне⁴⁸².

Мобилизация во второй половине лета проходила удовлетворительно, при спокойном настроении мобилизованных (1 сентября). Концентрации дезертиров не наблюдалось. В связи с прорывом конницы Деникина ВОХР усиленно работала, с 19 по 25 августа выловлено 9169 дезертиров (5 сентября). Настроение мобилизованных неважное, ввиду плохого обеспечения семейств. Однако добровольная явка усиливалась. «Причины дезертирства: 1) плохое питание красноармейцев; 2) слабая постановка дела в уездных и волостных исполкомах в смысле обсеменения полей семейств красноармейцев; 3) темнота масс. Как меры борьбы применяются реальная сила, широкая агитация и конфискация имущества у родителей зажиточных дезертиров» (сводка за 1–8 сентября).

Большинство дезертиров являлось добровольно. «Отношение населения к дезертирству пассивное, частью сочувственное». Считалось, что дезертирствуют в основном призывники из зажиточных крестьян и крупных кулаков, что опровергается массовым характером дезертирства. Меры борьбы: агитация, реальные силы, конфискация имущества и штрафы (сводка за 16–22 августа).

В Салтыковской волости Раненбургского уезда добровольно явились 167 дезертиров, ни одного дезертира в волости не осталось (4 сентября).

В Кораблинской волости Рижского уезда председатель совета скрывал дезертиров⁴⁸³. Кораблинская – базовая волость огольцовского отряда.

В лесах Можаровской волости Сапожковского уезда открыт штаб зеленой армии с поручиком Балашовым во главе. Банда арестована и содержалась в губернской тюрьме (9 сентября). Пять человек «за участие в контрреволюционном заговоре зеленых в Сапожковском уезде в сентябре 1919 г.» оказались в концентрационном лагере. Все получили по году заключения в нем. При этом один – с заменой на немедленную отправку на фронт, а другой – с припиской «как неблагонадежный» (дело № 5)⁴⁸⁴.

Всего по Рязанской губернии за июнь – июль 1919 г. добровольно явилось 20 379, задержано 14 709 дезертиров (итого 35 088, 44 приговорены к расстрелу). За август – 5437 добровольно явившихся и 9639 задержанных (48 расстрельных приговоров)⁴⁸⁵.

Осень и зима сами по себе меняли стратегию жизни и злостных, и незлостных дезертиров. По губернии в ноябре дезертирствовало 6121 человек; с 8 по 15 ноября 1355 человек пойманы. Дезертиры продолжали являться добровольно. Причины дезертирства: утомление войной, отсутствие обмундирования, неудовлетворительное обеспечение семей красноармейцев (сводка за 23–30 ноября)⁴⁸⁶. Случались и восстания. Восстание в селе Покровском Раненбургского уезда ликвидировано отрядом Рязского военкома с арестом 40 человек. В результате хлебные излишки сдавались без задержки (6 ноября)⁴⁸⁷.

Общая картина мобилизаций дает весьма внушительную нагрузку на губернию. Первая мобилизация рожденных в 1898 г. в РККА была объявлена 10 сентября 1918 г. До декабря 1918 г. прошло 12 различных мобилизаций; были призваны пять возрастов, а также унтер-офицеры, офицеры и военные чиновники старой армии, всего 53 тысячи человек. В 1919 г. в губернии прошло 49 мобилизаций военнообязанных, давших 55 тысяч человек. В 1920 г. мобилизовано еще 54 тысячи. В Красную армию были призваны мужчины двадцати двух возрастов – 1879–1901 гг. рождения, не считая партийных и прочих специальных мобилизаций. Почти еженедельно запасные части посылали маршевые роты на фронт.

Обозначившаяся картина добровольной явки оказалась смазанной уже к концу 1919 г. Особенно широкий размах дезертирство приобрело на протяжении 1920 г. С мая по октябрь 1920 г. на территории губернии была выловлена 41 тысяча

дезертиров. Из них 20 тысяч «злостных», то есть уклонявшихся от военной службы повторно. Последних ждали штрафные части, концентрационные лагеря или расстрел, часто применявшийся «условно», конфискации скота и хлеба и лишение земельных наделов. За июль 1920 г. были проведены 162 облавы, обследована 31 воинская часть. В итоге было зарегистрировано 7100 дезертиров, из них «злостных» – 4 тысячи. Ревтрибунал вынес следующие приговоры: условный расстрел – 1, заключение в концентрационный лагерь – 53, направление в штрафные части – 608, условно осуждено – 2649 человек. За укрывательство и попустительство привлечено к ответственности 15 должностных лиц. У дезертиров и их укрывателей за это время было проведено 518 конфискаций, изъято 198 голов крупного рогатого скота, 150 лошадей, 6 свиней, 40 овец, 4 домашние птицы, 4 пуда хлеба. 6 семей дезертиров и укрывателей лишили земельных наделов. Четыре конфискованные по губернии «домашние птицы» в компании с шестью свиньями ярко демонстрируют произвольность накладываемых кар. Так было повсюду. Очень выразительны меры конфискации по Боровскому уезду Калужской губернии, вполне типичные для промышленных губерний. Объектами конфискации служили, например, «борона железная», «драповое пальто», «5 пудов картофеля», «одна овца» и т. и.⁴⁸⁸ Карательная политика дополнялась агитационной. В июне 1919 г., мае и декабре 1920 г. по всей стране объявлялись недели добровольной явки дезертиров. В ходе последней из них в Рязанской губернии явилось 3500 человек⁴⁸⁹.

Власть понимала, что масштаб дезертирства и масштаб реальных или потенциальных зеленых выступлений напрямую зависят друг от друга. Собственно, мало-мальски организованное дезертирство и зеленое движение фактически были синонимами в центральных губерниях страны.

Так разворачивалась «зеленая» эпопея 1919 г. в центральных регионах империи. Необходимо учитывать, что мы вынуждены видеть события почти исключительно глазами советских инстанций, и практически стопроцентно – глазами города, глазами тех, кто приходил в деревню с требованиями, но не жил в ней. Только мемуаристы отчасти дают деревенский угол зрения. Важно понимать, что имеющаяся информация – это то, что удалось увидеть, заметить, зацепить, часто с большими неточностями и преувеличениями, внешнему, пристрастному и редко компетентному взгляду. Тайная «параллельная» жизнь зеленых, дезертирских сообществ, роль в этой жизни местных органов власти и многие другие сюжеты пока могут быть раскрыты лишь эпизодически, на примере отдельных местностей. Такие сюжеты мы старались представить на страницах этой книги.

Раздел 3

Зеленые на карте гражданской войны

Все стороны вооруженного противостояния использовали нераздельную инфраструктуру – железные дороги, речной транспорт, системы связи – телеграф, телефон, почту, разные типы валют, среди которых безусловно царствовал «николаевский» рубль, банковскую систему. Грандиозно развитая за годы Великой войны военная инфраструктура питала, так или иначе, противостоящие вооруженные силы. Все стороны Гражданской войны, все слои населения оказывались таким образом связаны самыми разными и многочисленными зависимостями.

Зеленое движение, в свою очередь, имело пересечения не только с красным и белым движениями. Оно оказывалось вписано во многие горизонты пореволюционного существования человека.

Революция вызвала новый поворот к вере в широких кругах, к борьбе с культивировавшимся советской властью безбожничеством. В то же время богоборчество большевиков в годы Гражданской войны являлось скорее частью общего хаоса, чем продуманной репрессивной политикой. В самой церкви наблюдался сильнейший кризис. Современная историография переоценивает тогдашние возможности как государства, так и церкви⁴⁹⁰. Так или иначе, мощным мобилизующим фактором выступили идеи всенародного очищения через покаяние, активно осмысливались многочисленные знамения и видения⁴⁹¹.

Всплеск веры был очевиден наблюдателям, идеи всенародного покаяния появлялись неоднократно. Интересным событием стал массовый крестный ход в Петрограде накануне большевистского переворота⁴⁹².

Уже в 1917 г. некоторые дезертиры превращались в странствующих проповедников, смущая народ «христианскими» призывами отозвать солдат с фронта и разделить продовольственные запасы. При этом солдаты часто требовали от священников введения в привычные тексты молитв революционных формулировок, своего рода заклинаний. В 1919 г. растущее недовольство большевиками улучшило отношение к церкви. Повсеместно стали возникать братства и союзы верующих. Только в Москве и Петрограде в них вступило до 70 тысяч человек. Они организовывали крестные ходы, невооруженную защиту храмов, сети взаимопомощи верующих. Большевиков страшили именно те церковные деятели, которые были способны организовать масштабные крестные ходы⁴⁹³.

В Тверской губернии имелось пятнадцать мужских и пятнадцать женских монастырей. Настоятели жаловались на распущенность насельников в виде ношения светского платья, участия в спекуляции, заключении браков в нарушение обета и т. п. Ярко выраженных гонений здесь не было. Только в 1920 г. местные власти приняли решение о закрытии всех монастырей. Например, в Калужской губернии это было сделано уже в 1918 г. Но кампания вскрытия мощей с февраля 1919 г. вызвала напряжение. Вскрывали раки с мощами Макария Калязинского, Нила Столобенского, епископа Арсения, великого князя Михаила Тверского. В защиту мощей поднялась волна петиций, стали распространяться слухи о том, что церкви отдадут на откуп «жидам», которые станут их сдавать в аренду верующим. Столкновений не зафиксировано, но обстановка была накалена: при вскрытии мощей князя Михаила священнику достаточно было бросить в толпу два-три слова, чтобы она устроила разгром комиссии⁴⁹⁴.

В православной среде широко известен апокриф про матроса Силаева и его сон о судьбах России. Вкратце суть дела такова. Матрос Силаев с крейсера «Алмаз» был ярым большевиком и чекистом в Кронштадте. После чудесного явления ему святого праведного Иоанна Кронштадтского он отстал от коммунистов и пошел в народ бороться против них за Бога и родину. «В конце июня (1919 г. — *Авт.*) в Орловском округе, изобиловавшем большими лесами, вдруг появился целый летучий корпус антибольшевистских сил под предводительством некоего матроса Силаева с крейсера «Алмаз». Этот вчерашний «краса и гордость **революции**», достигший уже чекистских вершин, вдруг переродился и стал ярым активным антикоммунистом, одно имя которого наводило страх на советские учреждения. В летучих отрядах Силаева насчитывалось до двух десятков тысяч бойцов. В свое антибольшевистское дело он вложил весь свой революционный опыт, всю революционную выучку, и отряды его были неуловимы. Какие грозные отдавались советской властью приказы о поимке этого «врага народа»! А когда все угрозы оказались бессильными, началась расклейка воззваний, которых особенно много было вдоль Рижско-Орловской железной дороги, с обещанием: «Если кто доставит хоть голову Силаева, тому советское правительство уплатит миллион рублей керенками или сто тысяч

золотом». А мужики и рабочие читали и ухмылялись. «На, мол, вот, получай в обе руки Силаева! Это наш подлинный народный герой». Якобы Силаев в своих прокламациях объяснял народу истинный смысл революции с христианской точки зрения и объяснился сам, как стал из чекиста убежденным антибольшевиком⁴⁹⁵. Оставляя в стороне сведения о двадцати тысячах неуловимых бойцов, отметим, что чекистские сводки и народная память фиксируют «бандита Силаева» как раз в орловских краях, в Кромском уезде.

Силаев упоминается на официальном сайте Сосковского района Орловской области как «анархист и бандит», поднявший мятеж в марте 1918 г. Скорее всего, мы имеем дело с хронологической ошибкой. В марте следующего, 1919 г. в этих волостях Кромского уезда было восстание против продотряда. На подавление явился отряд неких матросов в три десятка человек⁴⁹⁶. Может быть, именно здесь и состоялось обращение Силаева из чекиста в повстанца. В то же время можно предполагать, что Силаевым, по созвучию, стал С.М. Семенёв из Губчека⁴⁹⁷, прибывший на подавление. В то же время, согласно краеведческой информации, уже летом 1918 г. под Кромами действовал отряд «бывшего питерского матроса-чекиста Силаева»⁴⁹⁸. Пока внятно выстроить историю Силаева не представляется возможным. В местной мифологии он описывается на манер старинного разбойника, который имел неприступное укрытие, гору Кураб, с которой весь район виден как на ладони. При этом память удержала и вполне конкретные имена местных сообщников Силаева. «Не случайно в Ивановских местах во времена революции появились знаменитые разбойники. Местные жители называли их дезертирами, не хотевшими воевать. А может, это были люди, не выбравшие для себя сторону «красных» или «белых»... Однажды некто отъявленный разбойник Силаев заглянул на огонек к дамочке остограмниться. А лошадь свою привязал около двора. Шел милиционер и отвязал эту лошадь и поехал на конфискованной кобыле в Кромы. Проехал уже дер. Родину... А Силаев вышел: глядь, нету лошадки. Смотрит: вон она где, милая! С Кураба-то все видать. Рванулся вдогонку, вскинул «винт» и шарахнул. Милиционера враз убил. Взял коня своего, подъехал к дому родителей убитого и сказал отцу: «Заберите сына. Я его убил за воровство»... Много пошумели разбойники в тех местах. Под началом у Силая ходили и двое Хвалькиных: Иван да Серега с «Первого мая», и Чуев с Лужков, и Митя Гудилкин. Закрутило их время, и каждого определило в этой жизни. У братьев Хвалькиных случился неподежеж. Один убил другого под Орлом. Митяй Гудилкин сдался добровольно. Некоторое время работал в Кромской типографии. С остальными разобралась власть»⁴⁹⁹. В официальной истории орловской милиции говорится о ликвидации, совместно с ЧК, «банды наемников террориста Силаева, которая действовала в Кромском и Малоархангельском уездах» и терроризировала население. Якобы к марту 1919-го банда в основном была уничтожена⁵⁰⁰. Однако это вряд ли было так. В Кромском уезде самой большой была короськовская волостная ячейка партии. К концу 1918 г. вместе с сочувствующими она насчитывала 33 человека. Короськовский коммунист И.К. Тарасов работал сначала в волостной ячейке, затем в уездной и губернской ЧК. 12 сентября 1919 г. он погиб от рук «политического бандита» Силаева⁵⁰¹. На фоне относительного спокойствия в губернии (сводка за 21–30 сентября) «лишь в Кромском уезде появился бандит Силаев...»⁵⁰². «Известным бандитом Силаевым обезоружен отряд по ловле дезертиров, отобраны 10 винтовок», — сообщает чекистская сводка за 1–7 октября 1919 г.⁵⁰³ При этом он именно «бандит» и даже «террорист», а не зеленый, в терминологии красной стороны. Такое движение ставит вопрос о масштабах и природе религиозного сопротивления большевизму, религиозной составляющей в Белом, повстанческом движениях, протестном поведении значительных групп населения. Данная тема стала появляться в научной литературе⁵⁰⁴. Интересно, что и в первые месяцы 1930 г., на пике насильственной

массовой коллективизации, церковь стала не только нравственной, но и организующей опорой крестьянского сопротивления. Автор, работающий на симбирском материале, настойчиво подчеркивает данный момент: гонимая властью церковь оказалась «естественным духовно-нравственным и даже организационным центром сопротивления крестьянского мира политике его «социалистической реконструкции». Церковь «явилась важным духовно-нравственным и духовным компонентом в «событиях» января – марта 1930 г. – противодействию проводимой коммунистической властью политике раскрестьянивания деревни. Усиление традиционных нравственных ценностей, освящаемых церковью, в ходе сопротивления аморальной политике коллективизации способствовало и тому, что власть оказывалась нелегитимной: ее действия не одобрялись большинством населения – крестьянами, так как для их значительной части ни действия власти, ни их моральная основа не соответствовали традиционным народным нравственным ценностям, представлениям о добре, справедливости, совести. В том числе и поэтому власти понадобились массовые репрессии в последующие, и не только 1930-е, годы»⁵⁰⁵. Излишне говорить, что в 1919 г. роль церкви в деревне не была меньшей.

Н.Н. Покровский и С.Г. Петров справедливо указали на то, что бытующее в литературе число 1414 кровавых инцидентов при изъятии церковных ценностей – это данные из «живоцерковной» среды, которые до сих пор не проверены и не конкретизированы⁵⁰⁶. Истинная картина с массовыми выступлениями на религиозной почве пока не нарисована. В марте 1918 г. в Городке Витебской губернии произошло массовое возмущение, по определению советских властей, «церковное восстание» против учета церковных ценностей и имущества. Его поддержали шесть волостей уезда, в них также на видных ролях оказались «церковники». Восстание было подавлено, но оставило крепкую традицию церковно-политического сопротивления. Не подвергшиеся репрессиям участники образовали уже в 1920-х гг. «своего рода братство», церковная жизнь стала постепенно уходить в подполье. Так, до 1938 г. на территории уезда нелегально проживал и окормлял паству настоятель Невельского монастыря архимандрит Иоанн (Моисеев). Интересно, что дело о Городокском восстании расследовало в 1933 г. ОГПУ. Результатом восстания стало «сплочение религиозно настроенных людей в крепкие приходские общины, ставившие себе задачей организацию и устройство церковной жизни при любом правительстве»⁵⁰⁷. В 1919 г. и позднее Городокский уезд весьма активен в зеленом и бандитском движении. Уместно поставить вопрос о соотношении мотивов протестного движения, роли в нем религиозной мотивации.

Уральская глубинка с 1918 г. наполнилась слухами о спасении членов царствующего дома. Отсюда слухи и вызываемые ими новые изводы самозванчества распространялись и на восток, на Алтай, и на запад, в центральные районы. Церковно-монархическая организация была вскрыта в 1931 г. в районе Ржева и Сычевки. По делу ржевской организации прошло в 1931 г. 74 человека, в том числе 40 представителей клира и монашествующих. Что интересно, эта организация якобы возникла вскоре после Октября, отличалась прочной внутренней структурой (управлял делами приходский совет ржевского собора, имелся военный руководитель и т. п.), радикальным неприятием советской власти, верой в спасение членов дома Романовых. Представляется интересным исследовать связь этой организации, просуществовавшей много лет со времени революции, с активными зелеными в тверских и смоленских местах в 1919 г. и позднее, которые эта организация охватывала. Наверняка связи были, и, возможно, весьма крепкие и структурированные⁵⁰⁸. Можно предположить, например, какие-либо пересечения с годами неуловимым бароном Кышем.

Свои контакты у зеленых неизбежно возникали с многочисленными мешочниками. Огромная социальная роль мешочников была очевидна наблюдателям, о месте мешочничества в снабжении страны четко написал такой авторитет, как Н.Д. Кондратьев: «...с конца 1917 г. мешочничество получает чрезвычайно глубокие социально-экономические корни: оно является формой напряженной и долгой борьбы народных масс за самое дорогое, что они имеют еще у себя, — за свою жизнь. Имея столь глубокое основание, мешочничество играет очень значительную роль в снабжении населения хлебом, более значительную, чем органы государства. Причем мешочничество, зародившись с конца весны 1917 г., быстро усиливалось. Работа же государственной продовольственной организации под влиянием общих социально-экономических и политических условий, а частью под влиянием самого развивающегося мешочничества, деградировала. Лишь в 1919 г. наметился новый перелом в сторону усиления организационной мощи государственного продовольственного аппарата»⁵⁰⁹. Теневой рынок с 1919 г. резко профессионализируется, наращивает обороты, рынки становятся подобием ярмарок прежних периодов русской истории⁵¹⁰. Мешочники с 1917 г. и на протяжении всего периода военного коммунизма являлись важным фактором конфронтации власти и крестьянства. Организованные и вооруженные, они нередко давали отпор заградительным отрядам, численность которых на важных станциях подчас оказывалась сопоставимой с фронтовыми частями Красной армии. Мешочников часто поддерживали окрестные крестьяне, так что они выступали как авангард крестьянского сопротивления большевистской политике⁵¹¹. Ф.А. Степун передает рассказ о мешочнической поездке своего знакомого после декрета о разрешении провоза двух пудов хлеба из хлебобродных губерний. Он на обратном пути «попал в жестокую свалку, почти что в сражение, между народом, везшим домой закупленный хлеб (кое у кого оказались в мешках спрятанные винтовки), и заградительным красноармейским отрядом, отбиравшим не только излишки, но в штрафном порядке и разрешенные два пуда на семью». За хлебом ездили, кроме городских профессионалов, в основном старики и девки, так что бой был неравным. Однако «мешочники» дрались храбро. Помогал им тайный союзник: сочувствие красноармейцев, в глубине души понимавших, что они делают неправо дело, так как не может быть такого закона, чтобы народ помирал с голоду». Знакомый Степуна смог привезти свои два пуда, но вернулся таким измученным, что семья решила поездки прекратить⁵¹². Действительно, красноармейцы, не сочувствуя политике разверстки, могли помогать мешочникам, раздавать обратно реквизированный хлеб⁵¹³.

Наркомпути Марков телеграфировал 26 мая 1919 г.: на станции Пиза в течение нескольких суток скопилось до 15 тысяч мешочников. «Собравшись на митинге, мешочники единогласно постановили пробить у наркомпути немедленной высылки паровоза на станцию Пиза для дальнейшего следования». Штаб войск ВЧК сделал срочное распоряжение комбату Симбирского батальона о немедленной высылке отряда на станцию Пиза⁵¹⁴. Через недалекий саратовский Кузнецк мешочниками провозилось ежедневно от 500 до 3 тысяч пудов муки и зерна. В некоторых поездках удалось произвести осмотр-реквизицию, в других осмотр не произведен из-за вооруженности мешочников, причем «осмотр» повлек несколько жертв (24 мая)⁵¹⁵. Как раз в эти дни по соседству, в Балашовском, отчасти Сердобском уездах Саратовской губернии полыхало открытое массовое зеленое восстание.

Коллапс транспортной инфраструктуры служил лучшей защитой для имеющего хлеб населения. Осваговская сводка за март 1919 г. прямо указывала, что «исключительно благодаря расстроеному транспорту Екатеринославская губерния еще не разделила общей голодной участи Совдепии»⁵¹⁶. Мешочничество также в 1919 г. оказывается под властью организованных профессионалов, вытесняя на

обочину добытчиков для себя. Организованные мешочники обзавелись даже своей униформой – форменными серыми пальто; они активно скупали у красноармейцев обмундирование. Для наблюдателей, да и заградотрядов, часто могли сойти за военных, что помогало им в их деятельности⁵¹⁷. Естественно, в тех местах, где господствовали зеленые, заготовительная деятельность большевиков прекращалась или затормаживалась и открывались возможности для неформальной хозяйственной активности населения. Так, в Череповецкую губернию, образованную из части Новгородской, ехали петроградцы в поисках молока и масла. Псков стал центром мешочнической торговли для всего Северо-Запада⁵¹⁸. Центральная площадь Вологды, переименованная в «Площадь борьбы со спекуляцией», была местом самой широкой торговли, и никакой «борьбы» с нею заметно не было⁵¹⁹. Как известно, в этих местах были весьма сильны зеленые, контролировавшие значительные сельские пространства. Надо полагать, что профессиональные корпорации мешочников вполне находили общий язык с ядром зеленых и дезертирских корпораций.

Калужская «Коммуна» жаловалась: «Спекуляция, словно болезнь, охватила подгородные деревни... Никакие заградительные отряды, стеснения и лишения не останавливают любителей легкой наживы, потерявших ум в погоне за «керенками». «Дорогие гости» с мешками и котомками готовы прыгнуть на крышу вагона, опуститься в трубу пылящего паровоза или привязать себя к буферам... Зараза глубоко въелась в душу подгороднего крестьянина. Кто скажет, как ее вылечить?» 12 января 1919 г. были утверждены правила для заградительных отрядов и их начальников. Запрещалось провозить зерно, муку и крупу; эти товары при обнаружении отбирались. Разрешается провозить каждому: хлеба печеного – 10 фунтов, мясных продуктов – 5 фунтов, масла – 2 фунта, сала – 2 фунта, кондитерских изделий или сахару – 2 фунта, а всего вместе не более 20 фунтов... На осмотр поезда отводилось не более 15–20 минут и только в исключительных случаях – до 1 часу⁵²⁰. А.Ю. Давыдов пишет о социальной мимикрии, в частности обширном рынке поддельных документов. Враги по своим социальным ролям научались находить негласные способы сосуществования. Так, начиная с 1919 г. и до конца военного коммунизма редки сообщения о перестрелках между мешочниками и «заградителями»¹²¹.

Темы мешочничества и дезертирства, зеленовщины могли пересекаться прямо-таки буквально. Так, в Вятском и Котельническом уездах в конце мая 1919 г. наблюдалось массовое паломничество за хлебом в прифронтовую полосу, что страшно затрудняло продвижение отрядов, находившихся в командировке по очистке лесов Вятской, Костромской и Северодвинской губерний от дезертиров⁵²².

Советская политика в продовольственном вопросе была неизбежно противоречивой, ибо требовалось согласовать доктринальные положения с потребностями жизни. Показательно, что наиболее жестокий нажим на торговлю приходится как раз на вторую половину 1919 г.⁵²³, время самых упорных боев на «бело-красном» фронте и массового зеленого движения. Следующая атака придется уже на период окончания большой войны – конец 1920 г., и завершится введением нэпа.

Дезертиры, так сказать, профессиональные, они же наиболее упрямые зеленые, неизбежно оказывались в некоей серой зоне между основным массивом крестьянства, властью и миром преступным. Участник Тамбовского восстания оставил интересную зарисовку развития взаимоотношений деревенского сообщества с дезертирами. Они стали появляться в чашах и оврагах с осени 1917 г., с крестьянами устанавливали меновую торговлю. В 1918 г. дезертирские группы стали стремительно расти, к местным скрывающимся дезертирам добавился пришлый элемент – бежавшие из Красной армии. Дезертиры стали смелее, облагали деревни

данью, но не боялись и столкновений с продотрядами. Деревня страдала от бесцеремонных поборов, но нуждалась в дезертирах как остратке для большевиков. Согласно этому автору, в районе Знаменки Тамбовского уезда именно с обращения ограбленных продотрядом крестьян к местным дезертирам и началась широкая повстанческая борьба уже в рамках антоновщины⁵²⁴. Один из идейных борцов против советской власти на Рязанщине Сергей Никушин вынужденно общался с «безыдейными» дезертирскими отрядами, оказывая и получая поддержку, делясь добычей и т. п., и, очевидно, тяготился таким союзничеством. Отделяли себя от «уркаганов» и зеленые повстанцы Псковщины, в то время как советская сторона усиленно лепила образ дезертира-зеленого как уголовного и беспробудного пьяницы⁵²⁵. Летом 1920 г. в борисоглебских краях «поездки производились исключительно днем, так как ночью ездить было опасно вследствие случавшихся на дорогах ограблений с убийствами, что советская власть приписывала зеленым, а зеленые и крестьяне (а многие ли в то время из крестьян Борисоглебского уезда не были зелеными, хотя бы в душе только?) – большевикам. В действительности же этим делом занимались обыкновенные разбойники, пользовавшиеся неорганизованностью милиции, ее трусостью и ленью»⁵²⁶. В коллекции самооценок участников войны Гражданской есть «бандиты». Один из них, участник грабительской шайки, так вспоминал о взаимоотношениях с зелеными: «Мы глубоко в лес ушли, оттуда и налетали. Только очень нам зеленые мешали. Добудешь всего, запразднуешь, а они навалятся, все у нас заграбастают – и нет их! Мы им уже на сосне прокламацию клеили, чтобы шли они в бандиты и работали совместно. Ответили они письменно: «Нет, мы зеленые, а бандитов брезгаем»⁵²⁷. Перед нами интересный пример лесной щепетильности. Похоже, зеленые нашли способ поддерживать свое существование, грабя грабителей...

Дезертиры, окончательно пошедшие по уголовной линии, понимались в таковом качестве и властями, и крестьянами. Так, в советской сводке за начало декабря 1919 г. сообщалось: «В Кирсановском уезде расстрелян дезертир-разбойник А. Тырин»⁵²⁸. В революционные годы вполне процветал и традиционный разбой, в том числе в местах, славившихся подобным промыслом. Например, известные гуслицкие разбойники, наследники атамана Чуркина в Подмоскovie, из тех, что даже в церковь брали уздечку, – а вдруг чужая лошадь встретится (из местного фольклора).

Никакого политического акцента их привычная деятельность не приобретала.

Характерную оценку ситуации дал командующий войсками Тамбовской губернии Ю.Ю. Аплук в сентябре 1920 г., в начале развития мощного повстанческого движения: «О развитии бандитизма, который в губернии начался еще с 1905 года и почти не прекращался, но только присутствие войск заставляет его временно замирать, могу сказать с уверенностью, что, как только будут уведены войска из уездов, бандитизм вновь разрастется и будет представлять постоянную угрозу»⁵²⁹. В скрытом виде командующий давал понять, что эти края исстари бандитские, «здесь всегда так было».

Конечно, в массовом движении в той или иной степени присутствовала деструктивная составляющая. Насколько она была сильна, насколько окрашивала собой дезертирские и зеленые движения – отдельный вопрос в каждом конкретном случае. Революционная эпоха создавала парадоксальные конфигурации. Знаменитый налетчик Ленка Пантелеев успел побыть псковским чекистом; милиционер, а затем удачливый налетчик Александр Козачинский стал журналистом и писателем. Многие советские функционеры, в том числе в ВЧК – ОГПУ – НКВД, имели за плечами проявления «красного» или общеуголовного бандитизма, это характерно, например, для выходцев из сибирских партизан.

Естественно, и зеленая повстанщина могла приобретать, особенно при неудаче, растерянности, под прессингом властей, более или менее густой уголовный отлив.

Можно назвать и иных персонажей, которые жили, волею судеб, рядом с крестьянами и переживали с ними одни и те же события. Например, это какая-то часть помещиков, оставшаяся в своих имениях на положении частных лиц или «трудящихся» (как правило, крестьяне в 1917–1918 гг. готовы были предоставить семье помещика надел для обработки личным трудом). На материалах Пензенской губернии выявлено, что «погромные» настроения во взаимоотношениях крестьян и помещиков в 1917–1918 гг. не преобладали, что ненависть, направленная на личность или усадьбу, далеко не превалировала в этих отношениях. Крестьяне часто бывали спровоцированы на «разгром» действиями уездной или губернской советской власти в ходе учета имений⁵³⁰. В советской историографической традиции подчеркивалось участие «царских офицеров» и «помещиков» в руководстве крестьянским («кулацким») повстанчеством. Данные сведения, в большинстве случаев, не подтверждались. В Зарайском уезде Рязанской губернии проживал в своем имении известный сановник А.Г. Булыгин. Он был расстрелян в начале сентября 1919 г. за свою политику в 1905 г., никак не проявившись в активном местном зеленом движении лета 1919 г. Хотя по своему характеру этот человек не годился в военные вожди. Но были и другие. Алексей Николаевич Смольянинов, 41 года, уроженец имения Кирицы Спасского уезда, штабс-капитан Измайловского полка, был уволен по демобилизации и проживал в своем имении. В Рязанский концентрационный лагерь он попал по приговору губернского ревтрибунала бессрочно за непризнание советской власти, но не за какие-либо активные действия против нее⁵³¹. На севере проживал генерал А.Н. Куропаткин. Его мы также не видим среди участников антисоветского повстанчества. Подобные примеры нетрудно умножить. В то же время никак нельзя исключить общение и, возможно, какое-то союзное или консультативное взаимодействие. Еще один сосед для восстающих крестьян – священство и монастыри. Иногда монастыри становились прибежищем зеленых, как это случилось, например, с рязанскими повстанцами Огольцова, с нижегородскими зелеными. Так случалось и в иных регионах. На Украине наиболее известный сюжет – Матренин монастырь в «гайдамацком крае» в Холодном Яре и его окрестностях в Чигиринском уезде.

Наконец, мировая война стронула с места миллионы человек, породив массовое бегенство. Во внутренних губерниях насчитывалось по несколько десятков тысяч беженцев в каждой. Они тоже вовлекались в военные действия. Есть примеры, когда беженцы оказывались на лидирующих позициях в повстанческом движении. Таков, например, литовец Пужевский в Западносибирском восстании 1921 г. В калужский концлагерь поступали уклонившиеся и дезертиры, в числе которых были и беженцы Первой мировой

войны из Западной Белоруссии и Украины, Прибалтики. Вместо эвакуации на родину их принуждали к отбыванию воинской повинности. С этой же целью с ноября 1918 г. и в 1919 г. были вообще приостановлены на неопределенное время реэвакуация и выход беженцев из российского гражданства. Попадание к зеленым оказывалось естественным вариантом развития событий⁵³². Гродненские белорусы-беженцы оказались милиционерами в одной из волостей Борисоглебского уезда и очутились в конфронтации с местными дезертирами. Однако после покушения в ответ на арест дезертира, похоже, нашелся обоюдovýгодный баланс. Милиционеры сначала предупреждали того, кто подлежал аресту, а затем отправляли его арестовывать. Покушения не повторялись⁵³³.

Данные сюжеты крайне слабо разработаны, и наше перечисление лишь обозначает тему, показывая, кто был рядом с мужиком, кто мог оказываться на положении

союзника, советчика, лояльного или нелояльного соседа для дезертира или зеленого.

Наконец, не забудем, что деревни и целые округа имели свою репутацию, свою физиономию, часто оформлявшиеся в кличках, прозвищах, байках. Причем данное обстоятельство нельзя признать только фольклорным сюжетом. В предреволюционных полицейских документах вполне обычными были такие характеристики сел, как «бойкое», «самовластное», «самосудное» и т. и. Например, жители села именуются «дубинщики», так как «всех с дубинами провожали, отнимали все — шел ли нищий с котомкой, ехал ли богатый с телегой»⁵³⁴. В условиях крушения всех официальных иерархий и общего «растормаживания» социальных рефлексов такие села или выходцы из них могли превращаться в местные центры силы, точки сборки той или иной протестной активности. Местная вражда — традиционные массовые драки, давние земельные споры и т. и. — в годы Гражданской войны также имела все шансы развести соседей по разные стороны баррикады.

Гражданская война проявила и антивоенное, пацифистское движение в низах. Нередко оно шло по линии народного сектантства, в частности толстовства. В 1919 г. в некоторых местностях, например в Саратовской губернии, в самарском Заволжье, фиксировались массовые отказы от воинской службы, что властями рассматривалось как одно из проявлений «контрреволюции»⁵³⁵. В Уржумском уезде Вятской губернии настроение мобилизованных «натянутое»; в последнее время наблюдается массовый отказ от военной службы по религиозным убеждениям, причем неправильно истолковывается декрет, особенно это наблюдается в Кузнецовской волости⁵³⁶ (сводка за 1—7 декабря).

Среди низовых свидетельств есть неявные упоминания о вполне искреннем религиозном пацифизме среди зеленых: «У нас старая баба проповедовала: как война не нужна, да как грех, да как в лесу спастись. Кто и слушал. А я часу ждал. Святые угодники и те для людей терпели. Вот и мы так. Кто битвой, кто молитвой, абы людям легче бы стало». «Сразу с факелами высыпало полк-полчище. Чистые богатыри, до того при факелах высоко они темнятся. Один спрашивает: «Что ты за человек, зачем до нас в леса пришел? Коли ищешь ты сна и покою — из лесу ступай; коли счета нашими руками сводить собираешься — ступай от нас; коли ж ты, — говорит, — войну ненавидишь и через всякое злое от войны уйти готов — полезай, братишка, в наш курень зеленым»⁵³⁷.

В белорусских губерниях национальное чувство в 1917 г. стимулировалось драматичной ситуацией. Губернии были оккупированы германцами, дав многочисленную беженскую волну в 1915-м. Десятки тысяч мужчин служили в армии, на замиравших фронтах, особенно много белорусов сконцентрировалось на румынском фронте. Самоощущение местных, «тутейших», в этих обстоятельствах стало преобразовываться в более отрефлексированное национальное чувство, и его носителями выступили прежде всего недавние фронтовики, офицеры из полуинтеллигентов, имевшие крепкие сельские корни. Зеленое движение в белорусских губерниях тесно переплеталось со становящимся национальным самосознанием. Передвижения фронтов, польская оккупация, советские национальные инициативы сформировали много векторов деятельности для активных молодых белорусов. С весны 1919 г. партизанскую борьбу в белорусских и литовских губерниях стремились развернуть партийные организации и структуры Западного фронта РСФСР. Районные повстанческие штабы должны были организовывать партизанскую борьбу в тылу польских войск. И хотя польский фронт в августе 1919 г. фактически прекратил военные действия, разворачивание краснопартизанских отрядов продолжалось. Интересно, что в конце осени 1919 г.

наиболее многочисленным был Слуцкий отряд – порядка тысячи человек, – то есть отряд в том самом уезде, который в 1920-м даст массовое антибольшевистское повстанчество с формированием протогосударственных и военных структур (Слуцкая республика и Слуцкая бригада)⁵³⁸.

Интересно, что политические попытки сформировать несоветскую белорусскую государственность принесли в 1918–1920 гг. весьма скромный результат. В то же время политически-повстанческие структуры смогли стать устойчивыми и боеспособными вплоть до конца 1920-х гг. Они оформились в рамках «Зеленого Дуба» – политической крестьянской партии и одновременно боевого партизанского формирования. «Зеленый Дуб» в не меньшей степени обозначал присутствие зеленых в политике, чем более известный Комитет освобождения Черноморской губернии. По чоновским данным на ноябрь 1921 г., банды Смоленской губернии «почти все имеют местный характер», а банды Витебской, Минской и отчасти Гомельской губерний – политический⁵³⁹. Возможно, речь шла о белорусском компоненте в идеологии повстанцев белорусских губерний. Очерки деятельности «Зеленого Дуба» даны, например, Н.И. Стужинской и П.Н. Базановым. Одним из важных сюжетов, который может получать при освещении разные акцентировки, является вопрос о степени национальной мотивации зеленодубцев. Многие атаманы сотрудичали с НСЗР и С⁵⁴⁰.

Надо сказать, что национальные белорусские кадры, как в сегменте интеллигентном, так и крестьянско-повстанческом, оказались в тисках сложного политического выбора, между соблазнами советского «национального строительства» и жестким административным и культурным натиском второй Речи Посполитой. В результате многие атаманы вынуждены были лавировать, пытаясь опереться на польскую, частично, в начале 1920-х – и литовскую поддержку. Боевые силы на отошедших к Польше территориях оказались, на значительный процент, в рядах КПЗБ, под жестким руководством Коминтерна. Сам же «Зеленый Дуб», по информации из прессы «Братства Русской Правды», вошел в ее состав. Братская пресса сообщала об этом: по постановлению правящего центра объединенных партизанских отрядов Западной России (в том числе «Зеленого Дуба») – от Псковского края через Советскую Белоруссию до Западной Украины включительно, вся данная организация, со всеми партизанскими и повстанческими отрядами, округами, отделами, террористическими группами, крестьянскими братствами перешли под знамя и высшее политическое руководство Братства Русской Правды под наименованием «Западно-Русский Центр боевых дружин Братства Русской Правды», приняв полностью лозунги Братства⁵⁴¹. В этом разделении сил можно видеть тяжелую драму как белорусского, так и общерусского сознания на обширных пространствах Западной России.

Борьба в восточных районах Речи Посполитой была весьма ожесточенной и много после окончания (1925) так называемой активной разведки со стороны СССР. Так, с 1926 г. на Гродненщине создавались подпольные пионерские (!) организации, их юные «секретари» попадали в польские тюрьмы. Число казненных в Западной Белоруссии с 3 в 1928 г. выросло до 33 в 1931-м и 207 в 1932-м. Число арестов, соответственно: 6028 в 1928-м, 16 743 – в 1931-м, и обвальная рост в 1932-м – 48 829. Общее число политзаключенных составило 2800 человек в 1928, 10 тысяч и 12 тысяч в 1931 и 1932 гг.⁵⁴²

Борьба с дезертирами в западных губерниях и зелеными оставалась актуальной и после 1919 г. В конце октября 1920 г., уже после перемирия с Польшей, беспощадно требовал бороться с дезертирством и «разложением» в прифронтовых губерниях командующий Западным фронтом М. Тухачевский. Чоновские подразделения на

Смоленщине активно боролись с дезертирством и весь 1922 г. Ельнинская рота ЧОН отчитывалась о борьбе против дезертирства и в мае 1924 г.⁵⁴³

По итогам 1921 г. в штабе Западного фронта вынесли такое резюме. В северных уездах Смоленской губернии, Демидовском (Пореченском), Бельском и отчасти Духовщинском, которые граничили с Велижским и Суражским уездами Витебской губернии, пораженными бандитизмом, находили приют все злостные и незлостные дезертиры. Леса на много верст, обширные заболоченные места способствовали группированию дезертиров. «Контрреволюция» стала объединять прежде всего «сознательных дезертиров» в ячейки, в которые влились преступные праздношатающиеся элементы⁵⁴⁴.

Фактически в начале 1920-х гг. деревня на обширных пространствах белорусских, северо-западных губерний, Смоленщины жила в двух измерениях, «советском» и «бандитском», с дневной и ночной властью. Западный фронт продолжал существовать еще и в 1922 г., при нем работала Полномочная комиссия ВЦИК. После окончания войны с Польшей в красной лексике стало преобладать название «бандиты» вместо зеленых. Гнездами бандитизма считались Велижский и Суражский уезды. Игуменский уезд, с большим процентом мелкой шляхты, также был беспокойным местом. Советские источники используют выражения «зараженная местность», советский аппарат оценивался крайне низко: часть связана с бандитами, часть относится к своим обязанностям как к нежелательной повинности.

Данные конфигурации закладывались здесь еще с 1918 г. Близость границы и наличие в Польше савинковских и балаховских кадров делали возможным закордонное повстанчество, которое в большей или меньшей степени поддерживалось местными повстанческими кадрами. Повстанцы активно перемещались из уезда в уезд, затрудняя советским органам борьбу с ними.

В Велижском и Суражском уездах, наиболее «бандитских», в 1921 – начале 1922 г. нередко единственный на волость коммунист-предволисполкома не ночевал дважды подряд в одном месте, боясь бандитов, и при этом получал из центра весь набор предписаний и циркуляров по продналогу, лесозаготовкам, топливному трехнедельнику и т. д. Крестьяне жили меж двух огней. Бандиты вводили свои налоги, включая ведра самогона, и получали все требуемое. Бандиты с оружием отправлялись на операции, а на вечеринки и свадьбы уверенно являлись без оружия⁵⁴⁵. В июне 1922 г. на уровне комиссии ВЦИК решался вопрос о выселении из Гомельской губернии семьи братьев Медведевых. Благодаря поддержке семьи бандиты Медведевы оставались неуловимыми, причем действовали, используя «подручный бандитский элемент». Характерный штрих: три бандита по их поручению напали на винзавод в Стародубском уезде, так как готовилась свадьба сестры Медведевых. Попытка облавы не удалась – свадьбу отложили⁵⁴⁶.

«Всего бандитов в Суражском и Велижском уездах по последним сведениям (начало 1922 г.) насчитывается не более 60 человек, и несмотря на то, что борьба с ними ведется с 1918 года, ликвидировать банды такими мерами и силами борьбы удастся лишь в течение 5 – 10 лет. С наступлением весны, а затем лета бандиты, без сомнения, останутся неуловимыми». Губерния мало внимания уделяет бандитизму, работает только Губчека, 100–150 красноармейцев выбиваются в уездах из сил⁵⁴⁷. Председатель Велижского уездного исполкома заявил в середине 1922 г., что деревней правят бандиты, а налеты делает советская власть. Губисполком заявлял, что Велижский и Суражский уезды исстари бандитские; в 1910 г. здесь было 200 бандитов, ныне – 250, так что ситуация вполне обычная. Точно тот же мотив наблюдался в объяснениях тамбовских властей, что было показано ранее. Уездные власти ожидали налетов на волисполкомы, которые никем не охранялись⁵⁴⁸.

Советские органы пристально отслеживали активность повстанцев: составлялись карты, списки банд и «главарей». Однако искоренить «бандитизм» оказывалось весьма непросто⁵⁴⁹.

Сборник весьма интересных воспоминаний советских активистов о борьбе с контрреволюцией, вышедший в 1948 г.⁵⁵⁰, оперирует исключительно названием «бандиты», в соответствии с трактовкой вооруженного повстанчества как политического бандитизма. Но это те же кадры, которые двумя-тремя годами ранее именовались зелеными и зеленодубцами. Это подтверждает и широко известная записка Ленина Э.М. Скаянскому от конца октября – начала ноября 1920 г.: «...Прекрасный план! Доканчивайте его вместе с Держинским. Под видом «зеленых» (мы потом на них свалим) пройдем на 10–20 верст и перевешиваем кулаков, попов, помещиков. Премия: 100 000 р. за повешенного...»⁵⁵¹ Ленин и в начале 20-х применительно к западному региону употребляет вполне понятное для всех и привычное для всех имя зеленых.

Западный регион не знал белого фронта. Зеленое движение, в ипостаси организованного дезертирства, кадров Народного союза защита родины и свободы, балаховских, жигаловских и прочих смогло стать здесь значительным военно-политическим фактором. Этому способствовал характер местности с обилием лесов и труднодоступных районов, возможности использовать всегда небескорыстных, но все же государственно организованных соседей, наконец, национальный белорусский фактор как дополнительный мобилизующий компонент.

Украинские атаманы не были зелеными. Махновцы понимали себя как махновцы, григорьевцы – как Григорьевцы. Однако имелось одно исключение. Повстанческий атаман юга Киевщины Даниил Ильич Терпило (1886–1919) принял кличку Зеленый, с которой и вошел в историю Гражданской войны. Выходец из многодетной сельской семьи, он окончил двухклассное земское училище, открывавшее путь в сельские учителя. Однако судьба сложилось по-другому. В годы первой русской революции прошел путь от эсеров до анархистов-коммунистов, за участие в революционном терроре ссылался на поселение в Архангельскую губернию. В Первую мировую – полковой писарь, в 1917 г. окончил Житомирскую школу прапорщиков. Зеленый отличился тем, что успел сменить довольно много знамен, оставаясь левым, а также не теряя национальной украинской и сугубо местной трипольской мотивации. Близость к Киеву делала формирования Зеленого чувствительными для любой власти на Украине.

В декабре 1917 г. он возродил в родном Триполье местную организацию украинских социалистов-революционеров и организовал отряд Вольного казачества. Летом 1918 г. уже как атаман Зеленый возглавил восстание против германцев и гетманцев в Киевском и Каневском уездах. Со своей Днепровской повстанческой дивизией участвовал в штурме Киева в составе войск УНР. Однако попытка С. Петлюры направить дивизию Зеленого в Галичину на помощь Западноукраинской народной республике вызвала неподчинение атамана и объявление независимой Трипольской республики. Атаман, опираясь на поддержку уездного съезда, ультимативно потребовал от Директории провозгласить советскую власть в Украине и утвердил в подконтрольных селах вольные советы. Зеленый выступал «за самостоятельную Советскую Украину без партийной диктатуры».

Петлюра издал приказ об аресте Зеленого и расформировании дивизии. Борьба с недавними союзниками вызвала необходимость нового союза. Уже в феврале 1919 г. на переговорах в Киеве было принято решение о вхождении зеленцов в состав Красной армии на правах бригады с выборным командным составом. Союз продлился считанные недели. Зеленый требовал создания широкого «левого фронта»

всех социалистических партий Украины и «вольности» Трипольского района. Начало военного коммунизма на Украине и попытка переформировать бригаду вызвали восстание атамана против красных. СНК УССР объявил Зеленого вне закона и в ответ получил ультиматум атамана с угрозой взятия Киева. Восстание началось 21 марта. Под Киевом образовался «зеленовский фронт». 7 и 27 апреля 1919 г. Зеленый, имея несколько тысяч бойцов, пытается захватить Киев. Он объявил себя командующим армией независимой Советской Украины. 25 апреля крестьянский съезд Киевского и Васильковского уездов, организованный Всеукраинским ревкомом и атаманом Зеленым, призвал повстанцев к борьбе против большевиков и Директории УНР.

С начала мая по август 1919 г. атаман ведет упорную борьбу с красными, теряет и вновь захватывает Триполье. В родном селе организует «народный суд», по приговору которого казнено около сотни коммунистов, командиров, чекистов, комсомольцев. Трипольская трагедия надолго станет элементом советской мифологии Гражданской войны на Украине. 15 июля отряд Зеленого захватил Переяслав на левом берегу Днепра и здесь, от имени Украины, торжественно разорвал Переяславский договор 1654 г.

Летом 1919 г. «зеленый» стало понятием нарицательными для повстанцев, которые четко не выбрали политической ориентации и действовали партизанскими методами против любых властей. В это время атаман поддерживал Повстанческий комитет (независимые украинские социал-демократы) и восстановил связи с Петлюрой, получив от того, при личной встрече в Каменце в сентябре 1919 г., оружие и боеприпасы.

В Киевской губернии Зеленый провел крестьянско-повстанческий съезд, на котором признал Украинскую Директорию верховной властью, но потребовал от нее избрания «народного парламента». Даже кончина атамана символична. Согласно разным версиям, он то ли был смертельно ранен в начале декабря 1919 г. в бою с белыми, то ли заманен в краснопартизанский отряд и там расстрелян⁵⁵².

Молодая Черноморская губерния образовалась по итогам покорения Кавказа и выселения местных горских народов в Османскую империю. К моменту революции в черноморском крестьянстве преобладали русские, со значительной, до 30 %, долей армян. Губерния делилась на Новороссийский, Туапсинский и Сочинский округа. Население же здесь было весьма разнообразным. Во-первых, это вполне зажиточное крестьянство, во-вторых, заметное количество интеллигенции, в том числе пытавшейся реализовывать те или иные социальные проекты в благословенных местах – толстовцы и прочие. В-третьих, большое количество дачников.

В годы первой революции сформировался и функционировал Черноморский комитет Крестьянского союза, возникший летом 1905 г. в Геленджике. Его организовали выходцы из кружка толстовцев, однако быстро сформировавшаяся разветвленная сеть организаций вышла в своей деятельности за пределы толстовских представлений. Б.А. Трехбратов делает вывод, что Черноморский комитет ВКС представлял собой зародыш крестьянской партии. За годы революции состоялись восемь съездов и конференций комитета. От толстовских установок он перешел к наступательной революционной тактике⁵⁵³.

Кубанская область и Черноморье все более привлекали внимание как курортная зона. Тема обострилась в связи с необходимостью реабилитации множества раненых в годы войны⁵⁵⁴.

Революционные события поначалу мало затронули побережье. Мимолетные Черноморская и Кубано-Черноморская республики 1918 г. сменились властью ВСЮР. «Матросская» Кубано-Черноморская республика в 1918 г. наделала

множество изуверских жестокостей в отношении «буржуазного» населения. Занявшие Новороссийск добровольцы в 1918 г., фактически с негласного разрешения командования, предались безудержной мести. Уцелевшие красные активисты попрятались по лесам и составили первые кадры вооруженных противников добровольческой власти. Множество брошенных или разоренных дач и хуторов послужили им надежным прибежищем.

Черноморье дало один из примеров устойчивого военного крестьянского самоуправления в противостоянии белой государственности. Приграничный Сочинский округ оказался в орбите внимания молодой Грузинской республики. А.И. Деникин, в свою очередь, бескомпромиссно боролся против всяких покушений на русские территории. В этот конфликт неоднократно вмешивалась Великобритания.

Жизнь на Черноморском побережье в близком соседстве с зелеными описали весьма разные люди и в разное время. Один из них – литератор из крестьян Иван Наживин⁵⁵⁵. Другой – офицер и племянник «курского зубра» и столпа черносотенного движения Н.Е. Маркова – Анатолий Марков⁵⁵⁶. Люди различных воззрений рисуют, в интересующем нас отношении, вполне согласованную картину. Хотя, например, для Маркова Наживин – не более чем прохвост, меняющий убеждения по мере личных ущемлений от революции.

А. Марков пишет о том, что первые отягощения и жестокости Черноморье увидело от добровольцев, а не от красных. Кубано-Черноморская республика мало затронула местных крестьян, как и проход Таманской армии. Добровольческая же армия стала возрождать государственность, зачастую с негодными средствами. К тому же к концу 1918 г. последовала мобилизация в войска. Черноморское крестьянство отнеслось к мобилизациям в Белую армию весьма прохладно. Уклонявшиеся, уйдя в горы, образовали зеленые отряды.

Государственные службы под властью ВСЮР восстанавливались даже с некоторым избытком. Так, возродилась пограничная служба, хотя не только охранять морскую границу, но даже бороться с контрабандой было практически незачем в условиях Гражданской войны. На побережье селились семьи офицеров, включая семьи генералов Романовского, Эрн, Маркова.

Действия добровольцев были на удивление неудачными. Прибывший военный начальник в большом селе Береговое приказал публично выпороть отцов неявившихся призывников, чем произвел тягостное впечатление. Наживину по прибытии в Геленджик выпало познакомиться с безобразнейшим поведением чинов контрразведки. О том же пишет в воспоминаниях живший в Геленджике не у дел недавний начальник штаба Донской армии (в атаманство П.Н. Краснова) генерал И.А. Поляков: «Что представляла контрразведка Добровольческой армии, испытал лично и я, проживая весной 1919 года в Геленджике как частное лицо, находясь, как начальник штаба Всевеликого Войска Донского, в 4-месячном отпуске. Произвол ее чинов дошел до того, что я вынужден был пригласить к себе начальника пункта и решительно ему заявить, что при повторении некорректностей его чинов я протелеграфирую ген. Романовскому и попрошу его оградить меня от издевательств. Мое заявление подействовало, и меня оставили в покое. Легко себе представить, что же они проделывали с теми, кто не был в состоянии себя защитить»⁵⁵⁷. Наживин рисует картинку подобного произвола в отношении себя.

При этом добровольческая власть была представлена самыми скромными силами, базировавшимися на побережье. Горы и леса оставались для них малодоступны. Дезертиры и всякого рода обиженные стали пополнять ряды лесного воинства, превращаясь в зеленую армию. В июне из Новороссийска для карательной экспедиции явился Черноморский конный дивизион, состоявший из казаков и

кавказских горцев. Эта экспедиция превратилась в «Тамерланов погром» с сожжением сел и хуторов, казнями и всевозможными безобразиями. Дивизион отозвали, но ряды зеленых и их ожесточение после такого «умиротворения» только выросли.

Наживин пишет: «Настроение крестьян в нашем крае было смутное и тяжелое. Большевики определенно и сразу напугали их, хотя здесь они прошли своей Таманской армией только мимоходом, и так как это был медовый месяц большевизма, то они почти совсем не грабили и почти не убивали. Но все же широты их размаха народ определенно испугался и, когда в горах появились первые разъезды добровольцев, многие крестьяне буквально плакали от радости». Однако для борьбы с немногочисленными и неопасными местными большевиками были присланы карательные отряды из горцев с гвардейскими офицерами во главе. Жестоко вели себя и казаки. Кубанцы, отождествляя местных мужиков с большевиками, беззастенчиво грабили, восстанавливая свои потери от большевиков. Из рук вон плохое администрирование, неоправданные показательные жестокости, взяточничество естественно сдвигали настроение местных крестьян в «зеленую» сторону. Очередной администратор генерал Корвин-Круковский за считанные дни смог пополнить ряды зеленых нелепой и жестокой трудовой мобилизацией, от которой местные жители, естественно, укрывались в горах.

Зарисовка Наживина о путешествии по побережью такова. «Был вечер. Ехать на ночь сорок верст лошаадьми до Геленджика мне определенно не советовали: по дороге шалют «зеленые», – так под цвет зеленых кустиков, называли здесь укрывшихся в них дезертиров. Но я видел уже столько опасностей, что одной больше ничего уже не составляло.

– Ничего, доедем как-нибудь... – успокаивал меня извозчик. – Ну а ежели, между прочим, какие и выйдут, так вы ложитесь в линейке, и я скажу, что везу из больницы тифозного. Авось не стронут.

Поехали. Лежать мне скоро надоело, и я сел. Извозчик неодобрительно покосился на меня. Благополучно проехали цементные заводы, место репутации незавидной, и выехали уже в горы, в места пустынные.

– Ну, слава богу: хулиганов проехали, теперь разбойники начались... – проговорил извозчик...

Я глянул вперед: на ярко освещенном луной шоссе у моста стояло шесть черных молчаливых фигур. Я быстро лег на линейку. Черные фигуры молча подпустили нас к себе, заглянули в линейку и, ни слова не говоря, пропустили мимо...

Проехали благополучно и Кабардинку.

– Ну, теперь слава богу, доедем уж... – сказал ямщик. – Тут уж не грабят...»

Зеленые грабили, убивали одиночных офицеров и солдат, нападали на посты. Приморское шоссе к концу лета 1919 г. окончательно стало непроезжим. Что интересно, А. Марков отмечает психологический перелом. Осенью 1918 г., на подъеме, вскоре после занятия Новороссийска добровольцами, офицеры по одному и по двое ездили и ходили, не опасаясь нападений, даже когда видели костры зеленых на горах. Через неполный год те же люди чувствовали себя окруженными «зеленой стихией», немногочисленные и не очень боевые гарнизоны склонны были в лучшем случае защищать самих себя в укрепленных пунктах, не проявляя желания идти в горы. На небольших пограничных постах офицеры фактически были обреченными заложниками: их солдаты имели связь с зелеными и готовы были сдаться при серьезном нападении, офицер оказывался заведомым призом победителей.

Марков пишет, что летом 1919 г. на стороне белых были фактически только лица, непосредственно связанные с армией. Для большинства населения окрестностей Геленджика, где служил автор, зеленые были своими, а добровольцы – врагами. В таких условиях эффективная борьба с ними, учитывая благоприятнейший рельеф местности, равно как и мало-мальски эффективная работа контрразведки, оказывались невозможны.

В то же время в селах могли благополучно существовать официальные лица от Добровольческой армии, если они были из местных и были в контакте с населением. Так, в Береговом на положении коменданта находился некто Коген, бывший толстовец. Он, безусловно, знал местных зеленых, но жил с ними вполне мирно. Он был зарублен карателями-черноморцами, когда возмутился против расправ.

«Не страшны были в военном смысле и те банды «зеленых», т. е. дезертиров, которые скапливались в тылу, в неприступных горах. Правда, к ним, несомненно, пробрались уже большевистские агенты, которые и использовали их для своих целей, инсценируя разные бессмысленные выступления, вроде захвата какого-нибудь села на несколько часов, и расстраивая жизнь тыла, и без того очень расстроенную. Перепуганные поселяне бросали насиженные гнезда и со всем своим скарбом устремлялись в города. В Черноморской губернии были заброшены таким образом все культурные хозяйства, тысячи десятин виноградников, огородов, садов, посевов: по ночам являлись шайки грабителей и грабили одинокие хутора и усадьбы и иногда брали заложников, чтобы потом получить с них выкуп. Зеленые пытались местами выдать себя за партийных работников, но это, конечно, было только красивой позой: большинство из них просто дезертиры, меньшинство просто уголовный элемент, и на все это – несколько агитаторов-большевиков, стремящихся создать в тылу армии тем больше затруднений, чем блистательнее были успехи ее на фронте»* Один из сюжетов этого бытия на Черноморском побережье описывает Наживин. Местный парень, некий Алешка, растревожил обывателей рассказами о сорокатысячном корпусе то ли красных, то ли зеленых. В Уланку явился отряд зеленых, оставивший после себя несколько трупов и ушедший в город при появлении карательной экспедиции. Местный урядник в таких условиях, конечно, старался проявлять минимум активности. По соседству с Уланкой в Широком три местных парня во главе с предприимчивым Алешкой обошли соседей с «обыском», получив в качестве убогих трофеев «старое ружье Винчестера без затвора и старую генеральскую шпагу, который можно было в печке мешать», и поутру скрылись. Вскоре в Широкое явился отряд зеленых, «долго обстреливал дачу доктора Дробного, у остальных забрал у кого скот, у кого одежду, у кого деньги и золотые вещи, у кого мед и другое продовольствие и со всем этим добром удалился снова в неприступные горы... тот Алешка, который принес нам в Широкую весть о появлении сорокатысячного корпуса и который потом ночью произвел у всех обыск, был уличен «зелеными» в какой-то грязной истории и расстрелян. Труп его валялся в канаве при дороге...».

Однако со временем зеленые становились все более дерзкими, хозяйственная жизнь все более разрушалась. Свое видение черноморской зеленщины оставил один из белых моряков. «Кавказские горы давали хорошее укрытие разного рода зеленым. Вначале они состояли из укрывавшихся от мобилизации местных жителей и были малоактивными, но постепенно усиливались. В связи с поражениями на фронте банды зеленых сильно пополнились дезертирами и направленными партией из городов коммунистами, и скрывавшиеся командиры приступили к военной организации отдельных отрядов...», составивших вскоре целую армию. Осенью 1919 г. казачьи части были стянуты к крупным центрам, приморское шоссе и прилегающая местность оказались во власти «покрасневших» зеленых⁵⁵⁸. Однажды эсминец «Живой» получил задание освободить захваченный зелеными поселок на

побережье, с убийством коменданта. Десантная партия уже никого не обнаружила. Репрессия выразилась в том, что в домах «подозреваемых» (в соучастии?) изъяли полтора десятка гусей, пошедших в командный котел⁵⁵⁹.

Очень показательный пример связан, опять-таки, с оценкой настроений зеленых – реальных и потенциальных. На уединенном хуторе под Геленджиком жил отставной гвардейский генерал, «который своим генеральским басом всюду и везде бубнил: – Чепуха все это... Деникин – баба, а Добровольческая армия – банда! Нужна железная дисциплина. Только тогда наш «добросовестный» и работает, когда его железной рукой за шиворот держат. И нечего дурака валять: нужно скорее царя ставить!» И поселяне, а по рассказу и зеленые, верили этому «настоящему», не говорящему «демократических слов» генералу, как никому. Однажды на генеральском хуторе перессорились рабочие. На шум тут же примчались зеленые «с ржавыми винтовками на веревочках»: «Генерала грабят?» «Генерал поблагодарил их за добрососедские отношения, предложил им покурить, и вот все уселись с цыгарками на бревнышках. И стал генерал их уговаривать: какого черта они в горах сидят – ведь когда-нибудь придется же вылезать из кустов? Те отвечали, что авось скоро подойдут красные. Генерал засмеялся: Добровольцы были как раз в апогее своего успеха, прошли уже за Киев и стояли под Саратовом, – какие же красные? Другому не поверили бы, конечно, но Х-у поверили.

– Ну, а когда так, так пусть уж лучше ставят царя настоящего, а кадетам служить все равно не будем!.. – решил один из зеленых, и – остальные молчанием одобрили».

Из сюжета ясно, что представления о красных были исключительно от противного – от неприятия «кадетов». Действовала железная логика противоборства. И Наживин, издавший свои записки в 1921 г. в Вене, и Марков, завершивший их в 1940-м в египетской Александрии, пишут об одном и том же выразительном случае. Видимо, этот сюжет с генералом и его разговорами с зелеными широко разошелся и запомнился.

Осенью зеленые фактически владели всем побережьем. Сухумское шоссе стало почти непроезжим, грабили и «чистую публику», и бедных греков-колонистов.

Под удар зеленых попала даже совсем не родная для кавказского побережья часть. В Геленджике базировалось эвакуированное из Царицына Саратовское губернское управление и небольшая команда Саратовской бригады государственной стражи при нем. Налет зеленых 8 января 1920 г. практически прикончил команду в 35 человек. В бою погиб помощник командира бригады государственной стражи Н. Арнольди и 4 стражника, двое были ранены, а 2 офицера, 2 чиновника и 20 стражников попали в плен. Захваченный цейхгауз подарил зеленым 571 английскую винтовку с 40 тысячами патронов, были разграблены личные вещи стражников, сожжены дела в канцелярии⁵⁶⁰.

После январского налета на Геленджик зеленых прибывшая белая часть наделала много жестокостей, которые опять-таки не работали на успокоение края.

Вопрос о том, насколько зеленое движение было перехвачено сознательным действием коммунистических организаций, или же просто часть военных руководителей сделали ставку на явного победителя, а потом задним числом стала описывать выполнение «партийного задания», остается дискуссионным⁵⁶¹. По мнению А.А. Черкасова, более справедлив второй вариант. Дробов, ориентируясь на воспоминания Фавицкого, пишет, как небольшие отряды зеленых Черноморья в 5 – 10 человек росли и менее чем в два месяца выросли в двенадцатитысячную самостоятельную зеленую армию⁵⁶². Н.Д. Карпов рисует картину вполне осознанного оседлывания большевиками из Кавказского краевого и Бакинского комитетов РКП(б) крестьянского повстанчества. При этом подбирались большевики с

эсеровским и меньшевистским прошлым, чтобы до времени скрыть их большевистскую принадлежность. В результате Крестьянское ополчение Сочинского округа и Советская зеленая армия, сформированная из местных партизанских групп под Новороссийском уже сразу под влиянием большевиков, объединились в Красную армию Черноморья во главе с РВС. Решение принимал съезд представителей воинских частей, которые на две трети состояли не из местных жителей. Это были недавние солдаты нестойких деникинских формирований, которые в 1918 г., в свою очередь, являлись красноармейцами Северо-Кавказской Красной армии или такими же красноармейцами Кубано-Черноморской советской республики, ушедшими в Грузию. Их голоса и решили вопрос о политическом «покраснении»⁵⁶³. Любопытно, что военное командование КОЧ в лице Вороновича пыталось еще в феврале 1919 г. затеять переговоры с белыми, но неудачно.

В 20-х числах марта 1920 г. состоялись переговоры члена РВС Шевцова и атамана Майкопского отдела Кубанского войска генерала Данилова. При этом Данилов полагал, что имеет дело с прежней зеленой армией, и интересовался возможностями пропуска кубанцев на побережье. Шевцов объявил о Красной армии Черноморья, но слукавил, заявив, что гражданскую власть по-прежнему осуществляет КОЧ. В результате казаки сдали без боя Майкоп одному Шевцову, который до подхода частей Первой конной армии окарауливал город освобожденными из тюрьмы политзаключенными⁵⁶⁴.

В мае 1920 г. в Сочинском округе утверждают большевики. Несколько руководителей ополчения было расстреляно. Сочинский округ смог организовать съезд представителей от сел, снова стали формироваться районные штабы. Уже в июне от разорения и новых тягот пытаются избавиться местные меньшинства, которые могли указать новые желательные адреса: сотни греческих семейств просились на Кубань или в Грузию, в Грузию же стремились местные грузинские семейства. Н. Воронович, обосновавшийся в нейтральной зоне между Сочинским округом и Грузией, начинает формировать новые повстанческие части, организуется новый Главный штаб. Теперь уже советские мобилизации вызывают новый отток местного населения в горы. Зеленоармейцы, естественно, имели самую широкую поддержку в селах. С конца августа 1920 г. на территории округа активно действовал крупный Закубанский отряд полковника Кучук-Улагая. Насколько можно понять, он объединял казаков, местных грузин и армян, русские черноморские крестьяне в нем явно не преобладали. Далее следует «вторжение» Армии возрождения России генерала Фостикова⁵⁶⁵.

Повстанческое бело-зеленое движение в Черноморье продолжалось и далее, даже после 1922 г., видимо дробясь по национальным линиям; например, известны отряд Дадияни, абхазский отряд в Сочинском округе⁵⁶⁶. Однако название «зеленые» применительно к этим формированиям уже, скорее, дань традиции, сложившейся в 1919 г.

Показательно, что и эсеровское возглавление зеленоармейского движения с весны 1919 г., и большевистское, явное и скрытое, с января 1920 г., очень быстро расходилось с настроением и желанием основной массы коренных черноморцев-зеленых.

В любом случае эсеровское руководство КОЧ, с надеждами на сотрудничество в государственном строительстве с Грузией и Кубанской радой и попыткой выстроить «третью силу» в рамках отдельной губернии или даже округа, выступает в роли политического фантазера. Следует иметь в виду, что Сочинский округ имел связь с политически дружественной Грузией, располагал по соседству «буферной зоной», позволявшей отсидеться при необходимости, налицо был предельно выигрышный ландшафт, делавший партизан неуловимыми. Кроме того, известная свобода

маневра открывалась и участием англичан, а также связями с кубанскими самостийниками. Наконец, администрация ВСЮР сделала, казалось, все возможное, чтобы восстановить население против себя. И даже в таких условиях попытка «третьего» пути удивительно быстро сошла на нет. Местные голоса были в критический момент забиты массой вовремя «покрасневших» чужаков, а руководство оказалось в большевистских руках. Как раз те, кто приложил усилия по преобразованию зеленых в «красно-зеленых», оставили об этом воспоминания⁵⁶⁷.

Отступление белых породило довольно многочисленных зеленых в их тылу. Борьба с зелеными не раз упоминается в мемуарах. В начале декабря на пути отступления Белгород – Чутуев марковец запишет: «Красные особенно не наседали, но леса полны «зелеными». Частые перестрелки». В одной из деревень они убили офицера и двух артиллерийских разведчиков⁵⁶⁸. Катастрофический характер отступления весной 1920 г. сопровождался стремительным нарастанием зеленых уже в кубанском тылу ВСЮР.

Черноморские красно-зеленые не смогли заблокировать неприступный Гойтхский перевал, пропустив кубанские корпуса на Туапсе⁵⁶⁹. Тем не менее для отчаявшихся, хотя организованных и многочисленных, белых во время новороссийской катастрофы зеленые становились опасным врагом. Сводно-Партизанская дивизия из Новороссийска двинулась на Геленджик, но напоролась в узком месте у Кабардинки на зеленую засаду: «одна сотня с пулеметом держала 20-тысячную армию». Пришлось разбредаться, с перспективой попадания в плен к тем же зеленым в горах.

Отступавшие по кубанским станицам донские корпуса в марте 1920 г. двигались со стесненным сердцем, в условиях невнятных распоряжений и очередного конфликта своего командования с главным командованием. Они шли в среде зеленых, которые уговаривали переходить к ним. Некоторые части уходили на «зеленое» положение. 4-я и 5-я конные бригады 2-го Донского корпуса поступили так, но потом все-таки двинулись за отступавшей армией, оставив около 500 человек в рядах зеленых⁵⁷⁰. Объявили себя зелеными и 1-й и 2-й Запорожские полки полковника Сухенко, они заняли Неберджаевскую, заставив добровольческие и донские части с боем прорываться на шоссе, ведущее к морю. Около 24 марта зелеными объявили себя главные силы 1 – й конной дивизии⁵⁷¹. В плен к зеленым 24 марта едва не попал штаб Донской армии на станции Абинская⁵⁷². Это была своего рода страховка, разведка. Известную роль сыграли боевые действия зеленых в недопущении эвакуации белых с Таманского полуострова. Они связали боем донские и регулярные кавалерийские части, которые могли бы помочь Добровольческому корпусу прикрыть Тамань⁵⁷³. Однако это не приходится считать примером боевого взаимодействия красных армий и зеленых отрядов. Белые мемуаристы говорят о неисполнительности Кутепова.

После сдачи Кубанской армии зеленые активно помогали вылавливать скрывшихся в горах казаков⁵⁷⁴. Мартовско-апрельские зеленые были в основном недавними белыми.

На красной стороне не резало слух словосочетание «служил у зеленых». Например, вот как выглядели этапы службы у некоего офицера, надо полагать, недавнего деникинца, а возможно, появившегося в зеленых из-за Главного Кавказского хребта: Атаянц Арменак Мартиросович, уроженец Шемахинского уезда Бакинской губернии, 23 года, окончил 5-ю Киевскую школу прапорщиков, служил в 172-м Лидском полку на Румынском фронте. У зеленых служил в штабе боевого участка Туапсе – Прасковеевка, арестован в Туапсе (Рязанский концлагерь, дело № 36)⁵⁷⁵.

Весьма яркую картину красной и зеленой Кубани весны – осени 1920 г. разворачивает в своих записках, написанных по горячим следам, И.Г. Савченко, донской офицер, а в 1920 г. подневольный красный военспец и затем повстанец⁵⁷⁶.

Савченко касается такого интересного и малообеспеченного источниками сюжета, как взаимоотношения красных и зеленых. Кубанская рада и главное командование ВСЮР находились в весьма не простых взаимоотношениях. Ключевым моментом стал известный разгон в ноябре 1919 г. рады решением Главного командования. В результате в месяцы отступления, в зиму 1919/20 г., на Кубани появились зеленые, которые внесли известный, хотя и не определяющий, вклад в крах белых войск. Как это выглядело в недели отступления белых армий, уже было показано. Возглавлял эти импровизированные повстанческие войска член рады сотник М.П. Пилюк.

Заняв Кубань, красные действовали по безотказной схеме. Сначала «зеленчукам» пообещали сохранение их внутренней организации в составе Красной армии. Савченко даже видит собственными глазами начальника «зеленой дивизии», к которому обращаются пленные офицеры с просьбой прояснить их участь. Однако очень быстро «зеленая» атрибутика стала поводом для обвинения в контрреволюции, пилюковцев начали вливать в ряды 21-й советской стрелковой дивизии. Самостоятельных союзников красные терпели совсем недолго. Судя по рассказу автора – недели две. Мемуарист встречается с Пилюком уже в кубанских плавнях. Пилюк сидит в окрестностях родной станицы Елизаветинской в 15 километрах от Екатеринодара со считаными соратниками, никаких войск уже и в помине нет, как и красных обещаний оставить все как есть на богатой Кубани. По словам Савченко, Пилюк производил впечатление вполне заурядного неразвитого офицера. Действительно, он офицер по выслуге. Такие люди, попав в водоворот «общественной» жизни, легко оказывались жертвами демагогии, примитивного славолубия, на чем легко играли большевики.

Данные о Пилюке в исторической литературе серьезно разнятся. Согласно базе данных С.В. Волкова: «Пилюк Моисей... Произведен в офицеры из нижних чинов артиллерии Кубанского казачьего войска 1917. Сотник. Во ВСЮР; в 1919–1920 член Кубанской Рады, затем предводитель отрядов «зеленых», в 1921 арестован, лагеря». А.В. Баранов полагает, что он в конце 1919 г. возглавил массовое восстание казаков-черноморцев против Деникина. С приходом большевиков к власти поддержал их, в июле 1920 г. назначен председателем комиссии Кубано-Черноморского облревкома по борьбе с «бело-зелеными». В сентябре 1920 – январе 1921 г. – фактический руководитель казачьей секции областного ревкома. В январе 1921 г. избран кандидатом в члены облисполкома Советов. Убедившись в преднамеренности «расказачивания», в январе 1921 г. бежал с семьей в горы, где возглавил политотдел Кубанской повстанческой армии. Считался идеологом КПА. В октябре 1921 г. пойман и осужден. После тюремного заключения вернулся в станицу Елизаветинскую психически больным⁵⁷⁷. Возможно, «бумажная» жизнь легального Пилюка на красной службе и реальная жизнь сотника Пилюка в эти месяцы разошлись.

Савченко дает характеристику двух руководителей зеленой – бело-зеленой, антибольшевистской – Кубани, Пржевальского и Фостикова, и их разные подходы к организации повстанческой борьбы. Собственно, Фостиков никаким зеленым себя, очевидно, не мыслил.

«Пестрая гамма мотивов толкала казачество в зеленый стан. Одни убегали от красной мобилизации, другие боялись расплаты за ретивое участие в белом движении – атаманы, шкуринцы-волки, корниловцы-первопоходники, кое-кто зарвался в первые дни большевистской власти и был взят на заметку как неблагонадежный; эти боялись возможных кар. Немало было в повстанческом стане

и идейно не приемлющих коммуны. Лес их всех объединял общностью задачи – борьбы с красной властью. В лесу всегда находилось несколько человек сильной воли, «вождей»; вокруг них и собирались маленькие зеленые рати, постепенно сливавшиеся друг с другом.

Четкого, мало-мальски хотя бы определенного политического лица зеленая громада не имела.

На позиции рядом лежит в цепи казак-монархист, полагающий, что «без царя нельзя»... и казак-самостийник, убежденный, что «пора уже казачеству своей головой жить»... Тут же можно встретить и казака-большевика, который за казачьи советы, но без коммунистов. И всех их объединяет сегодняшний день, неприятие «коммун», которую упрямо насаждают большевики». Такова оценка кубанской зеленовщины лета 1920 г. Савченко, который сам влился в ее ряды.

«Крыжановский и Фостиков... Вокруг этих двух имен сконцентрировались две значительные повстанческие группы, работавшие в параллельных направлениях, каждая на свой страх и риск.

Это не враждебные друг другу группы, но и не дружественные.

Два зеленых центра...

Лихой генерал и «полосатая рубаха»...

Полковник Крыжановский, полагаю, был далек от игры в кубанского Наполеона. Он подчинил бы, несомненно, свой корпус генералу Фостикову, если бы не было некоторых принципиальных «но».

Главное «но» состояло в том, что Фостиков вел себя как диктатор. Создав вокруг себя правительство, составленное из случайных людей, Фостиков стал на него опираться как на «кубанскую власть». Он объявил мобилизацию, за уклонение от которой грозил всяческими карами; он учредил зеленый военно-полевой суд. К местным казакам, так или иначе причастным к советской администрации (а таких было, разумеется, немало), применялись кары. Террор получил права гражданства на территории фостиковской Кубани.

Фостиков не только очищал станицы от красных, но и брал на себя устройство их внутренней жизни: он восстанавливал «старую власть» своей властью, а не волей населения.

С фронтом Врангеля он не искал смычки. Поскольку Врангель был «продолжением» Деникина, Фостиков относился к нему недружелюбно, памятуя игнорирование Добрармией кубанской автономии.

Фостиков в своей борьбе с большевиками ориентировался на самого себя.

Не то было в корпусе Крыжановского.

Крыжановский освобождал станицы от большевиков, но не насаждал там никакой власти. Он предоставлял станицам свободу самоустройства.

Фостиков армию свою строил на «старый образец»: офицеры и казаки были в погонах. Офицерам дана у него дисциплинарная власть.

Крыжановский сам не носил погон и удерживал от этого своих офицеров. Не запрещал, но отговаривал, замечая, что «это» еще успеется, а пока не всем повстанцам это импонирует. Дисциплинарной власти офицеры Крыжановского не имели. Он был сторонник добровольного подчинения. Кто не хотел подчиняться, мог уходить из корпуса, но наказаний за неподчинение Крыжановский не признавал.

Корпус тяготел к России, которую армия Врангеля представляла сейчас. К Врангелю через Кавказские перевалы Крыжановский послал гонцов и ждал «приказа главнокомандующего».

Крыжановский в своей борьбе с большевиками ориентировался на Крым. Не враждуя, но и не дружа, развивались 1-й Отдельный Кубанский повстанческий корпус и Армия Возрождения России, каждый сам по себе».

Нам представляется, что Савченко излишне акцентирует внимание на слове «зеленый» применительно к формированиям Фостикова. Он активно разворачивал, на регулярной основе, свои части, дав им название «Армия возрождения России» и сломив сопротивление в этом вопросе кубанцев-самостийников. Фостиков бескомпромиссно возрождал казачью власть, не считаясь с тем, что в условиях частой смены власти и партизанской войны это тяжело отражалось на населении. «После свержения ревкомов и расстрела «главарей», нередко казаков же освобожденных станиц, Фостиковым сейчас же восстанавливалась «старая власть», т. е. выплывал на сцену доревкомный атаман. Этот атаман, надо думать, не очень благословлял свою атаманскую судьбу, зная, что не сегодня завтра Фостиков уйдет из станицы и вслед за ним придут красные, которые сделают с зеленым атаманом то же, что сделал Фостиков с красным председателем ревкома. И чем Фостиков строже расправлялся с главарями станичной коммуны, тем больших бед ожидала станица и ее несчастный атаман, поставленный, в конечном итоге, не столько для управления станицей, сколько для того, чтобы быть ответчиком за Фостиковский суд над станичным ревкомом». Крыжановский был более мудр, строя сопротивление в новых условиях, но воинственная позиция Фостикова стянула под его командование большую часть казачьих сил. В результате собственно «зеленая» Кубань не состоялась, состоялась белоповстанческая.

В Южном Крыму был еще один очаг зеленого движения. Горы помогали скрываться от мобилизаций. Местные зеленые-дезертиры не были агрессивны, население им сочувствовало, помогали и деникинские стражники. Политическая часть штаба главнокомандующего ВСЮР 4(17) апреля 1920 г. в своей сводке по итогам работы в крымских деревнях Особого агитационного отряда констатировала и без того известную вещь — чрезвычайную усталость от гражданской войны и экономической разрухи. Даже интерес к земле отошел на второй план. «Крестьяне измучены реквизициями и поборами всяческих отрядов разных комиссий и даже отдельных групп неизвестных людей в военной форме.

Эти поборы, реквизиции и утеснения крестьян сильно настроили их против Добровольческой армии, и исправить нет возможности никакими посулами и обещаниями, вера в кои давно утеряна». Требовалось уделить внимание обострявшемуся продовольственному вопросу, ибо «голод наделяет больше бед, чем полчища красных»⁵⁷⁸. Понятно, что с такими настроениями крымские зеленые уверенно себя чувствовали в горных районах, но вряд ли были настроены выходить на открытую борьбу с белой властью.

Ситуацию изменила организующая рука большевистской партии. С января 1920 г., с появлением в горах бежавших большевиков и усилением белых репрессий, зеленые превращаются в «красно-зеленых» и переходят к повстанческой борьбе. Генерал Врангель писал о считанных десятках зеленых весной, которых, однако, усиленно пополняли большевики моторными катерами из Новороссийска и Анапы. Причем он полагал поначалу, что зеленых возглавлял капитан Орлов, автор печально известной авантюры.

В то же время основа более организованной силы, которая вскоре преобразуется в Повстанческую армию, — это никак не местные дезертиры. Это группа П. Макарова,

бывшего адъютанта командующего Добровольческой армией В.З. Май-Маевского и прообраза главного героя телесериала «Адъютант его превосходительства», бежавшие заключенные Симферопольской тюрьмы, боевики подпольных партийных комитетов, бывшие пленные красноармейцы. 5(18) августа 1920 г. в Крым была переброшена организаторская команда А.В. Мокроусова. Она стала активизировать повстанческую борьбу. К концу августа у Мокроусова было около трехсот человек в трех номинальных полках, при одном из которых находился областной ревком о главе с Бабаханом (Бабаханяном). Однако контрразведка разгромила партийное подполье, в руки опытного генерала Климовича попало управление государственной стражей, так что больших успехов красно-зеленые не достигли. Документально устанавливалась работа красной фронтовой разведки совместно с Мокроусовым. Накануне эвакуации даже конвой главнокомандующего был отправлен под Ялту, чтобы окончательно загнать в горы зеленых Мокроусова. Генерал Врангель высоко оценивает деятельность бывшего директора Департамента полиции МВД Климовича по очищению тыла армии от большевистских агентов и зеленых⁵⁷⁹. У Мокроусова произошел конфликт с Бабаханяном, окрасивший внутренние взаимоотношения в Повстанческой армии. В группе состоял и И.Д. Папанин, вскоре – активный участник крымских расстрелов, а впоследствии – знаменитый полярный исследователь. Но, собственно, все это уже относится не столько к зеленому движению, сколько к организации коммунистами повстанческой борьбы в тылу неприятеля. Повстанческая армия красно-зеленого цвета даже в ноябре 1920 г. не превышала 2 тысяч человек⁵⁸⁰, а скорее всего, была куда меньше (в сентябре – около 500 человек). Такие зеленые, с местным элементом, оказались хорошим подспорьем для ЧК и особых отделов. 8 декабря 1920 г. начальник особого отделения 9-й стрелковой дивизии сообщал во фронтовой особый отдел о получении в свое распоряжение отряда из 160 зеленых с четырьмя пулеметами, который должен был облегчить поиск бежавшей «буржуазии и офицеров», так как отряд «довольно сильно сплоченный и хорошо дисциплинированный... знающий в горах и лесах тропинки и места, где могут спрятаться...»⁵⁸¹.

Очевидно, обычные дезертиры-зеленые не поспешили в ряды Повстанческой армии Крыма, предпочитая жить своей жизнью. Профессор Брандт проживал в 1920 г. на крымском побережье, на своем хуторе Семидворье в нескольких верстах от Алушты. Он пишет, что зеленые под Алуштой появились в начале лета. Они нападали на помещиков и садовладельцев, сначала в горных районах, а в июле стало слышно о нападениях на приморские владения. «Эти зеленые представляли из себя сброд татар и русских, главным образом дезертиров, которые держались в горах, были хорошо вооружены и иногда сами называли себя передовыми отрядами советских войск. Местное татарское население нередко укрывало их в деревнях». 12 августа состоялось нападение на Семидворье. Выглядело оно так. Вечером хозяева и гости – семья профессора из Симферополя – пили чай. Внезапно трех немолодых мужчин и двух дам окружили восемь человек русских и татар с ружьями и револьверами. Всех отвели в подсобное помещение, заперли и принялись грабить вещи в доме. Кухарка еще ранее была «пленена» и заперта на кухне. Затем зеленые вернулись к пленникам, стали выводить по одному и отбирать носильное платье. При этом произошел выразительный курьез. Хозяин безропотно отдал сапоги, указав, где в доме находится вторая пара, но решительно воспротивился отобранию сапог у гостя-профессора – ему идти шесть верст до Алушты, а он не привык ходить по камням, – и у садовника, «которому сапоги очень нужны». К удивлению Брандта, «они вернули сапоги обоим... Почему-то они стали нас убеждать, что им в горах и в лесу крайне нужны все наши вещи, так как им приходится жить под открытым небом, часто голодать и по ночам страдать от холода». Зеленые удалились, отпустив кухарку и приказав ей через четверть часа после своего ухода освободить вновь

запертых хозяев. Грабеж есть грабеж, но в этой сценке не чувствуется ни криминального, ни идейного содержания. Перед нами типичные зеленые-дезертиры, промышляющие сравнительно безопасным грабежом. Еще один налет на Семидворье, также бескровный, при котором были «утащены» некоторые вещи, состоялся уже в последние дни перед падением белого Крыма⁵⁸².

После эвакуации русской армии в Крыму продолжилось сопротивление большевикам, но оно не было «зеленым». В основном это были остатки белых формирований, местные татары. Писатель И.С. Шмелев сделал своим героем командира такого отряда в рассказе «Чертов балаган» 1926 г. В чекистских сводках по Крыму за 1921 – 1922 гг. часто упоминается бандитизм уголовный и бандитизм политический, но определение «зеленый» является редким. Возможно, о попытке возродить зеленое повстанчество с белым акцентом идет речь в следующей информации от января 1922 г.: «...заслуживают внимания сведения о формировании отряда зеленых генералом Бабочкиным»⁵⁸³. Если информация верна, речь может идти о неких усилиях генерала А.А. Бабочкина (1866–1944), находившегося на тот момент или в Турции, или непосредственно в Крыму. Видимо, какие-то плоды эти и подобные усилия принесли. Обзор ГПУ за май – июнь 1922 г. сообщал, что крымским «зеленым бандам» оказывало поддержку организовавшееся в Константинополе Всероссийское объединение имени Козьмы Минина. Якобы имели место высадка разведчиков, использование курьеров, перемещавшихся в крымские порты на иностранных судах⁵⁸⁴. Отметим, что монархическое эмигрантское объединение и зеленые отнюдь не гнушались друг другом.

Наконец, еще один зеленый очаг возник на территории Всевеликого войска Донского. Это крестьяне-повстанцы наименее казачьего Таганрогского округа. Округу в 1918 г. выпало жить под тремя слабо разграниченными юрисдикциями – украинской, германской оккупационной и донской. Антиказачьи восстания были показательно жестоко подавлены, в результате призывные контингенты округа стали проблемой для донского командования. Интересно, что белая газета с известным сочувствием пишет о тамошних зеленых. Заметка о зеленых северо-западного угла Таганрогского округа, поросшего лесом, называлась «Зеленчуки» и помещена была в сентябре 1919 г. в официозе – «Донских ведомостях». В заметке говорилось, что стража с местными зелеными немилосердна, а армия лишается, может быть, нескольких сотен солдат. Жили зеленые грабежом. Надо полагать, лесной «угол» собрал не только местных, но и всех наиболее упорных таганрогских повстанцев, которых некому было добровольно кормить. Отсюда и неизбежный грабеж⁵⁸⁵.

Сходные с зеленовищиной явления наблюдались и в других местностях. Прикамье и горнозаводской Урал дали в 1918 г. примеры массового антибольшевистского повстанческого движения. И здесь основой было дезертирство или массовое уклонение от службы в РККА.

Приведем несколько штрихов из жизни Вятской, Пермской, Уфимской губерний. В Ториальской волости Уржумского уезда в середине марта 1919 г. наблюдалось скопление дезертиров, население отказывалось выполнять казенные наряды⁵⁸⁶. В связи с неудачами на Восточном фронте кулаки «начинают поднимать голову». В Малмыжском уезде расклеили воззвания с призывом свергнуть советскую власть и восстановить самодержавие. В Нолинском уезде – частичные контрреволюционные выступления. Советский уезд переполнен дезертирами, распространявшими «самые нелепые слухи» о взятии Глазова, эвакуации Вятки, о сожжении хлеба в Котельниче и пр. Со слухами ЧК и исполкомы «усиленно» боролись (1 апреля)⁵⁸⁷. Это настроения периода колчаковского наступления. После отлива белых войск наблюдалась знакомая картина: дезертиры группировались, перемещались в лесные

массивы. Так, в Глазовском уезде мобилизация проходила успешно, дезертиров было сравнительно мало. Они группировались в лесах Афанасьевской, Бисеровской, Георгиевской и Гардинской волостей (30 августа). Организованные банды дезертиров в Вятской губернии не обнаружены. Но в лесах Вятского, Котельнического и Глазовского уездов скрывались отдельные группы. По всей губернии действовала разведка и отряды по борьбе с дезертирством... В Котельническом уезде замечался наплыв дезертиров в леса, граничащие с Костромской и Вологодской губерниями. Население покровительствовало дезертирам (31 августа)⁵⁸⁸.

В Карьковской волости Осинского уезда Пермской губернии 6 сентября вспыхнуло восстание дезертиров, к которому присоединились банды колчаковцев. Восставших около 400 человек пехоты и 50 кавалеристов при двух пулеметах, организатор – подпрапорщик Зенин. «При отступлении колчаковцы оставляли по уездам такого рода организационные партизанские отряды, закапывали в землю оружие и т. д. Такого же рода восстание дезертиров и белогвардейцев вспыхнуло на севере Чердынского у.»⁵⁸⁹. Подпрапорщик Зенин – известный белый партизан. В Красноуфимском уезде от мобилизации уклонялись, 40 % подлежащих бежали в леса и группировались в шайки, располагавшие оружием. В Верхотурском уезде в лесах также скрывались дезертиры (21 ноября 1919 г.)⁵⁹⁰. Командующий Запасной армией Б.И. Гольдберг докладывал 14 января 1920 г. главкому С.С. Каменеву «О восстании зеленых банд в районе Златоустовского, Красноуфимского и Бирского уездов» в декабре 1919 г. На подавление было поднято до 10 тысяч человек, в то время как реальное число восставших не превышало 100–200 человек или, в самом драматичном случае, 500–600⁵⁹¹. Штаб Уральского сектора ВОХР сообщал 4 января 1920 г. о препровождении в Уфу за истекшие сутки 181 арестованного зеленого; часть арестованных пыталась бежать и была расстреляна. Составитель сводки полагал, что дело о восстании в Красноуфимском уезде можно было считать ликвидированным⁵⁹². Интересно, что Гольдберг и штаб ВОХР употребляют название «зеленые», хотя оно не было в ходу в этих краях. Указанные уезды активно участвовали в белоповстанческом движении, дали много добровольцев в белые войска, в том числе Златоустовско-Красноуфимскую добровольческую бригаду, но название или самоназвание «зеленые» здесь не было распространено. Для Гольдберга «зеленые» выступали уже как обобщающее наименование повстанцев.

«Зеленое» наименование возникло в 1920 г. на Южном Урале. Второе издание зеленого движения здесь объясняется фронтовой судьбой этого обширного края на протяжении 1919 г. С весны 1920 г. в регионе начинают фиксироваться значительные дезертирские скопления при высоком уровне дезертирства и уклонения от службы. В августе – сентябре

1920 г. здесь будут действовать по меньшей мере две зеленые и даже единственная в стране голубая армия. Данные сюжеты подробно исследованы в монографии Д.А. Сафонова⁵⁹³. Предложим краткое изложение местного «зеленого» сюжета. Голубая армия, немногочисленная, но сравнительно хорошо организованная (штаб, типография, опознавательные знаки и т. п.), базировалась на оренбургские станции челябинского отдела и возглавлялась казачьим офицером Мировицким. Армия выступала за Учредительное собрание. Очевидно, неожиданный цвет был избран для подчеркивания характера армии как беспартийного объединения. В Кустанайском уезде новосозданной Челябинской губернии зеленая армия сформировалась в ответ на мобилизацию в августе 1920 г. Она не превысила 500 человек и к концу месяца была разбита. У восставших были связи с неким красным командиром. Отметим, что кустанайские крестьяне не раз были свидетелями и участниками вооруженных движений. Это и жестоко подавленное столь же жестокое анти-колчаковское восстание весной 1919 г., это краснопартизанское движение

Жиляева летом того же года. Именно в Кустанайском уезде красная разведка обнаружила в апреле 1920 г. первый крупный дезертирский отряд в несколько сотен человек. Зеленая армия возникла в начале августа 1920 г. и в Миасском уезде. Здесь было значительным казачье и башкирское участие. Восставшие действовали партизанскими методами, на протяжении октября последние отряды оказались разгромлены. В этом случае заявлялась приверженность Учредительному собранию, но также и Красной армии. Очевидно, «зеленое» название в пропаганде восставших особенно не педалировалось.

Зеленые часто оцениваются как третья сила в Гражданской войне. «Третья сила» – характерное понятие для периодов острого противостояния. Такой статус получает любой «лишний» на поле, где два основных очевидных игрока. На уровне партийно-политическом сколько-нибудь весомую «третью» позицию никто сформировать не смог. И у этого явления были глубокие корни в самой русской политической жизни.

Яркую и нелицеприятную характеристику русской партийной жизни дали авторы записки императору Николаю II, составленной в кружке правых Римского-Корсакова в ноябре 1916 г. Авторы предупреждали, что русская политическая жизнь построена на настроении, а не убеждении, отмечали «полную, почти хаотическую, незрелость русского общества в политическом отношении». Они прозорливо писали, что, при появлении конституции (или «ответственного министерства»), верх быстро возьмут крайние элементы, за которыми последует полный коллапс, «революционная толпа» – «коммуна» и, наконец, «мужик-разбойник»⁵⁹⁴. Гражданская война показала, что на политическом поле всякого рода третьей силы оказались величиной, не имевшей шансов на успех.

Под третьей силой понимают и самостоятельные повстанческие силы, и революционные формирования, не готовые безоговорочно вписываться в систему партийной большевистской власти, и политические структуры, прежде всего эсеров. Некоторые из них сами заявляли некую «третью» позицию. На Украине была популярна идея «третьей» революции, анархо-уравнительного толка. Эсеры провозглашали принцип: «Ни Ленин, ни Колчак». Их лидер и теоретик В.М. Чернов еще в 1915 г. объявлял о необходимости выстраивать третью силу во всеевропейском масштабе, чтобы повлиять на условия будущего мира⁵⁹⁵. Довольно сложная картина эсеровских эволюций в ходе Гражданской войны ныне описана и обеспечена документальными публикациями. ПСР после колчаковского переворота встала на позицию «третьей силы», считая при этом белую «силу» большим врагом, чем красную. Партия стремилась дожидаться консолидации демократических сил. Во время начинавшегося мощного зеленого движения в июне 1919 г. состоялся Девятый совет ПСР, на котором приняли решение «беречь народные силы» для неизбежного «назревающего общего движения». Однако этого не случилось, а отстраивание партийных крестьянских братств в деревне больших результатов не дало. Соотношение эсеровских и беспартийных союзов трудового крестьянства в Тамбовской губернии выявило это вполне четко. Партия отрицала «вспышкопускательство», то есть поддержку разрозненных крестьянских выступлений⁵⁹⁶.

В 1921 г., во время кронштадтского выступления, Чернов уже делает ставку на поддержку восставших широкими слоями населения, вспоминает и слово «зеленые», полагая, что холода и распутица не давали им быстро мобилизоваться. По мнению В.М. Чернова, во время Кронштадтского восстания настроение населения Петроградской, Псковской и Новгородской губерний было «более чем подходящим» для действий небольших вооруженных отрядов, вооружающих и

присоединяющих к себе крестьян⁵⁹⁷. Однако рассуждения об этом задним числом политической ценности уже не имели.

Вполне естественно, что основные борющиеся силы в годы Гражданской войны третировали всевозможные варианты особого пути и третьей силы. В советской традиции всячески высмеивался обыватель, который стремится спрятаться от ветров истории, исповедует позицию «моя хата с краю». На процессе Ф.К. Миронова государственный обвинитель Смилга так оценивал поход Миронова с его Донским корпусом: «...«я», говорит Миронов в своем воззвании, «призываю в ряды своих войск всех» «зеленых», всех «так называемых дезертиров» и т. д., «при помощи которых я создам грозную силу, которая сломит Деникина», Это бахвальство. Бессмысленное, преступное бахвальство, ибо никакой армии из «зеленых», людей, смертельно уставших от войны, убегаящих из рядов Красной армии, никакой грозной силы, никаких боевых кадров не создать. Вы сами знали, что этот путь сомнительный, что эта сделка – обман. Вы поднимаете борьбу и против Деникина, и против коммунистов». Далее Смилга называет социальный идеал Миронова «полутолстовской, полусентиментальной мелодрамой»⁵⁹⁸. Надо сказать, что Смилга прав. Миронов – человек экспансивный, склонный к позерству, чувствительный к славе и известности, что не раз проявлялось уже с лета 1918 г. Действительно, вождем могучей «третьей силы» его вообразить трудно. С.И. Гусев (ЯД. Драбкин) с презрительной иронией писал о красноармейцах: армию приходилось строить «из того же самого темного, невежественного, забитого крестьянства, которое не понимало даже того, что помещик неминуемо захочет вернуть себе отнятую у него... и розданную крестьянам землю». Эту простую мысль приходилось вдалбливать месяцами. Крестьянин, пока не испытал на собственной шкуре белой власти, не шел в Красную армию, «воевать отказывался, укрывался в лесах, образуя там обширные «зеленые» банды дезертиров, помогал помещику, когда наступали мы, помогал нам, когда наступал помещик, – словом, основательно «пакостил» и той, и другой стороне»⁵⁹⁹.

В Зарубежье недавние белые также высказывались о том, что всякого рода «третьи» позиции только работают на руку противнику. О смертельном для белого тыла тандеме большевиков-подпольщиков и сочувствующих им легальных эсеров-общественников писал в известных воспоминаниях «Белая Сибирь» колчаковский генерал К.В. Сахаров. О том, что эсеровский лозунг «Ни Ленин, ни Колчак» всегда на практике означал «Ленина», определенно высказался А.А. фон Лампе. Генерал А.В. Геруа бросает тяжелые упреки генералу А.И. Деникину за способы ведения войны, а именно за непонимание важности союза с местными нерегулярными силами. Это еще один вариант отношения к «третьей силе». Для генерала Геруа «обрегуляривание» партизанских сил и использование таковых для контроля тыла и самооборончески-полицейской службы – естественный ход, которым пренебрегли белые и проиграли⁶⁰⁰. Обратим внимание на то, что псковский «бело-зеленый» пример в этом отношении может быть засчитан как сравнительно удачный для белых.

В новой истории партия выступает механизмом востребования и выстраивания массовой активности. Можно согласиться с мнением, что партии в 1905–1917 гг. были организациями интеллигентского типа, с очень небольшим охватом населения: 0,5 % в 1905–1907 гг., 1,2 % в 1917 г.⁶⁰¹ После крушения самодержавия традиционное сознание большинства населения стремительно социализировалось, полагает С.В. Леонов⁶⁰². С.В. Лурье проникательно заметила, что эсеры весьма точно (в программе и агитации) выстроили идеологию крестьянской общины, но... без Бога⁶⁰³. А. Грациози писал об устойчивом ядре требований в крестьянских восстаниях 1918–1919 гг. при величайшей пестроте местных условий и обстоятельств. К этому ядру он относил требование «черного передела», самоуправление,

свободную торговлю. Грациози отметил, что большинство этих требований вполне эсеровские, но это никак не означало доминирования эсеров в движении или принятия их программы большинством крестьянства. А. Вентури разумно связал эту повсеместную «эсеровщину» с популистским характером партии, которая старалась попасть в шаг с крестьянскими требованиями⁶⁰⁴. Партия была вторична по отношению к движению. М. Френкин отметил, что разгром большевиками левоэсеровских организаций нанес мощный удар по крестьянскому повстанчеству, лишив его военной и политической поддержки⁶⁰⁵. В то же время Т.В. Осипова считает, что левые эсеры осенью 1918 г. «потеряли массы»⁶⁰⁶, хотя многие организации оставались на легальном положении, и фактор разгрома нельзя однозначно считать определяющим. Такой же вывод сделал и Ю. Фелынтинский⁶⁰⁷. В конце 1920 г. точно так же «потеряли массы» большевики, что и вызвало поворот к нэпу. На Украине, в сложной обстановке интервенции, массового повстанчества и усиленного насаждения «социалистического земледелия» наиболее ярко проявилось расхождение народного самоназвания «большевик» и ненавидимой фигуры «коммуниста». Это говорит о том, что в ходе Гражданской войны никакая партия не смогла создать устойчивую инфраструктуру в крестьянской среде, которая бы руководилась программными требованиями партийной верхушки. Наоборот, внутрикрестьянское противостояние и отношения деревни и города достаточно легко приобретали нужную партийную окраску.

Большевики и левые эсеры жестко противостояли друг другу в 1918 г. Эсеровская партия также разбилась на группы и направления, которые пытались заново консолидироваться на той или иной платформе. Две небольшие народнические партии – народников-коммунистов и революционных коммунистов – были довольно быстро поглощены РКП(б). Нельзя забывать о значительной переоценке ценностей многими социалистами и революционерами.

Современники и исследователи отмечали близость самоощущений в партиях низов – социалистических и правых, что породило парадоксальное выражение «белое и красное черносотенство»⁶⁰⁸. Крестьянское сознание с 1917 г. стало практически тотально социалистическим. Но социализм как партийная доктрина и народный социализм как идеал социальной справедливости могли весьма далеко расходиться. Параллельно с победоносным шествием социалистических доктрин начался и возврат населения к религиозной жизни. О социализме как социальной доктрине с симпатией отзывался такой сильный религиозный мыслитель, как епископ Андрей, князь Ухтомский, отрицающий социализм как атеистическое учение.

Подобным образом обстояло дело и с анархизмом. В 1917–1918 гг. анархизм завоевал значительные позиции в радикальном революционном движении. Известна знаменитая оккупация особняков анархистскими группами в Москве, пресеченная, с перестрелками, в апреле 1918 г. силами ВЧК. Низовой анархизм был следствием желания сельского сообщества отгородиться ото всех нагрузок, которые традиционно накладывало на деревню государство. Интересно, что в партизанско-повстанческом движении в Гражданскую войну просматривались сходные явления в разных регионах. Так, в угольных регионах Донецкого и Кузнецкого бассейнов родились симпатии к анархизму в широких кругах сельского населения, постепенно оставлявшего сельские занятия. Это вылилось в поддержку Махно в одном случае, в анархистские партизанские формирования Рогова и Лубкова – в другом. Проблемой связей и переключек в анархистском движении в разных регионах России продуктивно занимался А.А. Штырбул.

Массовый анархизм также не имел выраженного партийного лица. Анархизм в массах воспринимался как выражение свободолюбия, нежелания подчиняться государственному насилию. Анархизм как эмоция выступает неизбежным этапом

революционного процесса, если ориентироваться на понимание этого процесса П.А. Сорокиным. Таким образом, эмоция анархизма – воли, нежелания вписываться в социальные институты, как традиционные, так и новые, навязываемые новой властью, во многом мотивировала наиболее активный сегмент молодого крестьянства в разных потоках повстанческого движения.

Крестьяне, востребуя лозунги, аргументацию, уровень образования своих партийных городских знакомых, никогда не были целиком ведомы в политических решениях. Наиболее яркий пример – Тамбовское восстание. Союзы трудового крестьянства не были идентичны эсеровским ячейкам, и движение в целом не руководилось эсеровскими структурами. Сам А.С. Антонов ко времени развития массового движения должен быть назван «бывшим эсером». Он сохранил народнический строй мысли, но уже не руководствовался хоть в какой-то мере партийными установками своей когда-то партии. Большевики любили подчеркивать эсеровскую принадлежность всякого рода заговорщиков и врагов нового строя. Правда в этом то, что многие народнически мыслявшие люди оказывались в рядах активных противников большевиков. Но часто они уже не были членами работоспособных эсеровских организаций.

Отрывочная информация о небольшевистских партиях в деревне скорее подтверждает соображение о бесконечной мимикрии, с одной стороны, и «классовых» прочтениях врага – с другой. Так, в Керенске «имеется организация революционных коммунистов из восьми активных членов. Председатель – известный богач, левый с.-р., все остальные, за исключением одного, – анархисты, бывшие левые с.-р. Ведут агитацию, пользуются доверием крестьян и приступают к организации волостных ячеек». Коммунист-богач, анархисты из бывших эсеров указывают на то, что деревня успешно отыгрывала легальные возможности выгодных группировок. Еще одно подобное свидетельство: в Чембарском уезде, по недостоверным, правда, данным, обнаружилась организация левых эсеров и меньшевиков (вместе?). Они пользовались популярностью и выступали под лозунгом Учредительного собрания. Разбрасывались прокламации: «Да здравствует Колчак!» Дезертиры устраивали собрания, на которых также присутствовали дезертиры Сердобского уезда Саратовской губернии. Имелась связь с последними и дезертирами в районе Ртищева, а также сношения с Шильциным и Кудряшовым – главарями восстания 1918 г. По недостоверным сведениям, оружием снабжались от чембарского уездного военкома. Организация выступала под лозунгом: «Да здравствует Колчак и его Учредилка!»⁶⁰⁹ Опять-таки левые эсеры и меньшевики с «Колчаком и его Учредилкой» вяжутся плохо. Очевидно, речь идет либо о весьма основательно испорченном информационном «телефоне», либо об огульном приписывании эсерства и меньшевизма противникам РКП(б). В селе Ивановка Льговского уезда открылась организация правых эсеров во главе с «офицерами и бывшими полковниками Воротниковым, Петуховым, Гетманским и др.» (7 сентября 1919 г.)⁶¹⁰. Такое сгущение в одном селе эсеров-полковников вызывает обоснованные сомнения.

На уездном уровне партийная жизнь и борьба были ипостасью местного противостояния или же бытием малодеспособных группок интеллигенции.

Коммунистические же силы в деревне были чрезвычайно малы. 18 мая 1919 г. Калужский губком РКП(б) на расширенном заседании подвел итоги партийной мобилизации. Она прошла с большим успехом во всех уездах губернии. Калужская городская и уездная организации направили на Восточный фронт 100 человек, Козельская – 118, Мосальская – 94, Тарусская – 62, Людиновская – свыше 50 коммунистов. Партийные организации губернии к этому времени послали на Восточный фронт 550 коммунистов. Значительная часть мобилизованных выехала

на фронт во второй половине мая 1919 г. «Тихон Ларичев — такова, товарищи читатели, фамилия шкурника, бывшего коммуниста, отказавшегося ехать на фронт и задумавшего еще оправдаться тем, что он в старые времена несколькими комиссиями был освобожден от воинской службы. Запомни же, трус, что для коммуниста нет болезней, если долг требует жертвы!» — клеймила уклониста местная газета. То есть на губернском уровне несколько сотен коммунистов — это максимум, который можно собрать в чрезвычайных обстоятельствах⁶¹¹.

Ситуация не исправилась даже к концу 1919 г., по итогам победных боев на главных фронтах и победы над агрессивным дезертирством. В протоколах Восьмой конференции РКП(б), состоявшейся в начале декабря 1919 г., сугубо оценочно говорится о примерно 4 тысячах сельских ячеек и ориентировочно 60 тысячах коммунистов в сельских и волостных ячейках. Губкомы и укомы «только в самое последнее время» приступили к работе в деревне, не везде имелись организаторы и т. п.⁶¹²

Соответственно, и в зеленом движении искать более или менее организованную единую руководящую партийную руку не имеет смысла. Как раз многочисленные многолюдные зеленцовщины 1919 г. служили формой политического участия такого «политического фактора», как крестьянство в целом.

Массовость дезертирства и зеленого движения вызывала внимание разных сторон и в разных жанрах. О зеленых писала пресса, как белая, так и красная. Зеленые, или дезертиры, оказывались в поле агитационного воздействия красных и белых органов пропаганды. О зеленых слышали, читали, размышляли образованные обыватели. Наконец, иногда фиксировалась и рефлексия самих участников «житных полков» и «кустарных батальонов».

Красные активно обращались к дезертирам. Они использовали как агитацию, так и художественные средства. Восьмой съезд РКП(б), провозгласивший поворот к трудовому крестьянству, настойчиво предлагал создавать «богатую сеть народных домов», соединять политическое просвещение с «жизненными задачами крестьянина-земледельца»⁶¹³. В красной газетной пропаганде неизменно высмеивались всякие желания и попытки пересидеть войну или создать некоммунистическую крестьянскую власть без «попа и урядника» как недалекие и утопичные. На этом строилась напористая пропаганда, неизменно подкрепляемая угрозой репрессий.

Интересно, что Белое движение практически не адресует к зеленым и дезертирам из Красной армии. Печать о них пишет, но на уровне плаката — наиболее выразительного печатного средства, обнаруживается полное молчание. В сентябре 1919 г. в Омске выпущен плакат с призывом идти в армию, утверждавший, что «дезертир не даст мира ни своей семье, ни своему народу»⁶¹⁴. Но это классическая тема любой стороны.

Белая пресса неоднократно упоминает зеленых в красном тылу, рассматривая их как союзников и как свидетельство антибольшевистского настроения деревни. Одна колчаковская газета писала в августе 1919 г. о том, что в тылу красных растут зеленые из недавних фронтовиков⁶¹⁵. В сентябрьской, 1919 г., листовке, очевидно выпущенной на

Востоке, говорится о том, что «по всей совдепии идет партизанская война зеленых»⁶¹⁶. В заметке «Зеленая армия» еще одно издание, уже в начале октября, сообщало, что бежавшие из Красной армии и от мобилизаций крестьяне во многих местах соединились в отряды, живущие по лесам. Отборные каратели заняты на фронтах, «а «зеленые» все подкапливаются да подкапливаются»⁶¹⁷. Через некоторое

время та же газета сообщила, ссылаясь на красное радио, что в районе Батраки – Сызрань скопилось свыше 50 тысяч дезертиров из Красной армии⁶¹⁸.

Царицынская газета «Неделимая Россия» также отозвалась на актуальную тему. Заметка «Зеленая» армия» была опубликована в первой половине июля. В ней сообщалось, что в последних сводках не раз отмечались действия в красном тылу зеленых отрядов. Это не те зеленые, что грабят в Черноморских горах. Саратовские и тамбовские зеленые – это отряды восставших крестьян. Они облегчают наше продвижение вперед, так же как и Верхнедонское восстание и бунты на Украине. Но главное – аспект политический. На какое-то время большевики пленили сердце русского крестьянина. Но мужик проснулся и идет с дубиной на «коммунию». Россия – крестьянская страна, «мужик же сейчас с нами, – с казаками и добровольцами»⁶¹⁹. Эта тема вскоре вновь появилась в газете. «К моменту прихода добровольцев среднее крестьянство Царицынского и Камышинского уезда пришло к убеждению, что «хозяйству их все одно – конец», а потому, если придут казаки, надо соединяться. И действительно, перед добровольцами все время беспокоили красных зеленые отряды, по-волчьи забиравшиеся в села с целью «пристукнуть комиссара»⁶²⁰. Скорее всего, так и было. Зеленые действовали весьма адресно, не собираясь воевать с красноармейскими частями, а наказывая или нейтрализуя как раз ту силу, которая отравляла жизнь на месте.

«Донские ведомости» сообщили в июле 1919 г. о прибытии к донцам представителей зеленой армии. Посланники заявили, что «в Тамбове, Кирсанове и их окрестностях поголовное восстание населения против советской власти»⁶²¹. В сентябре та же газета упоминала разные слухи о Миронове и Мамонтове, которые гуляли в красных тылах, – в том числе об их объединении. Из-за этих слухов в советских частях происходили антивоенные митинги. В районе Серпухова якобы скопилось до 40 тысяч зеленых⁶²².

Известный московский мемуарист Н.П. Окунев также коснулся «зеленой» темы. Запись от 4(17) июня 1919 г.: «Очень развивается в красной армии дезертирство. Дезертиров так много, что они составляют из себя целые армии, которые так и называются в отличие от красных: «зеленая армия». На днях было даже объявление: если дезертиры явятся в течение семи суток, то им будет прощено». Окунев имеет в виду постановление от 3 июня. Показательно, что московский обыватель, далекий от военного дела, знает о зеленых и считает нужным фиксировать связанные с ними сюжеты. 6(19) июня 1919 г. он записывает не без недоумения: «Так и сказано в «Известиях: «Зеленой армией заняты Майкоп и Туапсе»⁶²³. «Известия» преувеличили, но интересно, что советский официоз обращает внимание на зеленых в белом тылу, так же как белые газеты – на зеленых в тылу красных.

Зинаида Гиппиус в своем остром и нелюбимом дневнике дает оценки народу и его отношению к войне. Ее «сводка» относится ко второй половине 1919 г.: «...Собственно народ, низы, крестьяне, в деревнях и в красной армии, главная русская толща в подавляющем большинстве – нейтралы. По природе русский крестьянин – ярый частный собственник, по воспитанию (века длилось это воспитание) – раб. Он хитер – но послушен, внешне, всякой силе, если почувствует, что это действительно грубая сила. Он будет молчать и ждать без конца, норовя за уголком устроиться по-своему... Ему довольно безразличен «коммунизм», пока не коснулся его самого, пока это вообще какое-то «начальство». Если при этом начальстве можно забрать землю, разогнать помещиков и поспекулировать в городе – тем лучше. Но едва коммунистические лапы тянутся к деревне – мужик ершится. Упрямство у него такое же бесконечное, как и терпение. Землю, захваченное добро он считает своими, никакие речи никаких «товарищей» не разубедят его. Он не хочет работать «на чужих ребят»; и когда большевики стали посылать отряды, чтобы

реквизировать «излишки», — эти излишки исчезли, а где не были припрятаны — там мужики встретили реквизиторов с винтовками и даже с пулеметами... Воевать мужик так же не хочет, как не хотел при царе, и так же покоряется принудительному набору, как покорялся при царе. Кроме того, в деревне, особенно зимой, и делать нечего, и хлеб на счету; в красной же армии — обещают паек, одежду, обувь; да и веселее там молодому парню, уже привыкшему лодырничать. На фронт — не всех же на фронт! Посланные на фронт покоряются, пока над ними зоркие очи комиссаров; но бегут кучами при малейшей возможности. Панике поддаются с легкостью удивляющей, и тогда бегут слепо, невзирая ни на что. Веснами, едва пригреет солнышко и можно в деревню, — бегут неудержимо и без паники: просто текут назад, прячась по лесам, органически превращаясь в «зеленых»⁶²⁴. Соображения Гиппиус близко сходятся с приведенными выводами П. Сорокина, надо заметить, хотя и высказаны в более жесткой стилистике. Интересно, что социалисты делали иные акценты в понимании крестьянского взгляда на жизнь и на революцию. И. Церетели указал на феномен, уже диагностировавшийся нами на других сюжетах: приверженность крестьян к государственному порядку с враждебностью крайним левым лозунгам, с одной стороны, и радикализм в вопросе о переходе в свои руки помещичьей земли — с другой. По его мнению, значимость для крестьянства правовой санкции на этот переход перевесила проявления бунтарской стихии, и большинство крестьянства готово было ждать Учредительного собрания. Однако крестьянство ждало мер против саботажа помещиками хозяйственной деятельности (или слухов, часто преувеличенных, о таком саботаже). Так родились земельные комитеты как сеть однотипных правительственных организаций. И. Церетели писал, вслед за В. Черновым, о неединичных случаях отказа целых волостей в 1918 г. принимать землю из рук большевиков, без санкции Учредительного собрания. Он делает вывод: «Результаты всех свободных крестьянских голосований, какие только имели место в революционной России, ясно показали, что организованные демократические методы решения аграрного вопроса гораздо больше соответствовали правосознанию большинства крестьян, чем методы самочинных захватов земли»⁶²⁵. Вопрос в том, насколько данные сомнения были продуктом правового сознания, а насколько — опасения оказаться виноватыми при очередном повороте событий.

Гиппиус пишет о парадоксальной ситуации: «Россией сейчас распоряжается ничтожная кучка людей, к которой вся остальная часть населения, в громадном большинстве, относится отрицательно и даже враждебно». Эта кучка людей опирается на силу «латышских, башкирских и китайских полков». Почему же эта власть держится? Гиппиус продолжает: «...мы знаем, что это именно так и должно было быть; но мы знаем еще, — и это страшно важно! — что малейший внешний толчок, малейший камешек, упавший на черную недвижность сегодняшней России, — произведет оглушительный взрыв. Ибо это чернота не болота, но чернота порохового погреба. Никаких тут нет сомнений у большевиков. Никаких нет и не было сомнений у нас, всех остальных русских людей. Отсюда понятно, что переживали мы в мае 19 года, мы — и они, большевики. Они, впрочем, трусы, а у страха глаза велики; при одном лишь том факте, что наступает лето, делается возможным удар на Петербург и все в городе ждут удара, — большевики засуетились, заволновались. А когда началось наступление с Ямбурга, — паника их стала неопишима... Целые коллективы, по вывеске большевицкие, в неусыпном напряжении ждали такой минуты... Красноармейцы, посылаемые на фронт, были проще и разговорчивее: «Мы до первого кордона. А там сейчас — на ту сторону». Помню их весело и глупо улыбающиеся лица»⁶²⁶. Гиппиус точно в представлении о глубоко неполитическом мышлении русского простолюдина. При этом «принудительная война, которую ведет наша кучка захватчиков, еще тем противнее

обыкновенной, что представляет из себя «дурную бесконечность» и развращает данное поколение в корне – создает из мужика «вечного» армейца, праздного авантюриста»⁶²⁷.

Г.А. Князев, петербургский интеллигент тридцати с небольшим лет, записывал в дневнике 10 июня 1919 г.: «Очень много дезертиров. Образовались целые отряды (банды) их. Их называют «зелеными». По-видимому от того, что они кочуют в поле, в лесу, прячутся в зелени... красные, белые, зеленые. Последние борются и против белых и против красных. Не они ли в конце концов будут победителями. Процент дезертирства очень высок». Наблюдение о победителях надо признать глубоким. Но интеллигентское сознание не воодушевляется зеленой силой, как и белой. Естественным исходом оказывается выбор меньшего зла: «И вот отсюда мое отношение к большевикам – ненавижу их от всей души, от всего ума, как ненавижу всякое насилие, всякую диктатуру, но не вижу исхода, не жду радости от «белых», «зеленых», «черных»... Из двух зол надо выбирать меньшее, и пусть лучше большевики, чем те, кто придет только мстить и восстанавливать свои имущественные права на свои каменные дома, особняки и имения...»⁶²⁸

Профессор Ю.В. Готье записывал в эти же дни, 22 июня (5 июля) 1919 г.: Деникин продвигается с юга, добравшись до Белгорода, Борисоглебска и Балашова. Красные «стараятся тянуть всех, кого могут, на защиту своего социалистического государства; выходит мало, но я все-таки боюсь, что выйдет достаточно, чтобы лавина вновь откатилась; боюсь, потому что откатывались прежние и потому что мы совершенно не знаем, что являет собою наступающая армия и какую помощь может ей дать явление дня, так называемая зеленая армия, т. е. громадные скопища дезертиров, накапливающиеся по всем углам Совдепии»⁶²⁹. Для Готье зеленые – сила безусловно антибольшевистская.

Сергей Семенович Маслов, активный народник, впоследствии лидер Трудовой крестьянской партии в эмиграции, окончивший жизнь под советским приговором, уже в 1922 г. дал подробный очерк пореволюционной жизни. Наблюдения С.С. Маслова разносторонни и интересны. Они касаются разных форм социальной активности и затрагивают в том числе зеленых. Он констатирует рост тяги к образованию, к расширению горизонтов в крестьянской среде. Если прежде русская интеллигенция была слишком «вселенской», а крестьяне слишком «тамбовскими», то по окончании Гражданской войны ситуация стала иной. Маслов оценивал состояние крестьянской психики как возбужденное и активное. Об этом свидетельствовали «густые кадры зеленых», восстания, попытки политических организаций, не в последнюю очередь – широкое развитие словесной литературы антибольшевистского толка. Он делает парадоксальное наблюдение, что в условиях разрушения государства культурный уровень деревни поднялся. «...Гнет усилил политическую активность деревни, он дал крестьянству сознание его классовой однородности внутри себя и сознание классовой особенности от других социальных слоев, он заставил усиленно работать его мысль». Маслов считал, что в 1918-м крестьяне лишь отзывались на антибольшевистские призывы, будь то призывы чехов или ижевских рабочих, а в 1919-м появляется самостоятельная сила – зеленые, партизанская тактика. Он разделяет зеленых на пассивных и активных. В ответ на репрессии происходят убийства коммунистов. Командир зеленого отряда говорил автору, что в лесах Костромской губернии, в зависимости от правительственного натиска, скрывалось от 4 до 30 тысяч зеленых. Еще один вид самозащиты – оборона своей территории от появления советской власти: в стране сотни волостей, в которых советской власти не было⁶³⁰. Показательно, что человек совсем другого настроения, М. Горький, в том же 1922 г. сделал сходные наблюдения: «...унижение хитроумного горожанина перед деревней имело для нее очень серьезное и поучительное значение: деревня хорошо поняла зависимость города от нее, до этого момента она

чувствовала только свою зависимость от города». И даже — «...ценою гибели интеллигенции и рабочего класса, русское крестьянство ожило»⁶³¹.

Гораздо труднее уяснить народное понимание зеленых, в том числе и самих участников лесной жизни. В этом отношении выразительные характеристики дают корреспонденты Софьи Захаровны Федорченко. В 1920-х гг. она представила читателям известный свод солдатских высказываний «Народ на войне». Третья его часть посвящена войне гражданской. Одна главка называется «Зеленые». «Зеленое — мирный цвет, без кровинки. А тут и красных и белых — каждого на зелень потянуло. Мобилизации — почем зря. А зеленые до того войны боялись — бесперечь им воевать пришлось. И грабить молодцы стали».

Свидетельства, собранные Федорченко, часто касаются мотивов ухода в лес, в зеленые. Есть откровенно рационалистические: «Я и при царе по куткам ховался, не дал шкуры своей. Нет тяжеле дезертирского житья. Я войну до последнего ненавижу. Я рад бы на свое дело силу тратить, да не на войне. А теперь только война и живет». И еще: «А я в лес ушел обдумавши. Месяц-два — кончится война, я целым выйду. А с мертвого калеки какая кому прибыль?..»

Но в большинстве случаев слышны мотивы усталости от крови, войны, желания «тишины». Вот эти свидетельства.

«Все терпел, раны всякие, страх. А то раз вскинулся я под звездами и до того удивился как бы, что спокойно. С тех пор ушел я».

«Думал я, думал: нигде тихого угла не видать... И ушел я в леса тишины искать. А в лесах нас-то, тихих, — полк. Так и жили, зелена поганили».

«Не мог я русской крови видеть, не принимал, что ли. И все мне разъясняли, — голова знает, а сердце неймет. Вот я и ушел в лес. А там и того хуже. Скажу — воры просто, для-ради себя и шкуры берегут».

«Кто как, а я прямо скажу: страхом хворать стал. Вот и убежал в зеленые. Хорошего мало».

«Кабы не зверел я в бою, может, и воевал бы. А то чисто тебе волк, ажно зубами врага брал, ажно сине в глазу. Памяти не станет. Чисто сумасшедший. Оттого и сбежал в леса».

«А кто и так: вот день, вот ночь — война и война, и краю ей не видать. От последнего устатку в леса». «...Черти мы зеленые», — говорит один из лесных, мечтавший стать летчиком, а не «летчиком». Любопытно, что мотив не страха, а усталости от бесконечно войны вполне понятен и советскому автору, который изучал дезертирство из РККА: старый солдат в Красной армии утомлен, он способен на одноактный героизм, но «эта масса бежала часто не от боязни участия в сражении, а от бесконечности этих сражений»⁶³².

Память участников сохраняла ощущения скудной и тяжелой лесной жизни.

«...Мы не то что бабы, а и печи, почитай, год не видали. От крови далеко, живем во зеленых лесах, и есть мы зеленые». «Как жили-то! Крови не лили, голодом томились, из лесу ни ногой: комарня, мошкарня, совий гук да волчий вой. В самой глуши курень под землею, да не хуже медведя хворостом закидано. Ни духа, ни солнышка. Болото разведем и спим в нем чередами и сторожко. Только зубы и светятся, до того в куреньках обкурились, до того зелеными обросли». В то же время долгая жизнь в лесах формировала свой быт, систему отношений с «легальным» миром. «Девки нас любили. Чего может — наготовит, да и жить с нами не отказывались. Хоть и лесные, а знает девка — и сегодня ты с ней, и завтра до ней. А военный — сегодня здесь, завтра бог весть. Лесные покойнее». «У нас в лесу и бабы

жили. Кто к мужу, кто к хахалю, а кто и от войны отдыхает». «Меня бабы за то жалели, что ласковый, что крови не любил. Просто под подолом спрячут, как какая-нито часть в селе». Житейский сюжет, оставшийся в памяти солдата Гражданской войны: он наткнулся на человека на сеновале: «Я и гукнуть не успел, как шепот его слышу. «Не кличь, — шепчет, — братишка, я зеленый, не бандит. Невинный я, здесь за провиантом был да за девичьей лаской в лес не успел».

Народное сознание отмечало разницу в настроении и повадках зеленых. «Двойкие зеленые есть. Бедные и богатые. У бедных в лесу подземный текущий куренек, хлеба корки немае, табачковым делом навоз занимается, на собственных ломотных костях спят, родною вонью греются. А есть богатые зеленые. Ковры у них и золото, сигары и вина разные, кони и даже машины. А коло них, на золотце, злыдни из простых людей снабжением ведают и как бы вестовыми служат», «Наши зеленые — те ничего. Пограбят от нужды, всякому впору. И различии не делают, кто красный, кто белый, кто еврей, — абы хлебушка. Те же зеленые геройствовать взяли моду. Налетом налетят, не то что хлеба, а всё берут, более всего — вина и вещи дорогие. Для ужаса евреев перебьют, как бы за коммуны», «Захватили они нас, не для истребления, а чтобы ихних зеленей не выдали. А нам лесные жители и люди, не в пример добровольцам. Остались мы охотно. Кто из нас покаленее — красных дожидался, а кто позеленее — и по сие время в бору дремлют». «Эти святые! До того воевать не любят, хучь белый стреляет, хучь красный — бегут святые во места лесные, ажно портки сеют. Зато как выстрелов не слышать — оберут место до последней корочки, баб угонят и в скитах своих зеленых миролюбием хвалятся».

Переходя на язык официальных советских сообщений, можно грубо предположить, что «богатые» и «бедные» зеленые — то же, что «активные» и «пассивные». Первые старались выстраивать какие-то структуры, бороться с властью, нуждались в материальной базе, создавая ее налетами. Вторые же просто прятались, живя тяжелой лесной жизнью. Следствие долгой жизни в лесной блокаде наблюдал, как можно понять, боец красного отряда по борьбе с дезертирством. «Приказал нам зеленых по лесам не шукать, а строго-настрога, ни с села в лес, ни с леса в село — никогошеньки. И пришелся рецептец тот через неделю, — потянулись до нас из лесов мощи живые, до того тощи, до того не евши — от корочки вдрызг пьяны. Взяли мы их голыми руками. Да безвыгодно для походного дела. И слабы, и воевать отвыкли».

Еще одна грань взаимодействия большого, все более современного, мира и мира мужицкого: «Аэроплан над лесом. Как сыпанет листками, а грамотного — ни одного. Кто нас кличет, друг ли, враг ли, а из лесу выбираться надо. К нам аэропланы не летают, им в лесу не станция. Пролетит, бывает, над лесом, бросит бомбу или листовок каких — и дальше. А раз головку сыру сбросили, верно нечаянно». Такие воспоминания остались в записях С.З. Федорченко.

Сегодня обретает новую популярность такая известная и неоднозначная фигура Гражданской войны, как С.Н. Булак-Балахович. Он уже упоминался на страницах этой книги. На современной политической карте он оказывается с разными акцентировками интересен российским, белорусским, польским исследователям. Показательно, что польский военно-исторический журнал в декабре 2016 г. сделал его персоной номера и поместил на обложку⁶³³. Природа популярности Балаховича среди населения и военной удачливости является перспективным исследовательским сюжетом. Он легко увеличивал контингенты, привлекал на свою сторону части противника⁶³⁴. Формирования Балаховича известны потаканием антиеврейским настроениям белорусского крестьянства, хотя в октябре 1920 г. он разрешил формировать Отдельную еврейскую дружину⁶³⁵, еврейская молодежь служила у Балаховича. Как раз его партизанская ухватка и вызывала обаяние после крушения белых фронтов. Зинаида Гиппиус оставила известное мнение о нем.

«Небольшой, совершенно молодой, черненький, щупленький и очень нервный. Говорил все время. Всклакивал, опять садился.

— Я ведь не белый генерал... Я зеленый генерал. Скажут — авантюрист? Но борьба с большевиками — по существу, авантюра. У меня свои способы...

И его способы, чем далее он говорил, тем более казались мне разумными, единственно действенными, ибо тоже большевицкими... Балахович — интуит, дитя и своевольник... Балахович во всяком случае генерал «с изюминкой».

Гишпиус передавала впечатления в дни последнего похода

Народно-добровольческой армии, 14 ноября 1920 г.: «Вчера Евгения Ивановна приносила два письма от Савинкова — откуда-то из-за Пинска. Очень бодрое. В обоих — «Я уверен, что мы дойдем до Москвы». «Крестьяне знают, что идем за Россию не «царскую и барскую». «В окрестных деревнях 3 тысячи записались добровольцами». «Как отсюда ничтожны все Маклаковы»... И ясно, пишет еще, что «Рангель» — по выговору крестьян — непременно провалится»⁶³⁶.

Очень показательно увлечение и неудача Савинкова, который пытался скопировать, поставить на некую политическую основу неизменный военный успех «зеленого генерала». В конце 1920—1921 г. Б. Савинков настойчиво разрабатывал и пропагандировал идею крестьянской антибольшевистской революции с опорой на местный, «губернский» патриотизм, широкую, по его данным, систему тайных революционных крестьянских обществ и отрядов зеленых силами небольшого добровольческого корпуса из солдат, «оторванных в настоящее время от их родного дома...»⁶³⁷. За деятельностью Савинкова следили и оценивали ее англичане и французы. Английская разведка писала о задачах, которые он ставил перед собой: «...установить связь между различными партизанскими группами, «зелеными», крестьянскими организациями, секретными революционными кружками, красными частями недовольных большевиками...» «Активные связи» якобы имелись в Петроградской, Новгородской, Псковской, Витебской, Смоленской, Могилевской, Минской, Волынской и Киевской губерниях⁶³⁸. В письме военному министру Французской Республики Барту Савинков в марте 1921 г. писал о надежде на одновременные восстания в Петрограде, Псковской, Смоленской, Витебской, Минской, Новгородской, Гомельской губерниях, на Украине и «может быть» в «казацких республиках»⁶³⁹.

Однако в конце мая 1921 г. вся сеть НСЗР и С по западным и северо-западным губерниям, включая волостные ячейки, была раскрыта ВЧК⁶⁴⁰. Тем не менее в рамках деятельности НСЗР и С в сентябре 1921 г. планировался приказ № 1 по Западной области, помеченный Полоцком. Он предписывал на местах организовывать народно-революционные комитеты и объявлял Красную армию демобилизованной. Вместо нее предписывалось создавать народную оборону или милицию⁶⁴¹.

Генерал П.С. Махров, недавний военный представитель П.Н. Врангеля в Польше, отнесся к этой идее прохладно. «В своих действиях для поднятия крестьянских восстаний Савинков придавал большое значение пропаганде и информации. Для последней он образовал при своем комитете особое информационное бюро... Оно имело целью установление связи с отдельными повстанческими отрядами, партизанскими группами — «зелеными» и тайными крестьянскими сообществами... По данным этого информационного бюро, к 20 января 1921 года тайные крестьянские революционные общества имелись в 9 западных и во многих внутренних губерниях бывшей Российской империи. Партизанские же отряды и «зеленые» действовали, начиная от Мурмана, в Карелии, Петроградской, Псковской, Новгородской, Минской, Могилевской, Киевской, Харьковской,

Полтавской, Екатеринославской, Херсонской, Таврической губерниях, на Дону, Кубани и на Северном Кавказе». Генерал полагал, что идея борьбы с советской властью силами русского крестьянства совершенно фантастична. Савинков планировал, что повстанцы будут состоять «исключительно из добровольцев крестьян и красноармейцев, которые будут сражаться только за свой дом и свое поле, и никто не будет их принуждать идти далее на Москву. На пути к Москве будут подниматься другие волны повстанцев и т. д. Всюду освободившиеся будут организовывать свое управление, и для помощи им в поддержании порядка Савинков предполагал явиться во главе небольшого, но дисциплинированного отборного отряда силой только в пять тысяч человек... В этой фантастической программе и плане действий, казалось, Савинков все предусмотрел, кроме того, что большевистская власть не положит вдруг оружия, а будет действовать силами значительно превосходящими пятитысячный «отборный» отряд Савинкова. Причем «отборность» этого отряда выражалась в том, что благодаря «керенщине» Савинкова все лучшие офицеры и высшие начальники вынуждены были уйти»⁶⁴².

Очевидно, параллельно с Савинковым разрабатывались сходные идеи и другими кругами. Соображения о небольшой организованной силе, которая способна решительно способствовать аккумуляции всех недовольных, реализовались в любопытный план под названием «Меморандум организационного штаба Псковщины» о выступлении белогвардейских отрядов в Псковской губернии. Документ отложился в фонде савинковского РПКи, судя по содержанию, разработан в 1922 г. Констатирующая часть признавала, что после объединения советским правительством всей бывшей России, за исключением окраинных государств, антикоммунистическая борьба вступает в новую фазу и принимает партизанский характер, выливаясь в народное движение в разных регионах. Из этого обзора делался вывод о необходимости образования Северо-Западного государства, которое должно сомкнуть единый фронт от Белого до Черного моря. Таким образованием признавалось государство Псковское как «колыбель для возрождения Руси».

На Псковщине наблюдалось массовое дезертирство, спекуляция, деморализация советской администрации. В связи с описанной обстановкой документ намечал в качестве наиболее удобного места для создания плацдарма Островский уезд: ближайшее расстояние от границы до города при удаленности от губернского Пскова; русское население на латышской стороне, слабость советской пограничной охраны. Подготовка выступления и вербовка отряда начались в июле 1921 г., проводилась разведка. Ближайшей задачей ставилось взятие Острова, Опочки, Пскова и установление связи с белорусской организацией. В дальнейшем предполагался созыв Псковского веча⁶⁴³.

Масштабные идеи, как известно, не реализовались, а вот партизанская борьба продержалась в западных губерниях едва ли не все 20-е гг.

Революция неизменно ставит на службу политики искусство. Художественно «обслуживалась» и «зеленая» тематика, свои голоса пробивались и из самого зеленого лагеря.

Знаменитое «антидезертирское» стихотворение Демьяна Бедного «Проводы» опубликовано в декабре 1918 г., герой имеет прототипа – псковского коммуниста-крестьянина, отправившегося на Восточный фронт вопреки мнению своих семейных. Помечено оно при этом Свияжском. Это важная точка в военной истории 1918 г.: свияжские расстрелы Троцкого, приведение в порядок и переформирование красных частей после потери Казани, переход в контрнаступление. Характерно, что близкий к Троцкому и Ленину новый придворный поэт именно здесь вдохновился на такое произведение или, по меньшей мере, счел нужным пометить свою работу Свияжском. Однако у

плодовитого Бедного есть еще и поэма, посвященная дезертирам-зеленым. Она называется «О Митьке-бегунце и об его конце», написана в 1919 г. и помечена следующим авторством: «Раскаявшийся дезертир Спиридоновского лесного отряда Тимофей Ряз... (фамилия неразборчива)». Таким образом, произведение несет явную агитационную нагрузку. Действительно, перед читателем развернута картина жизни дезертира-зеленого с максимальным педалированием самых тяжелых или морально ущербных моментов. Дезертир Митька – кулацкий сын, отец ворчит на новую власть, ждет Колчака и не пускает сына в Красную армию. Начинается жизнь дезертира, с частыми отлучками в лес. Отец разочарован, приходят дурные вести: Колчак отогнан от Волги. Дезертирам приходится перебраться подальше, в чужой уезд. А там не прожить иначе как грабежом, что вызывает ненависть местных мужиков. Наконец, зеленый предводитель решает передаться Деникину, в ожидании его победы. Однако и тут мечтам сбыться не суждено: казаки издеваются над лесным воинством, вчерашних зеленых сразу посылают в бой, в котором они и гибнут. Митька снова бежит, теперь уже домой, с твердым желанием сдать «комиссару» и выйти из «отцовской воли» – отправиться служить в Красную армию. Дома он застаёт блуд отца со своей женой и погибает от руки отца. Апофеоз – сиротливая могила «Митьки-бегунца». Выразительной находкой автора оказывается сражение героя, разворошившего муравейник, с дружными «коммунистами»-муравьями. Упоминаемые в поэме Волга, к которой вот-вот подойдет Колчак, Ока, близ которой деревня героя, вторая половина лета, наконец, Деникин, коему передались зеленые, позволяют предположить, что произведение написано непосредственно по следам и мотивам массовой зеленовщины в центральных губерниях. Митька может быть условно опознан как рязанский дезертир, скрывавшийся в тамбовских или воронежских краях, откуда можно было податься к Деникину.

На горячую тему откликнулся и В. Маяковский своей «Сказкой о дезертире». При всей невозможности сравнения поэтического таланта В. Маяковского и Д. Бедного надо сказать, что содержательно Бедный гораздо более точен в представлении картины зеленого бытия, чем Маяковский в гротескной и размашистой «Сказке»,

Литературно сильная и активная белая газета на Юге – «Донская волна» Виктора Севского – прокламировала пафос белого партизанства. В фельетонах издание едко характеризовало тех, кто отсиживался, переживал, искал «нужную» сторону. Газета вспомнила и о зеленых. Стихотворный фельетон «Зеленая армия»⁶⁴⁴ позволяет сделать некоторые наблюдения. Ему предпослан эпиграф: «На Украине зеленые полки носят названия места, где они притаились: кукурузный, житный и т. п.». Можно полагать, что текст эпиграфа позаимствован из другой газеты или представляет собой некое обобщенное представление. Автор Макс остроумно развивает это послышку, пародируя лермонтовскую строку:

...Да-с был денек... неоднократно
Уже с утра ходили в бой
На правом фланге – «Подкроватный»,
На левом – «Конно-погребной».
Вначале бой был неудачный,
Противник даже фронт прорвал,
Два пулемета сдал «Чердачный»,
И «Лейб-сарайный» отступал.
Но тут из общего резерва
Зашел противнику во фланг
«Подъюбочный стрелковый 1-й»,
С ним броневик и милый танк.

И враг бежал...

Далее автор уверенно обещает пополнение поредевшим силам из «зеленого града», коим оказывается Ростов, наполненный тыловыми «орлами».

Пафос произведения понятен, и исполнение, надо сказать, гораздо выше, чем в рядовой газете. Но вот что интересно. Чердачно-погребная зеленая сила помещается на Украину. Однако как раз там царствует атамания, которая, в общем, довольно активно сражается и с белыми, и с красными. Фельетон опубликован в сентябре 1919 г. Только что подавлена, с известным отливом наиболее непримиримых в белые ряды, хоперская зеленцовщина. Все лето полыхали зеленые восстания в центральных губерниях. Однако эти события не попадают в поле зрения автора. Конечно, требовать аналитичности от фельетона никак не возможно, но сама связка зеленцовщины с «чердачно-подъюбочным» существованием характерна. К тому же украинским кукурузным полкам подкрепление довольно неожиданно шлет Ростов как символ беззаботного, развращенного, эгоистичного тыла.

Народная литературная реакция на события – это фольклорная реакция. В многообразии частушек выделяется тема, посвященная зеленому движению, которое воспринималось как самостоятельная, мужицкая, противоположная и белым и красным, сила. Что интересно, «дезертиры» и «зеленые» выступают не в качестве безусловных синонимов. Представленные ниже примеры почерпнуты из работы, которая построена в основном на приуральском материале. Надо ожидать, что близкие и более богатые вариации существовали и в центральных губерниях.

Ох, ты, яблоко,
Ананасное,
К ногтю белого,
К ногтю красного.

Ни Слащевы не указ,
Ни Буденные.
Мы ни «эти» и не «те»,
Мы – зеленые!

На Вязовку наступали
Красны неприятели,
Да зеленые герои
Их назад попятчили...

Дезертиры, в ряды стройся,
Красной армии не бойся...
Заряжайте пистолеты,
Разбивать идем Советы...⁶⁴⁵

Существует и махновский частушечный фольклор. В нем зеленые могут противопоставляться своим, махновцам, наряду с белыми и красными:

Я не белый и не красный,
Не зеленый и ничей,

Запрягай коней в тачанку,
Атакуем сволочей.

Один из известных предводителей зеленых на западе Оберон издал «Песни партизана». Выходные данные примечательны: издание «Сыр-Бор», Волшебный замок, 1921 г. Вот одно из них:

К красноармейцу Одумайсь, брат мой красноармеец!
Сорви повязку с глаз скорей!
Пойми, советский кровопиец
Не лучше деспота-царей.
Все то, что раньше обещали:
Свободу, равенство и мир
Они предательски попрали...
Всяк комиссар теперь вампир.
Что ты свободен бесконечно,
Лжец-политрук тебе кричит:
О да! Свободен ты, конечно,
Молчать, как дерево молчит⁶⁴⁶.

Поэтически скромное произведение содержит весь набор представлений антибольшевика-демократа с мотивами предательства коммунистами своих обещаний.

Тема зеленого движения и близкие к ней и в дальнейшем присутствовали в сфере внимания литераторов. Так, Артем Веселый всю жизнь писал полотно жизни России в Гражданскую войну. В основном у него речь идет о южной части, хотя грандиозный замысел «России, кровью умытой» предполагал максимально широкий территориальный охват. В 1920 г. он разослал «опросные листы», попросив участников Гражданской войны ответить на поставленные вопросы. Среди этих вопросов были и касавшиеся зеленых: «Если зеленый, то были ли в камышах или в горах», «Как белогвардейцы преследовали дезертиров, зелено-армейцев и их семьи?»⁶⁴⁷. А.Н. Толстой при работе над «Хождением по мукам» проявлял активный интерес к атаманщине – Махно, Григорьеву, народной стихии в революции. Он имел возможность расспрашивать многих действующих лиц Гражданской войны, включая Сталина. Многие из собранного оказалось приглушено в итоговом тексте. При этом была мысль сделать Рощина, на каком-то этапе его «хождений», зеленым. В записных книжках Толстого имеется запись: «Путешествие Рощина. Катя и Рощин у разбойников. Рощин делается зеленым»⁶⁴⁸. Для нас существен сам ход мысли писателя, готового включить «зеленый» сюжет в свою эпопею. Толстой не раз упоминает и дезертиров, в частности, есть такая запись о переломных событиях на Южном фронте осенью 1919 г.: «На фронте: бестолочь, бесперспективность. Разорванный фронт. Отсутствие связи. *Пополнение дезертирами...*» (курсив А.Н. Толстого)⁶⁴⁹. Узел XV «Красного колеса» А.И. Солженицына «Октябрь девятнадцатого (23 сентября – 14 октября)» сопрягает следующие события: «Неделя дезертира» по центральным губерниям России; ловля их и расправа. – Антонов и Токмаков в Иноковке вырвались из оцепленного и подожженного дома, ушли... Декрет Ленина о регистрации бывших помещиков, капиталистов и должностных лиц (подготовка расчистки тыла; за уклонение от регистрации кара как за государственную измену)... «Партийная неделя»: усиленное пополнение партии беспартийными». То есть автор ставит в один ряд разные способы расчистки тыла от потенциальных противников и массовую мобилизацию в партию. Дезертиры

выглядят в этой логике как угроза для советской власти, с которой необходимо справиться, сочетая карательные и милостивые методы.

Крепкие «зеленые» связи могли продолжать жить в деревне и после Гражданской войны. На языке советского политического контроля всякого рода нелояльные объединения именовались «группировками» или, при более рельефной структурированности, «организациями». Их образовывали нередко бывшие белогвардейцы, «бандиты», красные партизаны и иные подобные категории, порожденные Гражданской войной. Можно говорить и об известной инфраструктуре, берущей начало в зеленом движении. Скажем, один из ярославских братьев-атаманов Озеровых так и не был пойман, значит, имел возможность скрываться, имел какой-то круг общения. Более того, он породил целую традицию мифотворчества. Озерова видели или «видели» разные свидетели едва ли не до 1960-х гг. Теряется след и активного тверского повстанца, который из зеленого предводителя превратился в организатора неуловимого отряда, годами продолжавшего борьбу на обширной территории, — это Ф. Беляков. В большинстве же случаев судьбы зеленых предводителей вполне похожи на судьбы основной массы повстанческих вожаков Гражданской войны. Как правило, это смерть в бою или расстрел, иногда без суда. Те, кто не вырос в командира значительного отряда, а остался руководителем локального выступления, мог отделаться незначительным сроком заключения. Однако эти люди попадали в учетные категории ОГПУ и НКВД, часто их вспоминали уже в 1930-х гг. Так, некий нижегородский крестьянин, бывший зеленый, был арестован весной 1941 г. и домой уже не вернулся⁶⁵⁰. В годы «большого террора» арестованным могли предъявляться обвинения по участию в событиях Гражданской войны, особенно по поводу причастности к убийствам коммунистов. Мы писали об этом применительно к прихоперской зеленовщине.

Разумно предположить, что из восстаний, массового дезертирства и зеленовщины 1918–1920 гг. выросло неприятие советской власти как легитимной, а СССР — как подлинного отечества. В событиях 1920-х гг. это неприятие примет форму религиозного неконформизма, сознательного уклонения от мобилизации в годы Великой Отечественной войны по религиозно-политическим мотивам.

Нижегородский материал в этом отношении частично исследован и может дать представление о логике формирования, на базе событий революции и Гражданской войны, «параллельного» существования какой-то части сельского населения.

Заключение

Зеленое движение выросло на базе массового дезертирства крестьян и уклонения от призыва как в РККА (главным образом), так и в Белую армию. Говоря о движении, мы не имеем в виду общественно-политический феномен. Зеленое движение было слабоструктурированным и, что существеннее, структурировалось не по политическому руслу. Оно развивалось в нескольких крупных регионах.

Прежде всего, классические зеленые — это крестьяне-дезертиры центрально-промышленных губерний и соседних с ними губерний северного региона. Не случайно ярославско-костромская зеленовщина породила наиболее устойчивую традицию исторической памяти. Эпопея Озеровского восстания вызывает большой интерес и ныне, энтузиасты стараются востребовать фамильную память. Многие конкретные сюжеты и судьбы оказываются дотошно исследованы⁶⁵¹, краеведческий интерес переплетается с художественным творчеством в лице, например, Д. Кшукина. Увы, не все края ныне доступны для мемориальной и поисковой работы. Активные «зеленые» пространства Мологского и отчасти Калязинского уездов просто превратились в дно реки.

Кроме того, массовое дезертирство с «зеленым» самоощущением развивалось в обширных районах Черноземья и Поволжья. Это смежные уезды Воронежской, Тамбовской и Саратовской губерний, а также Рязанщина.

На Украине принципиальную «зеленую» позицию занял атаман Д. Терпило, известный под кличкой Зеленый. При этом в украинских губерниях в целом зеленое самоназвание не было распространено.

Картина с широким участием в возглавлении крестьянского протеста местного дворянства не складывается. Официальная советская трактовка всячески акцентировала внимание на участии офицеров, помещиков, священников. Однако это, скорее, редкость. «Офицеры Герике» в Подмоскowie, «полковник Назимов» на Тверщине и т. п. оказываются ни при чем в происходивших восстаниях. Лишь в Ярославской губернии несколько громких дворянских фамилий как будто реально задействованы в руководстве формированиями повстанцев. Таких сюжетов, которые дарит, например, Вандея в 1793 г. и далее, в России практически нет.

Несмотря на то что в военном отношении зеленые восстания не вызывали больших потерь и почти не давали упорных боевых действий, в их ходе произошло несколько жестоких уничтожений целых сел. Это Малиновка в Саратовской губернии, Сельцо, Саметь и другие в Костромской, несколько сел в Вышневолоцком уезде Тверской губернии. Данное обстоятельство говорит и о силе слабоорганизованного движения, и о жестокости подавителей.

Нам представляется, что в оценке зеленого движения точнее всех С.С. Маслов. Он понимал его как этап развития крестьянского самосознания, ипостась социального взросления крестьянства, которое вырабатывает свою политическую программу – твердая единоличная национальная власть, частная собственность, – свои способы самозащиты и давления на власть, как свидетельство исканий, развития, расширения горизонтов крестьянина через войну, через осмысление свершавшейся в стране трагедии. Нам кажется необходимым сделать упор на региональном разделении «зеленых» и «незеленых» губерний. Прежде всего, речь идет о классических великорусских промышленных губерниях севера, центра и северо-запада. Здесь зачастую не было белых, и «зеленая» позиция была равнозначна самостоятельной, обособленной, противопоставляемой «красной». Великорусские крестьяне в большей степени выстраивали параллельное существование, будучи готовыми к диалогу с властью, нежели малорусские, которые активнее воевали.

На Юге «зеленое» наименование рождалось, напротив, в условиях, когда население видело, иногда и не по разу, и красных и белых. Зеленая позиция здесь была в большей степени «третьей» и тоже обозначала некую самостоятельную платформу. Однако красный и белый цвет убивали зеленый – в качестве местного крестьянского самооборонческого движения. Кубанский пример демонстрирует, как «портили» зеленое движение красный и белый оттенки. Казаки-дезертиры из белых частей очень недолго побыли зелеными и были элементарно и довольно бесцеремонно включены в РККА. Начавшееся же после прихода красных повстанчество также не смогло быть зеленым. Мы видели два сценария развития этого движения – Фостикова и Крыжановского. Старый офицер Крыжановский готов был понять новую ситуацию и действовать «по-зеленому», но верх одержал Фостиков, фактически строивший партизанскую белую армию. В Черноморье местная мужицкая зеленевщина превратилась в политическую силу, однако для большевиков оказалось нетрудно сменить зеленый вектор на красный. Сказалось и то, что разбухшее за счет неместных пленных крестьянское ополчение утратило собственно черноморское лицо.

Крестьянство несет в себе корпус ментальных представлений народа и политический опыт предшествующих столетий. Слабоорганизованное массовое движение, зачастую готовое на компромисс с властью, как раз и выступило корректором политических решений революционной власти. Зеленые выступили в 1919-м голосом крестьянства. Затем, в 1920–1921 гг., это будет идея советов без коммунистов, общенародного права, практически все 1920-е гг. – идея крестьянского союза. Политически недееспособное, зеленое движение на уровне «сопротивления материала» выступило той реальной «третьей силой», о которой бесплодно говорили и которой неосновательно боялись политически организованные стороны Гражданской войны.

Название «зеленые», казалось бы прочно привязанное к событиям Гражданской войны, всплывало и позднее.

В 1931 г. в Нижнедевицком и Горшечинском районах ЦЧО (прежнего Нижнедевицкого уезда Воронежской губернии. – *Авт.*) была вскрыта «контрреволюционная повстанческая организация «Зеленая армия». Она имела контрреволюционные группы и одиночек в 18 населенных пунктах и насчитывала 139 выявленных членов. Организация, как и иные аналогичные, выделяла боевые группы, стремилась запастись оружием и т. п. По крайней мере, так ее видело ОГПУ⁶⁵². Эта повстанческая структура фиксировалась в краях, недалеко от мощной зеленцовщины лета 1919 г.

Новая большая война вновь актуализировала фигуру зеленого. В сентябре 1942 г. воевавшие подо Ржевом сообщали об отсутствии там сплошного фронта, «наших разведчиках-«зеленых», а также «отряде с батькой вроде Махно, который воюет со всеми»⁶⁵³. На Орловщине, в районе Брянского лесного массива, в том числе в районах, где располагалась Локотская «республика» и формировались восточные части, после перехода фронта в августе – сентябре 1943 г., развернулось зеленое антисоветское движение. Оно проявилось в Мглинском, Суражском, Красногорском, Трубчевском районах. Для ликвидации этих отрядов Брянскому облНКВД (Брянская область была сформирована как раз в это время) выделили дивизию оперативных войск, что само по себе может служить свидетельством весьма серьезных масштабов зеленого движения⁶⁵⁴. В советском лексиконе бытовало близкое по смыслу наименование «дикие» партизаны, в противоположность организованным, армейским партизанским отрядам.

Ассоциации с зелеными возникли у известного пропагандиста РОА старшего лейтенанта Боженко. Он писал летом 1943 г., анализируя настроения русских на Псковщине, в районе Опочки: «Во время моей поездки у меня была возможность ближе познакомиться с деятельностью партизан. И когда я сравниваю их с движением «зеленых» во время Гражданской войны, прихожу к глубокому убеждению, что у партизан нет желания воевать за Сталина. У них также нет желания оказаться в немецком плену, поэтому они предпочитают в настоящее время сидеть в лесах и выжидать время, которое они сочтут подходящим для вступления в борьбу за отечество и свой собственный народ. В качестве доказательства может служить незначительная активность «партизан», а также надписи, которые они время от времени оставляют после себя, например «оставьте нас в покое, и мы оставим в покое вас». Об этом мне сообщали солдаты»⁶⁵⁵. В украинском культурно-политическом пространстве в 1941 – 1944 гг. возродились «сечи» и «казачества» как способы самоорганизации в критических условиях. Наряду с этим существовали и более или менее самостоятельные «республики», стремившиеся наладить отношения с оккупантами на началах относительного равноправия, что также дает отсылку к крестьянскому опыту 1917–1922 гг. и позволяет вспомнить различия великоросса и малоросса в военно-политическом поведении 1918–1922 гг.

Харбинский русский писатель Б. Юльский выпустил книгу «Зеленый легион» о борьбе русских полицейских отрядов в Маньчжурии против контрабандистов и хунхузов. Это еще один, экзотический, вариант прочтения «зеленой» военно-политической судьбы.

Показательно, что и дезертирство уже далеко за пределами Гражданской войны могло формировать к себе сочувственное отношение. История поселка Дикий – «деревни дезертиров», с импровизированным памятником дезертирам, в мордовских лесах являет собой редкий, возможно, но вполне жизненный пример⁶⁵⁶.

В европейской политической традиции в послевоенные десятилетия укоренились зеленые, в той или иной степени преемствующие от интеллектуального анархизма и иных левых политических форматов. Ныне это вполне системные политические силы. В то же время в Третьем мире существует весьма решительно настроенное движение мелких фермеров против агробизнеса под названием «Путь крестьян», *La Via campesina*⁶⁵⁷, понимающее себя как международное крестьянское движение. Оно охватывает представителей Латинской Америки, Филиппин, Индии, из европейского пространства – Голландии. Так что зеленые русской Гражданской войны давно принадлежат истории, но зеленый цвет по-прежнему живет в политике как цвет протеста, маркер многочисленных трудовых масс, не услышанных сильными мира сего.

Примечания

¹ Корнаков П.К. 1917 год в отражении вексиллологических источников. Дисс... канд. ист. наук. Л., 1989.

² Цит. по: Карпов Н.Д. Трагедия Белого Юга. 1920 год. М.: Вече, 2005. С. 239.

³ Архангельский С.И. Крестьянские движения в Англии в 40 – 50-х годах XVII века. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 156 – 186.

⁴ Ефимов Г. Очерки по новой и новейшей истории Китая. Изд. 2, испр. и доп. М.: Госполитиздат, 1951. С. 523.

⁵ См.: Павлов Я.С. Народная война в тылу интервентов и белогвардейцев (руководство РКП(б) подпольной и партизанской борьбой в годы вооруженной иностранной интервенции и гражданской войны). Мн.: Беларусь, 1983.

⁶ История России. XX век: 1894–1939. М.: Астрель, АСТ, 2009.

⁷ Штырбул А.А. Безгосударственные общества в эпоху государственности (III тысячелетие до н. э. – II тысячелетие н. э.). Омск: Изд-во ОмПГУ, 2006. С. 318–319.

⁸ Даниэле Р.В. Гражданская война в России в свете сравнительной истории революции / Гражданская война в России: перекресток мнений. М.: Наука, 1994. С. 341.

⁹ Дробов М.А. Малая война: партизанство и диверсии // Вымпел. Альманах. М., 1998. С. 103.

¹⁰ Френкин М. Трагедия крестьянских восстаний в России 1918–1921 гг. Иерусалим: Лексикон, 1987. С. 74.

¹¹ См., например: Морозов Е. Конец гражданской войны // Десятина: Газета православных мирян. Текст размещен на Русской народной линии 28.11.2005.

¹² Осипова Т.В. Обманутый класс // Родина. 1990. № 10.

¹³ Осипова Т.В. Российское крестьянство в революции и Гражданской войне. М.: Стрелец, 2001. С. 294–322; Осипова Т.В. Крестьянский фронт в Гражданской войне //

Сульбы российского крестьянства. М.: РГГУ, 1996. С. 90 – 161. Глава «Мятежный 1919-й» на с. 117–135 посвящена зеленому движению.

¹⁴ *Френкин М.* Трагедия крестьянских восстаний в России 1918–1921 гг. Иерусалим: Лексикон, 1987. С. 113.

¹⁵ *Ренев Е.Г.* Воспоминания Д.И. Федичкина как источник по изучению Ижевского антибольшевистского восстания (8 августа – 8 ноября 1918 г.) // Вестник Удмуртского университета. 2011. Вып. 3. С. 160.

¹⁶ *Народное* сопротивление коммунизму в России. Урал и Прикамье. Ноябрь 1918 – январь 1919 гг. – Париж, 1982. С. 369.

¹⁷ *Телицын В.Л.* Феномен крестьянского бунтарства, конец 1917 – начало 1921 г. Дисс... докт. ист. наук. М., 2002; *Аптекарь П.А.* Сопротивление крестьян политике большевиков в 1918–1922 гг.: по материалам европейских губерний РСФСР. Дисс... канд. ист. наук. М., 2002.

¹⁸ В работе В.Л. Телицына это второй параграф 4-й главы «Зеленое дело и его последствия», в диссертации П.А. Аптекаря – второй параграф 2-й главы под названием: «Зеленый» вал крестьянских восстаний. Лето – осень 1919 года».

¹⁹ *Телицын В.Л.* «Бессмысленный и беспощадный»?.. Феномен крестьянского бунтарства 1917–1921 годов. М.: РГГУ, 2003. Глава «Зеленое дело» на с. 191–217; *Аптекарь П.А.* «Зеленый вал» – антибольшевицкие крестьянские выступления в мае – сентябре 1919 года // Белая гвардия: Альманах. № 6. Антибольшевицкое повстанческое движение. М.: Посев, 2002. С. 93–96.

²⁰ См.: *Завьялова С.В.* Крестьянское восстание в Поветлужье 1918 г. Нижний Новгород: НПУ РАНХиГС, 2014. *Ее же.* «Зеленые» партизаны в Поветлужье после подавления восстания 1918 года // «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры: Сб. статей и мат-лов / Сост и науч. ред. А.В. Посадский. М.: АИРО-XXI, 2015. С. 547 – 566.

²¹ *Данилов А.Ю., Афанасьева М.* Полководец «зеленой армии» (штрихи к биографии Г.А. Пашкова) // Век нынешний, век минувший... / Исторический альманах. Вып. 2. Ярославль, 2000. С. 130 – 138; *Данилов А.Ю.* Крестьянские восстания в ярославской деревне в 1919 году // «Не предать забвению»: Книга памяти жертв политических репрессий, связанных судьбами с Ярославской областью. Т. 6. Ярославль: Верхняя Волга, 2003. С. 189 – 206; *Данилов А.Ю., Рязанцев Н.П.* Крестьянские восстания в Пошехонском уезде в годы Гражданской войны // X Золотаревские чтения: мат-лы научн. конф. (19–20 октября 2004 г.). Рыбинск: Михайлов посад, 2004. С. 190–194 и др.

²² *Верой и правдой.* Ярославское управление ФСБ: страницы истории. Ярославль: Ньюанс, 2001; *Ярославская ГубЧК:* начало пути. 1917–1919 гг. М.: Граница, 2010; *Ярославская ГубЧК:* на заре нового времени. 1919–1922 гг.: Сб. док-тов и мат-лов: В 2 кн. М.: Граница, 2012.

²³ *М.Л. Лапшина* (Кострома) // Костромская земля: Краеведческий альманах костромского общественного фонда культуры. Вып. 4. Кострома, 1998. С. 194–217.

²⁴ *Соколов К.И.* Тверская быль революции. Очерки истории революционной эпохи в Тверской губернии (1917–1922 гг.). Тверь: издатель Кондратьев А.Н., 2013 (собственно зеленым посвящены очерки 15 и 16); *его же.* Пламя над Волгой. Крестьянские восстания и выступления в Тверской губернии в конце 1917–1922 гг. (главы 4 и 5, последняя имеет название «Зеленый взрыв (июнь – июль 1919 г.)»); *его же.* Крупнейшее восстание «зеленых» в Тверской губернии // Крестьянский фронт

1918–1922 гг.: Сб. статей и мат-лов / Сост. и науч. ред. А.В. Посадский. М.: АИРО-XXI, 2013. С. 512–528 (посвящено выступлению в Спас-Есеновичках).

²⁵ *Ступкин Е.И.* Июль 1919-го (Есеновичское восстание «зеленых» // Вышневолоцкий историко-краеведческий альманах. Вышний Волочек Тверской области. 2002. № 6. С. 121 – 159; *его же.* Июль 1919... Ясеновское восстание «зеленых». Вышний Волочек: Ванчакова линия, 2012.

²⁶ Биографический очерк об основных деятелях огольцовщины выйдет в 2017 г. в биографическом справочнике в рамках исследовательского проекта «Народные вожаки».

²⁷ *Яров С.В.* Крестьянин как политик. Крестьянство Северо-Запада России в 1918–1919 гг.: политическое мышление и массовый протест. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999.

²⁸ *Васильев М.В.* Крестьяне Псковской губернии в годы Гражданской войны 1917–1920 гг. Дисс... канд. ист. наук. Псков, 2014 и др.

²⁹ *Булгаков А.О.* Оружие Великой войны на службе белым и красным (по материалам Балашовского Прихоперья) // От «германской» к Гражданской: становление корпуса народных вожаков русской смуты: Сб. статей и мат-лов / Сост и науч. ред. А.В. Посадский. М.: АИРО-XXI, 2014. С. 587–593; *его же.* «Зеленовщина» Прихоперья в свете мемуарных источников: лидеры, организация, итоги / «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры: Сб. статей и мат-лов / Сост и науч. ред. А.В. Посадский. М.: АИРО-XXI, 2015. С. 603 – 613.

³⁰ *Посадский А.В.* От Царицына до Сызрани. Очерки Гражданской войны на Волге. М.: АИРО-XXI, 2010. Гл. УГ «Зеленовщина» 1919 года. С. 296–396.

³¹ *Таскаев М.В.* «Зеленое» движение в Коми крае // Гражданская война в России и на Русском Севере. Архангельск, 1999. С. 94–96. *Саблин В.А.* С бронепоездом на «зеленых» // Русский Север. 1991. 8 июня. *Саблин В.А.* Хроника отчаяния и борьбы (Вологодская деревня в годы Гражданской войны) // Вологда: Историко-краеведческий альманах. Вологда, 1994. Вып. 1. С. 180–194.

Кукушкин Василий Леонардович. Социальный протест крестьянства Европейского Севера России в 1918 – 1920-х гг.: на материалах Архангельской, Вологодской и Северо-Двинской губерний, и др.

³² По 1919 г. см.: URL: <http://letopis20vek.narod.ru/Age/1919.htm>.

³³ *Крестьянский фронт 1918–1922 гг.:* Сб. статей и мат-лов / Сост. и науч. ред. А.В. Посадский. М.: АИРО-XXI, 2013; *От «германской» к Гражданской:* становление корпуса народных вожаков русской смуты: Сб. статей и мат-лов / Сост. и науч. ред. А.В. Посадский. М.: АИРО-XXI, 2014; «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры: Сб. статей и мат-лов / Сост. и науч. ред. А.В. Посадский. М.: АИРО-XXI, 2015.

³⁴ *Воронович Н.* «Зеленая книга». История крестьянского движения в Черноморской губернии. Прага, 1921.

³⁵ *Черкасов А.А.* Крестьянское движение на Черноморье в период революции и Гражданской войны. Краснодар: Кубанский университет, 2003; *он же.* Гражданская война на Кубани и Черноморье (1917–1922 гг.): «третья сила» в социально-политическом противостоянии. Сочи: РИО СГУТи КД, 2007 и др.

³⁶ *Карпов Н.Д.* Трагедия белого Юга. 1920 год. М.: Вече, 2005.

- ³⁷ *Erik C. Landis*. Who were the «Greens»? Rumor and collective identity in the Russian Civil war // *The Russian review* 69 (January 2010): 30–46.
- ³⁸ *Крестьянское движение в Саратовской губернии*: Сб. док-тов и мат-лов / Авт-сост. А. Рыбков. Саратов: Надежда, 2003. С. 31.
- ³⁹ *Степынин В.Л.* Крестьянство Черноземного Центра в революции 1905–1907 годов. Воронеж: Изд-во ВорГУ, 1991.
- ⁴⁰ *Егоров М.* Крестьянское движение в Центральной Черноземной области в 1907–1914 годах // *Вопросы истории*. 1948. № 5.
- ⁴¹ *Тюкавкин В.Г., Щагин Э.М.* Крестьянство России в период трех революций. М.: Просвещение, 1987. С. 67–68.
- ⁴² *Щетинов Ю.Л.* Крушение мелкобуржуазной контрреволюции в Советской России (конец 1920–1921 гг.). М.: Изд-во МГУ, 1984. С. 87.
- ⁴³ См.: *Степынин В.А.* Крестьянство Черноземного Центра... С. 34–35, 108, 70.
- ⁴⁴ Крестьянское движение в Воронежской губернии в 1864–1904 годах: Сб. док-тов. Воронеж: Изд-во ВорГУ, 1964. По док-там № 39–96.
- ⁴⁵ *Степынин В.А.* Крестьянство Черноземного Центра... С. 36, 71.
- ⁴⁶ См.: *Слепнев И.И.* Менталитет и аграрное развитие России в XIX–XX веках. Международная конференция в Москве // *Отечественная история*. 1996. № 1. С. 202.
- ⁴⁷ *Лурье С.В.* Метаморфозы традиционного сознания. СПб., 1994. С. 185.
- ⁴⁸ См. наши соображения: *К вопросу о влиянии аграрной революции на судьбы России* // *Русь, Россия и мировая цивилизация*. Материалы Тринадцатой Всероссийской заочной научной конференции. СПб.: Нестор, 1999. С. 77–80.
- ⁴⁹ *Осипова Т.В.* Российское крестьянство в революции и Гражданской войне. М.: Стрелец, 2001. С. 53.
- ⁵⁰ *Сельцер Д.Г.* Погромное движение в Тамбовской деревне. Сентябрь – декабрь 1917 г. // *Взаимодействие государства и общества в контексте модернизации России*. Конец XIX – начало XX в.: Сб. науч. статей. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2001. С. 105–106.
- ⁵¹ *Корнюшин Б.Т.* Пути российской революционности (очерк истории революционных движений и общественной мысли в России). Франкфурт: Посев, 1959. С. 148–150.
- ⁵² Например: *Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД*. 1918–1939. Док-ты и мат-лы: В 4 т. Т. 1. 1918–1922. Док-ты и мат-лы. М.: РОССПЭН, 1998.
- ⁵³ См.: *Саблин В.А.* 1919 год в северной деревне: характер общественно-политических настроений // 1919 год в судьбах России и мира: широкомасштабная Гражданская война и интервенция в России, зарождение новой системы международных отношений: Сб. мат-лов науч. конф. Архангельск: Солти, 2009. С. 247.
- ⁵⁴ *Голъцева Г.К.* Огольцовщина. Новые материалы и факты // *Пятые Яхонтовские чтения*: Мат-лы межрегиональной научно-практической конференции, Рязань, 14–17 октября 2008 г. Рязань, 2010. С. 464–468 (дневник С. Никушина за 19 мая – 15 июня 1920 г.); *Дневник Г.А. Пашкова*. 1920 год / Подгот. к публ. Н.П. Рязанцев, А.М. Селиванов // *Век нынешний, век минувший... Исторический альманах*. Вып. 1. Ярославль, 1999. С. 137–150.
- ⁵⁵ Сжатую версию понимания автором зеленого движения см.: интернет-энциклопедия «Всемирная история», статья «Зеленые (Гражданская война)»; URL: http://w.histrf.ru/articles/article/show/zielionyie_grazhdanskaia_voina.

- ⁵⁶ *Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар // Отечественная история. 1996. № 4. С. 145.*
- ⁵⁷ *Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке / Под ред. В.В. Бабашкина. М.: Политическая энциклопедия, 2015. С. 710–713.*
- ⁵⁸ См.: *Башиачев В.А. Русское крестьянство в зеркале демографии. М.: Традиция, 2011.*
- ⁵⁹ *Островский А.В. Российская деревня на историческом перепутье. Конец XIX – начало XX в. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2016. С. 429–431.*
- ⁶⁰ *Никонов А.А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX в.). М.: Энциклопедия российских деревень, 1995. С. 135–136.*
- ⁶¹ *Русское богатство. 1918. № 4/6. С. 225, 227, 234, 237.*
- ⁶² *Сорокин П.А. Листки из русского дневника. Социология революции. Сыктывкар: Анбур, 2015. С. 310.*
- ⁶³ *Морозова О.М. Левобережные казаки и ранние страницы истории Первой Конной / «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры: Сб. статей и мат-лов / Под ред. А.В. Посадского. М.: АИРО-XXI, 2015. С. 335, подробнее на с. 326–336.*
- ⁶⁴ См.: *Симонов Д.Г. Ижевцы и воткинцы: адаптация добровольцев в вооруженных силах адмирала А.В. Колчака // Политическая адаптация населения Сибири в первой трети XX века: Сб. науч. статей / Науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск: Параллель, 2015. С. 100–120.*
- ⁶⁵ *Ларионов В.Е. Православная монархия. Национальная Монархия в России. Утопия или политическая реальность. М.: Издатель Быстров, 2007. С. 450.*
- ⁶⁶ *Макутчев А. Опыт чрезвычайного правосудия в Тульской губернии: Тульский губернский революционный трибунал в 1918–1923 гг. // Тульский краеведческий альманах. 2009–2010. № 7.*
- ⁶⁷ *Марыняк А.В. «Демократизация» русского офицерского корпуса в ходе Первой мировой войны / От «германской» к Гражданской: становление корпуса народных вожakov русской смуты: Сб. статей и мат-лов / Под ред. А.В. Посадского. М.: АИРО-XXI, 2014. С. 451.*
- ⁶⁸ ГАРФ. Ф. 5881. Он. 2. Д. 575. Л. 14 – 14об.
- ⁶⁹ *Блинов К. Исторический очерк Саратовской ударной стрелковой дивизии. Саратов: Нижне-Волжский крайгиз, 1933. С. 4 – 10.*
- ⁷⁰ *Огановский И.И. Дневник члена Учредительного собрания // Голос минувшего. 1918. № 4/6. С. 170.*
- ⁷¹ *Осипова Т.В. Российское крестьянство в революции... С. 125–126, 324.*
- ⁷² Наши соображения см.: *Посадский А.В. Крестьянство во всеобщей мобилизации армии и флота 1914 года (по материалам Саратовской губернии). Саратов: Изд-во СГУ, 2002. С. 131–144; его же. Крестьянин как военный персонаж Гражданской войны // Человек. История. Культура. Исторический и философский альманах. Саратов, 2002. № 1. С. 41–48.*
- ⁷³ Цит. по: *Ганин А.В. Смоленский дневник Снесарева // Родина. 2013. № 9. С. 118.*
- ⁷⁴ *Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922 гг.: документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2002. С. 287.*
- ⁷⁵ *Советская деревня... Т. 1. С. 208.*

- ⁷⁶ *Советская деревня...* Т. 1. С. 205–206.
- ⁷⁷ *Анишев А.Н.* Очерки истории гражданской войны. 1917–1920. Л.: Госиздат, 1925. С. 128.
- ⁷⁸ *Октябрь в Костроме: Сб. воспоминаний участников Октябрьских событий.* Кострома, 1957. С. 71–73, 152–154.
- ⁷⁹ *Борисова Л.В.* Военный коммунизм: насилие как элемент хозяйственного механизма. М., 2001. С. 63; *Ефимов И.А.* Атарбеков – один из зачинщиков красного террора // *Вопросы истории.* 2000. № 6. С. 132.
- ⁸⁰ *Солженицын А.И.* Красное колесо. Повествование в отмеренных сроках. На обрыве повествования. Узлы V–XX // *Звезда.* 1993. № 9. С. 54.
- ⁸¹ См.: *Кубанин М.* Антисоветское крестьянское движение в годы Гражданской войны (военного коммунизма) // *На аграрном фронте.* 1926. № 2. С. 40–41.
- ⁸² См.: *Нефедов И.А.* Красные латышские стрелки // *Вече (Мюнхен).* 1982. № 4, 5, 6.
- ⁸³ *Осипова Т.В.* Российское крестьянство... С. 274.
- ⁸⁴ См.: «Расстрелять и широко опубликовать среди населения». Хроника подавления Рудовского восстания / Публ. М. Климовой // *Источник.* 2002. № 6. С. 63–73.
- ⁸⁵ *Шипек А.* Военнопленные и их использование в Мировой и гражданской войне // *Война и революция.* 1928. № 2. С. 70–71.
- ⁸⁶ См. документальный материал: *Крестьянское движение в Тамбовской губернии (1917–1918): Док. и мат-лы.* М.: РОССПЭН, 2003. С. 368, 370, 373–377, 382–385, 388–389.
- ⁸⁷ *Макутчев А.* Опыт чрезвычайного правосудия в Тульской губернии: Тульский губернский революционный трибунал в 1918–1923 гг. // *Тульский краеведческий альманах.* 2009–2010. № 7.
- ⁸⁸ *Павлов Я.С.* Народная война в тылу интервентов и белогвардейцев... С. 427–430.
- ⁸⁹ Ленин 4 июля 1919 г. говорил во ВЦИК о хороших результатах «смелого» подхода к делу строительства армии, с отсрочкой дезертирам, широкой агитационной работой. Партизанщина и дезертирство изживаются, дезертиры массово идут в Красную Армию, крестьяне приносят разложение армиям Колчака и Деникина: *Из истории ВЧК (1917–1921): Сб. док-тов.* М., 1958. С. 301, 304–308, 310.
- ⁹⁰ *Из воспоминаний Г.В. Веденяпина о борьбе с антоновскими повстанцами* / Публ. Посадского А.В., Самородовой Г.А. // *Крестьянский фронт 1918–1922 гг.: Сб. статей и мат-лов* / Сост. и науч. ред. А.В. Посадский. М.: АИРО-XXI, 2013. С. 436.
- ⁹¹ РГВА. Ф. 17541. Оп. 1. Д. 18. Л. 2 – 2об.
- ⁹² *Советская деревня...* Т. 1. С. 193–194.
- ⁹³ *Советская деревня...* Т. 1. С. 210.
- ⁹⁴ *Внутренние войска Советской республики. 1917–1922: Док-ты и мат-лы.* М.: Юридическая литература, 1972. С. 431.
- ⁹⁵ *Советская деревня...* Т. 1. С. 223–224.
- ⁹⁶ *Советская деревня...* Т. 1. С. 128.
- ⁹⁷ *Советская деревня...* Т. 1. С. 182–183.
- ⁹⁸ *Советская деревня...* Т. 1. С. 193–194.

- ⁹⁹ *Степун Ф.А.* Бывшее и несбывшееся. Т. 2. Нью-Йорк: Изд-во им. А.П. Чехова, 1956. С. 290–291.
- ¹⁰⁰ РГВА. Ф. 17541. Оп. 1. Д. 19. Л. Юоб.
- ¹⁰¹ *Советская деревня...* Т. 1. С. 172.
- ¹⁰² *Советская деревня...* Т. 1. С. 180.
- ¹⁰⁷ *Советская деревня...* Т. 1. С. 190, 222.
- ¹⁰⁸ РГВА. Ф. 9. Он. 8. Д. 2. Л. 11.
- ¹⁰⁹ *Советская деревня...* Т. 1. С. 124, 125.
- ¹¹⁵ *Советская деревня...* Т. 1. С. 141.
- ¹¹⁶ *Советская деревня...* Т. 1. С. 163.
- ¹¹⁷ РГВА. Ф. 9. Он. 8. Д. 2. Л. 5.
- ¹¹⁸ *Советская деревня...* Т. 1. С. 195–196.
- ¹²² *Соловьев Ю.П.* Преображение (Брянск). 2011. № 1 – 12 (33). С. 57.
- ¹²³ *Советская деревня...* Т. 1. С. 154.
- ¹²⁴ РГВА. Ф. 9. Он. 8. Д. 2. Л. 4.
- ¹²⁵ *Советская деревня...* Т. 1. С. 163–164.
- ¹²⁶ *Оликов С.* Указ. соч. С. 74.
- ¹²⁷ *Советская деревня...* Т. 1. С. 173.
- ¹²⁸ *Советская деревня...* Т. 1. С. 186.
- ¹²⁹ *Советская деревня...* Т. 1. С. 196.
- ¹³⁰ *Советская деревня...* Т. 1. С. 207.
- ¹³¹ *50 лет верности России. 1917–1967.* Париж: Изд. Марковцев-артиллеристов, 1967. С. 196.
- ¹³² *50 лет верности России. 1917–1967.* Париж: изд. Марковцев-артиллеристов, 1967. С. 215–216.
- ¹³³ *Советская деревня...* Т. 1. С. 221, 222.
- ¹³⁴ Цит. по: *Брянцев М.В.* Дезертирство и распространение бандитизма на территории Трубчевского уезда в 1919 году // *Право: история, теория, практика: Сб. ст. и мат-лов.* Вып. 19. Брянск: Новый проект, 2015. С. 286–302.
- ¹³⁵ *Советская деревня...* Т. 1. С. 127.
- ¹³⁶ РГВА. Ф. 9. Он. 4. Д. 77. Л. 121, 126об.
- ¹³⁷ РГВА. Ф. 17541. Он. 1. Д. 19. Л. Юоб.
- ¹³⁸ *Советская деревня...* Т. 1. С. 158–159.
- ¹³⁹ *Советская деревня...* Т. 1. С. 180.
- ¹⁴⁰ РГВА. Ф. 17541. Он. 1. Д. 18. Л. 28.
- ¹⁴¹ *Советская деревня...* Т. 1. С. 190–191, 219.
- ¹⁴² РГВА. Ф. 9. Он. 4. Д. 77. Л. 121, 138.
- ¹⁴³ *Советская деревня...* Т. 1. С. 148, 184, 194, 214.

- ¹⁴⁴ *Маслов С.С.* Россия после... Кн. 2. С. 138–139.
- ¹⁴⁵ ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 1. Л. 270, 271об.
- ¹⁴⁶ Hoover Institute Collection. Шинкаренко.
- ¹⁴⁷ РГВА. Ф. 17541. Оп. 1. Д. 19. Л. 33.
- ¹⁴⁸ РГВА. Ф. 16806. Оп. 1. Д. 18. Л. 141.
- ¹⁴⁹ В Советской республике уже декретом СНК от 30 января 1918 г. была образована Всероссийская междуведомственная ЧК по охране дорог; весной того же года эта организация поступила в ведение НКПС. К началу июня в отрядах охраны состояло более 28 тысяч человек, формировались и успешно действовали летучие отряды против банд. См.: *Алексенцев А.И.* Вооруженная защита тыла страны в 1918–1920 гг. // История СССР. 1971. № 6. С. 110.
- ¹⁵⁰ См.: *Внутренние войска Советской республики. 1917–1922: Док-ты и мат-лы.* М.: Юридическая литература, 1972. С. 83.
- ¹⁵¹ *Список частей Сибирской армии к 9 мая 1919 г.* Публ. А. Дерябина // Белая Гвардия. 1997. № 1. С. 90.
- ¹⁵² РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 246. Л. 1 – 1об.
- ¹⁵³ Цит. по: *Ганин А.В.* Смоленский дневник Снесарева // Родина. 2013. № 9. С. 118.
- ¹⁵⁴ РГВА. Ф. 17541. Оп. 1. Д. 19. Л. 132, 133, 135 – 135об.
- ¹⁵⁵ *Советская деревня...* Т. 1. С. 189.
- ¹⁵⁶ *Оликов С.* Указ. соч. С. 74.
- ¹⁵⁷ *Головин Н.Н.* Военные усилия России в Мировой войне. Жуковский; М.: Кучково поле, 2001. С. 184–185, 186–187.
- ¹⁵⁸ *Сикорский Е.А.* Из истории утверждения в России диктатуры большевиков (по материалам всероссийским и смоленским). Смоленск: Аверх, 2008. С. 352.
- ¹⁵⁹ *Асташов А.Б.* Русский крестьянин на фронтах Первой мировой войны // Отечественная история. 2003. № 2. С. 80.
- ¹⁶⁰ *Оликов С.* Указ. соч. С. 89.
- ¹⁶¹ *Поляков Ю.* Бич истории // Свободная мысль-XXI. 2001. № 1. С. 81–82.
- ¹⁶² *Левин М.* Гражданская война: динамика и наследие / Гражданская война в России: перекресток мнений. М.: Наука, 1994. С. 258.
- ¹⁶³ *Сухова О.А.* «Общинная революция» в России: социальная психология и поведение крестьянства в первые десятилетия XX века (по материалам Среднего Поволжья). Пенза: ПГПУ, 2007. С. 314.
- ¹⁶⁴ *Сорокин П.А.* Листки из русского дневника. Социология революции. Сыктывкар: Анбур, 2015. С. 310–311.
- ¹⁶⁵ *Оликов С.* Дезертирство в Красной Армии и борьба с ним. М.: Пзд. Военной типографии Управления делами Наркомвоенмор и РВС СССР, 1926; *Мовчин Н.* Комплектование Красной армии (Исторический очерк). М.: Изд. Военной типографии Управления делами Наркомвоенмор и РВС СССР, 1926 (дезертирству посвящена гл. VI «Дезертирство и борьба с ним», с. 122–149).
- ¹⁶⁶ *Мовчин И.* Указ. соч. С. 148–149.
- ¹⁶⁷ *Оликов С.* Указ. соч. С. 5.

- ¹⁶⁸ Сикорский Е.А. Из истории утверждения в России диктатуры большевиков (по материалам всероссийским и смоленским). Смоленск: Аверх, 2008. С. 355–357, 359.
- ¹⁶⁹ Мовчин Н. Указ. соч. С. 166–167.
- ¹⁷⁰ Терне А. В царстве Ленина (очерки современной жизни в РСФСР). М.: Скифы, 1991. С. 78–79.
- ¹⁷¹ Мовчин Н. Указ. соч. С. 171.
- ¹⁷² Декреты Советской власти. Т. IV. 10 ноября 1918 г. 31 марта 1919 г. М., 1968. С. 254–256.
- ¹⁷³ Декреты Советской власти. Т. IV. 10 ноября 1918 г. 31 марта 1919 г. М., 1968. С. 591–592.
- ¹⁷⁴ Оликов С. Указ. соч. С. 17–19, 22.
- ¹⁷⁵ Оликов С. Указ. соч. С. 21.
- ¹⁷⁶ Оликов С. Указ. соч. С. 26–27.
- ¹⁷⁷ РГАСПИ. Ф. 5. Он. 1. Д. 2452. Л. 5.
- ¹⁷⁸ Управление, комплектование и мобилизация русской армии с древнейших времен до наших дней. Монография. Саратов, 2007. С. 171.
- ¹⁷⁹ Декреты Советской власти. Т. IV. 10 ноября 1918 г. – 31 марта 1919 г. М., 1968. С. 540.
- ¹⁸⁰ Щербакова Н.А. «Волостная» мобилизация весны 1919 г. в Калужской и Тульской губерниях // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История. Политология. 2008. № 5 (45). Т. 7. С. 97–98.
- ¹⁸¹ Смирнов Ю.Ф. Тульские концентрационные лагеря принудительных работ в 1919–1923 гг.: принципы организации, цели создания, динамика существования // Тульский краеведческий альманах. 2014. Вып. 11. С. 48–65.
- ¹⁸² Белова И.Б. Концентрационные лагеря принудительных работ в Советской России: 1919–1923 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 12(38). В 3 ч. Ч. 1. С. 34.
- ¹⁸³ По материалам Калужской и Тульской губ см. выводы: Щербакова Н.А. «Волостная» мобилизация... С. 102.
- ¹⁸⁴ Декреты Советской власти. Т. V. 1 апреля – 31 июля 1919 г. М., 1971. С. 264–267.
- ¹⁸⁵ URL: <http://letopis20vek.narod.ru/Age/I919.htm>.
- ¹⁸⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. 1917–1924. М.: Политиздат, 1970. С. 94, 98.
- ¹⁸⁷ Декреты Советской власти. Т. V. 1 апреля – 31 июля 1919 г. М., 1971. С. 573–574.
- ¹⁸⁸ Декреты Советской власти. Т. VI. 1 августа – 9 декабря 1919 г. М., 1973. С. 476.
- ¹⁸⁹ Декреты Советской власти. Т. VI. 1 августа – 9 декабря 1919 г. М., 1973. С. 241, 243.
- ¹⁹⁰ См. текст: Декреты Советской власти. Т. VI. 1 августа – 9 декабря 1919 г. М., 1973. С. 286–297.
- ¹⁹¹ Оликов С. Указ. соч. С. 90.
- ¹⁹² Оликов С. Указ. соч. С. 11 – 12.

- ¹⁹³ См.: *Дживилегов А.К* Армия Великой французской Революции и ее вожди. Исторический очерк. М.; Пг.: Книга, 1923.
- ¹⁹⁴ *Оликов С.* Указ. соч. С. 13–14.
- ¹⁹⁵ *Мовчин Н.* Указ. соч. С. 122, 124–127.
- ¹⁹⁶ *Оликов С.* Указ. соч. С. 27–28, 29, 33, 39.
- ¹⁹⁷ *Советская деревня...* Т. 1. С. 133.
- ¹⁹⁸ РГВА. Ф. 9. Оп. 4. Д. 77. Л. 10.
- ¹⁹⁹ РГВА. Ф. 9. Оп. 4. Д. 77. Л. 41, 48.
- ²⁰⁰ *Оликов С.* Указ. соч. С. 38.
- ²⁰¹ *Мовчин И.* Указ. соч. С. 128–129.
- ²⁰² *Мовчин Н.* Указ. соч. С. 124.
- ²⁰³ *Оликов С.* Указ. соч. С. 10, 42–44, 46, 47, 56–57, 59 – 60, 61, 67, 80.
- ²⁰⁴ *Долгова А.В.* Борьба с дезертирством в Красной армии во второй половине 1919 г. // Вестник Томского государственного университета. Гуманитарные науки: история и политология. 2010. Вып. 3 (83). С. 343.
- ²⁰⁵ *Мовчин Н.* Указ. соч. С. 130–133, 135–137, 139, 144–146.
- ²⁰⁶ *Левшин К.В.* Причины дезертирства в Красной Армии (1918–1921 гг.) // Новейшая история России. 2011. № 2. С. 78–79.
- ²⁰⁷ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934). М., 2001. С. 199.
- ²⁰⁸ *Управление*, комплектование и мобилизация русской армии с древнейших времен до наших дней. Монография. Саратов, 2007. С. 170.
- ²⁰⁹ *Мовчин Н.* Указ. соч. С. 132–134.
- ²¹⁰ *Кривошеев Г.Ф.* О дезертирстве в Красной Армии // Военно-исторический журнал. 2001. № 6. С. 94.
- ²¹¹ См. современные работы о дезертирстве в восточном и северо-западном регионах России: *Долгова А.В.* Дезертирство в Красной и Белой армиях в 1917–1922 гг. // Вестник Пермского университета. 2008. История. Вып. 7(23). С. 39–45; *она же.* Борьба с дезертирством в Красной армии во второй половине 1919 г. // Вестник Томского государственного университета. Гуманитарные науки: история и политология. 2010. Вып. 3(83). С. 340–345; *Левшин К.В.* Дезертирство в Красной армии в годы Гражданской войны на Северо-Западе России, 1918–1921 гг. Дисс... канд. ист. наук. СПб., 2012.
- ²¹² *Овечкин В.В.* Дезертирство из Красной армии в годы Гражданской войны // Вопросы истории. 2002. № 3. С. 113–114.
- ²¹³ *Левшин К.В.* Причины дезертирства в Красной Армии (1918–1921 гг.) // Новейшая история России. 2011. № 2. С. 76.
- ²¹⁴ *Борьба за власть Советов в Вологодской губернии (1917 – 1919 гг.): Сб. док-тов /* Под ред. П.К. Перепеченко. Вологда: Обл. кн. редакция, 1957. С. 252.
- ²¹⁵ См.: *Левшин К.В.* Лжедезертиры Красной армии в годы Гражданской войны // Военно-исторический журнал. 2015. № 3.
- ²¹⁶ См., например, преимущественно пермский материал: *Долгова А.М.* Методы борьбы с дезертирством в годы Гражданской войны // Военно-исторические

исследования в Поволжье: Сб. науч. трудов. Саратов: изд-во ВИ ВВ МВД РФ, 2012. Вып. 9. С. 171–178.

²¹⁷ *Окнинский А.Л.* Два года среди крестьян. Виденное, слышанное, пережитое в Тамбовской губернии с ноября 1918 года до ноября 1920 года. М.: Русский путь, 1998. С. 91–92, 97 – 107.

²¹⁸ *Советская деревня...* Т. 1. С. 182.

²¹⁹ *Советская деревня...* Т. 1. С. 193.

²²⁰ *Советская деревня...* Т. 1. С. 218.

²²¹ РГВА. Ф. 9. Оп. 8. Д. 20. Л. 41.

²²² РГВА. Ф. 9. Оп. 8. Д. 20. Л. 44.

²²³ РГВА. Ф. 9. Оп. 4. Д. 9. Л. 4.

²²⁴ *Советская деревня...* Т. 1. С. 182.

²²⁵ РГВА. Ф. 9. Оп. 4. Д. 170. Л. 56, 56 об., 57.

²²⁶ *Макутчев А.* Опыт чрезвычайного правосудия в Тульской губернии: Тульский губернский революционный трибунал в 1918 – 1923 гг. // Тульский краеведческий альманах. 2009–2010. № 7.

²²⁷ *Белова И.Б.* Концентрационные лагеря принудительных работ... Ч. 1. С. 34.

²²⁸ *Емельянов С.Н., Зорин А.В., Шпилев А.Г.* Курский край в Гражданской войне 1917–1921 гг. (очерк военно-политической истории). Курск: Полстар, 2013. С. 231–232.

²²⁹ Однако были и «неинтеллигентные» добровольцы Белой армии. Так, в Великой Михайловке некий торговец Бондарев призвал население организовать в помощь Добровольческой армии, в результате чего возник «целый полк добровольцев» из этого населенного пункта. *Емельянов С.Н., Зорин А.В., Шпилев А.Г.* Курский край в Гражданской войне... С. 374–375.

²³⁰ *Советская деревня...* С. 364, 369.

²³¹ ГАРФ. Ф. 440. Он. 1. Д. 81. Л. 9.

²³² *Мовчин Н.* Указ. соч. С. 138.

²³³ *Советская деревня...* Т. 1. С. 125.

²³⁴ РГВА. Ф. 9. Он. 8. Д. 2. Л. 7.

²³⁵ *Советская деревня...* Т. 1. С. 127.

²³⁶ *Советская деревня...* Т. 1. С. 127.

²³⁷ *Советская деревня...* Т. 1. С. 129.

²³⁸ *Борисенко Р.В.* Крестьянские мятежи в Воронежской губернии летом 1919 года // Вестник ВГУ. Серия: История, политология, социология. 2015. № 4. С. 53.

²³⁹ *Борисенко Р.В.* Крестьянские мятежи в Воронежской губернии... С. 56–57.

²⁴⁰ РГВА. Ф. 9. Оп. 8. Д. 2. Л. 16.

²⁴¹ *Советская деревня...* Т. 1. С. 136.

²⁴² *Советская деревня...* Т. 1. С. 141.

²⁴³ РГВА. Ф. 9. Оп. 4. Д. 9. Л. 12.

²⁴⁴ *Советская деревня...* Т. 1. С. 139.

- 245 *Банда «зеленых»* // Известия (Саратов). 1919. № 142. 5 июля. С. 1.
- 246 РГВА. Ф. 9. Оп. 8. Д. 2. Л. 13–14.
- 250 *Ленин В.И.* Поли. собр. соч. Т. 51. М., 1978. С. 7.
- 251 *Советская деревня...* Т. 1. С. 146.
- 252 *Советская деревня...* Т. 1. С. 149.
- 253 См.: *Командир особого отряда* / Мат-л к печати подгот. О. Хмелькова, С. Шишканов // *Сельская новь* (Аркадак Саратовской обл.). 1987. 18 июля. С. 2.
- 254 *Борисенко Р.В.* Крестьянские мятежи в Воронежской губернии летом 1919 года // *Вестник ВГУ. Серия: История, политология, социология.* 2015. № 4. С. 57.
- 255 См. подробнее: *Посадский А.В.* От Царицына до Сызрани... С. 296–396.
- 256 *Советская деревня...* Т. 1. С. 139–146, 195.
- 257 *Советская деревня...* Т. 1. С. 184–186.
- 258 *Советская деревня...* Т. 1. С. 218.
- 259 РГАСПИ. Ф. 17. Он. 109. Д. 3. Л. 53.
- 260 *Яценко В.Г.* Еланские коммунары в борьбе с повстанцами и уголовными бандами: История Еланской отдельной роты особого назначения Саратовской губернии. 1920–1924 годы. Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала РАНХиГС, 2016. С. 13.
- 261 *Советская деревня...* Т. 1. С. 159–160, 193.
- 262 *Советская деревня...* Т. 1. С. 127.
- 263 *Советская деревня...* Т. 1. С. 127–128.
- 264 *Советская деревня...* Т. 1. С. 129.
- 265 РГВА. Ф. 9. Он. 8. Д. 2. Л. 26.
- 266 *Советская деревня...* Т. 1. С. 150.
- 267 *Советская деревня...* Т. 1. С. 153–154.
- 268 РГВА. Ф. 9. Он. 8. Д. 2. Л. 3.
- 269 РГВА. Ф. 9. Он. 8. Д. 2. Л. 4.
- 270 *Советская деревня...* Т. 1. С. 163.
- 271 РГВА. Ф. 9. Он. 8. Д. 2. Л. 5.
- 272 *Советская деревня...* Т. 1. С. 184.
- 273 *Советская деревня...* Т. 1. С. 195.
- 274 *Советская деревня...* Т. 1. С. 217.
- 275 *Окнинский А.Л.* Два года среди крестьян. Виденное, слышанное, пережитое в Тамбовской губернии с ноября 1918 года до ноября 1920 года. М.: Русский путь, 1998. С. 230–232, 97, 226, 233–236, 242–244.
- 276 Архив УФСБ по Саратовской области. Дело Демина Андрея Тимофеевича.
- 277 Архив УФСБ по Саратовской области. Дело Смотрова Егора.
- 278 Саратовский областной музей краеведения (СОМК). Ф. 22617/К-19. Л. 23об.; вырезка из газеты «Коллективист» (Турки): 22617/19.

- ²⁷⁹ СОМК. Научный архив. Ф. 102/1 – 10. Л. 28об. – 31 об.
- ²⁸⁰ СОМК. Подборка «Партизанские рассказы».
- ²⁸¹ По воспоминаниям бывшего волвоенкома Терновского военкомата, секретаря ячейки РКП(б) при Балашовском УЧК, ответственного секретаря Родничковского волкома ВКП(б) Ермолая Федоровича Иванова; Терновский школьный музей, без атрибуции.
- ²⁸² Саблин В.А. 1919 год в северной деревне: характер общественно-политических настроений // 1919 год в судьбах России и мира: широкомасштабная Гражданская война и интервенция в России, зарождение новой системы международных отношений: Сб. мат-лов науч. конф. Архангельск: Солти, 2009. С. 248.
- ²⁸³ *Борьба за власть Советов в Вологодской губернии (1917 – 1919 гг.): Сб. док-тов / Под ред. П.К. Перепеченко. Вологда: Обл. кн. редакция, 1957. С. 240.*
- ²⁸⁴ См.: Новикова Л.Г. «Провинциальная контрреволюция». Белое движение и Гражданская война на русском Севере 1917–1920. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 174.
- ²⁸⁵ Васёв В.Н. Красные и белые: голос из прошлого. Архангельск – Вологда, 2013. С. 409–411.
- ²⁸⁶ Готье Ю.В. Мои заметки. М.: Терра, 1997. С. 296–297.
- ²⁸⁷ РГВА. Ф. 9. Он. 4. Д. 3. Л. 129.
- ²⁸⁸ *Советская деревня...* Т. 1. С. 199.
- ²⁸⁹ РГВА. Ф. 9. Он. 4. Д. 3. Л. 1.
- ²⁹⁰ *Борьба за власть Советов в Вологодской губернии (1917 – 1919 гг.): Сб. док-тов / Под ред. П.К. Перепеченко. Вологда: Обл. кн. редакция, 1957. С. 245.*
- ²⁹¹ *Советская деревня...* Т. 1. С. 146–147, 150, 153, 162, 166, 174, 180, 187, 199, 222.
- ²⁹² *Советская деревня...* Т. 1. С. 161, 191.
- ²⁹³ РГВА. Ф. 9. Он. 4. Д. 3. Л. 45–46.
- ²⁹⁴ РГВА. Ф. 9. Он. 4. Д. 3. Л. 62, 64.
- ²⁹⁵ *Советская деревня...* Т. 1. С. 135, 137, 165, 199, 208.
- ²⁹⁶ ГАРФ. Ф. 440. Он. 1. Д. 81. Л. 7.
- ²⁹⁷ *Советская деревня...* Т. 1. С. 135, 137, 138.
- ²⁹⁸ *Советская деревня...* Т. 1. С. 161 – 162.
- ³⁰⁵ *Советская деревня...* Т. 1. С. 172.
- ³⁰⁶ *Советская деревня...* Т. 1. С. 172.
- ³⁰⁷ *Советская деревня...* Т. 1. С. 180.
- ³⁰⁸ РГВА. Ф. 17541. Он. 1. Д. 19. Л. 49.
- ³⁰⁹ *Советская деревня...* Т. 1. С. 191 – 192.
- ³¹⁰ *Советская деревня...* Т. 1. С. 213.
- ³¹¹ РГВА. Ф. 17541. Он. 1. Д. 19. Л. 128.
- ³¹² В источнике «по всем губерниям», что представляется канцелярской ошибкой.
- ³¹³ *Советская деревня...* Т. 1. С. 218, 220, 222.

- ³¹⁴ *Советская деревня...* Т. 1. С. 161.
- ³¹⁵ *Советская деревня...* Т. 1. С. 210.
- ³¹⁶ *Советская деревня...* Т. 1. С. 214.
- ³¹⁷ *Советская деревня...* Т. 1. С. 215.
- ³¹⁸ *Гдовский уезд, годы двадцатые...* / Публ. О.В. Салкиной // Псков. 2006. № 25. С. 247.
- ³¹⁹ *Васильев М.В.* Крестьяне Псковской губернии в годы Гражданской войны 1917–1920 гг. Дисс... канд. ист. наук. Псков, 2014. С. 193, 163–164, 179–182, 189.
- ³²⁰ РГВА. Ф. 9. Он. 4. Д. 3. Л. 48–49.
- ³²¹ *Советская деревня...* Т. 1. С. 133, 136, 137, 138.
- ³²² *Васильев М.В.* Крестьяне Псковской губернии в годы Гражданской войны 1917–1920 гг. Дисс... канд. ист. наук. Псков, 2014. С. 195–200.
- ³²³ *Советская деревня...* Т. 1. С. 140.
- ³²⁴ *Советская деревня...* Т. 1. С. 145.
- ³²⁵ *Советская деревня...* Т. 1. С. 146.
- ³²⁶ *Васильев М.В.* Крестьяне Псковской губернии в годы Гражданской войны 1917–1920 гг. Дисс... канд. ист. наук. Псков, 2014. С. 175–176.
- ³²⁷ *Родзянко А.П.* Воспоминания о северо-западной армии. М.: Изд-во ИКАР, 2000. С. 108.
- ³²⁸ См.: *Кручинин А.С.* «Озерный фронт» (партизанские операции подполковника С.Н. Булак-Балаховича в феврале – апреле 1919 года) // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Третьей международной научно-практической конференции 16–18 мая 2012 года. Ч. II. СПб.: ВИМАИВиВС, 2012. С. 67–80.
- ³²⁹ См.: *Кручинин А.С.* Н.Н. Юденич, С.Н. Булак-Балахович и стратегия Северо-Западной армии // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Пятой международной научно-практической конференции 14–16 мая 2014 года. Ч. II. СПб.: ВИМАИВиВС, 2014. С. 412–427.
- ³³⁰ *Михайлов* день 1-й. Журнал исторической России. Ямбург, 2005. С. 245.
- ³³¹ *Columbia University.* BAKHMETEFF ARCHIVE. P.A. Tomi-lov.
- ³³² *Готье Ю.В.* Мои заметки. М.: Терра, 1997. С. 306.
- ³³³ *Кручинин А.С.* Генералы С.Н. и И.Н. Балаховичи // Исторические портреты: А.В. Колчак, Н.Н. Юденич, Г.М. Семенов... М.: АСТ-Астрель, 2004. С. 494–496 и след.
- ³³⁴ *Васильев М.В.* Крестьяне Псковской губернии в годы Гражданской войны 1917–1920 гг. Дисс... канд. ист. наук. Псков, 2014. С. 172.
- ³³⁵ *Калкин О.А.* Участие крестьянства Псковского уезда в Белом движении на Северо-Западе России // Белое дело. 2-й съезд представителей печатных и электронных изданий. Резолюция и материалы научной конференции «Белое дело в Гражданской войне в России 1917–1922 гг.». М., 2005. С. 292.
- ³³⁶ Книга И. Копытина «Русские в Освободительной войне 1918–1920» вышла в 2014 г. на эстонском языке, русские тексты о Качановском батальоне и другие по теме доступны в Интернете.
- ³³⁷ См., например: *Советская деревня...* Т. 1. С. 172–173.

- 338 *Васильев М.В.* Крестьяне Псковской губернии в годы Гражданской войны 1917–1920 гг. Дисс... канд. ист. наук. Псков, 2014. С. 172.
- 339 *Советская деревня...* Т. 1. С. 210.
- 340 *Советская деревня...* Т. 1. С. 217.
- 341 См.: РГВА. Ф. 39455. Он. 1. Д. 9.
- 342 *Васильев М.В.* Крестьяне Псковской губернии в годы Гражданской войны 1917–1920 гг. Дисс... канд. ист. наук. Псков, 2014. С. 201–202.
- 343 См. подробнее: *Калкин О.А.* Участие крестьян Псковского уезда в Белом движении на Северо-Западе России // Белое движение на Северо-Западе и судьбы его участников. Материалы Второй международной научно-исторической конференции в г. Пскове. Псков: Изд-во Центра научного творчества, 2005. С. 71–89.
- 344 ГАРФ. Ф. 5866. Он. 1. Д. 129. Л. 1.
- 345 Цит. по: *Ганин А.В.* Смоленский дневник Снесарева // Родина. 2013. № 9. С. 117.
- 346 *Френкин М.* Трагедия крестьянских восстаний в России... С. 74, 96.
- 347 ГАРФ. Ф. 440. Он. 1. Д. 81. Л. 9.
- 348 Цит. по: *Ганин А.В.* Смоленский дневник Снесарева // Родина. 2013. № 9. С. 118.
- 349 *Советская деревня...* Т. 1. С. 142.
- 350 *Советская деревня...* Т. 1. С. 146.
- 351 *Советская деревня...* Т. 1. С. 174.
- 352 *Васильев М.В.* Крестьяне Псковской губернии в годы Гражданской войны 1917–1920 гг. Дисс... канд. ист. наук. Псков, 2014. С. 193–194.
- 353 *Волков-Муромцев И.В.* Юность. От Вязьмы до Феодосии (1902–1920). М.: Русский путь – Грааль, 1997. С. 231–238, подробнее до с. 260.
- 354 Правдивые известия. Ежедневная газета русских партизанов. Май 1920. № 8. С. 2.
- 355 Правдивые известия. Ежедневная газета русских партизанов. 1920. Апрель. № 4. С. 2.
- 356 Правдивые известия. Ежедневная газета русских партизанов. 1920. Апрель. № 4. С. 4.
- 357 Правдивые известия. Ежедневная газета русских партизанов. 1920. № 6. Апрель. С. 2.
- 358 Правдивые известия. Ежедневная газета русских партизанов. 1920. Апрель. № 6. С. 1.
- 359 Правдивые известия. Ежедневная газета русских партизанов. 1920. Апрель. № 6. С. 3–4.
- 360 *Советская деревня...* Т. 1. С. 148, 164, 173–174, 186 – 187, 197–198, 208, 210, 211, 214, 219, 221.
- 361 ГАРФ. Ф. 6990. Оп. 1. Д. 17. Л. 6–8.
- 362 *Советская деревня...* Т. 1. С. 132, 155.
- 363 РГВА. Ф. 17541. Оп. 1. Д. 19. Л. 35, 36а.
- 364 *Советская деревня...* Т. 1. С. 126, 133, 144–145, 151, 164–165, 174, 187, 198–199, 208, 215, 219, 221.

- ³⁶⁵ *Советская деревня...* Т. 1. С. 164, 174.
- ³⁶⁶ Гагарин А.П. Борьба за установление Советской власти в Юхновском уезде. Смоленск: Смоленское кн. изд-во, 1958. С. 41.
- ³⁶⁷ URL: <http://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/person/17>.
- ³⁶⁸ Сикорский Е.А. Из истории утверждения в России диктатуры большевиков (по материалам всероссийским и смоленским). Смоленск: Аверх, 2008. С. 361.
- ³⁶⁹ Степанов П.С. Борьба за укрепление Советской власти в Смоленской губернии в 1917–1920 гг. Смоленск: Смоленское кн. изд-во, 1957. С. 95–99.
- ³⁷⁰ *Советская деревня...* Т. 1. С. 134.
- ³⁷¹ Сикорский Е.А. Из истории утверждения в России... С. 364–366, 371–372, 380.
- ³⁷² *Советская деревня...* Т. 1. С. 149–150, 154–155, 158.
- ³⁷³ Цит. по: Сикорский Е.А. Из истории утверждения в России диктатуры большевиков (по материалам всероссийским и смоленским). Смоленск: Аверх, 2008. С. 359–361, 357–358.
- ³⁷⁴ *Советская деревня...* Т. 1. С. 172.
- ³⁷⁵ *Советская деревня...* Т. 1. С. 179.
- ³⁷⁶ Цит. по: Сикорский Е.А. Из истории утверждения в России... С. 361.
- ³⁷⁷ *Советская деревня...* Т. 1. 208, 210, 211, 214, 219–222.
- ³⁷⁸ Сикорский Е.А. Из истории утверждения в России... С. 361, 364–365, 369–372, 382–383.
- ³⁷⁹ Внутренние войска Советской республики. 1917–1922: Док-ты и мат-лы. М.: Юридическая литература, 1972. С. 459.
- ³⁸⁰ Алексенцев А.И. Вооруженная защита тыла страны в 1918–1920 гг. // История СССР. 1971. № 6. С. 116.
- ³⁸¹ РГВА. Ф. 9. Оп. 4. Д. 3. Л. 45.
- ³⁸² РГВА. Ф. 9. Оп. 4. Д. 3. Л. 48–49.
- ³⁸³ РГВА. Ф. 9. Оп. 4. Д. 3. Л. 62–63.
- ³⁸⁴ Письмо С.Ю. Хламова (Юрьев-Польский) автору от 11 февраля 2017 г.
- ³⁸⁵ РГВА. Ф. 9. Оп. 4. Д. 3. Л. 114.
- ³⁸⁶ *Советская деревня...* Т. 1. С. 133–138, 149, 151, 153, 157, 169–170, 175–176, 178, 189–190, 214.
- ³⁸⁷ URL: <http://nasheopolie.ru/forum/index.phpP/topic/19-зелёное-движение-в-ополье-1918-1923-гг>.
- ³⁸⁸ См., например: *Советская деревня...* Т. 1. С. 126.
- ³⁸⁹ РГВА. Ф. 9. Оп. 4. Д. 9. Л. 7.
- ³⁹⁰ РГВА. Ф. 9. Оп. 4. Д. 3. Л. 80, 83.
- ³⁹¹ РГВА. Ф. 9. Оп. 4. Д. 3. Л. 87–88.
- ³⁹² РГВА. Ф. 9. Оп. 4. Д. 3. Л. 114–115.
- ³⁹³ *Советская деревня...* Т. 1. С. 138–139.
- ³⁹⁴ РГВА. Ф. 9. Оп. 4. Д. 3. Л. 62, 64, 66–67.

- ³⁹⁵ РГВА. Ф. 9. Оп. 4. Д. 3. Л. 75–77.
- ³⁹⁶ *Советская деревня...* Т. 1. С. 145, 147, 148, 149, 151.
- ³⁹⁷ РГВА. Ф. 9. Оп. 4. Д. 3. Л. 120.
- ³⁹⁸ *Советская деревня...* Т. 1. С. 158.
- ³⁹⁹ РГВА. Ф. 17541. Оп. 1. Д. 19. Л. 10.
- ⁴⁰⁰ *Советская деревня...* Т. 1. С. 151 – 152.
- ⁴⁰¹ *Советская деревня...* Т. 1. С. 171 – 172.
- ⁴⁰² *Советская деревня...* Т. 1. С. 176–177.
- ⁴⁰³ РГВА. Ф. 17541. Оп. 1. Д. 18. Л. 28.
- ⁴⁰⁴ РГВА. Ф. 17541. Оп. 1. Д. 18. Л. 23.
- ⁴⁰⁵ *Советская деревня...* Т. 1. С. 220.
- ⁴⁰⁶ *Советская деревня...* Т. 1. С. 221.
- ⁴⁰⁷ *Советская деревня...* Т. 1. С. 128.
- ⁴⁰⁸ РГВА. Ф. 9. Оп. 4. Д. 3. Л. 88.
- ⁴⁰⁹ РГВА. Ф. 9. Оп. 4. Д. 3. Л. 67.
- ⁴¹⁰ РГВА. Ф. 9. Оп. 4. Д. 3. Л. 62, 67–68.
- ⁴¹¹ РГВА. Ф. 9. Оп. 4. Д. 3. Л. 77–78.
- ⁴¹² *Внутренние войска Советской республики. 1917–1922: Док-ты и мат-лы.* М.: Юридическая литература, 1972. С. 106.
- ⁴¹³ РГВА. Ф. 9. Оп. 4. Д. 3. Л. 113.
- ⁴¹⁴ РГВА. Ф. 9. Оп. 4. Д. 3. Л. 129.
- ⁴¹⁵ *Советская деревня...* Т. 1. С. 133, 140, 141, 149, 157, 159, 170, 178, 181, 192, 222.
- ⁴¹⁶ См. подробно: *Лапина М.* Красносельское восстание: легенда и факты // Красное Приволжье (Красное Костромской области). 1996. 23 июля; на сайте: *Забывтая Кострома... Краеведение*
Адрес размещения: URL: <http://starina44.ru/krasnoselskoevosstanie-legenda-i>.
- ⁴¹⁷ См., например: <http://forum.yar-genealogy.ru/index.php?showtopic=4341> – форум о Красносельском восстании; местная семейная память саккумулирована в неданей публикации в местном издании: *Красносельская сторона: Альманах.* 2014. № 6. С. 220, 221, 234–242, 248.
- ⁴¹⁸ *Внутренние войска Советской республики. 1917–1922: Док-ты и мат-лы.* М.: Юридическая литература, 1972. С. 106.
- ⁴¹⁹ РГВА. Ф. 9. Оп. 4. Д. 3. Л. 62–63.
- ⁴²⁰ РГВА. Ф. 9. Оп. 4. Д. 3. Л. 114, 116.
- ⁴²¹ РГВА. Ф. 9. Оп. 4. Д. 3. Л. ИЗ.
- ⁴²⁵ *Советская деревня...* Т. 1. С. 141, 142, 145–147, 152–153, 157–158, 170–171, 176, 177, 190, 207, 215, 218.
- ⁴²⁶ *Советская деревня...* Т. 1. С. 210, 215.
- ⁴²⁷ РГВА. Ф. 17541. Оп. 1. Д. 18. Л. 60.

- 428 *Советская деревня...* Т. 1. С. 221.
- 429 См.: *Александров КМ.* Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова 1944–1945 гг. СПб.: БЛИЦ, 2001. С. 166.
- 430 *Советская деревня...* Т. 1. С. 128.
- 431 *Советская деревня...* Т. 1. С. 145.
- 432 РГВА. Ф. 9. Оп. 4. Д. 77. Л. 121, 126.
- 433 *Войцекян А.* В зеленом кольце. М. – Л.: Московский рабочий, 1927. С. 84–90.
- 442 *Уоллинг В.Е.* Послание России (Истинное значение русской революции): Пер. с англ. Берлин, 1910; *Павлов И.Н.* Марковская республика. Из истории крестьянского движения 1905 года в Московской губернии. М., 1926; *Смирнов И.И.* «Марковская республика». М., 1975.
- 443 РГВА. Ф. 17541. Оп. 1. Д. 19. Л. 4–7.
- 444 РГВА. Ф. 17541. Оп. 1. Д. 19. Л. 10.
- 445 *Советская деревня...* Т. 1. С. 156.
- 446 *Войцекян А.* В зеленом кольце. М. – Л.: Московский рабочий, 1927. С. 91–94.
- 447 *Советская деревня...* Т. 1. С. 189.
- 448 РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2452. Л. 15.
- 449 См.: *Ганин А.В.* «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и док-нты. М.: Русский путь, 2013. С. 692, 682–683.
- 450 *Красная книга ВЧК.* Т. 2. Изд. 2, уточн. М.: Политиздат, 1989. С. 186, 433, 487, 488, 178.
- 451 *Ковалев Д.В.* Подмосковное крестьянство в переломное десятилетие 1917–1927. М.: Прометей, 2000. С. 107–111, 79; *его же.* Из истории модернизационных процессов в крестьянском хозяйстве России конца XIX – первой четверти XX века (на материалах Подмосковья) // Отечественная история. 2002. № 5. С. 184.
- 452 *Ковалев Д.В.* Подмосковное крестьянство в переломное десятилетие 1917–1927. М.: Прометей, 2000. С. 63–64.
- 453 *Клементьев В.Ф.* В большевицкой Москве (1918–1920). М.: Русский путь, 1998. С. 357.
- 454 РГВА. Ф. 17541. Оп. 1. Д. 18. Л. 28.
- 455 *Советская деревня...* Т. 1. С. 220, 219, 222.
- 456 *Общество и власть. Российская провинция. 1917 – середина 1930-х годов.* Т. 1. М.: ПРИ РАН, 2002. С. 100, 101.
- 457 См.: *Мозгова Г.Г.* «Тяжело умирать молодым, когда жить так мучительно хочется»: «Владимирский офицерский подпольный батальон» // Старая столица: Краеведческий альманах. Вып. 5. Центральная городская библиотека, отдел краеведческих исследований. Владимир, 2011.
- 458 *Общество и власть. Российская провинция...* С. 115–116.
- 459 *Общество и власть. Российская провинция...* С. 173.
- 460 *Общество и власть. Российская провинция...* С. 101 – 102.
- 461 *Советская деревня...* Т. 1. С. 209, 216.

- 462 *Советская деревня...* Т. 1. С. 192.
- 463 *Советская деревня...* Т. 1. С. 181.
- 464 О событиях 1918 г. см. публицистический материал: <http://www.pravda-nn.ru/archive/2013-09-19/kommunizm-v-arzamase>.
- 465 *Общество и власть. Российская провинция. 1917 – середина 1930-х годов.* Т. 1. М.: ПРИ РАН, 2002. С. 101.
- 466 В изложении использованы работы нижегородского историка и публициста В. Андрюхина, в том числе материалы подготовленной к изданию книги «Жернова революции».
- 467 *Советская деревня...* Т. 1. С. 218.
- 468 *Советская деревня...* Т. 1. С. 222.
- 469 Григоров А.И., Григоров А.А. Заключенные Рязанского губернского концлагеря РСФСР 1919–1923. Списки, личные дела, опросные листы, регистрационные карточки, анкеты, ведомости и протоколы, документы на освобождение. М.: Тип. Росархива, 2013. С. 214; Рязанская книга памяти Великой войны 1914–1918 гг. Т. II / Сост. Григоров А.И., Григоров А.А. М., 2015. С. 759.
- 470 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. 1917–1924. М.: Политиздат, 1970. С. 98.
- 471 *Советская деревня...* Т. 1. С. 130.
- 472 *Советская деревня...* Т. 1. С. 144.
- 473 РГВА. Ф. 17541. Он. 1. Д. 18. Л. 5а.
- 474 РГВА. Ф. 17541. Он. 1. Д. 19. Л. 3.
- 475 РГВА. Ф. 9. Он. 4. Д. 77. Л. 121, 125.
- 476 *Советская деревня...* Т. 1. С. 144.
- 477 РГВА. Ф. 17541. Он. 1. Д. 19. Л. 8, 8об., 9, 9об.
- 478 РГВА. Ф. 17541. Он. 1. Д. 19. ЛЮ.
- 479 РГВА. Ф. 9. Он. 4. Д. 77. Л. 121, 126об.
- 480 *Советская деревня...* Т. 1. С. 157.
- 481 *Советская деревня...* Т. 1. С. 169.
- 482 РГВА. Ф. 17541. Он. 1. Д. 18. Л. 1.
- 483 *Советская деревня...* Т. 1. С. 176, 189.
- 484 Григоров А.И., Григоров А.А. Заключенные Рязанского губернского концлагеря РСФСР 1919–1923. Списки, личные дела, опросные листы, регистрационные карточки, анкеты, ведомости и протоколы, документы на освобождение. М.: Тип. Росархива, 2013. С. 12.
- 485 РГВА. Ф. 17541. Он. 1. Д. 18. Л. 28.
- 486 *Советская деревня...* Т. 1. С. 218.
- 487 *Советская деревня...* Т. 1. С. 215.
- 488 Данные В. Овчинникова (Боровск) по материалам Государственного архива Калужской области: Р-526. Оп. 1. Д. 201, 69, 199.

⁴⁸⁹ Рязанская губерния в годы Гражданской войны: иИГ:

<http://rodnaya-storona.ru/node/202>.

⁴⁹⁰ Михайлова Т.Г. К вопросу о природе и масштабах большевистских гонений против Русской Православной Церкви в годы Гражданской войны:

Историографические заметки // Гражданская война в России. События, мнения, оценки. М.: Раритет, 2002. С. 492.

⁴⁹¹ Перевезенцев С. Уроки Смуты: народ и вера // Подъем. 2003. С. 144–145, 149–153, 165.

⁴⁹² См. об этом: Селезнев Ф.А. Казачий крестный ход в Петрограде 22 октября 1917 г.: к вопросу о «второй корниловщине» //

Гражданская война в России (1917–1922): взгляды и оценки через 90 лет: Доклады Академии военных наук. № 5 (29). Саратов, 2007. С. 101–109.

⁴⁹³ Михайлова Т.Г. К вопросу о природе и масштабах большевистских гонений против Русской Православной Церкви в годы Гражданской войны.

Историографические заметки // Гражданская война в России. События, мнения, оценки. М.: Раритет, 2002. С. 482, 489.

⁴⁹⁴ Леонтьева Т.Г. Православные подданные и большевистская революция: особенности адаптации к «новому миру» в годы Гражданской войны // Гражданская война в России. События, мнения, оценки. М.: Раритет, 2002. С. 505, 509.

⁴⁹⁵ В кн.: Пророчества о последнем времени и судьбе русского народа. Издание осуществлено по заказу Никольского Скита Псковской Епархии / Сост. игумен Роман (Загребнев). М.: Ророгъ, 1998.

⁴⁹⁶ Впервые опубликовано: Кром А:Альманах (Кромы Орловской области, учредитель и издатель – В.И. Агошков). 2007. № 2. С. 109–110. См. также: Одинарцев В.В. За власть советов... / ирЪ:

<http://www.kraeved.ru/kromskaya-starina-orlovskoi-gubernii>.

⁴⁹⁷ Соображение кромского краеведа В.И. Агошкова.

⁴⁹⁸ Орловская губерния в революции 1917 г. / URL: <http://орелпорусски.рф/orlovskaya-guberniya-v-revolutsii-1917-g>.

⁴⁹⁹ Агошков В.И. Елена Анисимова. Ивановские легенды // Заря. 1996. 18.09. <http://www.neizvestniy-geniy.ru/cat/literature/ос1тегИ/913322.html>.

⁵⁰⁰ Так создавалась милиция на Орловщине // Официальный сайт управления МВД по Орловской области <https://57.мвд.рф/folder/431439..>

⁵⁰¹ Агошков В.И. Кромское Поочье. Кромы, 1997.

⁵⁰² Советская деревня... Т. 1. С. 196.

⁵⁰³ Советская деревня... Т. 1. С. 208.

⁵⁰⁴ См., напр.: Поляков А.Г. Гражданская война и православное общество // Вопросы истории. 2015. № 1. Автор работает на материалах Вятской губернии и, к сожалению, не касается настроений мирян, сосредотачиваясь на политической позиции духовенства и репрессиях советских органов против него.

⁵⁰⁵ Лютов Л.Н. Церковь и сопротивление раскрестьяниванию в начале 1930 г. // Вопросы истории. 2015. № 3. С. 80, 88, 89.

⁵⁰⁶ Архивы Кремля: В 2 кн. Кн. 1. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. М. – Новосибирск: РОССПЭН, Сибирский Хронограф, 1997. С. 78.

- ⁵⁰⁷ См. подр.: *Горидовец В.* Протестные движения православных верующих в Советском государстве в 1918 г. // Вестник церковной истории. 2013. № 1/2.
- ⁵⁰⁸ *Алексеев В.В.* Самозванчество в России XX века: социальный и культурный феномен на сломе эпох // Российская история. 2016. № 1. С. 20, 23–24.
- ⁵⁰⁹ *Кондратьев Н.Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М.: Наука, 1991. С. 310.
- ⁵¹⁰ *Давыдов А.Ю.* Мешочники и диктатура в России. 1917–1921. СПб.: Алетея, 2007. С. 317.
- ⁵¹¹ *Давыдов А.Ю.* Нелегальное снабжение российского населения и власть 1917–1921 гг. Мешочники. СПб.: Наука, 2002. С. 233.
- ⁵¹² *Степун Ф.А.* Бывшее и несбывшееся. Т. 2. Нью-Йорк: Изд-во им. А.П. Чехова, 1956. С. 313–314.
- ⁵¹³ *Кубанин М.* Антисоветское крестьянское движение в годы Гражданской войны (военного коммунизма) // На аграрном фронте. 1926. № 2. С. 43.
- ⁵¹⁴ *Советская деревня...* Т. 1. С. 134.
- ⁵¹⁵ *Советская деревня...* Т. 1. С. 134.
- ⁵¹⁶ ГАРФ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 81. Л. 3.
- ⁵¹⁷ См.: *Давыдов А.Ю.* Народ и Советское государство в Гражданской войне: противостояние в борьбе за хлеб // Маленький человек и большая война в истории России: середина XIX – середина XX в.: Мат-лы международного colloquium (Санкт-Петербург, 17–20 июня 2013 г.). СПб.: Нестор-история, 2014. С. 327.
- ⁵¹⁸ *Давыдов А.Ю.* Народ и Советское государство в Гражданской войне... С. 334.
- ⁵¹⁹ *Давыдов А.Ю.* Мешочники и диктатура в России... С. 315 – 316.
- ⁵²⁰ URL: <http://letopis20vek.narod.ru/Age/I919.htm>
- ⁵²¹ *Давыдов А.Ю.* Мешочники и диктатура в России... С. 315.
- ⁵²² *Советская деревня...* Т. 1. С. 136.
- ⁵²³ *Давыдов А.Ю.* Мешочники и диктатура в России... С. 321.
- ⁵²⁴ *Взгляд изнутри: воспоминания участника восстания / Публ. Д.П. Иванова // Крестьянский фронт 1918–1922 гг.: Сб. статей и мат-лов / Под ред. А.В. Посадского. – М.: АИРО-XXI, 2013. С. 363–364, 367.*
- ⁵²⁵ *Васильев М.В.* Крестьяне Псковской губернии в годы Гражданской войны 1917–1920 гг. Дисс... канд. ист. наук. Псков, 2014. С. 200–201.
- ⁵²⁶ *Окнинский А.Л.* Два года среди крестьян. Виденное, слышанное, пережитое в Тамбовской губернии с ноября 1918 года до ноября 1920 года. М.: Русский путь, 1998. С. 218.
- ⁵²⁷ *Федорченко С.З.* Народ на войне. М., 1990. С. 39.
- ⁵²⁸ *Советская деревня...* Т. 1. С. 221.
- ⁵²⁹ *Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919 – 1921 гг. («Антоновщина»): Док-ты и мат-лы.* Тамбов, 1994. С. 66.
- ⁵³⁰ *Рассказова Л.В.* Разгром дворянских усадеб (1917–1919 гг.): официальные документы и крестьянские практики // Общество. Среда. Развитие (Тегга Нитапа). 2010. № 2. С. 44–49.

- ⁵³¹ *Рязанская книга памяти Великой войны 1914–1918 гг. Т. II / Сост. Григоров А.И., Григоров А.А. М., 2015. С. 761.*
- ⁵³² *Белова И.Б. Концентрационные лагеря... С. 34.*
- ⁵³³ *Окнинский А.Л. Два года среди крестьян. Виденное, слышанное, пережитое в Тамбовской губернии с ноября 1918 года до ноября 1920 года. М.: Русский путь, 1998. С. 123–124.*
- ⁵³⁴ *Бердинских Б.А. Крестьянская цивилизация в России. М.: Аграф, 2001. С. 41.*
- ⁵³⁵ См. соображения и литературу по теме в кн.: *Посадский А.Б. От Царицына до Сызрани... С. 327–328*, а также: *Левшин К.Б. «Богом санкционированное дезертирство»: отказ от службы в Красной армии по религиозным причинам в годы Гражданской войны в России // Современные проблемы и технологии обучения истории: материалы научно-практического семинара / Отв. ред. В.В. Килейников. Воронеж: ВГПУ, 2010.*
- ⁵³⁶ *Советская деревня... Т. 1. С. 220.*
- ⁵³⁷ Цит. по: *Федорченко С.З. Народ на войне. Ч. III.*
- ⁵³⁸ Подробнее см.: *Грицкевич А.П. Западный фронт РСФСР 1918–1920. Борьба между Россией и Польшей за Белоруссию. Минск: Харвест, 2010. С. 176–178.*
- ⁵³⁹ РГВА. Ф. 58. Оп. 1. Д. 79. Л. 19 – 19об.
- ⁵⁴⁰ *Стужынская Н.І., Беларусь мяцежная: з гісторыі ўзброенага антысавецкага супраціву ў 20-я гг. XX стагоддзя. Мінск, 2012; Базанов П.Н. Братство Русской правды – самая загадочная организация Русского Зарубежья. М.: Посев, 2013. С. 204–209.*
- ⁵⁴¹ *Русская Правда. 1927. Март – апрель. С. 16.*
- ⁵⁴² По материалам из экспозиции Гродненского историко-краеведческого музея, 2016 г.
- ⁵⁴³ *Сикорский Е.А. Из истории утверждения в России... С. 399, 400, 402.*
- ⁵⁴⁴ ГАРФ. Ф. 6990. Оп. 1. Д. 24. Л. 30.
- ⁵⁴⁵ ГАРФ. Ф. 6990. Оп. 1. Д. 21. Л. 5 – 5об.
- ⁵⁴⁶ ГАРФ. Ф. 6990. Оп. 1. Д. 18. Л. 19.
- ⁵⁴⁷ ГАРФ. Ф. 6990. Оп. 1. Д. 21. Л. 5об.
- ⁵⁴⁸ ГАРФ. Ф. 6990. Оп. 1. Д. 21. Л. 4 – 4об., 9 – 9об.
- ⁵⁴⁹ Подробнее см. в нашей монографии: *Посадский А.В. Военно-политическая самоорганизация российского крестьянства и власть в 1905–1945 годах. Саратов: Научная книга, 2004. С. 214–217.*
- ⁵⁵⁰ *За республику Советскую (устные рассказы-воспоминания о гражданской войне) / Сост. В.Ф. Шурыгин. Смоленск, 1948. Обширная глава называется: «Фронт кулацко-эсеровских мятежей в бывшей Смоленской губернии».*
- ⁵⁵¹ *В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. М., 1999. С. 400.*
- ⁵⁵² По материалам: *Коваль Р. Отаман Зеленый. Клев: Наш Формат, 2014; Савченко В.А. Атаманщина. Харьков: Фолио, 2011.*
- ⁵⁵³ *Трехбратов В.А. Черноморский комитет Всероссийского Крестьянского Союза в 1905–1907 годах // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. 1983. № 4. С. 26–29.*

- ⁵⁵⁴ См.: *Еремеева А.Н.* Курортные проекты Кубанской области и Черноморской губерний военного времени (1914–1917) // Вопросы истории. 2016. № 1.
- ⁵⁵⁵ *Наживин И.Ф.* Записки о революции. М.: Кучково поле, 2016.
- ⁵⁵⁶ *Марков А.Л.* Записки о прошлом. 1893–1920. М., 2014.
- ⁵⁵⁷ *Поляков И.А.* Донские казаки в борьбе с большевиками. М.: Алгоритм, 2008. С. 437.
- ⁵⁵⁸ *Варнек П.* У берегов Кавказа в 1920 году // Флот в Белой борьбе. М.: Центрполиграф, 2002. С. 179.
- ⁵⁵⁹ *Аристов В.* На «Живом» в Гражданскую войну // Флот в Белой борьбе. М.: Центрполиграф, 2002. С. 106.
- ⁵⁶⁰ *Посадский А.В.* Из истории Саратовской губернской бригады государственной стражи // Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах. Екатеринбург. 2001. № 9. С. 44.
- ⁵⁶¹ См.: *Черкасов А.А.* Гражданская война на Кубани и Черноморье (1917–1922 гг.): «Третья сила» в социально-политическом противостоянии. Сочи, 2007. С. 198–200.
- ⁵⁶² *Дробов М.А.* Малая война: партизанство и диверсии. Вымпел: Альманах. М., 1998. С. 103–104.
- ⁵⁶³ См.: *Карпов П.Д.* Трагедия Белого Юга. 1920 год. М.: Вече, 2005. С. 104 и след.
- ⁵⁶⁴ *Карпов П.Д.* Трагедия Белого Юга. 1920 год. М.: Вече, 2005. С. 118–120.
- ⁵⁶⁵ *Черкасов А.А.* Деятельность Армии возрождения России на территории Кубани и Черноморья (март – октябрь 1920 г.). Материалы и исследования. Сочи, 2004. С. 20–27.
- ⁵⁶⁶ *Черкасов А.А.* Гражданская война на Кубани и Черноморье (1917–1922 гг.): «Третья сила» в социально-политическом противостоянии. Сочи, 2007. С. 258.
- ⁵⁶⁷ *Добраницкий М.М.* Зеленые партизаны (1918–1920) // Пролетарская революция. 1924. № 8/9; *Фавицкий В.* Зеленая армия в Черноморье // Там же.
- ⁵⁶⁸ *50 лет верности России. 1917–1967.* Париж: Изд. Марковцев-артиллеристов, 1967. С. 218.
- ⁵⁶⁹ *Дробязко С.И.* Эвакуация войск ВСЮР с Кавказского побережья (январь – май 1920 г.) // Донские казаки в борьбе с большевиками. № 5. 2010. С. 31.
- ⁵⁷⁰ *Венков А.В.* Новороссийская катастрофа (гибель Донской армии) // Донские казаки в борьбе с большевиками. № 3. 2010. С. 75–76, 72.
- ⁵⁷¹ *Дробязко С.И.* Эвакуация войск ВСЮР с Кавказского побережья (январь – май 1920 г.) // Донские казаки в борьбе с большевиками. № 4. 2010. С. 28, 29, 30.
- ⁵⁷² *Карпов Н.Д.* Трагедия Белого Юга. 1920 год. М.: Вече, 2005. С. 89.
- ⁵⁷³ *Дробязко С.И.* Эвакуация войск ВСЮР с Кавказского побережья (январь – май 1920 г.) // Донские казаки в борьбе с большевиками. № 4. 2010. С. 28.
- ⁵⁷⁴ *Дробязко С.И.* Эвакуация войск ВСЮР с Кавказского побережья (январь – май 1920 г.) // Донские казаки в борьбе с большевиками. № 5. 2010. С. 41.
- ⁵⁷⁵ *Григорьев А.И., Григорьев А.А.* Заключенные Рязанского губернского концлагеря РСФСР 1919–1923. Списки, личные дела, опросные листы, регистрационные карточки, анкеты, ведомости и протоколы, документы на освобождение. М.: Тип. Росархива, 2013. С. 23.

- ⁵⁷⁶ *Савченко И.Г.* В красном стане: записки офицера. Зеленая Кубань: из записок повстанца. Москва: Кучково поле, 2016.
- ⁵⁷⁷ *Баранов А.В.* Повстанческое движение «бело-зеленых» в казачьих областях Юга России (1920–1924 гг.) // Белая гвардия: Альманах. № 8. Казачество России в Белом движении. М.: Посев, 2005. С. 119–129.
- ⁵⁷⁸ ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 2. Л. 514 – 514об.
- ⁵⁷⁹ *Врангель И.И.* Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.). Ч. 2. М.: Терра, 1992. С. 174–175, 308–311, 384–385, 414.
- ⁵⁸⁰ *Зарубин А.Г., Зарубин В.Г.* Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму. Симферополь: Таврия, 1997. С. 300–303.
- ⁵⁸¹ *Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов: Док-ты и мат-лы.* Т. 1. Так начиналось изгнание. 1920–1922 гг. Кн. 1. Исход. М.: Гея, 1998. С. 234, 236.
- ⁵⁸² *Брандт А.* Листья пожелтелые. Передуманное и пережитое. Белград, 1930. С. 140–142, 145.
- ⁵⁸³ *Советская деревня...* Т. 1. С. 570.
- ⁵⁸⁴ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934). М., 2001. С. 197.
- ⁵⁸⁵ *Донские ведомости (Новочеркасск).* 1919. № 198. 29 августа (11 сентября). С. 2.
- ⁵⁸⁶ *Советская деревня...* Т. 1. С. 124.
- ⁵⁸⁷ *Советская деревня...* Т. 1. С. 129.
- ⁵⁸⁸ *Советская деревня...* Т. 1. С. 199–200.
- ⁵⁸⁹ *Советская деревня...* Т. 1. С. 210–211.
- ⁵⁹⁰ *Советская деревня...* Т. 1. С. 220.
- ⁵⁹¹ *Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922 гг.: Док-ты и мат-лы.* М.: РОССПЭН, 2002. С. 326–329.
- ⁵⁹² *Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922 гг.: Док-ты и мат-лы.* М.: РОССПЭН, 2002. С. 323.
- ⁵⁹³ См.: *Сафонов Д.А.* Великая крестьянская война 1920–1921 гг. и Южный Урал. Оренбург, 1998. Гл. 5. «Дезертирские» выступления».
- ⁵⁹⁴ *Архив русской революции, изданный И.В. Гессеном: В 22 т.* М.: Терра – Политиздат, 1991. Т. 5–6. Т. 5. С. 338–340.
- ⁵⁹⁵ *Гарденин Ю. [В.М. Чернов].* Война и «третья сила». Сб. статей. Издание газеты «Жизнь». Женева, 1915. С. 19.
- ⁵⁹⁶ См.: *Коновалова О.В.* В.М. Чернов о путях развития России. М.: РОССПЭН, 2009. С. 135–136.
- ⁵⁹⁷ *Коновалова О.В.* В.М. Чернов о путях развития... С. 141–142.
- ⁵⁹⁸ *Филипп Миронов.* (Тихий Дон в 1917–1921 гг.): Док-ты и мат-лы. М.: Демократия, 1997. С. 419.
- ⁵⁹⁹ *Гусев С.И.* Гражданская война и Красная армия: Сб. военно-теоретических и военно-политических статей (1918–1924). М. – Л.: Госиздат, 1925. С. 147–148.
- ⁶⁰⁰ См. подробнее: *Геруа А.* Полчища. София: Российско-Болгарское кн. изд-во, 1923. Гл. IX. Гражданская война. С. 314–334.

- ⁶⁰¹ 1905 год – начало революционных потрясений в России. Международная научная конференция // Отечественная история. 1996. № 4. С. 211.
- ⁶⁰² *Леонов С.В.* Партийная система России... С. 43–45.
- ⁶⁰³ *Лурье С.В.* Метаморфозы традиционного сознания... С. 201.
- ⁶⁰⁴ *Грациози Л.* Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933. М.: РОССПЭН, 2001. С. 26 – 28, 80.
- ⁶⁰⁵ *Френкин М.* Трагедия крестьянских восстаний... С. 89–90.
- ⁶⁰⁶ *Осипова Т.В.* Российское крестьянство в революции... С. 161.
- ⁶⁰⁷ *Фельштинский Ю.Г.* Крушение мировой революции. Брестский мир: Октябрь 1917 – ноябрь 1918. М.: Терра, 1992. С. 505–506, 509–512.
- ⁶⁰⁸ *Леонов С.В.* Партийная система России (конец XIX в. – 1917 год) // Вопросы истории. 1999. № 11/12. С. 41.
- ⁶⁰⁹ *Советская деревня...* Т. 1. С. 163.
- ⁶¹⁰ *Советская деревня...* Т. 1. С. 195.
- ⁶¹¹ URL: <http://letopis20vek.narod.ru/Age/1919.htm>.
- ⁶¹² *Протоколы и стенографические отчеты съездов и конференций КПСС. Восьмая конференция РКП(б). Декабрь 1919 года. Протоколы.* М: Политиздат, 1961. С. 222.
- ⁶¹³ *КПСС в резолюциях...* Т. 2. С. 111–114.
- ⁶¹⁴ *Белое движение. Каталог коллекции листовок (1917–1920 гг.).* СПб.: РНБ, 2000. С. 224.
- ⁶¹⁵ *Южная армия.* № 63 (август 1919 г.). С. 2.
- ⁶¹⁶ *Белое движение. Каталог коллекции листовок (1917–1920 гг.).* СПб.: РНБ, 2000. С. 347.
- ⁶¹⁷ *Дневник Павлодарского отделения Осведстепи.* 1919. № 7. 2 октября. С. 2.
- ⁶¹⁸ *Дневник Павлодарского отделения Осведстепи.* 1919. № 15. 11 октября. С. 2.
- ⁶¹⁹ *Неделимая Россия (Царицын).* 1919. № 9. 29 июня (12 июля). С. 1.
- ⁶²⁰ *Неделимая Россия (Царицын).* 1919. № 26. 20 июля (2 августа). С. 1.
- ⁶²¹ *Донские ведомости (Новочеркасск).* 1919. № 156. 9(22) июля. С. 1.
- ⁶²² *Донские ведомости (Новочеркасск).* 1919. № 202. 4 (17) сентября. С. 1.
- ⁶²³ *Окунев П.П.* Дневник москвича, 1917–1924: В 2 кн. Кн.1. М.: Воениздат, 1997. С. 267.
- ⁶²⁴ *Гиппиус З.П.* Собр. соч. Т. 9. Дневники: 1919–1941. Из публицистики 1907–1917 гг. Воспоминания современников / Сост., примеч., указ, имен Т.Ф. Прокопова. М.: Русская книга, 2005. С. 18–19.
- ⁶²⁵ *Церетели И.* Российское крестьянство и В.М. Чернов в 1917 году // Новый журнал (Нью-Йорк). 1952. Кн. 29. С. 215 – 218, 219–225. Цит. с. 221–222.
- ⁶²⁶ *Гиппиус З.Н.* Собр. соч. Т. 9. Дневники: 1919–1941. М.: Русская книга, 2005. С. 21–22.
- ⁶²⁷ *Гиппиус З.Н.* Собрание сочинений. Т. 9. Дневники: 1919–1941... С. 41.

- ⁶²⁸ Князев Г.А. Из записной книжки русского интеллигента (1919–1922 гг.). Подготовка текста и комментарии А.В. Смолина // Русское прошлое: Историко-документальный альманах. Кн. 5. СПб.: Logos, 1994. С. 164, 169.
- ⁶²⁹ Готье Ю.В. Мои заметки. М.: Терра, 1997. С. 296.
- ⁶³⁰ Маслов С.С. Россия после четырех лет революции. Париж: Русская Печать, 1922. Кн. 2. С. 63–64, 110–111, 128–129, 131–132.
- ⁶³¹ См.: Горький М. О русском крестьянстве. Берлин: Изд-во И.П. Ладыжникова, 1922.
- ⁶³² Оликов С. Указ. соч. С. 13.
- ⁶³³ *Historia Do Rzeczy*. 2016. № 12 / Гл. ред. П. Зыхович.
- ⁶³⁴ ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 1. Л. 315.
- ⁶³⁵ ГАРФ. Ф. 5866. Оп. 1. Д. 125. Л. 18, 21.
- ⁶³⁶ Гиппиус З.Н. Собр. соч. Т. 9. Дневники: 1919–1941. С. 102–103, 105.
- ⁶³⁷ Борис Савинков на Лубянке. Документы. М.: РОССПЭН, 2001. С. 453–458, 534–537.
- ⁶³⁸ Борис Савинков на Лубянке: документы. М.: РОССПЭН, 2001. С. 496, 497.
- ⁶³⁹ Борис Савинков на Лубянке: документы. М.: РОССПЭН, 2001. С. 483.
- ⁶⁴⁰ Из истории ВЧК (1917–1921). Сб. док-тов. М., 1958. С. 448–450.
- ⁶⁴¹ ГАРФ. Ф. 6990. Оп. 1. Д. 21. Л. 129.
- ⁶⁴² Hoover Institute Collection. Махров П.С.
- ⁶⁴³ ГАРФ. Ф. 5866. Оп. 1. Д. 129. Л. 1–3.
- ⁶⁴⁴ Макс. Зеленая армия // Донская волна. 1919. № 30 (58). 29 августа. С. 16.
- ⁶⁴⁵ Цит. по: Берецагин А., Егоров А. Отражение в народной поэзии реалий революции и Гражданской войны (1917 – начало 1920-х гг.). Уфа, 2000.
- ⁶⁴⁶ ГАРФ. Ф. 6990. Оп. 1. Д. 21. Л. 103, 104.
- ⁶⁴⁷ Артем Веселый. Россия, кровью умытая: Роман. Фрагмент. М.: Правда, 1987. С. 439.
- ⁶⁴⁸ Литературное наследство. Т. 74. Из творческого наследия советских писателей. М.: Наука, 1965. С. 315.
- ⁶⁴⁹ Литературное наследство. Т. 74. Из творческого наследия советских писателей. М.: Наука, 1965. С. 322.
- ⁶⁵⁰ Набатов В.Г. Нижегородское крестьянство и большевики в годы Гражданской войны. Год 1919 // 1919 год в судьбах России и мира: широкомасштабная Гражданская война и интервенция в России, зарождение новой системы международных отношений: Сб. мат-лов науч. конф. Архангельск: Солти, 2009. С. 223.
- ⁶⁵¹ См., например, электронный журнал «Сидорова о веки и народ» с материалами о бело-зеленом восстании в Даниловском уезде («озеровское» восстание): URL: <http://sidorovskyi.narod.ru/index/O-11>.
- ⁶⁵² Дьяков Ю.Л., Колодникова Л.П., Бушуева Т.С. Протестное движение в СССР (1922–1931 гг.).

Монархические, националистические и контрреволюционные партии и организации в СССР: их деятельность и отношения с властью (1920–1931 гг.). По документам ВЧК – ОГПУ. М.: Прометей, 2012. С. 242, 245.

⁶⁵³ Тимофеев Л. Дневник военных лет // Знамя. 2003. № 12. С. 142.

⁶⁵⁴ Колпакиди, Прохоров. КГБ: спецоперации советской разведки. М., 2000. С. 338.

⁶⁵⁵ Генерал Власов: история предательства: В 2 т.: В 3 кн. / Под ред. А.Н. Артизова. М.: Политическая энциклопедия, 2015. Т. 1. Нацистский проект «Aktion Wlassow». С. 485–486.

⁶⁵⁶ См.: Полат Н. Деревня дезертиров // Известия. 2003. 4 ноября.

⁶⁵⁷ Официальный сайт: La Via Campesina.org.